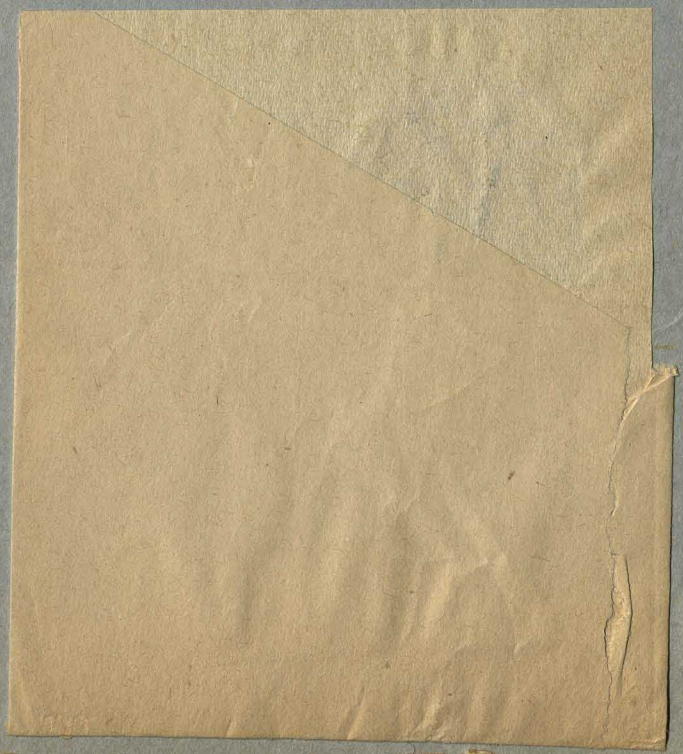
X·XIV 186/35
1
1936



АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ТРУДЫ АРХЕОГРАФИЧЕСКОГО СЕКТОРА

Я 236/98 XXIV 186/35 ф 4-62/706

Исторический Архив

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1936 ЛЕНИНГРАД

2015061536

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Август 1936 г.

Непременный секретарь академик *Н. Горбунов*

Редактор издания академик Б. Д. Греков

Технический редактор К. А. Гранстрем

Ученый корректор Н. А. Малевич

Сдано в набор 1 декабря 1935 г. — Подписано к печати 8 августа 1936 г.

340 стр.

Формат бум. 62 × 94 см. — 21¼ печ. л. — 21.28 уч.-авт. л. — 40060 тип. зн. в п. л.

Тираж 4200

Ленгорлит № 16659. — АНИ № 1074. — Заказ № 3202

Типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1961 г.
22						В		1239

97/3 — 10 000.

1630

ОТ РЕДАКЦИИ

„Исторический Архив“ имеет своей задачей публикацию сравнительно небольших по объему, но важных по содержанию исторических материалов, которые не могут быть включены в обычного типа тематические сборники, выпускаемые Археографическим сектором Института истории Академии Наук СССР. Ввиду того, что основной тематикой Археографического сектора Института истории является история народов СССР, „Исторический Архив“ публикует в первую очередь материалы, связанные с историей народов Союза, не отказываясь в то же время и от публикаций, связанных с иной тематикой, важной для изучения различных сторон истории СССР.

Институт истории в своем решении о создании специального органа для публикации подобного рода материалов руководствовался желанием итти навстречу требованиям советской исторической науки раскрыть широко возможность печатания таких источников, которые в других современных исторических журналах являться не могли, так как единственный журнал этого типа „Красный Архив“ не в состоянии ответить на все запросы интересующихся историей лиц и учреждений. „Историк-Марксист“ может уделять подобного рода материалам лишь очень ограниченное место.

В связи с оживлением работ в области истории СССР и новыми задачами, поставленными перед исторической наукой партией и правительством, Институт истории считает своевременным и целесообразным новое свое начинание.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ВОССТАНИИ БОЛОТНИКОВА

О восстании Болотникова в сущности известно очень мало. Между тем несомненно, что могут еще обнаружиться новые неопубликованные документы, и едва ли не лучшие результаты в этом отношении обещает работа над монастырскими архивами.

Среди документов Иосифова Волоколамского монастыря, оставшихся там после изъятия основного фонда в Московское Древлехранилище, обнаружена приходо-расходная книга 7115 (1606—1607) г., содержащая ряд интересных подробностей о восстании Болотникова.

Название этого документа — приходо-расходная книга — не исчерпывает его содержания. В одном томике в $^1/_4$ листа переплетены: 1) последние листы приходных монастырских записей казначея старца Гаврилы (лл. 1—4), 2) долговые книги — ведомости сбора денег по кабалам (лл. 9—19), 3) весь годовой расход (лл. 20—81), 4) долговые книги с перечислением крестьянских займов (лл. 89—96), 5) оброчная книга — ведомость раздачи жалованья монастырским слугам и 6) приходо-расходные тетради московского ключника Гриши Губы — все за 7115 г. Ниже приводятся все статьи этой книги, которые в той или иной степени связаны своим содержанием с Болотниковским восстанием.

В основном они группируются вокруг трех тем: 1) действия болотниковцев в Волоколамском крае; 2) участие монастыря в борьбе с восстанием; 3) подавление восстания армией Василия Шуйского.

Первая из этих тем в литературе и печатных источниках почти не освещена. У Платонова в его „Очерках по истории Смуты" сказано только, что жители Волока на Ламе и некоторых других городов к западу от Москвы отказались признавать Шуйского царем в связи с приближением казаков и украинских дворян к Москве, но скоро смирились перед посланными воеводами.

Настоящая публикация позволяет несколько расширить круг наших сведений об этом моменте.

Власти Иосифова Волоколамского монастыря, крупнейшей феодальной организации своего времени, начали проявлять известное беспокойство еще задолго до прихода Болотникова к Москве.

15 сентября 1606 г. были высланы четверо монастырских слуг разведчиков под Калугу „для ратных вестей", а 6 октября из Москвы по Волоцкой дороге направили телеги, нагруженные панцырями, шеломами, пищалями и пороховым зельем. В десятых числах октября, едва ли не в одно время с захватом подмосковных сел, болотниковские казаки „засели" Волоколамск, а монахи и послужильцы сели в осаду за монастырские стены. Богатствам монастыря, накопленным путем эксплоатации крепостных крестьян, грозила большая опасность. Казаки начали перехватывать монастырских агентов. Служка Сергей Иванов был захвачен в Можайске, ограблен и брошен в тюрьму. Казачьи атаманы хотели неволей „имать" на Волок келаря, монахи опасались, что будут жечь села и губить монастырских людей. Однако до этого дело повидимому не дошло. Келаря за три рубля выкупили у заставщика. Монастырскую вотчину спасли от разгрома 36 рублей, израсходованных на корм и „поминки" атаманам и головам.

Последняя взятка казачьим начальникам помечена 1 ноября, а уже 9-го этого месяца казначей Гаврила выдал гривну семи стрельцам царского войска, раненым в бою с болотниковцами, и около того же времени в Волоколамске водворился голова московских стрельцов Брянченинов.

Казаки отступили к Можайску, где, повидимому, сдались, окруженные со всех сторон превосходными силами противника.[1]

Стрельцы приказа Федора Брянченинова составляли, вероятно, часть армии окольничего Крюк Колычева, посланной осенью 1606 г. из Москвы на Волок,[2] главным штабом которой с 15 ноября сделался Можайск.[3] В качестве характерного штриха нельзя не отметить грабежи, которые производились ратными людьми царского войска. Монастырю доставалось и от „своих".

---

[1] А. А. Э., т. II, стр. 133.

[2] Белокуров. Разряды, стр. 10.

[3] А. А. Э., т. II, стр. 133.

Важно подчеркнуть известие о битве близ Волоколамска, так как поражение казаков несомненно должно было ускорить переход рязанских дворян от Болотникова к царю Василию. Переход этот в основном определился обострением классовых противоречий и произошел вскоре после очищения Иосифова монастыря от казаков — 15 ноября 1606 г.

18 ноября в монастыре раздавали наградные деньги слугам, не разбежавшимся во время казачьего прихода и разделившим с монахами страхи осадного времени. Всего награды получили 124 человека, среди которых были трое дьячков и служек, иконник, казенный сторож, 9 портных, 3 сапожника, 1 рукавичник, 9 тележных и поварят, трое квасоваров, судомой, скатертник, ложечник, 2 мельника, 3 рыболова, четверо огородников, кузнец, молотовщик, три токаря и 16 детенышей.[1]

Между прочим, осадные сидельцы получили 8 рублей из опальных денег, т. е., повидимому, из средств, конфискованных у перебежчиков к Болотникову или вырученных от продажи их имущества.

В дальнейшем царь Василий Шуйский несомненно имел много шансов рассчитывать на поддержку Иосифовой обители в своей борьбе с болотниковцами, поднявшими знамя социального переворота.

Монастырская помощь выражалась и в деньгах и в людях. Повидимому, незадолго до отступления холопов из-под Москвы велено было собрать с монастырских сел даточных людей. Однако, Иосифову монастырю удалось добиться для себя какой-то льготы, так как около 1 декабря монастырские слуги ездили с грамотами по городам снимать крестьян с правежа. Во всяком случае это не обозначало полного его освобождения от поставки людей. Во второй половине декабря посошные крестьяне повезли „государев снаряд“ из Москвы под Калугу, а за несколько

---

[1] Привожу общие данные о количестве монастырских слуг. В оброчных ведомостях той же книги названы: дьячков и молодых служек — 15 человек, тележных и молодых поворков — 19, портных и сапожных мастеров — 17, токарей, ложечников и кузнецов — 8, рыболовов — 6, сторожей — 6, плотников и мельников — 10, квасоваров — 5, детенышей — 69, недорослей детенышей — 14, сельских дворников, истопников и сторожей — 63 и сельских детенышей — 53, а общее количество „оброчников“ исчислялось в 289 человек (итог подлинника. *Г. Б.*).

дней до них слуга Филипп Елисеев был отправлен с запасом за служилыми людьми в Серпухов.

Из других записей узнаем, что монастырские посошные находились на службе также под Козельском.

Финансовая помощь монастыря правительству составила очень большую сумму. Царские грамоты требовали от властей денег, один „присыльник" сменял другого, монахи, видимо, скупились, но в конце концов им пришлось отдать на жалованье государевым охочим людям три тысячи рублей, причем казначей не досмотрел и у него еще 5 рублей „увесили".[1]

Кроме того на монастырь возложили содержание разоренных тульских помещиков — одного сына боярского и трех „боярынь" (из них одна кромчанка) с 15 членами семей и 11 холопами.

Начиная с 24 апреля 1607 г. московский стряпчий регулярно выплачивал им корм — взрослым дворянам по 4 деньги на день, детям по 3 деньги и слугам по 2 деньги. 6 июля система обеспечения была изменена. По указу царя бояре приговорили обеспечивать членов помещичьих семей на 5 недель осьминой ржи, а холопам добавлять к половинной доле ржи полосьмины овсом. Монастырь продолжал производить выплату деньгами по торговой цене. От обязанности кормить разоренных алексинцев, которых „прибавливали по монастырям", Иосифову обитель спасла полтина, данная подьячему. Необходимость брать на содержание землевладельцев, живших в районе главного театра гражданской войны, резко подчеркивает антикрепостническую направленность восстания.

Интересно то, что кормление злополучных представителей феодального класса началось как раз вскоре после захвата Тулы казачьей ратью „царевича Петра".

Весна 1607 г. — период решительной мобилизации контрреволюционных сил перед разгромом восстания, немалую роль в которой сыграли „святые обители", в том числе „дом пречистой богородицы", Иосифов монастырь.[2]

В марте 1607 г. монастырским агентам вновь пришлось хлопотать по поводу „посохи", а в мае отряд даточных людей

---

[1] О размерах этой суммы можно судить хотя бы по сравнению ее с другими расходами и годовым остатком. Всего в 7115 г. было израсходовано, включая и эту сумму, 4402 руб., 18 алтын, 5 денег, а весь остаток на 1 сентября 1607 г. равнялся 2080 р., 29 алт., 4 д. (л. 146 публикуемой книги).

[2] Соловьев. История России, т. VIII, стр. 822. Изд. „Обществ. Польза".

направился в Москву, а затем на Тулу, прибыв к ней ранее Петрова дня и на несколько дней опередив задержавшегося в Алексине царя.[1]

Состав отряда определить нельзя. Известно только, что в него входило 8 конных монастырских людей, что возглавлял его голова Иван Королевский, а хозяйственные и административные распоряжения исходили, повидимому, от слуги Меркула Окоемова (л. 146 той же книги).

Записи расходов, связанных с военными действиями против Болотникова весной и летом 1607 г., особенно интересны для историка, так как позволяют уточнить ряд неясных раньше подробностей одного из напряженнейших моментов классовой борьбы начала 17 века.

Выдача крестьянину проводнику Левке одного рубля за „грабеж и урон" связана с мало известным, но важным походом кн. Воротынского на Тулу. Кажется, кроме Карамзина, никто на эту операцию не указывал.[2] Воротынский из-под Алексина первый из царских воевод ходил под Тулу вскоре после захвата ее болотниковцами и потерпел поражение.

Следуя за нашим источником, можно приблизительно определить дату похода — он имел место во второй половине марта 1607 г.

Безусловно самой интересной частью всего публикуемого материала является расходная память тиуна Матвея Дирина — свидетеля героической обороны Тулы, привезенная им из-под стен крепости в монастырь 4 августа 1607 г.

Расходы, сделанные Дириным, знакомят нас с рядом подробностей, относящихся к осаде мятежного города.

„Куплен мешек на заплот на запруду реке Упе под Тулою дан 10 де; у Степана у Курбатова взят мешек, дано ему 8 де; Никифору Оладьину дано за мешек 3 де; у Меркура Окоемова взят мешек, дано ему 9 де".

Эта сухая, чисто деловая запись относится к знаменитому потоплению Тулы „хитропышными кознями" муромца Кровкова, подтверждая, таким образом, красочные и всегда казавшиеся чуть-чуть легендарными показания литературных источников.

---

[1] А. А. ., т. II, стр. 169.

[2] История государства Российского, т. XII, СПб., 1892, стр. 31.

Самое выражение „заплот“ встречается еще в Белокуровских разрядах на стр. 12 и в сказании кн. Катырева-Ростовского.[1] Оно обозначало деревянный остов плотины, который затем засыпали землей. По этому поводу „Новый летописец“ рассказывает, что инициатор сооружения Фома Кровков приказал взять с каждого ратника по мешку с землей и таким образом повернул вспять реку Упу и залил водой Тулу.[2]

В принадлежавшем Карамзину „Столяровском“ хронографе известие это дополняется новыми деталями — мешки были „рагозинные“ и наполняли их не только землей, но и соломой.[3]

Незначительное количество купленных монастырскими людьми мешков не может служить опровержением известия о сборе их с ратника по мешку. В первую очередь, очевидно, использовалась тара, которая уже имелась на лицо, а такой должно было быть не мало. Между прочим, московские приходо-расходные записи содержат целый ряд сведений о приобретении для даточных людей мешков, рядины, рогож и лык для шитья рогож.

Волоколамская приходо-расходная книга позволяет приблизительно наметить время постройки плотины. Сбор мешков начался не раньше Петрова дня (29 июня царь стоял еще в Алексине; запись о расходе, вызванном покупкой мешков, в памяти Матвея Дирина стоит после покупки хлебов к Петрову дню), расход этот производился не позднее самых первых чисел августа.

Мы не знаем, как быстро шла постройка плотины, но во всяком случае сомнительно, чтобы при наличии почти неограниченного количества людей для черной работы и при использовании опытных в делании запруд мельников[4] сооружение затянулось, тем более, что задержка работ вызывала бы размывание водой „заплота“.

Таким образом, вполне законным является предположение, что Упу запрудили в июле. В связи с этим чрезвычайно важно было бы определить на месте с помощью компетентных лиц время, необходимое для подъема воды до уровня городских улиц.

---

[1] Р. И. Б., т. XIII, стр. 501.

[2] Полн. собр. русских летописей, т. 14, ч. I, стр. 77.

[3] А. Попов, Изборник славянских и русских сочинений, 1869, стр. 337.

[4] Полн. собр. русских летописей, т. 14. ч. I, стр. 77.

Армия Шуйского захватила крепость только 10 октября 1607 г.[1]

В той же памяти Матвея Дирина сообщается и о других военно-инженерных работах — о постройке моста через Упу и о насыпке туров. Краткое известие о последних находим в Карамзинском хронографе.[2] Повидимому, именно для этих работ требовалось постоянное присутствие под Тулой плотника Головина, и, очевидно, в связи с ними нужно поставить расходы на оттачивание топоров.

В августе Иосифов Волоколамский монастырь оказал Шуйскому также моральную поддержку. Сам игумен с келарем поехали в Тулу, повезли ему „праздничную святую воду", освященную, повидимому, в Спасов день, 1 августа. Вместе с игуменом 31 августа вернулся в монастырь из-под Тулы слуга Петр Окулов со второй расходной памятью, из которой видно, что в августе на Упе продолжали мостить мосты и попрежнему насыпали туры.

На этом сведения, сообщаемые книгой о Болотниковском восстании, в связи с окончанием 115-го года, обрываются.

Разобранные данные могут быть во всяком случае полезны при пересмотре фактической истории крестьянской войны 1606 — 1607 гг., дополняя более или менее выясненную общую картину рядом живых и интересных деталей.

Г. Бибиков

---

[1] А. А. Э., т. II, стр. 173.

[2] Попов, Изборник, стр. 336.

1. 1607 г. августа 1. Из приходных книг Иосифова-Волоколамского монастыря казначея старца Гаврила

Л. 1

Месяца августа в 1 день* взято с Волоцкаго уезда с монастырских крестьян с сел 8 рублев 29 алтын 2 де за то, что посылали за них монастырских конных людей восемь человек, а пили и ели все монастырскоя, и те деньги у них взяты за монастырскай запас, а жили те люди на государеве службе за них 3 месяца.

2. 1606 г. сентябрь — 1607 г. август. Из расходных книг Иосифова Волоколамского монастыря казначея старца Гаврила

Л. 23 об.

Того ж дни** послали в Колугу для ратных вестей Петра Окулова,[1] Ивана Рыкова, Григорья Шишелова, Филипа Елисеева, дали им на проезд и на корм и на всякия разсходы полполтины, и те деньги у них все в разсходе.

Л. 26

Того ж месяца в 13 день*** ездил на Волок старец Илья, и изошло у него на корм козаком 8 рублев 29 алтын 3 де.

Лл. 26—26 об.

Того ж месяца в 19 день*** приезжал с Волока заставщик Осип Касимов, имал на Волак неволею келаря || старца Леонида, дано ему от добра с собору 3 рубли денег да человеку его дано гривна.

Л. 26 об.

Того ж месяца в 22 день*** приехал с Волока в монастырь козачей отоман Василей Шастов с первыми козаки, дано ему от добра с собору десять рублев денег.

Да другому отоману Соломе дано 5 рублев денег.

Л. 27 об.

Дано на Волаце**** козачьим головам Лукьяну Хомутову да Тимофею Шарову[2] от добра двоим по пяти рублев от того, чтоб монастырских сел не жгли и людей не губили.

---

* *1607 г.*

** *15 сентября 1606 г.*

*** *Октябрь 1606 г.*

**** *1 ноября 1606 г.*

Лл. 27—28 об.

Того ж дни*... || да семи стрельцом раненым дано на проход к Москве гривна денег.

Л. 28

Того ж месяца** в 12 день выкупил конюшей старец Генадей троя жеребят монастырских у ратных людей, взяты были в грабежу в селе в Быкове, дал выкупу десять алтын денег.

Л. 30

Того ж дни*** куплены сани новые у Ивана у Дмитреева, даны 4 алтына, даны те сани на Волак стрелецкой голове Федору Брянченинову....[3] да Мокейку Соколову[4] дано 2 гривны, что он сидел в осаде.

Лл. 30—32 об.

Того ж дни+ дано по приговору всех соборных старцав ++ монастырским людем, которые в козачей приход в монастыре в осаде сидели, по две гривны человеку, а иным по пяти алтын, а иным по гривне, а иным по полугривне, а иным и по алтыну, кои чего довелся.

По две гривны:

Андрюшке Ермолину, Афоньке Мокушину,[5] Акинке Никольскому,[6] Куземке Стулову,[7] Лукашу бочарнику, Шестаку Чорному,[8] Елизару Денисову,[9] Офоньке рыболову,[10] Дакунке Мешкову,[11] Якову рыболову,[12] Федору огородному, скатертнику Никанку,[13] Ваське Заике,[14] Степанку Белому,[15] Ваське Захарову,[16] Истоме Мотфееву,[17] Антипку Федорову,[18] Пятому Федорову,[19] Василью Михайлову,[20] Ивану Темрюкову,[21] Родке судамое, Сеньке Поисенку,[22] Домашке Утаеву,[23] Шестаку Трезвонову,[24] Митрофану иконнику,[25] Артюше токарю,[26] Ивашку Шубке,[27] Ивашку Ноздре,[28] Исачку Рудакову,[29] Титку Андрееву,[30] Никите Трезвонову,[31] Сеньке Моркелову,[32] Степанку Киприянову, Тарху Трезвонову,[33] Степанку Гладкому,[34] Проне токарю, Якушу Пиголице, Якову Яганову, Федьке Дементееву.[35]

---

* *9 ноября 1606 г.*

** *ноябрь 1606 г.*

*** *15 ноября 1606 г.*

\+ *18 ноября 1606 г.*

++ по приговору всех соборных старцав *написано над строкой.*

Тем давано по две гривны.

По пяти алтын:

Тимошке Никитину,[36] Сергушке Трезвонову,[37] Иванку Хлопенку,[38] Иванку Залескому,[39] молотовщику Аверке,[40] Сигу кузнецу.

Тем давано по пяти алтын.

А достальным кому што: Созонку Леонову гривна,[41] Коптю Иванову гривна, Никифорку Васильеву[42] гривна, Филипу Елисееву 2 алтына, Демидку Сачевнину[43] 4 алтына, Андрюшке Мешкову 3 алтына, Фомке Суме[44] 2 алтына, Панке Кирилаву 3 алтына, [45] Демидку Семоковскому 3 алтына, Никитке Зимину 2 алтына[46] огарадным трем 3 де, Юрке Борисову 2 алтына,[47] Петрушке руковичнику Кореле 4 алтына, Проньке Лукьянову 4 алтына,[48] Третьяку Трофимовскому алтын, Артюше сторожу[49] алтын, Семену Кривохвосту алтын, Истомке рыболову 4 алтына,[50] Сеньке татарину гривна,[51] Дарогане алтын,[52] Бориску Трезвонову гривна,[53] Федька Голохову гривна,[54] Мишке Масленикову 2 алтына,[55] Друганке Шуру 4 алтына, Тамилку Ширяеву гривна, Грише ложечнику гривна,[56] Сеньке Обакумову гривна,[57] Якушу Степанову гривна,[58] Никитке Пробоевскому алтын.

И всего 78-ми * человеком денег дано 11 рублев 20 алтын 4 де.

|| Да неказенных опальных денег роздано в осаде — ж монастырским людем 47-ми человеком 8 рублев. И того в смету не класть, написаны они для людцкой объявки.

Л. 34

Того ж дни ** дано московскому стрельцу Федору Петрову сыну Плотникова, Федорова приказу Брянченинова, рубль денег потешенья с соборнаго приговору, что он делал за огарадным монастырем от пруда тын острожной в осадноя время.

Л. 35 об.

Дано *** Петру Киприянову да Никите Арменинову гривна денег, что они в Можайске, и во Ржеве, и в Зубцове, и в Старице в корму лошедьми стравили, ездили от воевод з грамотами к головам в да (то) чных людех монастырских крестьян с правежу снимали.

* *В тексте названо 76 человек.*

** *30 ноября 1606 г.*

*** *1 декабря 1606 г.*

Ездили в Колугу для ратных вестей слуги Офонасей Веревкин, да Никита Арменинов, да Тамилко Осетров, изошло у них в своей проести и в лошединой и в разсходе во всяком 20 алтын денег.

Л. 36 об.

Того ж дни*... куплено посошным, которые пошли с снорядом[59] два кофтана бораньи, даны 38 алтын.**

Л. 44 об.

Того ж месяца*** в 20 день дано Богдану кузнецу ... да ему ж дано 8 де за медь, делал к пушке мишень меденую в сваей меди.

Лл. 52—53 об.

По**** цареве государеве и великого князя Василья Ивановича всеа Русии грамоте отвезли из монастыря к Москве в его государеву казну в Большую+ четверть келарь старец Леонид да казначей старец Гаврило государевым охочим людем на жалованья[60] монастырских денег три тысячи рублев денег, и в тех деньгах в отписи ме[с]то государеву грамоту привезли, что деньги в государеву казну дашли. А по деньги присыльники приезжали: перво приезжал государев дворенин Родион Всеволоцкой, а в другоряд приезжал государев подьячей Иван Алексеев. || По тех высылке и по грамоте деньги отвезены.

Да увесили в трех тысячах 5 рублев.

Л. 54 об.

Того ж дни++ поехал к Москве для посошного дела бить челом государю старец Ефрем Нащокин. Дано ему на разсход десять алтын денег.

Л. 55 об.

Послано в Ангилово+++ к старцу Федосью Онуфрееву з Девятым с Резановым два рубли денег. А Федосей их отдал чатырем женам по полтине, тех крестьян женам, которые посланы с государевым снорядом под Колугу.

* *17 декабря 1606 г.*
** *На полях:* Взято назад.
*** *Январь 1607 г.*
**** *Март 1607 г.*
\+ *Вписано вместо зачеркнутого:* в ноугородцкую.
++ *21 марта 1607 г.*
+++ *29 марта 1607 г.*

Лл. 55—56 об.

Приехал из Серпухова* проводник Болашковской крестьянин Левка Михайлов ограблен, отпустив монастырские подводы под стрельцы под Тулу со князем Иваном Михайловичам || Воротынским.[61] И Моисей ему велел дати за его грабеж и за урон рубль денег.

Лл. 72—73 об.

Того ж месяца** в 4 день приехал из под Тулы з государевы службы слуга монастырской Матвей Дирин, привез разходную память, а в памяти пишет: лета 7115 году маия в 30 день память Матвею Дирину.[62] Взял у казначея Гаврила на разход 5 рублев денег, и тем деньгам разход. На Московке на реке куплено хлебов на Ивана Лапшина с товарыщи на ево десяток на 3 алтына да квасу на 2 де; Купря точил три тапоры, дано 1 де; голове Ивану Королевскому дана полтина; да как приезжали к Москве з заборовскими отаманы,[63] купили лошедем сена на 4 алтына з деньгою; да на Москве ж купили три осетра — голове дан осетр, а на братью два осетра, на слуг дал полполтины; || дано Якушу Немирову 2 алтына, что он мостил мост на реке на Упе; Титку дано 4 де, мост жа мостил на Упе; да Никифора Оладьина посылали по запас к Москве, дано ему десеть денег; на Петров день хлеба куплено на 5 алтын; Никифору Оладьину дано 5 де, а купил он на те деньги серп траву жать; Купре дана 1 де, точил топор дровасечнай; куплено к двум пансырем ременья на 2 д. на обруду;[64] куплен мешек на зоплот[65] на запруду реке Упе под Тулою, дан 10 де; у Степана у Курбатова взят мешек, дано ему 8 де; Никифору Оладьину дано за мешек 3 де; у Меркура Окоемова[66] взят мешок, дано ему 9 де; насыпали туры на заплот, дано найму 5 алтын 3 де; дано Кляпу 1 де, а сказал, что он дал от записки — туры насыпали; дано Игнатью Максимову 10 де,[67] насыпали тур опчей ото всее сотни; дано от дела от топора 3 де; || точен топор, дано 1 де; дано Нехорошему Иванову 10 де за то что он стоял у туров, как тур насыпали под городам.

И всего в разходе по памяти Матвея Дирина рубль 24 алтына 4 де, а достоль 8 алтын 4 де отдал в казну, а три рубли отдал под Тулою Федору Степанову.

---

* *29 марта 1607 г.*

** *Август 1607 г.*

Л. 74

Того ж месяца* в 6 день дано по приказу старца Моисея в прибавку Петруше ложечнику 2 гривны за то — ходил он под Тулу в даточных людех.

Лл. 74 об.—75

Того ж месяца* в 9 день дано по приказу старца Моисея плотнику Тимошке Головину 5 алтын, стоял он под Тулою пол 3 месяца, || а с ыгуменам опять евож послали под Тулу.

Лл. 75—78

Того ж месяца* в 12 день прислал с Москвы стряпчей Тимофей Дурышкин приходную и разходную память, а в памяти пишет: Лета 7115-го году маия в 1 день привезли из монастыря к Москве слуги Михайло Вышегородов да Юрьи Козаков монастырских денег на разход 50 рублев.

И тем деньгам разход. Тово ж 115 г году апреля** в 24 день дано по государеву цареву и великаго князя Василья Ивановича всеа Русии указу туленом детем боярским[68] разореным и женам их и детем их по 4 де на день человеку, а детем их*** по 3 де, а людем их по 2 де на день.

Дано Борисовай жене Улубушева з детьми || и с людьми на 4 недели корму 2 рубли 12 алтын 4 де.

Того ж дни дано Кузьме Есипову з женою и з детьми и с людьми на 4 недели корму 2 рубли 3 алтына 2 де.

Того ж дни дано Федоровай жене Бобанина з детьми и с людьми на 4 недели корму 3 рубли 16 алтын 4 де.

Того ж дни дано Кромскаго помещика Костянтиновай матери Потресова з детьми и с людьми на 4 недели корму 3 рубли 26 алтын.

И всег денег дано детем боярским корму на 4 недели апреля от 24 го числа да маия по 22 число 11 рублев 25 ал. 2 де. || Месяца маия в 22 день дано Кузьме Есипову з женою и з детьми и с людьми корму на 30 день 2 рубли 8 алтын 2 де.

Того ж дни дано Федоровай жене Бобанина з детьми и с людьми на 30 день корму 3 рубли 25 алтын.

---

* *Август 1607 г.*

** *Так в тексте.*

*** *Так в тексте.*

Того ж дни дано Борисовай жене Улубушева з детьми и с людьми на 30 день корму пол 3 рубли 10 де.

Того ж дни дано Кромскаго помещика Костянтиновай матери Потресова з детьми и с людьми на 30 день корму 4 рубли 10 де.

И всег денег дано маия от 22-г числа да июня по 22 ж число 12 рублев 20 алтын. ||

Месяца июня в 22 день дано Федоровай жене Бобанина з детьми и с людьми на пол месяца на 15 день корму рубль 29 алтын 1 де. Того ж дни дано Кузьме Есипову з женою и з детьми и с людьми на пол месяца на 15 де корму рубль 4 алтына з деньгою.

Того ж дни дано Борисовай жене Улубушева з детьми и с людьми на пол месяца на 15 де корму рубль 9 алтын з деньгою.

Того ж дни дано Кромскаго помещика Костянтиновай матери Потресова з детьми и с людьми на пол месяца на 15 день корму 2 рубли 5 де.

И всег денег раздано на пол месяца на 15 день корму 6 рублев 10 алтын. ||

Месяца июля в 6 день по государеву цареву и великого князя Василья Ивановича всеа Русии указу и по боярскому приговору велено довати хлебнай корм детем боярским и женам их и детем их на пять недель по осьмине ржи человеку, а людем их по полуосьмине ржи да по полуосьмине овса.

Того ж дни дано за рожь по торговай цене деньгами по 16 алтын за четверть, а за овес за четверть по осьми алтын.

Дано Федоровай жене Бобанина з детьми саму шестой на пять недель по осьмине ржи, да людем трем человеком по полуосьмине ржи да по полуосьмине овса.

И всег дано за рожь за 4 чети безс полуосьмины 60 алтын денег да за 3 полуосьмины за овес дано 6 алтын.

И всег денег дано 66 алтын. ||

Того ж дни дано Борисовай жене Улубушева з детьми и с людьми за 2 чети с осьминою ржи да за осьмину за овес, всег дано за хлеб на 5 недель 44 алтына.

Того ж дни дано Кузьме Есипову з женою и з дочерью и с людьми за 2 чети ржи да за осьмину овса по торговай цене на 5 недель, всево дано денег 36 алтын.

Того ж дни дано Кромскаго помещика Костянтиновай матери Потресова з детьми и с людьми за 4 чети ржи да за четверть за овес по торговай цене, всево дано за хлеб денег 2 рубли 5 алтын 2 де.

И всево денег дано за хлеб на корм на 5 недель за 12 чети с полуосьминою ржи да за 3 чети без полуосьмины овса по торговай цене 6 рублев 18 алтын.

Да тех же денег в разходе... Да прибавливали по монастырем детей боярских алексинцов[69] кормить, и от тово дано подьячему Лариону Омосову полтина.

Л. 78 об.

Ездил* Михайла Вышегородов под Тулу и изошло у него пол 5 алтына.

Лл. 79—79 об.

Того ж месяца* в 25 день дано по приказу старца Моисея и соборных старцав в придачу к старому оброку Мишке Масленикову[70] || 10 алтын денег за то — стоял он под Тулою пол 3 месяца на службе.

Лл. 79 об.—80

Того ж месяца в 31 день* прислал с Москвы стряпчей Тимофей Дурышкин разходную память, а в памяти пишет: августа от 11 г числа да сентября по 15 число дано детем боярским корму || на 5 недель по указу за хлеб деньгами 6 рублев 2 гривны.

Л. 80

Того ж дни** приехал от государя из под Тулы игумен Арсеней да келарь старец Леонид Маркелов, ездили к государю с святыю водою с празничныю, изошло у них на конской корм и на всякай разход под Тулу едучи и назад едучи 3 рубли 13 алтын 3 де.

Лл. 80—81

Того ж дни** приехал с службы из под Тулы Петр Окулав, а привез разходную память, а в памяти пишет. Память Петру Окулову: взял у казначея старца Гаврила на разход 5 рублев денег, || и тем деньгам разход. Посылали к Москве из под Тулы з заборскими отаманы, куплено на 7 ч. хлебов и мяса на

* *Август 1607 г.*

** *31 августа 1607 г.*

3 алтына и на 3 де да на дорогу куплено хлебов и мяса на 3 алтына; Антону Симонову дано на хлеб 2 де; да на Москве куплена осмина овса лошедем, дано 4 алтына 2 де; делали на Упе мост, дано пол 3 алтына; голове Ивану Королевскому дано полтина; куплен рыбы осетр, дан пол- полтины; да куплен бычок про слуг, дан 15 алтын; насыпали тур, дано 5 алтын, да от другова тура дано 10 де; масла коноплянова куплено на 4 де; да куплено 20 баранцав, дано 7 ал. 4 де; Ивану Рыкову дано 2 гривны; в заговена куплено мяса и чесноку || на гривну; куплена коса, дана 5 алтын; от соломы дано 10 де; мехов куплено на полполтины; дехтю на алтын; хлебов куплено на гривну; мяса на алтын.

И всег в разходе в месяце в августе по Петровай памяти Акулова 3 рубли, а два рубли отдал Петр Осану Грямыкину.

3. 1606 г. ноября 15. — Из оброчных книг Иосифова-Волоколамского монастыря казначея старца Гаврила.

Лета 7115 году ноября в 15 день... давали оброки всяким монастырским людем на 115-й год, а срок им всем един Филиповы заговена.

Л. 100 об.

Диячки и молодые служки...

Сергушке Иванову дано оброку пол 3 рубли, да ему ж дано за грабеж полтина, что он сидел в тюрьме в Можайске и козаки его ограбили.

4. 1606 г. октябрь — 1607 г. март. — Из приходо-расходных книг Иосифова-Волоколамского монастыря московского ключника Гриши Губы.

Л. 131 об.

Того ж месяца в 6 день* куплено пестреди тележные мазать телеги (!), которые приходили под пансыри, и под шеломы, и под пищальми, и под зелья на 8 де.

*Л. 132**

Того ж месяца в 17 день* по приказу келаря старца Леонида деланы к пищалем замки да станки поделывали, от дела дано 4 гривны.

---

* *Октябрь 1606 г.*

Л. 132

Того ж месяца в 23 день* взяли из Ангилова под колодники 2-е лошедей монастырских, и за те лошеди дано стрельцом прокорму 2 алтына 2 де.

Л. 132 об.

Того ж месяца в 12 день** куплено пулек на 8 де.

Л. 134

Того ж дни*** куплен мешок да остаток рединнай на мешки, дано 3 алтына 2 де, а те мешки отпущены на службу с Ыгнатьем со Алексеевым.

Л. 134

Того ж дни*** по приказу старца Моисея да келаря старца Леонида куплено ангиловскому истобнику Игнашку Максимову сапоги да руковицы, дано 10 алтын. А тот истобник пошол на службу.

Того ж дни*** отпущен на службу Игнатей Алексеев, дано ему на разход 10 рублев денег, и те деньги назад пришли в казну в монастырь, в смету не класть.

Л. 135

Того ж дни+ куплен Филипу Елисееву[71] хомут, да дуга, да ужища, да возжи, дан 3 алтына 2 де, поехал в Серпохов з запасом за служивыми людьми; куплены 10 рогоз на службу, даны 6 алтын, куплено лык на деньгу, рогозы шить.

Л. 136

Того ж месяца в 30 день++ куплены 5 сани, даны 32 алтына, да 5 хомутов з дугами, даны 10 алтын, а те сани и з хомутами отданы под сноряд.

Л. 137

Того ж месяца в 10 день+++ по приказу казначея старца Гаврила отпущено на службу с Ларею с Кодашевым 10 рублев денег. И те деньги с службы назад в казну пришли, в смету не класть.

Того ж дни куплены 3 припрежи, даны 5 алтын, отпущены на службу.

---

* *Октябрь 1606 г.*
** *Ноябрь 1606 г.*
*** *9 декабря 1606 г.*
\+ *13 декабря 1606 г.*
\++ *Декабрь 1606 г.*
\+++ *Январь 1607 г.*

Л. 138 об.

Того ж месяца в 28 день* приезжал из под Козельска[72] посошнай Сафка з беглыми пушкарями и опять послан на службу, дано ему по приказу келаря старца Леонида на дорогу 6 алтын 4 де, да ему-ж куплен хомут да мешок на запас, дано 3 алтына 2 де.

Л. 141 об.

Того ж месяца** в 31 ж день дано стрельцу Ивану Михайлову за лошедь прокорму 10 алтын, а та лошедь пришла из Серпухова.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. ниже расходную память Петра Окулова об издержке денег под Тулой.

[2] О Тимофее Шарове см.: Акты западной России, т. 4, стр. 340, 342 и „Земельные пожалования Владислава" в „Чтениях" за 1911 г., т. 4, стр. 113 и 116, где говорится о пожаловании ему королем Сигизмундом грамот на вотчины и поместья. В дальнейшем Шаров, выступающий уже в качестве казачьего атамана, известен попыткой оказать сопротивление немцам при захвате ими Новгорода („Изборник" Попова, стр. 388).

[3] Федор Брянченинов был стрелецким головой еще при Иване Грозном (См. „Чтения" за 1910 г. кн. 4, „Смесь", стр. 13).

Упоминание о нем, как о голове над московскими стрельцами, отряд которого принял участие в бою на Ходынке см. на стр. 90 в издании Сухотина „Первые месяцы царствования Михаила Федоровича" („Чтения", 1915 г., кн. IV).

[4] Дьячек или молодой служка. Годовое жалованье (оброк) 4 рубля (л. 100 об. приходо-расходной книги Волоколамского монастыря за 7115 г.). В следующих примечаниях указания листов без названия документа относятся к этой же книге.

[5] Квасовар. Имел двор в слободе. Оброку 1 рубль (л. 108 об.).

[6] Акиня Насонов (?) квасовар. Оброку 1 рубль (л. 108 об.).

[7] Куземка Афанасьев сын Стулов. Квасовар. Оброку 1 рубль (л. 108 об.).

[8] Шестак Матвеев сын Черный. Назван среди дьячков и молодых служек. Оброку 2 рубля (л. 100 об.).

[9] Детеныш. Оброку 31 алт. 4 д. (л. 111).

[10] Афоня Афромеев, рыболов. Имел в слободе двор. Оброку 36 алт. 4 д. (л. 106 об.).

[11] Докунька Михайлов, детеныш, оброку 15 алтын (л. 110 об.).

[12] Яков Иванов, рыболов, оброку 36 алт. 4 д. (л. 106 об.).

[13] Никашко, скатертник, оброк 21 алт. Его отец жил за монастырем в Новом селе (л. 105 об.).

[14] Тележный. Оброк $1\frac{1}{2}$ р. (л. 102 об.).

---

* *Январь 1607 г.*

** *Март 1607 г.*

15 Тележный. Оброк 1½ р. (л. 102 об.).

16 Среди тележных и молодых поворков. Оброк 1½ р. (л. 103).

17 Сапожник. Имел в слободе двор. Оброк 38 алт. 2 д. (л. 104).

18 Сапожник. Оброк 38 алт. 4 д. Имел двор в Покровском (л. 105).

19 Портной мастер. Оброк 40 алт. Имел в слободе двор (л. 105).

20 Портной мастер. Оброк 40 алт. Имел в слободе двор (л. 104).

21 Среди тележных и молодых поворков. Оброк 1½ р. (л. 103).

22 Сенька Паисеинский. Среди тележных и молодых поворков. Оброк 36 алт. 4 д. (л. 103).

23 Среди дьячков и молодых служек. Оброк 30 алт. (л. 100).

24 Портной мастер. Оброк 1 р. с гривной. За монастырем Трезвоновы жили большой семьей (л. 104 об.).

25 Иконник. Оброк 1½ р. (л. 100 об.).

26 Артюха Филипов сын, токарь. Оброк 36 алт. 4 д. Имел в слободе двор (л. 105 об-).

27 Среди тележных и молодых поворков. Оброк 1½ р. (л. 103).

28 Иванко Носовский (?) детеныш. Оброк 30 алт. Брат его монастырский кузнец (л. 111 об.).

29 Среди тележных и молодых поворков. Оброк 35 алт. Отец его Рудак монастырский седельник (л. 103 об.).

30 Среди тележных и молодых поворков. Оброк 35 алт. (л. 103 об.).

31 Портной мастер. Оброк 43 алт. 2 д. Имел в слободе двор (л. 104 об.).

32 Портной мастер. Оброк 1 р. Имел в слободе двор (л. 104 об.).

33 Портной мастер. Оброк 36 алт. 4 д. Имел в слободе двор (л. 104 об.).

34 Среди тележных и молодых поворков. Оброк 1½ р. (л. 103).

35 Портной мастер. Оброк 40 алт. Брат его жил за монастырем (л. 104 об.).

36 Детеныш. Оброк 26 алт. 4 де. За монастырем жил также его отец (л. 110).

37 Портной мастер. Оброк 23 алт. (л. 104 об.).

38 Детеныш. Оброк 30 алт. (л. 112 об.).

39 Детеныш. Оброк 30 алт. Имел в Ильицине двор (л. 111).

40 Молотовщик Аверка Данилов. Оброк 21 алт. 4 д. (л. 105 об.).

41 Детеныш. Оброк 31 алт. (л. 112 об.).

42 Детеныш. Оброк 23 алт. 2 д. (л. 112).

43 Детеныш. Оброк 26 алт. 4 д. (л. 111 об.).

44 Детеныш. Оброк 28 алт. 4 д. Имел в Ильицине двор (л. 42).

45 Детеныш. Оброк полтина (л. 112).

46 Митька Зимин, детеныш. Оброк полтина. Отец его — старец Кипреян Зима (л. 110 об.).

47 Детеныш. „А жить ему в Ангилове". Оброк 30 алт. (л. 110 об.).

48 Портной мастер. Оброк 23 алт. 2 д. (л. 104).

49 Артюха Яковлев, казенный сторож. Оброк 1 р. с гривной (л. 107).

50 Истомка Григорьев, рыболов. Оброк 25 алт. Имел двор в слободе (л. 106 об.).

51 Детеныш. Оброк 20 алт. (л. 110).

52 Дороганя Филипов, сапожный мастер. Оброк полтина. Имел в слободе двор (л. 104).

53 Среди портных и сапожников. Оброк 10 алт. Никита Трезвонов ему брат (л. 104 об.).

[54] Были два Федьки Голохова: 1) конюх, бравший годовой оброк 40 алт. (л. 101 об.); 2) детеныш, бравший годовой оброк полтину (л. 111 об.).

[55] Детеныш. Оброк 23 алт. (л. 112 об.).

[56] Ложечник. Оброк 36 алт. 4 д. За него ручался и повидимому жил за монастырем брат (л. 105 об.).

[57] Ангиловский мельник. Оброк 1 р. (л. 107 об.).

[58] Ангиловский мельник. Оброк 1 р. (л. 107 об.).

[59] Имеется в виду отправка подвод к Калуге с царским снарядом. См. ниже запись от 29 марта 1607 г. (л. 55 об.).

[60] ... „ратным людем, по нашему [царя Василия] указу, дают наше денежное и хлебное жалованье из нашия казны".

Из грамоты Василия Шуйского в Пермь о сборе ратных людей, май 1607. (А. А. Э., т. II, стр. 162).

[61] „Боярин же князь Иван Михайлович Воротынской из Олексина поиде под Тулу, на Туле же в те поры воров было много, воевода ж у тех воров Андрей Телятевской, и выде со всеми людьми, князя Ивана Михайловича разгоня, едва ушел в Олексин". („Новый летописец". П. С. Р. Л., т. 14, ч. I).

[62] На л. 42 об. цитируемой книги Дирин назван тиуном.

[63] „Того ж году (114) разбирали и переписывали Заборских козаков дворяня: Богдан Сабуров" и др. (Белокуров. Разряды. В „Чтениях" 1907 г., кн. III, стр. 117).

[64] Обрудить — обшить (Даль. Толковый словарь, т. 2, стр. 1588 изд. Вольфа). Обруда, повидимому, обшивка.

[65] Заплот — забор, плотина (Даль. Толковый словарь, т. I, стр. 1540). Заплот — деревянная часть плотины (см. „Русская Историческая Библиотека", т. XIII, стр. 501).

[66] „... и на службе под Тулою, у Меркура Окоемова с товарыщи..." (цит. книга л. 146. Среди монастырских слуг под Тулой Окоемов, повидимому, был за старшего.

[67] Истопник. Об отправке его на службу см. ниже, стр. 21.

[68] Тульские дети боярские изменили под Москвой Болотникову и в дальнейшем приняли участие в подавлении восстания. Они вошли в состав армии князя Хилкова, осаждавшей Серебряные Пруды ранней весной 1607 г. и слившейся затем с войском князя А. В. Голицына в Кашире (А. А. Э., т. II, стр. 138; „Изборник" Попова, стр. 334).

[69] Алексинские дети боярские перешли на сторону Шуйского одновременно с тулянами (А. А. Э., т. II, стр. 138. См. в Новом летописце, стр. 80, Полное собр. русских летописей, т. 14) об убийстве 33 алексинцев в бою с тушинцами под Москвой.

[70] Мишку Масленникова см. в числе слуг, жалованных за осадное сиденье 18 ноября 1606 г.

[71] См. Елисеева среди слуг, жалованных за осадное сиденье 18 ноября 1606 г.

[72] Посошной Савка мог быть послан с дезертирами из отряда А. В. Измайлова. „Того ж году (115) стоял под Козельском с нарядом окольничей и воевода Ортемей Васильевич Измайлов; и Ортемей под Козельском воровских людей побил". (Белокуров, Разряды, стр. 84, 144 и др. в „Чтениях" за 1907 г., кн. II и III.)

ИЗ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ БОРЬБЫ ЗА ЗЕМЛЮ В ВОТЧИНАХ АНТОНИЕВА-СИЙСКОГО МОНАСТЫРЯ В XVII в.

Среди северных монастырей XVI—XVII вв. Антониев-Сийский монастырь занимает одно из первых мест. Возникнув в 20-х гг. XVI в., к его концу он уже вырастает в крупного вотчинника и в истории Двинского края представляется одним из существенных факторов его феодализации, как бы продолжая, но уже в новых, московских условиях, традиции своих отдаленных предшественников — новгородских бояр.

Публикуемые нами ниже документы[1] характеризуют методы вотчинной политики Антониева-Сийского монастыря в годы потрясавшей Московское государство крестьянской войны начала XVII в. и последовавшей затем реакции. Объектом названной политики, различным перипетиям которой посвящены документы, являются земли и крестьяне ряда волостей Емецкого стана, одного из древнейших населенных пунктов Двинского края. Будучи расположены по р. Емце, многочисленные поселения названного стана, связанные с основной водной магистралью Поморья — р. Северной Двиной, находились, таким образом, в весьма выгодных условиях для развития торговых связей. Кроме того относительно хорошие для севера почвы Емецкого стана позволяли его населению с успехом заниматься земледелием и скотоводством, продукты которых играли немаловажную роль в местном торговом обороте. В связи с отмеченными благоприятными географо-экономическими данными Емецкого стана руководители Антониева-Сийского монастыря уже очень рано почувствовали всю важность его освоения. Так известно, например, что еще до получения официальной поддержки со стороны московского правительства монастырь вступал в различные сделки с отдельными представителями местного населе-

[1] Хранятся в архиве Ленинградского отделения Института истории Академии Наук СССР.

ния. Среди этих сделок, кажется, самыми ранними являются покупки в 1527 г. частей деревень Шараповской (будущее село) и Покинаринской и, судя по затраченным суммам, с обширными угодьями.[1] По разделу 1534—1535 г. владения Антониева-Сийского монастыря в дер. Шараповской еще более увеличиваются. В 1543 г., по челобитью основателя монастыря Антония, посылается из Москвы грамота, по которой предписывается Двинскому сотскому В. Бачурину произвести наделение монастыря землями „на три стороны, к Емце, да к Сие, да к Вайгуге, по три версты в длину на сторону, и на четвертую сторону, к Каргополю... на пять верст". Из этой же грамоты явствует, что уже тогда отношения между монастырем и местным населением были далеко не мирные, уже тогда проявлялись первые признаки той борьбы, которая тянулась до 50-х годов XVII в. Оказывается, по словам челобитчика, что „люди многие из ыных волостей (и, конечно, прежде всего с ближайшей Емцы), пометав свои старые угодья", в поисках новых, приходят на окружающие монастырь места и пытаются их эксплоатировать: „ходят рыбу ловят и лоушки ставят". Монастырь пытается им чинить препятствия, но встречает от них „великую обиду", выражающуюся в том, что „и пожары деи от них бывают не по один год... и старцов и детей их монастырских бьют и крадут".[2] В 1544 г. происходит отвод просимых монастырем земель.[3] Приобретенные ранее путем частных сделок и отведенные в только что указанном году земли в стороны Емцы, Сии и Ваймуги создавали для монастыря довольно обширную базу, с которой он мог начать и дальнейшее наступление на облюбованный им объект. Мы не будем далее останавливаться на подробностях роста вотчины Антониева-Сийского монастыря в этом направлении, скажем только, что к концу XVI в. монастырь уже владел в Емецком стану не менее чем 50 деревнями и починками; кроме того селом Шараповским и слободкой Резановской.[4] Из указанного числа 22 деревни

[1] Архив Ленинградского отделения Института истории. Акты Сийского монастыря. На покупку названных деревень было израсходовано 100 рублей московскими деньгами.

[2] Сборник грамот Коллегии Экономии, т. I, № 97.

[3] Макарий. Исторические сведения об Антониево-Сийском монастыре, стр. 6—7.

[4] Архив Ленинградского отделения Института истории. Акты Сийского монастыря. „Сотная грамота" 1593 г. X 30.

и починка (55 дворов крестьянских и 6 дворов бобыльских) монастырь получил в 1578 г. „из черных" (т. е. государственных) деревень, по челобитной игумена Питирима, в обмен на монастырские, разбросанные в разных, более или менее отдаленных от монастыря, волостях. Борьба за эти то именно „обменные" деревни и является содержанием публикуемых документов.

Прежде, чем обратиться к некоторому предварительному анализу этого содержания, остановимся на краткой характеристике положения Антониева-Сийского монастыря в конце XVI и в начале XVII вв. Эта характеристика важна нам в целях разъяснения отдельных этапов борьбы между монастырем и крестьянами Емецкого стана.

Уже в эпоху Грозного монастырь начинает пользоваться большим влиянием в Москве. Надо полагать, что первые крупные деятели монастыря часто бывали в Москве; они также, повидимому, посещали и царский дворец. Основатель монастыря Антоний настолько сумел расположить к себе царское семейство, что впоследствии один из представителей его, царевич Иван Иванович, свои литературные таланты пробует на составлении жизнеописания именно Антония Сийского. В течение всего XVI в. монастырь усиленно пользуется своими связями с центром в целях увеличения своей вотчины на далекой Двине. К концу века размеры монастырской вотчины достигают 63 обеж...[1] Однако едва ли не самым „плодотворным" периодом в истории Антониева-Сийского монастыря является время игуменства в нем Ионы (1597—1634 гг.), имя которого будет часто упоминаться и в публикуемых нами документах.

Крупный хозяин и администратор, умный и дальновидный политик, игумен Иона сумел широко использовать в вотчинных интересах своего монастыря событие, происшедшее в его стенах в начале XVII в. Имеем здесь в виду ссылку в монастырь „злокозненным умыслом" царя Бориса Годунова своего политического противника боярина Федора Романова, вскоре постриженного там и получившего имя Филарета. Ссылка эта, будучи для монастыря совершенно случайной, послужила тем не менее причиной возникновения весьма близких, почти дружеских

[1] Архив Ленинградского отделения Института истории. Акты Сийского монастыря. „Сотная грамота" 1593 г.

отношений между узником и игуменом монастыря. Последний за время пребывания в монастыре Филарета старался делать и делал разные послабления в регламентированном самим царем и довольно суровом режиме сосланного. Такое отношение Ионы к Филарету особенно проявилось в год, когда в воздухе уже чувствовалось приближение катастрофы, когда, казалось, недалек был конец „самохотной державы" царя Бориса. Ссылка Филарета кончилась с появлением на престоле царя Дмитрия Ивановича (1605—1606), когда Филарет был возведен в сан Ростовского митрополита.

Как складывались взаимоотношения игумена Ионы и Филарета с 1605 г. по 1610 г. не ясно, так как у нас отсутствуют документальные данные по этому вопросу. Надо, думается, все же полагать, что они продолжали быть дружественными, и настолько, что когда Филарет был удален Василием Шуйским из Москвы и затем попал в Тушино, в число его врагов, то это обстоятельство, как мы увидим ниже, не могло не отразиться и на вотчинных интересах Антониева-Сийского монастыря. С 1610 г. связи игумена Ионы с Филаретом очевидно должны были прерваться до возвращения последнего в 1619 г. в Москву, на патриаршество. Но с этого года хозяйственная энергия игумена Ионы получает возможность самых широких реализаций в своих начинаниях, благодаря постоянно оказываемой поддержке Филарета Никитича, теперь уже одного из „великих государей и патриарха всеа Русии". Однако и ранее, а именно с 1613 г. Иона начинает пользоваться своим положением бывшего „оберегателя" жизни Филарета у его сына, нового московского царя, Михаила Романова. Успех, одержанный игуменом Ионою в столкновении с крестьянами Емецкого стана в 1613 г., был несомненно связан с изложенным обстоятельством. Ведь именно благодаря Ионе Филарет, как выражается одна из грамот, был „сохранен от напрасные смерти".[1] И если „милостями" царя осыпались тогда лица, помогавшие в той или иной степени установлению для Филарета внешних сношений со своими политическими друзьями,[2] то, конечно, в первую очередь на эти

---

[1] Доп. к Актам Историческим, т. IX, № 5.

[2] См. об этом, например, в Актах Исторических, т. III, № 9; В. Н. Берх. Царствование царя Михаила Федоровича и взгляд на междуцарствие, СПб., 1832, ч. 2. стр. 205—208.

„милости“ могли рассчитывать игумен Иона и возглавляемый им монастырь.

С возвращением в 1619 г. Филарета в Москву и возведением его в патриархи, в положении монастыря происходят существенные перемены, свидетельствующие о том, что Филарет не забыл услуг, оказанных ему игуменом Ионою в годы ссылки. Так, в 1620 г. Иона превращается в доверенное лицо патриарха по управлению патриаршею десятиною, разбросанной на значительных пространствах Поморья: в Кевроле и на Мезени, на Пинеге и на Холмогорах, в городе Архангельске с его предместьями и на Ваге.[1] В роли патриаршего десятильника Иона наделяется обширными полномочиями; ему поручаются и администрация и суд, и сбор патриарших пошлин и даней с церквей и монастырей, расположенных на территории десятины, конечно, с помощью „старцев“ монастыря. Новгородский митрополит, подражая примеру патриарха, наделяет Иону теми же полномочиями в отношении своей поморской десятины (Двина, Вага, Каргополь, Холмогоры и Турчасов), соприкасавшейся в своих границах с патриаршею.

Указанные назначения игумена Ионы сразу же усиливают роль и значение Антониева-Сийского монастыря в жизни Двинского края. Монастырь превращается в церковно-административный центр огромных пространств Поморья. Он становится теперь „великой обителью“,[2] т. е. тем же, чем был другой крупнейший феодал Поморья — Соловецкий монастырь. Как складывались в это время отношения патриарха Филарета, фактического главы Московского государства, к игумену Ионе и к монастырю, это в достаточной степени ярко обрисовывается из одной грамоты новгородского митрополита Макария своему холмогорскому десятильнику Танаю Сатынникову (1623 г.). Давая в ней выговор названному десятильнику за допущенные им бесчинства в приписных к Антониеву-Сийскому монастырях, митрополит, между прочим, пишет: „и ты, Танай, то делаешь не гораздо, не по нашему указу; а ведаешь ты и сам, что тот

---

[1] Архив Ленинградского отделения Института истории. Акты Сийского монастыря.

[2] Архив Ленинградского отделения Института истории. Акты Сийского монастыря, см. также грамоты новгородского митрополита и Белозерского монастыря (в Актах Двинского у., архив Ленинградского отделения Института истории; грамоты 1625—28 гг).

игумен Иона великому господину и государю отцу нашему, святейшему патриарху Московскому и всеа Руссии гораздо знаем, и его игумена патриарх жалует, и к нам писал, чтоб нам его, игумена, жаловать".[1]

Основываясь на приведенных словах грамоты 1623 г. можно представить, какой силой и возможностями обладал игумен Иона на местах своей непосредственной деятельности, т. е. в Двинском крае, в частности в своей вотчине и в прилегающих к ней черных „государевых" землях. Достаточно сказать, что за время игуменства Ионы вотчина Антониева-Сийского монастыря увеличилась с 63-х обеж до 99-ти,[2] что она втянула в сферу своего влияния и эксплоатации ряд монастырей и пустыней, принадлежавших местным крестьянским „мирам", что ее промысловые объекты увеличились приобретением крупных соляных разработок московского гостя И. Кобелева и т д., чтобы видеть, насколько мощной была его стяжательная деятельность в первых десятилетиях XVII в.

На этом мы заканчиваем общую характеристику положения и значения Антониева-Сийского монастыря в Двинском крае, а также его связей с центром Московского государства, и переходим к краткому анализу публикуемых документов, рисующих вотчинную политику монастыря в отношении Емецкого стана.[3]

Борьба между монастырем и крестьянами Емецкого стана возникает вокруг ряда деревень, отписанных вместе с крестьянами еще в 1578 г. за монастырь, в обмен на соответствующие деревни в разных волостях края, более или менее отдаленных. Считая, что этот обмен состоялся „по ложному челобитью" игумена монастыря Питирима и не соответствовал их, крестьян, интересам, они, тем не менее, почти вплоть до игуменства Ионы не предпринимали, кажется, никаких шагов к восстановлению status quo ante, так как положение их от перевода за монастырь пока что не изменилось. Они платили монастырю различные сборы в прежних размерах и были вполне свободны в распоряжении своими землями: покупали, продавали и закладывали их между собой „повольно". Их положение стало

---

[1] Архив Ленинградского отд. Инст. истории. Акты Сийского монастыря.

[2] Сборник грамот Коллегии Экономии, т. 1, № 533.

[3] Историю вотчинной политики монастыря в целом мы надеемся дать в подготовляемой работе „Крупная феодальная вотчина на севере Московского государства в XVI—XVII вв.".

меняться только в конце игуменства Питирима и особенно тогда, когда во главе монастыря стал игумен Иона. С его приходом феодальная эксплоатация в вотчинах монастыря стала усиливаться, что можно, повидимому, ставить в связь с общим положением дел в Московском государстве. Приближались первые раскаты крестьянской войны. С конца XVI в. дани и оброки с крестьян отведенных за монастырь Наволоцких, Ровдогорских, Ваймужских и Задворских деревень Емецкого стана, увеличиваются „вдвое и втрое". Кроме того монастырь вмешивается теперь во внутриволостные земельные отношения крестьян; им запрещается „продавать и закладывать меж собя" земли. Когда же крестьяне решили жаловаться на действия монастыря в правительственные органы и разоблачать монастырь в его „ложном владении" названными деревнями, то к ним были применены более решительные методы принуждения. Монастырь стал отнимать у крестьян деревни „с хлебом и с сеном", ломать и развозить их дворы, самих же крестьян „мучить и бить и животы их грабить и всякое насильство чинить." Производя описанные разрушения крестьянских хозяйств, монастырь тем самым стремился поставить крестьян в бо̀льшую от себя зависимость, превратив их из самостоятельных производителей в своих батраков. Пытаясь бороться с монастырем, крестьяне, начиная с 1606 г., ежегодно подают челобитные с жалобой на действия монастыря, но безуспешно. Наоборот, из центра идут крестьянам указы слушаться игуменов монастыря и исполнять все их предписания: „на старых участках жити и деревень не пустошити и дань и оброк и всякие подати в монастырь давати и монастырское изделье делати" (см. док. № 1, 1607 г. XII, 5). В противном случае крестьянам угрожало наказание.

Так обстояло дело до 1610 г. В этом году жалобы крестьян на монастырь и просьбы их об отписке обратно „в черные сохи" возымели свое действие. На Двину был послан Ф. Зиновьев, которому поручалось исследовать все обстоятельства дела освоения монастырем деревень Емецкого стана. Словесные показания крестьян и представленные ими документальные доказательства убеждают в неправильности отвода монастырю названных земель стана. Ф. Зиновьев переводит эти земли в „черносошные", „на государя царя и великого князя Василия Ивановича всеа Русии". Вместе с тем, согласно данному ему из центра (Новгородской четверти) распоряжения,

постановляет взыскать „на игумене и старцах“ монастыря собранные ими с крестьян данные и оброчные деньги и захваченные у крестьян хлеб и сено (см. док. № 2, I—II, 1610 г. не ранее июня 17). Не вполне ясно, чем следует объяснить описанный и довольно неожиданный поворот дела о землях Емецкого стана в пользу крестьян. Являлся ли он отражением каких-то перемен в общем курсе крестьянской политики правительства царя Василия Шуйского, тщетно искавшего выхода от грозившего ему падения? Нам кажется, однако, более вероятным, что к этому времени могло окончательно измениться как у самого царя, так и в правительственных кругах, отношение к Антониеву-Сийскому монастырю, связанному, в лице игумена Ионы, с „тушинским патриархом“ Филаретом, и державшимся в своих политических симпатиях его ориентации. Как бы то ни было, поездка игумена Ионы в Москву, о чем упоминают наши документы, успехом не увенчалась. И только в 1613 г., когда возобновилось влияние монастыря в центре, отписанные в 1610 г. земли и крестьяне Емецкого стана были снова возвращены в состав монастырских. До нас сохранились любопытные записи, взятые монастырем с крестьян (см. док. №№ 3, 4, 5, 1613 г. IX, 12—X, 9) с признанием „ложности“ своих прежних заявлений о разных „насильствах“ и неправильном владении монастырем их землями. В дальнейшем крестьяне, давшие такие записи (сохранилось 33 записи), обязывались „на игумена Иону с братьею по одиначным записям в том деле ложно не бити челом, и ни в чем... на игумена з братьею не врождовати, и во всем игумена з братьею слушати, и данные и оброчные деньги, и хлеб в монастырь платити... и зделье монастырское всякое делати“. Все сборы, полагавшиеся с крестьян своему феодалу, за те 4 года, когда они были в „черных сохах“, надлежало по этим записям внести в монастырскую казну. О том, какими способами были получены отмеченные записи, мы узнаем из новых жалоб крестьян, начавших, правда, поступать значительно позже, уже после смерти игумена Ионы (см. док. № 6). При помощи двинского воеводы и стрельцов крестьян хватали и заковывали в цепи, далее их „метали“ в тюрьму, подвергая избиениям. Так, монастырем были „вымучены“ кабалы и записи в том „что им (крестьянам) государю не бить челом и вотчинниками на тяглые деревни не называться“. Нам неизвестны за время игуменства Ионы какие-либо попытки крестьян Емецкого

стана восстановить свое положение черносошных. Сообщенные выше сведения о положении, которое заняли Иона и монастырь в патриаршество Филарета Романова, показывают, что подобные попытки были совершенно безнадежными. Только в 1647—48 г. крестьяне решаются возобновить свои требования о возвращении „за великого государя", т. е. в число государственных тяглых крестьян, угрожая в случае отказа „в рознь розбрестись". Непосредственным поводом к подаче крестьянами Емецкого стана челобитья 1648—1649 г. явилось новое усиление сборов „государевых податей", поступавших через Сийский монастырь (с 1646—47 г. с 7 руб. с сошки до 17 руб.), а также „немерного изделия", заключавшегося в поставке бревен, теса и монастырских товаров.

Подавая вновь челобитную на монастырь, крестьяне все тех же Наволоцких, Ровдогорских, Ваймужских и Задворских деревень питали несомненные надежды на ее удовлетворение. Как раз в эти именно годы двинским воеводам Буйносову-Ростовскому и Безобразову из Москвы было предписано о производстве сыска об оброчных и тяглых землях в Двинском уезде, которыми завладели монастыри и торговые люди, избегая при этом платежей причитающихся с них разных земских сборов.[1] С указания на этот сыск и начинают последнюю челобитную названные крестьяне, рассчитывая найти в нем повод к пересмотру их отношений к своему вотчинику. Просьба крестьян была удовлетворена, сыск состоялся, но, однако, с результатом не в их пользу, что и зафиксировано в грамоте двинскому воеводе Ромодановскому 1649 г. мая 17 (см. док. № 7). В ней довольно подробно излагаются встречные пункты обвинения крестьян Емецкого стана, выдвинутые Антониевым-Сийским монастырем, а также приемы его защиты этих пунктов. В доказательство своих прав на спорные деревни монастырь выдвинул целый арсенал архивных документов; здесь и жалованные грамоты, и сотная, и писцовые книги. Документы же крестьян опорачиваются. Бесспорный, казалось, факт отвода Наволоцких, Ровдогорских, Ваймужских и Задворских деревень в „черные сохи" в 1610 г. подвергается теперь сомнению на том основании, что документы по отводу, список с грамоты царя Василия Шуйского (до нас не сохранившейся) и списки „с обысков" (публикуемые ниже, док. № 2), в свое время не были

[1] Архив Ленинградского отделения Института истории. Акты Двинского у. (грамота 1647 г. июня 14; „обыск" 1649 X 5).

представлены в Холмогорах, когда происходило писцовое описание Двинского у. Теперь списки эти объявляются „составными", т. е. подложными. Между тем сам монастырь оперирует, в качестве одного из основных документов, „списком" с грамоты царя Ивана Грозного 7087 г., подтверждавшей совершенный в свое время обмен монастырских вотчинных земель на тяглые земли Емецкого стана. Игумен монастыря Феодосий оправдывал представление только „списка" тем, что подлинник грамоты сгорел. Любопытно отметить, что судьи Новгородской четверти, где происходил разбор дела, не поставили перед Феодосием вопроса, почему в прежних спорах монастыря с крестьянами Емецкого стана этот „список" ни разу не представлялся, и не заподозрили его, подобно крестьянским документам, также в подложности.

На основании представленных монастырем документов и того, что крестьяне Емецкого стана „подлинных указных грамот на те деревни и никакого оправданья, что у Сийского монастыря взяты назад, не положили" (списки были признаны „составными"), а также давности владения монастырем („а тому минуло 70 лет"), землями и крестьянами названных выше деревень Емецкого стана, велено было владеть ими по прежнему игумену монастыря Феодосию „или хто по нем в том монастыре иный игумен и братья будут". Челобитчики же, крестьяне Григорий Трофимов и Семен Пантелеев „с товарыщи", были отданы в монастырь для взыскания с них различных расходов в связи с процессом о спорных деревнях Емецкого стана. Кроме того „тех монастырских крестьян, которые от монастыря оттягивались", по указанию игумена Феодосия и братии, велено было „смирити, — бить батоги"; более же активных „пущих ябедников и озорников" следовало „выслать" из монастырской вотчины. В случае же повторения „непослушания" игумену крестьянам грозило „жестокое наказание".

Угрозы были реальны. Не забудем что 1648—1649 гг., когда решались судьбы крестьян Емецкого стана, были годами составления и издания „Уложения царя Алексея Михайловича".

Так кончилось дело об освоении Антониевым-Сийским монастырем земель Емецкого стана, ярко и довольно подробно отображенное в публикуемых документах и рисующее нам один из эпизодов феодального нажима на крестьян после ликвидации крестьянской войны начала XVII в.

Н. Чаев

1. 1607 г. декабря 5. — Грамота „с прочетом“ ц. Василия Ивановича двинскому воеводе И. В. Милюкову о предписании крестьянам из Емецкого стана „слушать“ игумена Антониева-Сийского монастыря, дань и оброк платить и монастырское изделье делать.

От царя и великого князя Василия Ивановича всеа Русии на Двину, вОеводе нашему Ивану Васильевичу Милюкову да дьяку нашему Илье Елчину. Бил нам челом з Двины Антоньевы пустыни Сиского монастыря игумен Иона з братьею тово ж монастыря на крестьян, на Данилка да на Шумилка Золотых, да на Ваську Минина, да на Сидорка Ершов[а с това]рыщи, на 20 на 5 человек, которые с ними в одиночной записи писаны, а сказали: пожаловал де их блаженые памяти государь царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Русии, дал им в обмен вь Емецком стану ис своих черных деревень вь их монастырских старых купленых деревень место, что были в розных станех столько ж. И те де монастырские крестьяне ему, игумену, учинились сильны, наших грамот не слушают, дани и оброку и третного хлеба им в монастырь не платят, как иные монастырские крестьяне платят, и монастырсково изделья не делают, и ни в чем де его, игумена з братьею, не слушают, и в том ему, игумену, чинят убытки великие. И нам бы его игумена з братьею пожаловати, велети с теми монастырскими крестьяны в том их непослушанье указ учинити. || И будет так, как нам Сиского монастыря игумен Иона с братьею бил челом. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б монастырским крестьяном, которых игумен выслал из монастырских деревень, велели жити на старых своих участках, на чом хто жил. Да тех же бы естя монастырских крестьян велели подавати на поруки з записьми в том, что им за игуменом з братьею в монастырских деревнях на старых участках жити и деревень не пустошити, и дань и оброк и всякие подати в монастырь давати, и монастырское изделье делати, как было при прежних игуменах; да те б естя

по них поручные записи взяли в нашу казну вперед для спору. А будет которые монастырские крестьяне в чем мимо нашего указу учнут ослушатца и ему, игумену, дани и оброку и всяких податей в монастырь давати и монастырское изделье делати, как было при прежних игуменах, не учнут, а игумен з братьею учнет вам на них сказывать, и вы б им за то чинили наказанье, велели сажати на неделю или на 2 в тюрьму. А будет те ж крестьяне учнут ослушатца в другорядь, и вы б их, бив батоги, велели сажати на месяц в тюрьму. А будет учнут ослушатца в третьие и ево, игумена, слушати не учнут, и вы б их сажали в тюрьму до нашего указу, да о том писали к нам к Москве в Новгородцкую четь, и мы о том велим указ свой учинити. А прочет сю нашу грамоту и списав с нее противень, слово в слово, отдали б естя ее назад, игумену Ионе з братьею, и он ее держит у себя вперед, для иных наших приказных людей. Писан на Москве лета 7116 декабря в 5 день.

На обороте: Дияк Григорей Елизаров.

На Двину воеводе нашему Ивану Васильевичу Мелюкову да дияку нашему Илье Ельчину.

Остатки печати черного воска, прикрепленной на лицевой стороне грамоты.

116-го февраля в 17 день. Подал Сиискаго монастыря казначеи старец Иона. 25 алт. Игумен Иона.

2. 1610 г. не ранее июня 17. — Отписка Филиппа Зиновьева ц. Василию Ивановичу о результатах „сыска" относительно деревень Емецкого стана и о их отводе „в черные сохи", с приложением „расспросных речей" попов и крестьян названного стана о „насильствах" Антониева-Сийского монастыря.

I. Государю царю и великому князю Василию Ивановичю всеа Русии холоп твой Филипко Зеновиев челом бьет. По твоему государеву цареву и великого князя Василия Ивановича всеа Русии указу и по грамоте, за приписью твоего государева дьяка Григорья Елизарова, что били челом тебе государю Емецкого стану посыльщики Шумилко Иванов до Поспелко Васильев и во всех крестьян место Сиискаго монастыря на игумена Иону з братьею, что истари исконивечно прадеды их, крестьян, и деды и отцы их и оне сами жили в твоих государевых черных со[хах], и дань и оброк и всякие твои государевы годовы[е]

доходы платили з 10-ти сошек с полуобжею, с малы[е] сошки, по 2 рубли по 20-ти по 6-ти алтын по 4 деньги. И Сииского де монастыря прежней игумен Петерим бил челом блаженные памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии [о тех их] вотчинных деревнях о 10-ти сошках с полуобжею на смену данью и оброком и всякими годовыми доходы, а в тех деревень место дати было им свои || монастырские деревни. И по его ложному челобитью Ондрей Толстой те деревни ему, игумену, отвел, а в тех деревень место тех монастырских деревень им, крестьяном, не дал. И у них де крестьян имали в монастырь дани и оброку с малые сошки по 2 рубли по 20-ти по 6-ти алтын по 4 деньги. И рнясь де тому их крестьянскому челобитью, что в том их ложном владенье хотели бити челом тебе, государю, и с тех де мест учали с них, со крестьян, дани и оброку имати вдвое и втрое. А от иных де крестьянских деревень тот игумен Иона з братьею лутчие пашенные земли и сенные покосы поотнимал и привел к своим манастырским землям. А у иных крестьян деревни поотнимали с хлебом и с сеном, и дворы их розломали и розвозили, и многих крестьян из деревень выбили вон; и нынеча оне з женами и з детьми волочатся меж двор. И многих крестьян мучили и били, и животы их грабили и всякое насильство чинили. Да у них же де убили крестьянина Микитку Крюкова до смерти, а животы его взяли в монастырь. И мне, холопу твоему, велено по твоему государеву указу и по грамоте про те их вотчинные деревни сыскати около Сииского манастыря всякими людьми, игумены и старцы по иноческому обещанью, а попы и диаконы по священству, а старосты и целовальники по твоему государеву кресному целованью, те их деревни были ли исстари в черных сошках, и которыми обычаи достались за Сииской монастырь, и против тех деревень в отмен манастырские деревни им, крестьяном, даны ли, и в которых волостях им то давали, и отменные у них в тех деревнях есть ли за чьеми руками. || И про те про все обиды и насильства велено мне, холопу твоему, сыскати накрепко всякими сыски и о том отписати к тебе, ко государю, к Москве. А отписку и обыски отдать в Новгороцкой чети, твоим государевым дьякам Григорью Елизарову да Ондрею Иванову. А оброк мне, холопу твоему, на тех крестьян велено положити, примерясь к иным черным волостем, как бы тебе, государю, было прибыльнее. И я, холоп

твой, приехав вь Емецкой стан, по твоему государеву указу и по грамоте розпрашивал и обыскивал игуменов и старцов по иноческому обещанью, а попов и дьяконов по священству, а старост и целовальников и всех крестьян по твоему государеву цареву и великого князя Василья Ивановича всеа Русии кресному целованью. И Емецкого стану игумен и старцы по иноческому обещанью, а попы и дьяконы по священству, а старосты и целовальники и все крестьяне по твоему государеву цареву и великого князя Василья Ивановича всеа Русии кресному целованью, сказали и обыскивали за своими и за отцов своих духовных руками, что те деревни исстари были в черных сошках, и дань и оброк платили в твою государеву казну с ыными черными волостьми вместе. И по челобитью прежнего игумена Петерима Ондрей Толстой те их деревни за Сииской манастырь отвел, а в то место им, крестьяном, в отмен своих монастырских деревень не дали. А обиды и насильства многие крестьяном чинили, и дворы их ломали и жгли и возили к собе в монастырское село, и того крестьянина Микитку Крюкова убили до смерти. И я, холоп твои, те их обыски, || за обыскных людей руками, послал к тебе ко государю к Москве, а велел отдати в Новгороцкой чети твоим государевым дьяком Григорью Елизарову да Ондрею Иванову. И те, государь, крестьяне клали на те свои вотчинные деревни купчие и всякие крепости, и в твоих государевых данных и в оброчных деньгах платежные отписи. И я, холоп твой, по твоему государеву указу и по грамоте, и по обыском, и по их купчим, и по крепостем, и по платежным отписям тех крестьян, и с их вотчинными деревнями из за Сииского манастыря отписал за тебя, государя, по прежнему, в черные сошки, и данные, и оброчные, и сошные деньги, что с сошки по полутора рубли сбирают на Двине, с них с крестьян и обрал, против иных черных волостей: с 9-ти сошек с третью сошки данных и оброчных денег, с сошки по 3 рубли по 7-ми алтын по полуторы деньги, 30 рублев 10 алтын 4 деньги; да сошных денег с тех же 9-ти сошек с третью 14 рублев. И те деньги я, холоп твои, взял в твою государеву таможенную казну для зелейные и ефимошные покупки. А разным даточным людем, которые стояли на твоей царьской службе, с тех же 9-ти сошек с третью, наемные деньги собрав послал к тебе, ко государю к Москве, тое ж волости со крестьяны, сь их мирскими посыльщики, с Шумилком Ивановым да Дружинкою Мини-

ным, июня в 17 день. А сколько деревень, и сколько в которой деревне крестьян, и хто именем, и которые дворы сожжены и розломаны, и крестьяне выбиты вон, и я, холоп твой, написав на роспись, подлинно по статьям, послал к тебе, ко государю, к Москве за своею печатью. Да мне ж, холопу твоему, велено допросить Сиискóго манастыря игумена Ионы: в прошлых годех оне, крестьяне, дань и оброк платили все сполна ль. И игумен, государь, послыша твою царскую грамоту и не дожидася меня, холопа твоего, на Емецком уехал к Москве. А те, государь, крестьяне положили передо мною, холопом твоим, платежные отписи прошлых годов. Да мне ж, холопу твоему, извещал Шумил || ко Иванов с товарыщи на сииских старцов вь их насильстве, что те старцы отняли 3 деревни церковные Рожества Ивана Предотеча дивича монастыря, что на Емецком, на посаде. А те деревни были в тех же де наших 10-ти сошках с полуобжею. А как де те наши деревни достались за Сииской манастырь, а те 3 деревни с нами ж отписаны были, и тот де игумен Иона теми деревнями завладел насильством, пашню пашут и сено косят, и всякими угодьи владеют, а с тех деревень данных и оброчных денег и всяких твоих государевых податей с ними не платят. И я, холоп твой, велел поставити Сииского манастыря казначея старца Макарья да старца Аммона, и у них про те деревни сыскивал и розпрашивал. И оне, государь, мне, холопу твоему, сказали, что де те деревни исстари наши манастырские, а в твоих государевых черных сошках с ними со крестьяны вместе не бывали. А крепостей, государь, купчих и по душем данных и в манастырь закладных и никаких крепостей у себя не сказали: были де у нас крепости, и коли де манастырь горел и в те де поры и те купчие згорели. И мне, холопу твоему, данных и оброчных денег и твоих государевых податей правити на себе за те деревни не дались. И те, государь, крестьяне положили на те деревни платежные отписи, что оне || данные и оброчные деньги преж сего в твою государеву казну плачивали в тех же сошках с ними вместе. И о том как ты, государь, мне, холопу своему, велишь свой царьскои указ учинити. Да в той ж твоей государеве грамоте написано, что ты, государь, их крестьян пожаловал, что на них, на крестьянех, тот игумен Иона с братьею имал данных и оброчных денег вдвое и втрое, и те переемные деньги, счетчи по платежным отписям, и что на Ваське Минине вымучил 35 рублев, на игумене и на старцах

доправити и отдати им крестьяном. И что у них же у крестьян по 2 года тот игумен и старцы с их деревень хлеб и сено возили к себе в манастырь, и тот бы хлеб, счетчи, на игумене и на старцах доправити, и в ыном игуменове насильстве суд давати. А в той же твоей государеве грамоте, в указе ко мне, холопу твоему, про те статьи не написано ничего. А ко мне, холопу твоему, тот Шумилко с товарыщи приходят великим шумом, а говорят, чтоб я те деньги на игумене и на старца[х] доправя отдал им, крестьяном, и бьют челом тебе, государю, а ко мне, холопу твоему, приносят челобитные в своих обидах и насильствах и в розоренье. И я, холоп твой, без твоего государева указу в том насильстве суд давати и правити на них тех денег не смею. И о том как ты, государь, мне, холопу своему, укажешь.

II. Лета 7118 июня в 6 день, по государеве цареве и великого князя Василья Ивановича всеа Русии грамоте, за приписью дияка Григорья Елизарова, Филипп Зеновьев розпрашивал Еметцкого стану у игуменов и старцов по иноческому обещанью, а священников по священству, а сотцких и пятидесятцких и крестьян Еметцкого стану по государеву цареву и великого князя Василья Ивановича всеа Русии крестному целованью. Били челом государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии Еметцкого стану крестьяне Шумилко Иванов с товарыщи Сииского монастыря на игумена Иону з братьею, а сказали: в прошлых годех прадеды и деды и отцы их и они жили на своих исконивечных деревнях, отчинных, в черных сошках, и дань и оброк платили в государеву казну, с малой сошки по 2 рубли по 20-ти по 6-ти алтын по 4 деньги. И Сииского монастыря прежной игумен Петерим бил челом блаженные памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии о тех их вотчинных деревнях, о 10-ти сошках с полуобжею, на смену, данью и оброком и всякими доходы. А в тех было ему, игумену Петериму, деревень место дать им свои монастырьские вотчинные деревни. И по его ложному челобитью Ондрей Толстой те их вотчинные деревни ему, игумену Петериму, отвел. А в то место монастырьских деревень им, крестьяном, деревни дали ль или не дали, и тот игумен Петерим имал ли у них дани и оброки по прежнему с малые сошки по 2 рубли по 20-ти по 6-ти алтын по 4 деньги, и меж собою вольно ли было им, крестьяном, для нужи те свои вотчинные деревни покупати и продавати и закладывати. А тот игумен Петерим рнясь тому, что они в том

их монастырьском ложном владеньи хотели бить челом государю, и с тех мест учали с них имати насильством дань и оброк втрое, с малые сошки по 6-ти рублев и по 20-ти по 6-ти алтын и по 4 деньги; и после того игумена Петерима иные игумены сь их крестьян оброк имали по тому ж втрое, да сверх дани и оброку на монастырьские труды имали на всякое лето с сошки по 3 человека, а человек деи им ставился по 2 рубли и больши, да сверх того они, крестьяне, зделье делали, землю пахали ль и сено косили ль на монастырь. И тот игумен Иона з братьею от тех вотчин поотнимали лутчие пашенные земли и сенные покосы и привели к своим монастырьским землям, а у иных крестьян деревни поотнимали с хлебом и з сеном и многие дворы, розломав, розвозили, и ис тех деревень крестьяне от того игуменова насильства, з женами и з детьми, меж двор волочаце ль. И в прошлом во 115 году вымучил деи на них игумен Иона 35 рублев и на иных де на многих крестьян вымучил порядные записи. И они де в прошлом во 116 году в том его игуменове насильстве государю били челом, и государь их пожаловал, велел сь их вотчинными деревнями из за Сииского монастыря отписати по прежному за государя, в черные сошки, где хто жил, с хлебом и з сеном, дань и оброк и всякие государевы годовые денежные доходы велел им платити в государеву казну с крестьяны вместе. И тот игумен Иона бил челом государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии на них крестьян ложно, и по его ложному челобитью велено ли им крестьяном жити за Сииским монастырем до государева указу. И рнясь де тому крестьянскому челобитью тот игумен Иона вымучил ли на них дани и оброку с сошки по 7-ми рублев и дворы их многие розломали ль, и в прошлом во 116-м году и во 117-м годех сь их деревень хлеб и сено в монастырь сильно свозили и записи и кабалы на многих крестьян вымучили ли. Да тот же игумен Иона в прошлом же во 117 году посылал ли к ним из монастыря казначея старца Феодосья да слуг Ивашка Сибирца да Бахтеярка, со многими людьми, и убили ли у них крестьянина, а его Шумкова племянника, Микитку Крюкова до смерти, а животы его статки в монастырь взяли все. Да в прошлом же во 117 году тот же игумен з братьею посылал Архангильского города стрельца Первушку Кустова, да из манастыря старца Романа, да слуг Ивашка Сибирца да Бахтеярка Исаева, со многими людьми. И велел ли их крестьян бити

и грабити и дворы их ломати. И тот стрелец с тем старцом и с монастырьскими слугами, приехав к ним, из изб двери выставливали ль и свезли ли к собе в монастырьское село, и их крестьян били ли и животы их пограбили ли, и от того многие крестьяне розбрелися ли по чюжим деревням. Да в прошлом во 115-м году положили де они на Двине перед воеводу перед Ивана Мелюкова да перед дьяка перед Илью Елчина платежные отписи за рукою прежного их игумена Петерима и за казначеевыми руками, почему они преж сего в тот монастырь дань и оброк платили, и Иван Мелюков, норовя тому игумену и старцом, по посулом, тех им отписей не отдали ли. И в нынешном во 118-м году дана им Сиского монастыря игумену Ионе з братьею государева грамота, а велено им на них на крестьянех за прошлой за 117 год дань и оброк доправити да сошные деньги, что на Двине собрали с сохи по 50 рублев, и за ослушанье их велено, бив батоги, вкинути в тюрьму. А оне на прошлой на 117 год ему, игумену Ионе, дань и оброк и сошные деньги платили, и в том де у них и отписи есть за казначеевою рукою. И по тому игуменскому ложному челобитью на прошлой 117 год правят ли на них крестьянех другие деньги мимо теи ж отписи. Да на них же крестьянех велено правити за даточные люди деньги, а они даточных людей на государеву службу отпустили ли со 117 году 8-ми человек, и с тех их 8-ми человек, для их бедности, 3-х человек с государевы службы отпустили, а дву ж человек на службе убили; а тот игумен Иона емлет ли на них на тех даточных людей помесячные деньги. И игумен Иона з братьею Третьячка Комарова да Васьки Селянинова да Никитки Дмитриева дворишка в их деревнях в Часовенской и в Наволоки Якова Остафьева, где они жили, разломали ли и насильством розвозили ли и на дрова изсекши сожгли ли. И которые были на их же земле бобыльские 3 дворцы, и они те 3 дворцы по тому ж, розломав, розвозили ли.

И став || на розпросе черной поп покровской Корнилей сказал по иноческому обещанью, а белые попы, пречистенской поп Анофрей Харитонов, да Емецкого стану никольской поп Семен Мартемьянов, да Коскошинскые волости никольской же поп Семен Карпов, да Хаврогорской волости ивановской поп Иван Петров, сказали, по священству, в правду: прадеды и деды и отцы их и они, крестьяне, [жили] на своих деревнях, в черных сошках, а дань и оброк до писца до Ондрея Толстово

платили с нашими с черными деревнями вместе, а Сиского монастыря [игумен] Питерим и по нем иные игумены Шумилку Золотых с товарищи в отмену деревень дали или не дали, про то нам не ведомо. А при игумене Питериме и при игумене Ионе меж собою им, крестьяном, для нужи те свои вотчиные деревни покупати и подавати и закладывати было вольно или невольно, про то нам неведомо ж. А про дань, и про оброк, и про платеж тех деревень отписи у них следуют. А на монастырьское зделье игумен Иона имал у них крестьян на лето с сошки по 3 человеки, и зделие всякое монастырьское оне, крестьяне, сверх того, на монастырь делали, и от деревень игумен Иона к своим монастырьским деревням лутчие пашенные земли и сенные покосы приводил, то мы слыхали. А у них крестьян игумен Иона деревни с хлебом и з сеном поимал, и дворы их ломал и розвозил, и их крестьян, з женами и з детьми, из деревень вон высылал, и на них крестьянех на Василии Минине с товарыщи игумен Иона 35 рублев доправил неведомо про что. А порядные записи оне, крестьяне, на собя дали волею или неволею, про то нам неведомо. А что игумен Иона на них крестьянех по 7-ми рублев с сошки правили или неправили, про то нам неведомо. А про хлебной и про сенной своз и про записи, что игумен на крестьянех вымучил или не вымучил, про то нам неведомо ж. А в прошлом во 117 году от монастырьских крестьян от Григорья Третьякова с товарищи слух был, что убили у них голову, Шумилкова племянника, старец Феодосей с слугами, а сами мы про то не ведаем, хто его убил, и про живот его не ведаем, было ли что у него, не было ли, и хто взял. Да в прошлом во 117-м году приезжал стрелец Первуша Кустов да старец Роман [с] слугами, с Ываном Сибирцом да з Бахтеяром и со многими людьми, и у них, крестьян, из изб двери выставливали и печи ломали, то мы от них, крестьян, слышали, а про живот их, про грабеж не ведаем. А двор они, старцы, Третьячка Комарова розломали и розвозили, а досталь сожгли. А Селянинов двор Комарова они, старцы, розломав, иное розвозили, а досталь стоит. А которые были туто ж бобыльские дворы, и те дворы старцы ж розвозили. А сверх того нам, государь, про иные статьи, про все, неведомо.

И став на розпросе Еметцкого стану земской заказной целовальник Петр Филипов сын, да Заболотцкые полусотни пятидесятцкой Марк Васильев сын Бобров, да волостные кре-

стьяне Гуляй Михайлов сын Хизов, да Космыня Григорьев, да Агей Ондреев сын, да Остафей Елесеев сын, да Иван Тарасов сын, да Дементей Афонасьев сын Опокин, да Иван Федоров сын Оншутин, да Ондрей Корманов сын, да Федор Степанов, да Ондрей Титов, да Семен Павлов, да Тимофей Иванов, да Наум Федоров, да Михайло Савельев, да Лука Тимофеев, да Михайло да Григорей Ивановы дети Жигалова, да Родион Михайлов, да Иван Леонтьев сын Опалев, да Первой Иванов сын Орехов, да Иван Ондреев сын Комаров; да Коскошинской волости пятидесятцкой Нечай Козьмин сын, да крестьяне той же Коскошинской волости: Яков Афонасьев сын Коровина, да Ондрей Семенов сын, да Худяк Ловцов, да Борис Кондратьев сын, да Яков Некрасов сын, да Федор Леонтьев сын, да Худяк Парфеньев сын, да Михайло Семенов сын, да Гордей Самсонов сын, да Мартемьян Демидов сын, да Иван Ермолин сын, да Олексей Степанов сын, да Первой Максимов; да Меландовские волости десятцкой Харлампей Маковеев; да Тегорские волости Ларивон Иванов Болот || ного; да Погоской сотни пятидесятцкой Меньшик Халампьев сын Корыстов, да крестьяне Погоские сотни: Ефим да Григорей Нечаевы дети Зленина, да Сава Родионов сын, да Истома Игнатьев сын да... Ворлукин сын, да Сидор Нечаев сын, да Яков Артемьев сын, да Василей Остафьев, да Никита Григорьев сын, да Яков Обакумов, да Иван Панкратов сын, да Григорей Васильев сын Куча, да Роспута Васильев сын Молоков; да Хаврогорскые волости пятидесятцкые Данило Некрасов сын, да Тимофей Федоров сын Фатьянов, да волостные крестьяне: Шестой Нечаев сын, да Ждан Терентьев сын, да Евсей Семенов сын, да Шумило Ерофеев сын, да Ефрем Никитин сын, да Василей Епифанов сын, да Гаврило Васильев сын Сухово, да Поздей Прокопьев сын, да Сысой Иванов сын, да Фома Дмитреев сын, да Поздей Прокопьев сын, да Семен Ларионов, да Макарья Григорьев сын Никулин, да Василей Федоров сын Кувалдин, да Никита Сидоров сын Неронова, да Третьяк Степанов сын, да Павел Ермолин, да Олуферей Степанов сын, да Родион Терентьев сын, да Рыпало Иванов сын, да Потапей Худяков, да Кирило Тимофеев, да Михайло Васильев, да Онанья Михайлов, да Григорей Кондратьев, да Михайло Архипов, да Дементей Минин сын; да Пингиской волости пятидесятцкой Яков Остафьев, да той же Пингиской волости крестьяне: Никифор

Еремиев, да Иван Тимофеев, да Петр Иванов сын Мурашев, да Григорей Федоров сын Волочин, да Матфей Григорьев сын, да Козьма да Исак Дубровины, да Иван Афонасьев сын Конюхов, да Сергей Петров, да Степан Григорьев сын, да Ондрей Иванов, да Григорей Михайлов, да Ондрей Леонтьев, да Федор Григорьев, да Герасим Никитин, да Мартемьян Харитонов, да Прокопей Ульянов, да Лука Афанасьев, да Оникий Ларионов, да Аверкей || Кирилов, да Василей Афонасьев, да Яким Федотьев, да Сергей да Назар Парфеньевы, да Нефед Мартемьянов, да Харлампей Федоров, да Иван Васильев, Емельян Никитин, Федот Якимов, Яков Степанов; Еметцкого погоста десятцкой Ермола Зловидов, да крестьяне: Богдан Козьмин, да Михайло Иевлев, да Томило Еремиев, да Малафей Семенов, Софон Федоров, Григорей Борисов, Василей Михайлов, Павел Прокопьев да Мурафей Лукин, Федор Фролов, Федор Лукин. Да и все крестьяне Заболотцкой и Погоскые и Хаврогорскые и Пингискые тех сотен сказали, по государеву цареву и великого князя Василья Ивановича всеа Русии крестному целованью, в правду: прадеды и деды и отцы их и они жили на своих деревнях вот, чинных, в черных сошках, а дань и оброк платили с нашими с черными деревнями вместе. А в обмену деревень Сиского монастыря крестьяне Шумилку Золотого с товарищи деревень не дали. А при игумене Питериме меж собя им, крестьянем, для нужи, те свои вотчинные деревни покупать и продавать и закладывать было вольно, а при нынешном игумене Ионе деревень своих продавать не вольно. А про дань и про оброк с тех их деревень платежные отписи у них следуют. А на монастырьское дело, сверх дани и оброку, с сошки по 3 человеки имали, у них изделье всякое оне, крестьяне, в монастыре сами делали. А от деревень игумен Иона к своим монастырьским деревням лутчие пашенные земли и сенные покосы приводил, а у иных крестьян они, старцы, деревни поотнимали с хлебом и з сеном, и дворы ломали и розвозили, а из иных деревень крестьяне, от того игуменова насильства, з женами и з детьми, из дворов бегали. А 35 рублев на них игумен Иона правежом вымучил. А про порядные записи того не знаем, волею или неволею они на собя игумену давали. А про то нам слух доходил, что игумен Иона на них с сошки по 7-ми рублев доправил и дворы их ломал. А в прошлых, во 116-м и во 117-м, годех из деревень, с Фа || тееви деревни, да у Третьяка да у Василья

Комаровых, складники из деревни, и у иных крестьян немолоченой хлеб и сено старцы свозили с поль и с лугов. А из записей крестьян мучали ль не видали, а словесно от них явки слышали, что записи старцы на них вымучили. А в прошлом во 117 году от монастырьских крестьян, от Григорья Третьякова с товарищи, нам слух был, что убили тое голову, Шумилкова племянника, старец Феодосей [с] слугами, а сами мы бьючи не видели, и про живот его не ведаем, было ли что и хто взял. Да в прошлом же во 117 году Архангильского города стрелец Первой Кустов, да старец Роман, да слуги Ивашко Сибирец да Бахтеярко Исаев, со многими людьми, у их крестьян у изб двери выставливали и печи ломали, а про животы их не ведаем, грабили или не грабили. А в прошлом во 115 году они, крестьяне, перед Ивана Мелюкова, да перед Илью Елчина платежные отписи они клали или не клали, и назад отдали или не отдали, про то не ведаем. Да в нынешном же во 118 году перед государевым воеводою, перед князем Александром Даниловичем Ростовским-Приимкова, да перед диаком, перед Никифором Емельяновым, на правеже они стояли, а того не ведаем, в которых деньгах. А даточным людем помесячные деньги игумен Иона имал, а того не ведаем, на сколько людей имал. А тот игумен Иона з братьею Третьяка Комарова двор розломали и, розломав, розвезли, а досталь сожгли; а Селянинов двор Комарова розломав розвезли, а досталь того двора стоит; а бобыльские дворы разломав розвезли. То, государь, наши речи. Роспросные речи писал Иванко диячек, Митька Петров сын Попов.

3. 1613 г. сентября 12.—Запись крестьян Емецкого стана Д. Д. Золотых и Ф. Я. Ястребова Антониеву-Сийскому монастырю с обязательством игумена монастыря „слушать", дань и оброк платить и монастырское изделье делать.

Се яз Дементей Данилов сын Золотых да яз Фалелей Яковлев сын Ястребов, хрестьяне Живоначальные Троице Антоньева монастыря Сииского дали есми на собя запись того ж монастыря игумену Ионе з братьею в том, что в прошлом во 121-м году привезл на нас игумен з братьею, с Москвы, государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоту на Двину, к воеводе к Никиты Михайловичу Пушкину да к дияку Путилу Григорьеву, в нашем непослушаньи, и в данных и в оброчных деньгах, и в монастырском зделъи

за 4 годы, и в грабленом хлебе, и в сене, и по государевым и по боярским грамотам в одбоех. И мы, Дементеи да Фалелеи, по тое государевы грамоты, не дождаясь указу, доложа государева воеводе Никиты Михайловичя Пушкина да дияка Путила Григорьева, в своих винах игумену Ионе и з братьею в сох и вытех добили челом. И впредь нам на игумена з братьею по одиначным записем в том деле ложно не бити челом ни в чем на игумена и з братьею, и не враждовати, игумена и з братьею слушати, данные и оброчные деньги платити, и хлеб, чем нас игумен и з братьею обложит. А не учнем мы, Дементей да Фалелей, впредь игумена Ионы слушати, данных и оброчных денег и хлеба платити и монастырское зделье делати, или не учнем игумена || з братьею слушати или учнем впредь на них враждовати, по одиначным записем бити челом ложно, и на том [на] нас, на Дементьи и на Фалелеи, государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии пеня, что государь прикажет. И игуменовы и з братьями убытки и волокита по сей записи. На то послуси: Емецкого стану земской дьячек Богдан Кузьмин сын Вашуков, да Кузьма Павлов сын Спирова, да никольской диячек Иван Ильин. Запись писал Малейко Харлампиев сын Иванова лета 7122-го сентября в 12 день.

На обороте рукоприкладства послухов.

4. 1613 г. сентября 13. — Запись („отпись") крестьянина Емецкого стана Ф. И. Андреева Антониеву-Сийскому монастырю в том, что он „сступился" игумену монастыря руном, хлебом и сеном, за невзнос в течение 4-х лет дани и оброка.

Се яз Федор Никифоров сын Андреева дал есми отпись Живоначальные Троицы Антониева монастыря Сииского игумену Ионе, яже о христе з братьею, в том, что по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу велено головы стрелецкому Терюшкому Левонтьевичю Облезову по прежнему отписати вотчину деревни за монастырь, а дань и оброк за прошлые за 4 года велено доправить на нас крестьянех. И яз Федор за те 4 прошлые годы, за дань и за оброк с Ворончевской деревни, с трети, руно, хлеб и сено, что на той деревни прошлого 121 году пахал, сступился игумену Ионе з братьею, тое деревни хлеба и сена и всякого деревенского руна. И впредь мне, Федору, до игумена Ионы з братьею в том деревенском во всем руне дела нет. Да в том и отпись дал.

На то послуси: Филип Галахтионов сын, да Михайло Федосьев сын Кореленин, да Семой Демидов сын Наволоцкие волости. Отпись писал покровской дьячек Петруша Матфеев лета 7122-го сентября в 13 день.

5. 1613 г. октября 9. — Запись крестьянина Емецкого стана Ш. И. Золотых Антониеву-Сийскому монастырю с обязательством игумена монастыря „слушать", дань и оброк платить и монастырское изделье делать.

Се яз Шумила Иванов сын Золотых Емецково стану, крестьянин Живоначальные Троицы Сииского монастыря, дал есми на собя запись того же Сииского монастыря игумену Ионе з братьею в том, что в прошлых [годех] бил я челом государю на него игумена Иону з братьею ложно, буттося оне владеют старыми обменными деревнями, которые писаны на государя, и буттося оне емлют с нас лишные подати; и его игумена и братьи ни в чем не слушали. И в прошлом во 121-м году привез он, игумен Иона, з братьею, на нас с Москвы государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоту на Двину, к государеву воеводе Никите Михайловичю Пушкину и дьяку Путилу Григорьеву в нашем непослушаньи, и в данных и в оброчных деньгах за 4 годы, и в монастырском здельи, и в розграбленом хлебе, и в сене, и по госсударевым грамотам в отбоех и по боярским. И мы в том по той государеве грамоте, не дожыдаяся указу, доложа государева воеводы и дьяка, в своих винах игумену з братьею добили челом. И впредь нам на игумена Иону з братьею по одиначным записем в том деле ложно не бити челом и ни в чем нам на игумена з братьею не врождовати, и во всем игумена з братьею слушати, и данные и оброчные деньги, и хлеб в монастырь платити чем меня игумен Иона з братьею обложат, и зделье монастырское всякое делати. А не учну яз впредь игумена Ионы з братьею слушати, и данных и оброчных денег, и хлеба, и сена в монастырь платити, и монастырьсково всякого зделья делати, или учнем в том же деле по своим одиначным записем ложно бити челом государю по прежнему, и на мне, на Шумиле, государя царя и великово князя Михаила Федоровича всеа Русии пеня, что государь укажет, и игуменские з братьею убытки и волокита по сеи записе все сполна. На то послуси: троецкой церковной диячек Иван

Епифанов сын, да Первой Семенов сын Кубенинов, да Третьяк Григорьев сын Настасьина, Глинчанин. Запись писал Дружынка Михайлов лета 7122-го октября в 9 день.

На обороте рукоприкладства послухов.

6. 1649 г. не позднее января 9. — Выписка из дела о „насильствах" Антониева-Сийского монастыря в волостях Емецкого стана, составленная в Новгородской четверти.

И в Новгородцкой чети выписано из отпусков.

В прошлом во 155-м году, по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу, послана государева грамота на Двину, к боярину и воеводе, ко князю Юрью Петровичю Буиносову-Ростовскому да к дьяку Калистрату Жохову, а велено на Двине про крестьянские про всякие владенья, которыми владеют монастыри, по купчим или по ложному челобитью и насильством, и про те про все земли и угодья сыскать и роспросить, и роспросные речи прислать ко государю к Москве.

И в нынешнем во 156-м году писали ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии з Двины, боярин и воевода князь Юрьи Петрович Буиносов-Ростовский да дьяк Калистрат Жохов, сыскали де они в сьезжей избе список з грамоты царя и великого князя Василия Ивановича всеа Русии 116-го году, какова прислана на Двину, к воеводе к Ивану Милюкову да к дьяку к Илье Елчину, по челобитью Двинского уезда Емецково стана земсково посыльщика Шумилка Золотого и во всех крестьян место, Сиского монастыря на игумена з братьею. А велено де Емецкова стану крестьян и их деревень, со всякими угодьи и сенными покосы, от Сиского монастыря отписать на царя Василья Ивановича всеа Русии, а дань и оброк и всякие денежные доходы с них велено збирать по прежнему, и от сторон и ото всяких обид и Сиского монастыря, от игумена з братьею, их беречь, чтоб им от сторон и Сиского монастыря, от игумена з братьею, продаж и насильства никоторого не было. И они де, боярин и воевода князь Юрьи Петровичь и дьяк Калистрат, против того списка з грамоты, Емецково стану Гришку Петрекеева с товарыщи роспрашивали, а что те крестьяне в роспросе сказали и какие крепости на вотчинные свои деревни им подали, и они с тех крепостей

велели списать списки. И против тех списков Сиисского монастыря старец Филарет с крестьяны, с Гришкою Трофимовым с товарыщи, ставлен, а в роспросе сказал: Сиисково де монастыря игумен з братьею теми крестьяны и их деревнями владеют, а почему владеют, тово он не ведает, потому что Сиисково монастыря игумен Феодосей всякие крепости повез с собою к Москве в нынешнем во 156-м году, а в Сиисском де монастыре никаких крепостей нет. И они те роспросные || речи и списки с крепостей прислали ко государю к Москве. И ис тех распросных речей и из списков с крепостей выписано на перечень.

Емецково стану крестьяне Гришка Трофимов с товарыщи, 12 человек, и во всех крестьян место, в роспросе сказали: в прошлых де годех прадеды и деды и отцы их жили в Двинском уезде вь Еметцком стану, блаженные памяти за великим государем царем и великим князем Иваном Васильевичем всеа Русии, на своих исконивечных вотчинных, в Наволотцких и в Ровдогорских и в Ваимужских и в Задворских деревнях, и всякие государевы четвертные денежные доходы платили, и отпуски отпускали, и службы служили з двиняны вместе. А тех де деревень было по писцовым книгам Ивана Заболотцково 10 сошек с полуобжею. И Сиисково де монастыря игумен з братьею били челом блаженные памяти великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии ложно о тех их исконивечных вотчинных черных деревнях на смену, о 10 сошках с полуобжею. А в то место велено им Наволоцких и Ровдогорских, Ваимужских и Задворских деревень крестьяном дать Сиисского монастыря игумену з братьею в отмен, против их 10-ти сошек с полуобжею, монастырские вотчинные деревни. И по тому де ложному челобитью Ондрей Толстой их, крестьян, и тяглые их деревни отдал в Сиисской монастырь. А им крестьяном монастырских деревень против тово в отмен не дали. А как де Ондрей Толстой их, крестьян, за Сиисской монастырь отписал, и те де крестьяне данные и оброчные деньги и всякие доходы платили в Сиисской монастырь, игумену з братьею, против государевых черных тяглых крестьян, по 2 рубли по 26-ти алтын по 4 деньги с сошки. И те де они свои деревни, пашенные земли, и сенные покосы, и всякие угодья, по крепостям меж собою купили и продавали и закладывали повольно. И после де тово Сиисково монастыря игумен з братьею, и по нем иные игумены и старцы, учели с них, крестьян, дани и оброку

имать насильством вдвое и втрое, с сошки по 6-ти рублев по 26-ти алтын по 4 деньги, и деревень своих и вотчин им, крестьяном, продавать и закладывать меж себя не велели. И тех крестьян изгонять, и пашенные лутчие земли и сенные покосы от деревень их учели и отъимать, и к своим монастырским пашенным || землям и к сенным покосом в пашню припущать. А у иных де крестьян деревни с хлебом и с сеном отняли насильством, и многие де их крестьянские дворы розломали и свезли, а иные сожгли. И в прошлом де во 118-м году били челом царю Василью Ивановичю отцы их и те крестьяне Сиинского монастыря, на игумена з братьею, в их ложном челобитье и в насильствах и во всяких обидах. И по тому де их челобитью дана им государева грамота на Двину, к Филипу Зиновьеву, а велено ему про то игуменское насильство и ложное владенье, про их тяглые деревни, сыскать, а сыскав их, крестьян, и деревни их отписать на государя в черные сошки, и дань и оброк велено на них положить, примерясь к черным сошкам, по прежнему. И Филип де Зиновьев их, крестьян, по сыску из за Сиисково монастыря отписал на государя по прежнему в черные сошки, и оброк на них положил по прежнему. И они де, крестьяне, всякие государевы денежные доходы в государеву казну платили, и отпуски отпускали, и службы служили з двиняны, с тяглыми крестьяны вместе, со 118 году и по 121 год. А в прошлом де во 121-м году били челом блаженные памяти великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии Сиинского монастыря игумен Иона з братьею, будто де они, крестьяне, в черные сошки не отданы, и данных и оброчных денег не платили, на государеву службу людей не отпущали, и жили в ызбылых. А они де, крестьяне, всякие государевы денежные доходы платили и на государеву службу людей посылали с мирскими людьми вместе, а в ызбылых николи не жили. И по тому ложному челобитью Сиинского монастыря игумена з братьею, воевода Микита Пушкин да дьяк Путило Григорьев посылали к ним сотника стрелецково да 100 человек стрельцов. И сотник де и стрельцы их, крестьян, переимав, привезли в Архангельской город скованных. И Микита де Пушкин и дьяк, для своей корысти, метали их в тюрьму и били кнутом, и отдали Сиинского монастыря игумену з братьею, з государевыми тяглыми деревнями. И вымучили де на них в тюрьме записи, что им вперед о деревнях своих государю не бить челом и тех деревень вотчин-

никами не называтца, и кабалы на них многие вымучили. И со 121-го году они, крестьяне, с тех своих тяглых деревень данные и оброчные деньги платят в Сииской монастырь, игуменом и старцом, по 7-ми рублев и больши с сошки на год, по 155 год. А со 155-го году игумен з братьею учели с них имать насильством || с сошки по 17 рублев, да сверх тово монастырские изделья, бревна и тес, и монастырские товары, ставят безденежно. И они де, крестьяне, от тово немерново насильства, живучи за Сииским монастырем, в конец погибли и многие крестьяне разбрелись врознь, и достальные крестьяне то тому ж хотят деревни свои впусте покинуть и врознь разбрестись. И ныне де они, Наволоцкой и Ровдогорской и Ваимужских и Задворских деревень крестьяне, бьют челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, что у них, крестьян, те деревни в Сииской монастырь не проданы и не заложены и вкладом не отданы, и купчие де и всякие крепости у них на те вотчинные деревни есть. И государь бы их пожаловал, велел им быть за собою великим государем, как преж сево были за прежними государи, и государевы и оброчные деньги указал бы государь с них имать, и в отпуски платить, и службы служить з двиняны вместе, по прежнему, чтоб та прибыль была великому государю, а не Сиискому монастырю. А только де государь испожалует их, крестьян, из за Сиисково монастыря взять по прежнему не велит, а укажет им быть за Сииским монастырем, и всякие доходы платить в Сииской монастырь, и им де, крестьяном, вперед за Сииским монастырем жить невозможно, и в том в конец погинуть и в рознь розбрестись.

Да подали им на Двине те крестьяне на свои деревни список з грамоты царя Василья Ивановича всеа Русии, да с отписки список, да обыск за обыскных людей руками, да отписные книги Филипа Зиновьева, как они из за Сиисково монастыря отписаны на государя, и платежные отписи. И они с той грамоты, и с отписки, и с обыску, и с отписных книг, и с крепостей списки прислали ко государю к Москве. А подлинные отдали крестьяном. И ис тех списков выписано на перечень.

В списке з грамоты царя Василия Ивановича 118-го году написано: послана государева грамота на Двину к Филипу Зиновьеву, по челобитью Еметцково стану посыльщика и во всех крестьян место: будет преж тово их старинные вотчинные деревни были || написаны в черных сошках и государевы будет

всякие подати платили они с черными сохами вместе, и ему про те их крестьянские старинные вотчинные деревни, по их купчим и по крепостям, велено сыскать около Сииского монастыря всякими людьми, игумены и попы и дьяконы, и посадцкими всякими людьми, которым обычаем те их старинные деревни достались в монастырь и сколь давно, против тех деревень в отмен деревни даны ль, и будет даны, и в которых волостях их то даваны, и отменные у них в тех деревнях есть ли и за чьими руками, и Сииского монастыря игумен тем крестьяном насильство и обиды какие чинил ли. А оброк на тех крестьян с тех деревень велено положить примерясь к иным к черным деревням, как бы государеве казне было прибыльнее. И Сииского монастыря игумена распросить: с тех деревень они, крестьяне, на прошлые годы и на 118 год оброк сполна ль заплатили, и отписи у них в тех деньгах есть ли. Да будет те крестьяне чево на прошлые годы и на 118 год на доплатили, и ему те оброчные деньги с тех крестьян собрать и Сииского монастыря ратным людям по указной грамоте подможные деньги прислати к Москве.

Да в списке ж с отписи Филипа Зиновьева написано, что он по той грамоте игуменов, и старцов, и попов, и дьяконов, и старост, и целовальников, и крестьян роспрашивал. И они де сказали и обыски за своими и за отцов своих духовных руками дали, что те деревни исстари были в черных сошках, и дань и оброк платили в государеву казну с ыными черными волостьми вместе, и, по челобитью Сииского монастыря, Ондрей Толстой те их деревни за Сииской монастырь отвел, а в то место им крестьяном в отмен своих монастырских деревень не дал, и обиды и насильства многие крестьяном чинили, и дворы их ломали и жгли, и возили к себе в монастырское село, и крестьян их били до смерти. И они де, крестьяне, клали на те свои вотчинные деревни купчие и всякие крепости, и в государевых в данных и в оброчных || деньгах платежные отписи. И он де по государеву указу, и по обыском, и по купчим, и по крепостям, и по платежным отписям, тех крестьян и сь их вотчинными деревнями из за Сииского монастыря отписал на государя по прежнему в черные сошки, и данные, и оброчные, и сошные деньги в государеву казну взял. Да ему ж де велено допросить Сииского монастыря игумена: в прошлых годех те крестьяне дань и оброк платили сполна ль. И игумен де, послыша государеву грамоту и не дожидаясь ево, уехал к Москве. Да ему ж де извещал

Шумилко Иванов с товарыщи на сииских старцов в их насильстве, что те старцы отняли 3 деревни церковные Рождества Ивана Предтечи девичья монастыря, что на Еметцком на посаде. А те де деревни были в тех же государевых 10-ти сошках с полуобжею. А как де те 3 деревни с ними ж отписаны были, и тот де игумен теми деревнями завладел насильством: пашню пашут и сено косят и всякими угодьи владеют, а данных и оброчных денег и всяких государевых податей с ними не платят. И Сиисского де монастыря старцы в роспросе ему сказали, что те деревни изстари их монастырские, а в государевых черных сошках с теми крестьяны вместе не бывали; а крепостей никаких у себя не казали; были де у них крепости, и как де монастырь горел и в те де поры те купчие згорели.

В списке ж с роспросных речей написано, ... всего 129 человек, сказали: Емецкого де стану крестьян прадеды и деды и отцы их и они, крестьяне, жили на своих деревнях в черных сошках, а дань и оброк платили з государевыми, с черными деревнями вместе. А Сиисского монастыря игумены в отмен деревень дали ль или не дали, про то они не ведают. А на монастырское изделье тех крестьян на лето, с сошки по 3 человека, имали и сверх тово на монастырь делали, и от деревень к своим монастырским деревням лутчие пашенные земли и сенные покосы имали, то они слышели. И у тех крестьян || игумен деревни с хлебом и с сеном поимал, и дворы их ломал и розвозил, и их, крестьян, з женами и з детьми, из деревень вон высылал, и на тех крестьянех доправил 35 рублев денег, а порядные записи те крестьяне на себя дали ль, волею или неволею, и по 7-ми рублев с сошки правиль ли или не правили, и про хлебной и про сенной своз, и про записи, что игумен на крестьянех вымучил или не вымучил, про то не ведают. А в прошлом во 117-м году от монастырских крестьян слух был, что убил у них крестьянина старец с слугами, а сами про то не ведают. Да в прошлом де во 117-м году приезжал Архангельсково города стрелец да сииской старец, с слугами и со многыми людьми, и у тех крестьян у изб двери выставливали и печи ломали, то они от тех крестьян слышели, а двор те старцы разломали и розвозили. А которые были бобыльские дворы и те дворы старцы розво[зи]ли ж.

Да ис тех же людей, ... 124 человека, сказали: Сиисково де монастыря игумен з братьею в обмен крестьяном деревень не дали.

А по списку с отписных книг 118-го году из за Сиского монастыря отписаны при царе Василье Ивановиче в черные сошки 26 деревень да 3 починка, а в них 47 человек крестьян, 11 дворов пустых. А по спискам те деревни у крестьян купленые. || Да по тому ж списку с отписных книг в тех же 10 сошках с полуобжею 3 деревни монастырские, Рождества Ивана Предтечи девича монастыря. А тот монастырь стоит на государеве черной земле, а те деревни даны за вклад старицам на корм. А имали с них хлеб церковные старосты и роздовали старицам повытно. А ныне теми деревнями владеют Сиского монастыря игумен з братьею.

Сиского монастыря старец Филарет допрашиван, по каким оне крепостям теми крестьяны владеют, и сколь давно, и в котором году учели владеть. И Сиисково монастыря старец Филарет в допросе сказал: Сиисково де монастыря игумен з братьею теми крестьяны и деревни владеют, а по чему владеют, по государевым ли жалованным грамотам, или по купчим, или по закладным, или по данным, или по вкладным, тово он не ведает, потому что Сиисково монастыря игумен Феодосий всякие письмяные крепости повез с собою к Москве в нынешнем во 156-м году, а в Сииском де монастыре никаких письмяных крепостей на деревни нет.

А в нынешнем во 156-м году, по помете на челобитной думново дьяка Назарья Чистово, послана государева царева и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии грамота на Двину, к окольничему и воеводе, ко князю Василью Григорьевичю Ромодановскому да к дьяку к Григорью Углеву, а велено Емецково стану крестьян, Ровдогорской и Наволоцкой и Ваимужской и Задворской волостей, которые на сиисково игумена з братьею бьют челом, от сиисково игумена з братьею оберегать и суда на них ни в чем до государева указу не давать, а землями своими тем || крестьяном велено владеть по прежнему. А против челобитья тех волостей крестьян, что им Сиисково монастыря от игумена з братьею чинятца насильства, велено сыскать да тот сыск прислать к государю к Москве, а их крестьян велено беречь во всем накрепко.

И государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьют челом Двинского уезду Емецково стану, Новолоцкой и Ровдогорской и Ваимужской и Задворской волостей, крестьяне Гришка Трофимов и во всех крестьян место тех воло-

стей. В прошлом де во 155-м году и в нынешнем во 156-м году, по государевым грамотам, велено на Двине боярину и воеводам князю Юрью Петровичю Буиносову-Ростовскому с товарыщи, про монастырские земли, которые вышли ис черного тягла за монастыри, [сыскать]. А они де жили исконивечно блаженные памяти за государем царем и великим князем Иваном Васильевичем всеа Русии. И в прошлых де годех Сиисково монастыря игумен з братьею бил челом ложно о их тяглых деревнях о 10 сошках с полуобжею, а в тех было их деревень место дати им монастырские земли. И по тому их ложному челобитью Ондрей Толстой их крестьянские деревни ему, игумену з братьею, отвел, а им, крестьяном, против тех деревень монастырских земель в отмен не дал. А как де Ондрей Толстой отвел за Сиискои монастырь, и игумен де з братьею имал с них против государевых тяглых деревень по 2 рубли и по 20-ти алтын по 4 деньги с малой сошли. А деревни они свои промеж собою продавали и покупали и закладывали повольно. И после тово Сиисково ж монастыря игумен з братьею на них имал государевы данные и оброчные деньги мимо государева указу, насильством, вдвое и втрое, по 7-м рублев с сошки и больши. А деревень им своих продавать и покупать и закладывать не велели, и учели насильство чинить, от их деревень лутчие пашенные земли и сенные покосы отымали и припущали к своим монастырским || деревням, а иные деревни поотнимали с хлебом и с сеном, и многие дворы ломали и розвозили, а иные сожгли. И в прошлом во 118 году били челом отцы их и они царю Василью Ивановичю всеа Русии в их игуменском насильстве и в ложном челобитье владенье. И по тому их челобитью послана на Двину грамота к Филипу Зиновьеву, а велено ему про их вотчинные тяглые деревни, и про насильство, и про всякие обиды сыскать подлинно, а сыскав отписать на государя по прежнему в черные тяглые сошки. И Филип Зиновьев по той грамоте сыскав, их с тяглыми деревнями из за Сииского монастыря отписал на государя по прежнему в черные сошки. И они жили за государем со 118 году и по 121 год, и государевы данные, и оброчные, и всякие денежные доходы в государеву казну платили, и службы служили, и отпуски отпускали з двиняны, с тяглыми крестьяны вместе, и на государеву службу людей отпускали. И во 121-м году Сиисково ж монастыря игумен з братьею бил челом блаженные памяти великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю

всеа Русии на них крестьян ложно, будто они из за Сиского монастыря в черное тягло не отведены, и данных, и оброчных денег в государеву казну не платят, и служеб з двиняны, с тяглыми крестьяны не служат, и на службу людей не отпускают. А они де данные и оброчные деньги, и всякие денежные доходы, в государеву казну платили и службы служили, и отпуски всякие з двиняны отпускали. И по тому их ложному челобитью прислана государева грамота на Двину, к воеводе к Миките Пушкину да к дьяку к Путилу Григорьеву. И Микита де Пушкин да дьяк Путило, без сыску, от Архангельского города посылали сотника стрелецково Смирново Чертовского, а с ним 100 человек стрельцов. И их переимав и сковав, привезли к Архангельскому городу и в тюрьму пометали. И по науку Сиского монастыря игумена з братьею, Микита Пушкин да дьяк Путило кнутом их били, и за Сиской монастырь с тяглыми деревнями отдали, и многие кабалы и записи на них вымучили, || что им государю не бить челом и вотчинниками на тяглые деревни не называтца. А они де платили всякие государевы подати в Сиской монастырь по 7 рублев с сошки и больши, а со 155-го году Сиисково ж монастыря игумен Феодосий з братьею учел на них имать насильством за жестоким немерным правежем по 17-ти рублев с сошки и больши. А сверх тово всякое монастырское немерное изделье делают безденежно. И в нынешнем де во 156-м году, по сыску боярина и воевод князя Юрья Петровича Буиносова-Ростовского с товарыщи, ставлены они на Колмогорах в сьезжай избе со всякими письменными крепостьми и платежными отписьми, и с отписными книгами Филипа Зиновьева, и з земскими подлинными обыски и списками з грамот. И о том с Колмогор боярин и воевода князь Юрьи Петровичь Буиносов-Ростовской да дьяк Калистрат Жохов писали ко государю. И государь бы их пожаловал велел им быти за собой государем как и преж сево были за прежними великими государи, а не за Сииским монастырем, и свои государевы данные, и оброчные, и всякие денежные доходы с них имать в свою государеву казну, и в отпуски платить, и службы служить з двиняны вместе по прежнему, чтоб та прибыль была ему, государю, а не Сиискому монастырю.

Да государю ж царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьют челом з Двины Живоначальные Троицы Антоньева Сиисково монастыря игумен Феодосей з братьею. В прошлых де годех пожаловал блаженные памяти царь и великий князь

Иван Васильевич всеа Русии, и царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии, и блаженные памяти великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, по своей праведной вере блаженные памяти великий государь святейший Филарет Никитичь, патриарх Московский и всеа Русии, для своего обещания, велел им || дать в отмен, которые деревни блиско монастыря на старинные деревни, которые были отданы в монастырь в розных волостях, и со крестьяны и со всякими угодьи. А ныне де те крестьяне бьют челом государю ложно, будто они владеют ими крестьяны по ложному челобитью, и накладывают на них тягло и изделье не против старово, вдвое. А они де владеют теми крестьяны по имянному государеву указу, а не по ложному челобитью на обменные деревни, что взяты против их старинные исконивечные на государя в розных волостях. А в писцовых де и в дозорных книгах написаны те деревни и со крестьяны за Сиинским монастырем, и оброк за них, крестьян, и всякие государевы денежные доходы по государеву указу платят они на Москве по вся годы в государеву казну, по 144 рубли по 12 алтын по 3 деньги, и ни в чем их крестьян не обидят. Да им же взяти на них крестьянех в монастырскую казну денежные и хлебные дачи рублев по 50 и больши, и дворы по тем деревням ставят, и пашни и пожни розчищают монастырскою казною. И государь бы их, игумена з братьею, пожаловал, не велел прежних государей и отца своего государева, блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, и блаженные памяти великого государя святейшего Филарета Никитича, патриарха Московского и всеа Русии, и своего государского имянново жалованья нарушить. А велел бы тем крестьяном, которые в отмен даны на исконивечные старинные деревни, Гришке с товарыщи, которые бьют челом государю ложно, быть за Сиинским монастырем по прежнему, что те крестьяне живут за Сиинским монастырем больше 60-ти лет, чтобы ему игумену з братьею, будучи в пустынном месте в Сиинском монастыре, голодною смертью не помереть, и ево б государеву богомолью тому Сиинскому монастырю не запустеть, потому что у них, опришно тех деревень, иных вотчин и крестьян нет и питатца нечем.

Документ датирован на основании упоминания о челобитной, помещенной в его конце, в грамоте „с прочетом“ 1649 г. V, 17 (см. док. № 7).

7. 1649 г. мая 17. — Грамота „с прочетом“ ц. Алексея Михайловича двинскому воеводе кн. В. Г. Ромодановскому об отдаче деревень и крестьян Емецкого стана во владение Антониева-Сийского монастыря, и о наказании тех крестьян, „которые от монастыря оттягивались“.

От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии на Двину, окольничему нашему и воеводе князю Василью Григорьевичю Ромодановскому да дьяку нашему Григорью Углеву. В нынешнем во 157-м году генваря в 9 день били нам челом з Двины Живоначальные Троицы Антоньева Сииского монастыря игумен Феодосей з братьею на старинных своих монастырьских крестьян, Ровдогорской и Наволотцкой и Ваимужской и Задворской деревень, на Гришку Трофимова, на Ивашка Семенова, на Семка Петрова, на Ивашка Филипова, на Тимошку Такшеева с товарыщи. В прошлом де в 7086-м году пожаловал блаженные памяти великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии Сииского монастыря, игумена Питирима з братьею, велел им дать в Сииской монастырь деревни, в отмен со крестьяны, ис своих государевых черных деревень, которые ближе к Сиискому монастырю, а против тех деревень велел у них взять на себя, государя, монастырьские старинные покупные деревни со крестьяны в розных волостях, которые от монастыря удалели, в Двинском, и в Каргопольском, и в Важском, и в Мезенском уездех, по сошному письму, столько ж. И те де монастырьские деревни со крестьяны в розных волостях Ондрей Толстой отписал в черные деревни, а черные деревни со крестьяны отвел за Сииской монастырь. И на те отменные деревни дана им Сииского монастыря игумену з братьею жаловальная грамота блаженные памяти царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в 87-м году, за приписью дьяка Ивана Стрешнева. А как де в 95-м году были на Двине писцы князь Василей Звенигородцкой с товарыщи, и те отменые деревни и крестьян, по прежнему отводу и по жаловальной грамоте, приписали к Сиискому монастырю, и с тех писцовых книг дана им сотная грамота за приписью дьяка Ондрея Щелкалова. А в прошлом же де во 102-м году дана им Сииского монастыря игумену з братьею на монастырьскую вотчину и на те отменные деревни жаловальная грамота блаженные памяти царя и великого князя Федора Ивановича всеа

Русии. А как де во 118-м и во 119-м годех приходили под Москву польские и литовские люди, и тех отменных деревен крестьяне своим воровством игумена з братьею слушать не учали, и дву старцов убили до смерти, и служек побивали, и монастырьскую казну грабили, и с пашень монастырьских хлеб и сено свозили сильно. И по челобитью Сииского монастыря прежнего игумена Ионы з братьею даны были им при боярех грамоты, и те крестьяне тех грамот не слушали. И в прошлом де во 121-м году пожаловал отец наш блаженные памяти великий государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии Сииского монастыря игумена з братьею, велели им дати на Двину свою государеву грамоту, к воеводе к Миките Пушкину да к диаку к Путилу Григорьеву, что тем крестьяном быть по прежнему за Сиискым монастырем. А за их ослушанье, и убивство, и грабеж учинити им наказанье, и подавать на крепкие поруки з записьми, что им вперед игумена з братьею во всем слушать, и изделье делать, и подати монастырьские и оброки платить. И в прошлом же де во 122-м и во 129-м годех даны отца нашего блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии жаловальные грамоты вь их Сииской монастырь на монастырьскую их вотчину и на обменные деревни, против прежних жаловальных грамот, и те грамоты на наше || государево царево и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии имя подписаны, рудить ни в чем их не велено. А как в прошлых во 130-м и во 131-м и во 132-м годех были на Двине писцы Мирон Вельяминов с товарыщи, и те деревни и крестьян написали за Сиискым монастырем, по жаловальным и по сотным грамотам и по прежним писцовым книгам, и платят они с тех своих монастырьских вотчин на Москве в нашу казну, в Новгородцкой четверти, по 100 по 40 по 4 рубли по 12-ти алтын по полтретье деньги на год. И в прошлом де во 156-м году били нам челом на них монастырьские крестьяне, Гришка с товарыщи, ложно, будто они завладели ими по ложному челобитью, сильно. И положили на Колмогорах, в сьезжей избе, список з грамоты царя Василья Ивановича всеа Русии, да списки ж с обысков, составные. А те списки держали они у себя со 118-го году по 156-й год, а на Колмогорах, в сьезжей избе, перед воеводы и перед писцов не кладывали; и тем своим ложным челобитьем и по составным обыском хотят от монастыря отбыть. И нам бы их, игумена

Феодосия з братьею, пожаловати, велети им теми обменными деревнями и крестьяны владеть по прежнему, по нашим жаловальным грамотам и по писцовым и по дозорным книгам. А те де крестьяне живут за Сииским монастырем больши 70 лет. А Еметцкого стану Наволоцкой и Ровдогорской и Ваймужской || и Задворской волостей крестьяне, Гришка Трофимов, и во всех крестьян место тех волостей, били нам челом на сиисского игумена з братьею, что де Сиисского монастыря игумен з братьею владеют нашими тяглыми деревнями будто в отмен, а своих де монастырьских деревень в отмен им в то место не дали. И нам бы их пожаловати, велети тем деревням быть по прежнему за нами, великим государем, и их, крестьян, в монастырь не отдавать. И Сиисского монастыря игумен Феодосей положил в Новгородцкой четверти, перед дьяки нашими, перед думным перед Михаилом Волошениновым да перед Алмазом Ивановым, список з грамоты царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии 7087-го году, за рукою прежнего сиисского игумена Ионы, а про подлинную грамоту сказал [что] в Сиисском монастыре згорела, а список уцелел в монастырьских службах. А в том списке написано: пожаловал царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Русии сиисского игумена з братьею, велел прикупные их деревни переменить, а против тех их деревень дать им блиско их монастыря, вь Еметцком стану, ис черных деревень, столько ж сколько у них отписал Ондрей Толстой. А по книгам Ондрея Толстова 86-го году написано: Сиисского монастыря деревни и починки в розных станех, которые от монастыря далеко, верст по 100 и больши, и те монастырьские деревни отписаны в черные деревни в Двинском уезде в Матигорской луке, в Быстрокурьи, в Васильевском приходе и в ыных волостях, || 12 деревень да починок, да в Каргопольском уезде деревня Ряполово, да в Важском уезде в Великой слободе деревня Молчановская, да на Мезени вь Юровском стану деревня Скоморовское печище, да в ту ж деревню припущено в пашню деревня Попиралово; всего 15 деревень. А в них пашни 130 четвертей с осьминою. А в Сиискои монастырь даны наши черные деревни против их монастырьских деревень в Двинском же уезде вь Емецком стану, 22 деревни. А в них пашни 130 же четвертей, то ж число что у них взято. Да Сиисского ж монастыря игумен Феодосей положил сотную подлинную грамоту 7102-го году, какова им дана в Сиискои монастырь, за

приписью дьяка Ондрея Щелкалова, с писцовых книг князя Василья Звенигородцкого с товарыщи 95-го году, и в той сотной грамоте отменные деревни, которые даны им ис черных деревень в 86-м году, вь их деревень место, в отмен, написаны за Сиискым монастырем. Да те жь отменные деревни написаны за Сиискым же монастырем в писцовых книгах Мирона Вельяминова с товарыщи 130-го и 131-го и 132-го году. А которые Сииского монастыря деревни в 86-м году взяты в черные деревни, в отмен, и те деревни по двинским, и по каргопольским, и по мезенским писцовым книгам 130-го и 131-го и 132-го году написаны в черных деревнях. А челобитья к нам тех Еметцкого стану крестьян на сииского игумена з братьею, при писцех и после писцов, по 156-й [год], во владенье тех деревень, не бывало. А в списках з жаловальных грамот царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии || 102-го году, и царя Василья Ивановича всеа Русии 115-го году, да в жаловальной подлинной грамоте блаженные памяти отца нашего великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии 129-го году, за приписью дьяка Семена Головина, написано: сиискому игумену з братьею, с троицкие старые вотчины Сииского монастыря, что обелена за хлебную ругу, и с отменных деревень, что им даны на обмену в старых их купленных деревень место, наших никаких доходов имать не велено. И прошлом во 154-м году та жаловальная грамота на наше государево царево и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии имя подписана и рудить ее ни в чем не велено; а припись у той нашей грамоты думного нашего дьяка Григорья Львова. А в двинских, и в турчасовских, и в мезенских писцовых книгах 129-го и 130-го году, написаны те деревни, которые взяты на нас у Сииского монастыря, и которые наши деревни даны в Сииской монастырь в отмен. И те деревни написаны имянно теми ж имяны, что писаны в списке с жаловальной грамоты 87-го году и в сотной, в подлинной, за приписью дьяка Ондрея Щелкалова. А в мезенских писцовых книгах 131-го году написано на Мезени, в наших черных деревнях, деревня Попираловская, да к ней же в пашню припущено печище Скоморовское, что бывало Сииского монастыря. И по тем нашим жаловальным грамотам, и по сотной, и по писцовым книгам, по нашему указу и по боярскому приговору, || велено теми деревнями и крестьяны, которые даны в Сииской мона-

стырь в отмен, владеть сиискому игумену Феодосию з братьею, или хто по нем в том монастыре иный игумен и братья будут, к Сиискому монастырю по прежнему. И челобитчики тех деревень Еметцкого стану крестьяне, Гришка Трофимов, Семка Пантелеев с товарыщи, Сииского монастыря игумену Феодосию з братьею отданы. А что в прошлом во 156-м году писали к нам з Двины боярин наш и воеводы, князь Юрьи Петровичь Буиносов-Ростовской да дьяк Калистрат Жохов, по челобитью Емецкого стану крестьян, Гришки Трофимова с товарыщи, и прислали список з грамоты царя Василья Ивановича всеа Русии 116-го году, а тот список сыскали они в сьезжей избе; и в том списку написано: велено по челобитью Емецкого стану Шумилка Золотого у Сииского монастыря Еметцкого стану крестьян и их деревни со всякими угодьи отписать на нас, и оброк и всякие денежные доходы с них збирать в нашу казну по прежнему. А подлинной нашей грамоты о том нет, и те деревни у Сииского монастыря отписаны ль были, того не сыскано и тому верить нечему. А в списке з грамоты царя Василья Ивановича всеа Русии, каков список положили на Двине Емецкого стану крестьяне 118-го году, написано: по их же Емецкого стану крестьян челобитью, велено про те деревни Филипу Зиновьеву сыскать, || которым обычаем те их деревни достались в монастырь, и сколь давно, и против тех деревень в отмен деревни даны ль, и будет даны и в которых волостях. А подлинной нашей грамоты о том нет и сыску никакова не объявилося, и тому верить нечему ж. А что они ж Емецкого стану крестьяне положили на Двине список с отписки Филипа Зиновьева, и тому списку так же верить нечему, потому что на Двине того отпуску черные отписки не сыскано ж, и челобитья их по Филипову сыску Зиновьева не объявилось, а тому ныне близко сорока лет. И по тому по всему Еметцкого стану крестьяном, по нашему указу и по боярскому приговору, в тех деревнях, о которых они били нам челом, отказано, что они подлинных указных грамот на те деревни и никакова оправданья, что у Сииского монастыря взять назад, не положили; и в писцовых книгах за ними те деревни после отдачи, как отданы в Сииской монастырь, нигде не объявились, а тому минуло 70 лет, и челобитья их подлинного в те годы не сыскано. Да в нынешнем же во 157-м году апреля в 28 день били нам челом Сииского ж монастыря игумен Феодосей з братьею на

тех своих монастырьских крестьян, на Гришку Трофимова, на Минку Филипова, на бобыля на Ворыбку Сидорова с товарыщи: жили де те крестьяне, || Гришка с товарыщи, за Сиинским монастырем больши 70 лет и били нам челом на них, игумена з братьею, ложно и от монастыря оттягивались. И тем своим ложным челобитьем учинили им в московской езде и на Москве, в волоките и в проести, убытков 75 рублев с полтиною. Да они ж де в монастырь денежных и хлебных доходов, и дани, и оброку, и иных податей на нынешней на 157-й год не платили, и монастырьского изделья не делали, и долгов монастырьских не платили, и во всем им чинились сильны. И от того их непослушанья учинилось им убытков, что хлеб и сено скотом потравили, 29 рублев 28 алтын. Да они жь де били монастырьского служку Микифорка Голыхманова да крестьянина Ваську Семенова. И нам бы их пожаловати, велети на том Гришке с товарыщи нашу дань и оброк, что они за них платили в нашу казну, и в монастырь хлебной оброк, и кабальные долги, и иные подати, и за монастырьское изделье против иных крестьян, и что им в московской езде и на Москве, в волоките, и в проестях, и в хлебной и в сенной потраве, учинилось убытков, доправить. А за ослушанье учинить им наказанье, и пущих ябедников и озорников из монастырьской вотчины выслать. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б теми деревнями, о которых били нам челом || Емецкого стану крестьяне, Гришка Трофимов с товарыщи, и ими, крестьяны, велели владеть по нашим жаловальным грамотам, и по сотной, и по писцовым книгам Сиинского монастыря игумену Феодосию з братьею, или хто по нем в том монастыре иный игумен и братья будут, по прежнему к Сиинскому монастырю. А тех монастырских крестьян, которые от монастыря оттягивались, на которых укажет Сиинского монастыря игумен Феодосеи з братьею, велели смирити — бить батоги; и монастырские подати, и оброк, и убытки велели на них доправить и отдать игумену Феодосию з братьею. А то им крестьяном сказали б есте имянно, чтоб они вперед игумену и келарю з братьею были послушны. А будет от них вперед какое будет непослушанье, и им за то от нас быть в жестоком наказанье. А прочет сю нашу грамоту, велели с нее списать список, слово в слово, да тот список оставили в сьезжей избе, а сю нашу грамоту отдали бы есте Сиинского монастыря игумену Феодосию з братьею вперед,

для иных наших окольничих и воевод и диаков, и по чему им теми деревнями и крестьяны владеть. Писан на Москве лета 7147-го мая в 17 день.

На обороте: Диак Ондрей Немиров. Справил Еустратко Иванов.

На Двину окольничему и воеводе нашему князю Василью Григорьевичю Ромодановскому да дьяку нашему Григорью Углеву.

Печать черного воска, прикрепленная к оборотной стороне грамоты.

157-го июня в 26 день подал Сиисково монастыря стряпчей Демка Иванов.

ДОКУМЕНТ О ВОССТАНИИ 1650 г. В ПСКОВЕ

Среди восстаний городских посадских низов, прокатившихся в половине XVII в., выделяется так наз. „хлебный бунт" 1650 г. в Новгороде и Пскове.

Особенно острую форму восстание в Пскове[1] приняло после того, как к городу подошел карательный отряд кн. Ивана Никитича Хованского. Восставшие закрыли ворота окружавшей весь город крепостной стены, обстреляли приближающиеся войска из артиллерии и во время вылазки захватили часть обоза. Более 3 месяцев простоял Хованский под стенами Пскова. Восставшие несколько раз выходили на вылазки и беспокоили его отряд, делая попытки сжечь выстроенные им острожки и препятствуя наводке моста через р. Великую.

Требования восставших изложены в челобитной, которая была подана царю 12 мая.[2] Не все подписавшиеся под нею готовы были стоять за выставленные в ней требования: дворяне и дети боярские жаловались царю, что они „к челобитной руки приложили в неволю, потому что мирские люди захватили их врознь поневелику".[3] Но и среди „мирских" с первых же дней обозначилось 2 лагеря: с одной стороны — „посадские люди, и стрельцы, и казаки, и пушкари и воротники и всякие жилецкие черные люди" и примкнувшие к ним „пахотные мужики" — это те, кто „гиль завели" и на вылазки ходили, с другой — „лутчие посадские и прожиточные люди", которые „с теми гилевщиками не советуют" и „стоят в особых толпах".[4]

Были во Пскове и прямые агенты правительства, среди которых большую роль играло псковское духовенство. Во главе

---

[1] Началом восстания во Пскове принято считать 27 февраля; Хованский подошел к Пскову 28 мая.

[2] См. К. Якубов, Россия и Швеция в первой половине XVII в., М., 1897, стр. 341—366.

[3] Там же, стр. 368.

[4] Там же, стр. 304, 307.

его стоял архиепископ Макарий, которого восставшие обвиняли в том, что он своим приказным людям и детям боярским не велит ходить в караулы и на вылазки и которого, наконец, за агитацию арестовали и посадили в богадельню, где и продержали на цепи около 15 дней.[1]

Кроме словесной агитации духовенство прибегало и к другим способам воздействия на психику восставших, — к инсценировке чудес. Эту сторону деятельности духовенства можно хорошо проследить на основании двух „воспоминаний" рукописного сборника конца XVII в., хранящегося в рукописном отделе Библиотеки Академии Наук и поступившего туда из псковского собрания Ф. М. Плюшкина.[2]

Одно из них — „Воспоминание знамения, являвшегося от иконы пресвятые владычицы нашея богородицы и приснодевы Марии во граде Пскове во обители преп. Сергия" [3] было напечатано псковским историком И. И. Василевым.[4] В нем рассказывается о том, как в келии одного клирика Сергиевского с Залужья монастыря 5 февраля 1650 г.[5] „бысть знамение страшно и ужаса исполнено: показася от образа пречистые богоматери из десного ока слезы исходящи густы, а не яко вода". Икону перенесли в монастырскую церковь. В дни, когда Хованский заканчивал в Новгороде следствие и собирался отправляться усмирять псковских мятежников, 11 и 12 мая (в субботу и воскресенье), икона вновь „плакала". Макарий, „слышав сие преславное чудо" организовал из Троицкого кафедрального собора крестный ход в Сергиев монастырь и торжественно перенес икону в собор. Икона эта участвовала во всех крестных ходах, которые Макарий устраивал в осажденном Пскове.

Икона приобрела большую известность: сказания о чуде от нее переписывались и сочинялись их новые редакции;[6] в сказа-

[1] Соловьев. История России, кн. 2, стр. 1549.

[2] Шифр 38. 4. 40 (Плюшкина № 225).

[3] В указанном сборнике лл. 139—144 об.

[4] „Псковские губернские ведомости", 1898 г., № 19.

[5] Это чудо дает право предполагать, что брожение в Пскове началось уже в первых числах февраля. В первой редакции начало восстания датировано 18-м февраля.

[6] Нам известны 3 редакции: первая — краткая — опубликована в „Трудах Псковского археологического о-ва", вып. VIII, стр. 315—317; вторая опубликована Васильевым; третья, составленная, очевидно, в годы движения С. Разина,

ниях писалось, что „ее же молитвами тогда во граде Пскове преста междоусобная брань"; к иконе обращались с молением „належащий на ны страх и трепет утиши, надвигшийся на ны гнев божии и пагубу укроти и сущие посреде нас распри и мятежи умири";[1] в тропаре и кондаке пелось: „избави от междоусобные брани".[2]

Печатаемое ниже второе „воспоминание", напоминающее по своей форме протокольную запись, до сих пор не опубликованное, рассказывает о продолжении инсценировки чудес, но уже от другой иконы, находившейся в доме одного из „лутших посадцких" — будущего земского старосты.[3] „Чудеса" происходили как раз в наиболее ответственные для восставших моменты: когда надо было решать — пускать ли Хованского в город или оказывать ему вооруженное сопротивление, и в дни вылазок, когда надо было проявлять особую решительность и единодушие. „Слезы", как видно, не особенно подействовали на более революционно настроенных повстанцев, но безусловно оказали влияние на колеблющихся и способствовали их отходу на сторону „лутчих".[4]

А. Васильев

находится в рукописном сборнике конца XVII в. из собр. Тихонравова № 271 (лл. 162—167 об.) в Библиотеке им. В. И. Ленина. Икона сохранилась в Пскове до настоящего времени.

[1] Третья редакция, лл. 165—167 об.

[2] Рукоп. сборн. БАН № 38. 4. 39 (Плюшкина № 182), л. 9 и об.

[3] В сборнике № 38. 4. 40, лл. 126—127 об.

[4] Этой иконы ни в одной из псковских церквей уже давно нет; очевидно, у нее механика слезотечения была слишком груба, и духовенство, боясь нечаянного разоблачения, постаралось икону ликвидировать.

ВОСПОМИНАНИЕ ЗНАМЕНИЯ, ЯВЛЬШЕГОСЯ ОТ ИКОНЫ ПРЕСВЯТЫЯ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЯ БОГОРОДИЦЫ И ПРИСНОДЕВЫ МАРИИ ВО ГРАДЕ ПСКОВЕ

В лето 7158-го месяца маия в 27 день, в понедельник 7-е недели по пасце, во Пскове, в Среднем Граде в дому некоего человека посадского Иоанна Давыдова сына прозванием Красногородца [1] бе пядничная икона пречистые владычицы нашея богородицы и приснодевы Марии Умиления. От тоя иконы бысть знамение страшно и ужаса исполнено: показася из обою очию слезы исходящи, яко струи. И того дни прииде ко Пскову боярин князь Иоанн,[2] умирити во граде люди, бе бо тогда во Пскове междоусобная брань, и ста во обители у Рожества пречистые богородицы, зовомо на Снятой* горе.[3]

И того же лета, в пост святых апостол Петра и Павла месяца июня в 18 день от тоя чудотворные иконы из обою же очию течаху слезные потоки и по всей иконе и стояху много время. И тогда за Варламскими вороты побиша множество псковичь на вылазке ратные люди, что быша с тем боярином.[4] И того же лета месяца июля в 12 день от тояж чудотворные иконы пречистые богоматере бысть знамение страшно: из обою же очию слезы текуща, яко струи. И тогож дни за Власьевскими вороты за Мироносицким монастырем в Глинищах [5] псковичь побиша на вылазке многое множество того же полку ратные люди.

И пеша молебная пред тою чудотворною иконою пречистые богородицы и обложиша ю сребром и поставлена бысть в церкви святого великомученика Георгия [6] над северными олтарными дверьми, зовомо на Болоте, иде же и доныне стоит.

---

* *Так в тексте.*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Иван Красногородец был земским старостой после ликвидации восстания. См. М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 года, М., 1935, стр. 169, 174.

[2] По „отписке" Хованского, он подошел к Пскову 28 мая. Якубов, стр. 376—379.

[3] Снятная гора находится в 3.5 км от Пскова на правом берегу р. Великой.

[4] Об этой вылазке см. „Отписку в Москву кн. И. Хованского о военных действиях против псковских мятежников". Якубов, стр. 386—387.

[5] Дер. Гнилища находится рядом с Мироносицким кладбищем, на левом берегу р. Великой. О вылазке см. М. Тихомиров. Псковский мятеж XVII века М., 1919, стр. 37.

[6] Церковь Георгия с Болота находилась на бывшей Петропавловской ул., против торговых рядов.

НЕСКОЛЬКО НОВЫХ ДОКУМЕНТОВ ИЗ ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ С. РАЗИНА

В архиве Ленинградского отделения Института истории Академии Наук СССР, в фонде Тихвинского Большого монастыря хранится 6 документов, имеющих отношение к разинскому восстанию и могущих дать ряд новых и любопытных сведений для изучения его.

Документы эти можно разбить на три группы, так как они касаются трех разных лиц, вышедших из различных слоев населения и действовавших в различных районах движения в разные хронологические моменты. К первой группе отнесем хронологически первый документ — грамоту из Монастырского приказа от 1670 г. мая 19 в Тихвинский монастырь о ссылке вдовы Стефаниды „на вечное житье" в Введенский девичий монастырь, находившийся на территории Тихвинского посада и бывший в ведении Тихвинского Большого монастыря.

Упомянутый документ дошел до нас как в подлиннике, совершенно истлевшем, так и в современной ему копии. Разночтений между подлинником и копией нет. В Тихвинском монастыре, как, впрочем, и в каждом монастыре, было принято снимать копии и часто даже не одну с документов, присланных в монастырь из центра; таких примеров в архиве Тихвинского монастыря много. Поэтому наличие в архиве Тихвинского монастыря и подлинника и копии с нашего документа нельзя отнести за счет чрезвычайной важности, с точки зрения монастыря, этого документа.

Ценность его для нас заключается в том, что он относится к раннему периоду разинского восстания — к началу движения вообще и раньше начала его на Слободской Украине, где оно развернулось в конце лета — начале осени 1670 г.; между тем вдова Стефанида уже в мае 1670 г. была поймана и отправлена из Москвы в Введенский монастырь. Следовательно, наш документ дает возможность говорить о начале движения на Слобод-

ской Украине уже весной 1670 г. Документов, характеризующих историю движения на Слободской Украине, сохранилось и опубликовано мало. В частности о Костенском острожке в сборнике материалов, изданном Центрархивом[1] и представляющем наиболее полную и ценную публикацию документов, посвященных восстанию, не упоминается совсем.

С другой стороны, немного известно и об участии женщин в движении. Из женских имен известно только одно имя — вдовы старицы Алены, которая принимала активное участие в движении.[2]

Стефаниде принадлежит более скромная роль. Она не выступает в качестве одного из руководителей восставших, не собирает вокруг себя вооруженных отрядов и не связана с ними непосредственно, так как в тексте документа нет обычной в таких случаях фразы — „к воровским казакам пристала..." Но тем не менее своей агитаторской деятельностью она создавала в городах „шатость" среди населения и тем самым подготовляла почву для прихода отрядов разинцев на территорию Слободской Украины.

К сожалению, напечатанный документ лишь глухо говорит о том, что вменялось в вину вдове Стефаниде. В документе сказано: сослать „за воровство, за затейные письма". Из текста документа также нельзя установить, была ли она их составительницей, или на ее обязанности лежало лишь их распространение. Скорее можно предполагать последнее.[3]

Интересна и та социальная среда (на Слободской Украине), в которой рождались агитаторы. Это городская среда, среда мелкого служилого люда — городские низы. Вдова Стефа-

---

[1] Сб. Крестьянство и националы в революционном движении 1666—1671 гг. Разинщина. Материалы по истории революционного движения народов СССР 1931, в дальнейшем — Разинщина.

[2] Разинщина, стр. 63.

[3] Стоит между прочим остановиться на термине „затейное письмо", который является необычным термином. Обычное название прокламации — „прелестное письмо", „воровское письмо". Термин же „затейное письмо" встречается в документах этого типа впервые и, с нашей точки зрения, имеет другое значение, другой смысл, чем термин „прелестный" — обманный, прельщающий. Термин „затейное" происходит от глагола затевать — зачинать, быть зачинщиком, коноводом. Такое толкование „затейного письма" совпадает с обстоятельствами вины вдовы Стефаниды, действовавшей в начальный период восстания вообще и на Слободской Украине в частности.

нида — мать драгуна Костенского острожка Афанасья Москалева, об участии которого в движении мы ничего не знаем. Появление разинцев в городской среде является характерным для Слободской Украины.

Вторая группа документов относится к „распопу" Тимофею Иванову. Ценность ее заключается не только в том, что эти документы дают сведения об одном из самых активных районов восстания, обладание которым открывало дорогу в метрополию, с одной стороны, а с другой давало возможность защищать тыл (в данном районе действовали „воровские казачьи" атаманы М. Харитонов и В. Федоров; это один из самых основных и ответственных районов, где разинцы держались особенно долго и упорно). Другим достоинством этих документов является характерный портрет одного из агитаторов — Тимофея Иванова — распопа, т. е. расстриги, из с. Богданова — вотчины Ново-Спасского монастыря, выходца из среды низшего (сельского) духовенства.

В вину Т. Иванову вменялось „воровство", которое заключалось в том, что он к „воровским казакам пристал и многие воровства чинил и воровские казацкие заговоры писал" (разрядка моя.— *К. С.*). Стало быть, он пристал к казацким отрядам, и так как в этом районе действовали атаманы Харитонов и Федоров, можно думать, что он находился в их отрядах и был ими использован, как грамотный человек, по специальности, т. е. для писания прокламаций. О том, что он был хорошо грамотным человеком, говорит его подпись на допросных речах, сделанная четким, уверенным почерком. Наказание, которому подвергся Т. Иванов после разгрома разинщины, — ссылка в „дальний" монастырь Новгородской епархии для содержания „в земляной тюрьме в крепи за сторожею". В числе условий его содержания предписывалось „никово к нему пущать и чернил и бумаги ему давать не велеть".

Однако на ссылке в Тихвинский монастырь наши сведения о Т. Иванове не обрываются. Из публикуемых материалов мы узнаем, что беспокойный расстрига дважды бежал из Тихвинского монастыря, причем изображаемые документами обстоятельства побегов свидетельствуют о большой бунтарской зарядке тихвинского узника.

Третий документ этой группы дает очень подробную инструкцию постройки в Тихвинском монастыре тюрьмы

и содержания в ней Т. Иванова. Необходимость постройки специальной тюрьмы и строгий режим свидетельствуют о том, что Т. Иванова считали важным преступником.

Печатаемые материалы проливают свет и на характеристику самого Тихвинского монастыря. Ссылка участников движения в Тихвинские Большой и Введенский девичий монастыри говорит за то, что эти монастыри считались „благонадежными" и не зараженными недовольством. Они не представляли поэтому опасности для Московского правительства, подобно некоторым другим монастырям Севера.

Тихвинский монастырь не имел „земельной тюрьмы", в которой надлежало держать распопа Т. Иванова. Тем не менее митрополит Новгородский Питирим, в распоряжение которого был прислан из Москвы Т. Иванов для отправки его в один из монастырей его епархии, хотя и пишет: что „велено нам того распопу Тимошку нашей области послать в дальний (разрядка моя. — *К. С.*) монастырь", останавливается все же совсем не на дальнем и не на захолустном монастыре, а на Тихвинском, расположенном на большой торговой дороге, в весьма бойком месте, видимо, потому, что считает его самым „благонадежным" из всех монастырей вверенной ему епархии.[1]

Последний документ нашей публикации называет еще одно имя, которое можно и должно связать с разинским движением. Это имя чернеца Андрониева монастыря Дорофея, который „говорил многие ложные слова" в Нижнем Новгороде и был поэтому отправлен воеводой В. Голохвастовым в Москву, откуда, однако, бежал. О поимке его были разосланы в разные концы Московского государства грамоты, одну из которых мы и находим в архиве Тихвинского монастыря.

Интересно, что чернец Дорофей смог безнаказанно проделать такой большой путь, как путь от Астрахани до Нижнего Новгорода, и нигде не был задержан. Это говорит за то, что волнение еще не улеглось и что на местах не было еще достаточно твердой власти. Хотя правительственные войска и разбили

[1] У И. П. Мордвинова в его книге „Старый Тихвин и Нагорное Обонежье" есть глава, посвященная политической и религиозной ссылке в Тихвинский Большой и Введенский монастырь, но в ней ничего не говорится о том, что эти монастыри были местом ссылки разинцев, хотя на стр. 37 в числе „примечательных заключенных" назван распоп Т. Иванов, о побегах которого Мордвинову было известно.

и обратили в бегство отряды разинцев на всей территории восстания, главари движения были захвачены и преданы казни, а города и другие населенные пункты освобождены от разинцев, и воеводы, возглавлявшие карательные экспедиции, уже доносили в Москву о разгроме восстания — тем не менее движение далеко не было еще ликвидировано, и народные массы, приведенные в движение, долго еще продолжают волноваться, среди них долго еще бродят различные агитаторы и своими «прелестными речами» сеют в них «шатость». Показательно, что гнездом разинских агитаторов, которые под видом чернецов бродили в народе, были низовья Волги, Астрахань.[1]

К. Сербина

---

[1] У составителей нашей грамоты не было уверенности в том, что Дорофей — чернец Андрониева монастыря, так как, определяя его социальное положение, грамота не дает категорического утверждения: чернец такого то монастыря, а предположительно констатирует: „сказался" чернецом Андрониева монастыря. (Во второй пол. XVII в. было 2 Андроникових монастыря: 1) Андроницкий-Троицкий или Андроникovский-Троицкий в Черниговской губ. и 2) Спасо-Андроников в г. Москве.)

1. 1670 г. мая 19. — Грамота из Монастырского Приказа архимандриту Тихвинского монастыря Ионе с братией о посылке „на вечное житье“ в Введенский монастырь вдовы Стефаниды.

Список з грамоты слово в слово.

От царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] в Новгородцкой уезд в Тихвинской монастырь архимандриту Ионе з братией. Указали мы, великий государь, Воронежсково пригородка Костенсково острошку драгуна Афонькину мать Москалева вдову Стефанидку за ее воровство за затейные воровские письма сослать в Тихвин монастырь на вечное житье. И вдова Стефанидка послана к вам Монастырского приказу с приставом с Ивашком Комаровым. И как к вам ся наша, великого государя, грамота придет, а пристав Ивашко Комаров с тою вдовою к вам приедет, и вы б тое вдову Стефанидку велели у него принять и отдать ее в девичь монастырь. И пищу велели ей давать против ее сестер. А пристава Ивашка отпустили к нам, великому государю, к Москве, да о том же отписали, а отписку велели подать и приставу явитца в Монастырском приказе думному нашему дворянину Семену Ивановичю Заборовскому, да дьяком нашим Филипу Артемьеву, да Семену Дамашнево. Писан на Москве лета 7178-го мая 19.

А у подлинной государевой грамоты припись диака Семена Дамашиево.

На обороте: Подана 178-го июня 4.

На 2-х ставах. Ветхая. Список.

2. 1671 г. апреля 6—13. — Грамота новгородского митрополита Питирима архимандриту Тихвинского монастыря Ионе с братией о посылке в их монастырь распопа Тимофея Иванова для содержания его „в земляной тюрьме“.

Благословение великого господина преосвященного Питирима митрополита Великого Новгорода и Великих Лук сыну

и сослужебнику нашего смирения Тихвина монастыря архимандриту Ионе з братией. В нынешнем во 179-м году марта в 31 день в грамоте великого господина отца нашего святейшего Иосифа патриарха Московского и всеа Русии писано к нам в Великий Новгород и прислан Кадомского* уезду, что на Диком поле вотчины Спаского Нового монастыря села Богданова роспоп Тимошка** за воровство, что он к воровским казакам пристал и многие воровства чинил и воровским козаком заговоры писал. А велено нам того роспопу Тимошку нашей области послать в дальней монастырь, где пригож и держать ево в земляной тюрьме в крепи за сторожею, чтоб он не ушел и никакова дурна над собою не учинил. И в нынешнем же во 179-м году апреля в 6 день по нашему указу тот присыльной с Москвы роспоп Тимошка послан к тебе, сыну, в Тихвин монастырь Софийского дому и с нашим сыном боярским с Степаном Нееловым и с провожатым. И как к тебе ся наша грамота придет, а Софийского дому наш сын боярской Степан Неелов с тем роспопом Тимошкой на Тихвину приедет, и ты б того роспопу Тимошку у себя в Тихвинском монастыре держал в земляной тюрмы в крепи, за сторожею и ни ково бы к нему пущать и чернил и бумаги ему довать не велел и того велел смотреть накрепко, чтоб он не ушел и никакова дурна над собою не учинил. А которого числа того роспопу Тимошку Софийского дому и нашего сына боярского у Степана Неелова примешь и у себя в земляной тюрме за сторожи посадить велишь, и ты б о том к нам для ведома отписал. А отписку свою велел подать в нашем судном приказе приказному нашему Степану Балавинскому да дьяку нашему Тимофею Тяполкову.

---

* *В подлиннике*: Кандомского.

** *Имя Т. Иванова и факт его ссылки в Тихвинский монастырь известны из грамоты новгородского митрополита Питирима архимандриту Тихвинского монастыря Ионе от 7 июня 1671 г., предписывающей содержать его (Т. Иванова) в земляной тюрьме. Грамота эта напечатана в „Летописи занятий Археографической комиссии", вып. 34, стр. 215—216 в числе „новых документов о разинцах". Названная грамота — подлинная, адресованная в Тихвинский монастырь, дошла до нас не в составе архива Тихвинского монастыря, а в коллекции актов Археографической Экспедиции, хранящейся в архиве Института истории. В группе документов, связанных с Т. Ивановым, этот документ идет хронологически вторым и содержит инструкцию содержания Т. Иванова в земляной тюрьме.*

А милость святые и неизреченные премудрости божией и великих чудотворцев Никиты и Нифонта, епископов Иоанна, Ефимия, Ионы, и Моисея и Серапиона архиепископов новгородцких и всех святых молитвы и нашего смирения благословение да есть и будет с вами всегда и в веки. Писан в Великом Новгороде. Лета 7179-го году апреля... день.

На обороте: Сыну и сослужебнику нашего смирения Тихвина монастыря архимандриту Ионе з братиею.

179-го апреля в 13 день подал святительскую грамоту Софийского дому сын боярской Степан Неелов.

Красновосковая печать новгородского архиепископа.

На 2-х ставах.

3. 1671 г. октября 16. — Распросные речи пойманого в бегах распопа Тимофея Иванова.

180-го году октября к 15 числу в ночи распоп Тимошка Иванов ис Тихвина монастыря [бежал], подломав тюрьму, и октября же в 16 день он, распоп Тимошка, в бегах пойман и приведен в Тихвин монастырь и в судебной келье перед судебным старцем Вельямином Тиготцким распрошиван. А в распросе сказал: начал де он под тюремную стену копатца по лету после келарского поезду к Москве вскоре. А копал де он стену ушатинами железными ушми, которой ушат стоял у него для мочи, а иных де у него снастей для того тюремного ломания никаких не бывало и нет, и никто ничево не принашивал, и в той мысли с ним сторожи и иные никакова чину люди не бывали. И как де он тот подкоп изготовил и заслыша, что сторож заснул, и он де в тот подкоп ис тюрьмы вышел и, взошед на город, через стену [с]пустился по веревки, а веревки половина лычная, а другая половина вита ис тряпиц, а лычиные де веревки конец попался ему в тюрьме, как ему в тое веревки на постилку принесли солому, а тряпичную веревку к той лычной в прибавку вил де он сам своими руками, будучи в той тюрьме. А вышел де он в тот подкоп ис тюрьмы и за город, по тое веревки спустился в четвертом часу ночи и пошел де он по дороге к Москве и той де ночи дошел он Лученского погоста до деревень от Тихвина за 30 верст и у той деревни дневал он в лесе. И как де ночь настала, и он де от той деревни, из лесу вышед, пошел по дороге, чаял, что к Москве же, аж он тое ночи

октября к 16 числу пришел в пяту к Тихвине же деревне Михайловского на поле от Тихвины за 20 верст, и тут де Тихвина же монастыря старец Иона с монастырскими слугами и с погонщики ево, Тимошку распопу, на сторожех стоя, усмотрили и ево поймали и привели в Тихвин монастырь. А как де он от Тихвина до деревни Деревец бежал и он де никаких людей не видел навстречю, ни по кем идучи, и никого с ним о том побеге в думе не было.

На обороте: К сему распросу я, роспоп Тимошка Иванов, руку приложил.

На 1 ставе.

4. 1671 г. ноября 13—30. — Грамота новгородского митрополита Питирима архимандриту Тихвинского монастыря Ионе с братией о постройке „колодницкой кельи" для содержания в ней распопа Тимофея Иванова.

Благословение великого господина преосвященного Питирима митрополита Великого Новгорода и Великих Лук Тихвина монастыря келарю старцу Деонисию з братиею. В нынешнем во 180-м году ноября в 13 день писал ты к нам, а в отписке написано: в прошлом де во 179-м году апреля в 13 день прислана к вам наша грамота Софийского дому с нашим сыном боярским Степаном Нееловым, да с ним же Степаном и с провожатыми прислан к вам в Тихвин монастырь посыльной с Москвы роспоп Тимошка. А по той нашей грамоте велено вам того распопу Тимошку у себя в Тихвинском монастыре держать в земляной тюрьме в крепи за сторожею и никово бы к нему пущать и чернил и бумаги ему давать не велено и велено смотрить накрепко, чтоб он никуда не ушел и никакова бы дурна над собою не учинил. И у вас в Тихвине монастыре земляной тюрьмы нет. А того числа, как он, распоп Тимошка, к вам в Тихвин монастырь привезен и по се время сидел в кайдалах в каменной тюрьме за сторожей. И в нынешнем де во 180-м году октября к 15-му числу в ночи он, роспоп Тимошка, из Тихвина монастыря, подломив тюрьму, ушел и за ним, Тимошкою, окола Тихвина по всем дорогам многие погонщики посыланы были. И октября же де в 16 день он, роспоп Тимошка, в бегах поиман и приведен в Тихвин монастырь. И ныне де вы велели у себя в Тихвине монастыре в особой келье темной чюлан зделать

и, заковав в кайдалы, велели иво, Тимошку, в том чюлане держать за крепкии сторожи. А ныне де у вас в монастыре тюрьмы кроме той, что он, роспоп Тимошка, подломал, нет и держать, кроме того келейного чюлана, негде. И как к вам ся наша грамота придет, и вы бы велели у себя в Тихвине монастыре для того вора, роспопа Тимошки, и для зимнего времени вместо земляной тюрьмы срубить колодницкую келью с перерубом надвое на бревенчатом мосту и со мша покрыть. А около кельи учинить завалины и землею засыпать и около завалин побить в землю сваи долгие, чтоб колоднику не подкопатца и в передней келье зделать печь. И того вора, роспопа Тимошку, велели, заковав в кайдалы, посадить в тое заднюю келью, а в передней жить сторожем приказывать с великим подкреплением, чтоб тот вор, роспоп Тимошка, из-за их сторожи не ушел и дурна б никакова не учинил, а был бы в целости, и как спросят, и он бы был в лицах. И, нагревая переднюю келью, пускать тепло в заднюю келью малым окном, и никого к нему не припускать, и ножа ему и чернил и бумаги давать не велеть. А как по сему нашему указу учините, и вы б о том к нам для ведома отписали. Писан в Великом Новгороде. Лета 7180-го ноября... день.

На обороте: Тихвина монастыря старцу Деонисию з братию. 180-го ноября в 30 день подал святительскую грамоту Ивашка Подчищеев.

Половина черновосковой печати новгородского митрополита. 1 сстав.

5. 1673 г. сентября не ранее 15. — Грамота новгородского митрополита Иоакима архимандриту Тихвинского монастыря Ионе с братией о сыске распопа Тимофея Иванова, бежавшего вторично.

Благословение великого господина преосвященного Иоакима митрополита Великого Новагорода и Великих Лук сыну и сослужебнику нашего смирения Тихвина монастыря архимандриту Ионе з братиею. В нынешнем во 182-м году сентября в 15 день писали вы к нам. В прошлом де во 178-м году прислан к вам в Тихвин монастырь роспоп Тимошка Иванов, а велено ево, Тимошку, держать в крепи за сторожею, и вы де велели ему положить на ноги кайдалы и свинцом де залить и на руки де ему железы учинив и закрепив и построя нарочную келью

с великим укрепленьем. И посажен был он, Тимошка, окован в тое кельи за караул и в прошлом де во 181-м году августа в 13-м числу в ночи он, Тимошка, из-за караула, разломав кайдалы и ручные железы, ушол, а хто в то время были караульшики, и вы о том к нам в отписке своей не описали и то вы учинили негораздо. Знатно, что и тот роспоп Тимошка ушел из-за караулу потому, что вашею оплошкою караульшиком об нем приказу о стороже крепково не бывало. И как к вам ся наша грамота придет, и вы бы того роспопу Тимошку велели сыскать. А сыскав устроя земляную крепкую тюрьму и велели ево оковав держать в той земляной тюрьме за крепкою беспрестанною сторожею. А как тот роспоп Тимошка сыскан и в земляную тюрьму посажен будет, и вы бы о том к нам для ведома отписали. Писан на Москве на Софийском и нашем Московском дворе. Лета 7182-го сентября... день.

На обороте: Сыну и сослужебнику нашего смирения Тихвина монастыря архимандриту Ионе з братиею.

182-го году октября в 11 день подал святительскую грамоту Александрова монастыря слуга.

Часть красновосковой печати новгородского митрополита.
1 сстав.

6. 1671 г. сентября 20 — октября 23. — Грамота новгородского митрополита Питирима архимандриту Тихвинского монастыря Ионе с братией о сыске „в заказе" вышеназванного монастыря беглого чернеца Дорофея.

Благословение великого господина преосвященного Питирима митрополита Великого Новгорода и Великих Лук сыну и сослужебнику нашего смирения Тихвина монастыря архимандриту Ионе з братией. В нынешнем во 180-м году сентября в 20 день в грамоте великого господина святейшего Иосифа патриарха Московского и всея Руссии за приписью дьяка Ивана Калитина писано к нам в Великий Новгород. В нынешнем же де во 180-м году сентября в 6 день в Патриарш разряд ис приказу Казанского дворца в памяти за приписью дьяка Петра Самойлова написано: в прошлом во 179-м году августа в 30 день писали к великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу [т.] из Нижнего Новагорода стольник и воевода Василий Голохвастов да дьяк Степан Шарапов и прислали чернеца,

а тот чернец на Москве и в Нижнем Новгороде сказался Андрониева монастыря, Дорофеем зовут, и сказал, что он вышел из Астрахани. И говорил на Москве многие ложные слова. И сентября в 3 день пропал безвестно. А ростом тот чернец середней, борода продолговата светлоруса, глаза серы, лет в сорок, родом колмогорец. И великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович [т.] указал о сыску того чернеца в монастырях на Москве и в Московском уезде в городах и в уездах учинить заказ, где тот чернец объявитца, и его поимав прислать к Москве за крепкими провожатыми. И по той великого господина святейшего Иосифа патриарха Московского и всеа Русии грамоте велено в Великом Новгороде и во всех городы и уезды нашей епархии по монастырям розослать грамоты и памяти и велено о сыску того чернеца учинить заказ, а где тот чернец объявитца, и ево велено поимав прислать к Москве за крепкими провожатыми.

И как к тебе ся наша грамота прийдет, и ты бы у себя в Тихвинском монастыре и во всем своем заказе по монастырям и в погостех и в выставках о сыску того чернеца учинил заказ крепкой, где тот чернец объявитца, и ево поимав прислать к нам в Великий Новгород за крепкими провожатыми тот час. А в Великом Новгороде провожатым велеть явитца и того чернеца объявить в нашем судном приказе приказному нашему Степану Балавенскому, дьяку нашему Тимофею Тяполкову. А милость святыя неизреченния премудрости божии и великих чудотворцев Никиты и Нифонта, епископов Иоанна, Ефимия, Ионы, и Моисея и Серафима архиепископов Новгородских и всех святых молитвы и нашего смирения благословение да есть и будет всегда и во веки.

На обороте: Сыну и сослужебнику нашего смирения Тихвина монастыря архимандриту Ионе з братией.

180-го октября в 23 день подал святительскую грамоту Софийского дому судного приказу недельшик Микита Корнильев.

Половина красновосковой печати новгородского митрополита. 1 сстав.

ИЗ ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ 1863 г. НА ЛИТВЕ

Восстание 1863 г. как известно не ограничивалось пределами этнографической Польши, но быстро перекинулось на литовские и белорусские губернии. Это обстоятельство (в котором польские историки хотят видеть признак единства польских и литовских земель) с очевидностью доказывает существование в Северо-Западном крае условий, благоприятствовавших распространению здесь революционного движения. Не задаваясь целью дать изложение причин и хода восстания, мы хотим коснуться вкратце одного лишь момента, имеющего весьма важное значение для правильного понимания движущих сил восстания 1863 г. — участия в нем крестьянства.

Не подлежит никакому сомнению, что нерешительная, а в иных случаях прямо отрицательная позиция, занятая руководителями движения (в особенности „белыми"), в немалой степени способствовала отходу польского крестьянства от восстания. Но из этого факта никоим образом не следует вывод о пассивности крестьянства вообще во время восстания 1863 г.

„Верность престолу", „спокойствие и охранение порядка", отличавшие якобы польское крестьянство во время „мятежа"— все это плод официальных измышлений, пущенных правительственными кругами с целью доказать прочную связь русских властей с крестьянскими массами и вместе с тем представить восстание как затею небольшой группы не связанной с народом шляхты. Нужно сказать, что и польским историкам не чуждо намерение умалить роль рабочего класса и крестьянства в движении с тем, чтобы ярче оттенить руководящую роль и преимущественное участие дворянства в событиях 1863 г.

Достаточно, однако, внимательно вчитаться в историю восстания, чтобы убедиться в полной несостоятельности этой версии. Тяжелое экономическое положение польской деревни в связи с неразрешенностью аграрного вопроса и огромным числом без-

земельных,[1] политическое бесправие и национальное угнетение способствовали усилению революционного брожения в среде польского крестьянства. Естественно, что не только рабочий класс и ремесленники, активное участие которых в восстании не оспаривается таким официозным хроникером событий 1863 г. как Павлищев, но и крестьянин,—в особенности на первых порах—является заметной фигурой восстания. Вот что пишет, например, Павлищев о составе повстанческих дружин: „Боевые силы мятежа состоят преимущественно из городских жителей ремесленного класса и дворовых служителей или официалистов". 30 апреля Павлищев замечает: „Мятеж усилился. Лесные таборы банд наполнились новыми выходцами из городов, из господских дворов по деревням и из смежных провинций Австрии и Пруссии". Под 11 июня у Павлищева записано: „Повстанцы расквартированы по деревням и городкам, где они расхаживают в своих костюмах, перехватывают почты, а с приближением наших войск обращаются в мирных жителей, работают в поле или на фабриках".[2]

Наконец усилия правительства отвлечь крестьянство от восстания путем опубликования различных мер в области земельных отношений также свидетельствуют о крупной роли польского и литовского „хлопа" в движении.

Во всеподданнейшем отчете по управлению Северо-Западным краем М. Н. Муравьев подробно перечисляет сделанные им в этом смысле распоряжения, в том числе: „приказано было возвратить крестьянам все земли, которые помещики, коварно заявившие желание свое в 1857 г. устроить быт крестьян, отняли у них впоследствии и пустили многих из них по миру, ссылаясь в этом случае на то, что это делается по воле правительства", затем „оставлены были крестьянам пастбища, ибо иначе они потеряли бы свой скот; не дозволялось лишать их права пользования лесом, ибо в противном случае они были бы в большой кабале у помещиков; наконец сделано было распоряжение об обеспечении 3-десятинным наделом земли безземельных батраков, которые, будучи угнетаемы помещиками, уходили в шайки, в надежде, что, по обещанию революционного комитета им дадут землю".[3]

[1] На 3300 тыс. крестьянского населения в 1859 г. насчитывалось около 1330 тыс. безземельных. W. Załęski. Królestwo Polskie, стр. 107.

[2] Н. И. Павлищев. Седмицы польского мятежа, СПб., 1887, т. II, с. 14, 90, 119.

[3] „Русская Старина", 1902, № 6, стр. 496.

Ниже публикуются два документа—записка ксендза Антония Мацкевича, одного из вождей восстания в Ковенской губернии, представленная им следственной комиссии, и сведения о Ковенской губернии в 1863 г.

На фоне многочисленного сельского римско-католического духовенства Антоний Мацкевич представлял собой фигуру не совсем заурядную. Происходя из бедной шляхетской семьи, не получив первоначального школьного образования, Антоний при поддержке матери упросил отца отпустить его учиться в Вильну. Отец согласился, двенадцатилетний мальчик отправился пешком в Вильну, поступил в услужение в один из тамошних костелов, одновременно пополняя свое образование. Восемнадцати лет Мацкевич уже в Киевском университете в качестве вольнослушателя. Пробыв в нем два года, Мацкевич возвратился на родину, поступил в семинарию и в 1850 г. принял сан священника.[1] С этого времени до самого восстания А. Мацкевич был викарием в местечке Подберезье. В 1863 г. Мацкевич во главе многочисленной группы распропагандированных им крестьян ушел в лес. В ноябре 1863 г. он был схвачен отрядом поручика Озерского и 16 декабря 1863 г. казнен.

Из показаний Мацкевича весьма нетрудно заключить о действительных намерениях поднявшегося крестьянства. В записке, поданной им следственной комиссии, Мацкевич говорит следующее: „Если был кто моим сотрудником по части пропаганды, так это полиция и административное управление [притеснением жителей.—*У. Ш.*]. Кроме того, помещики также много мне содействовали своим бесчеловечным обращением с крестьянами. Поэтому если я говорил, что паны и вообще шляхта их бичи и что даст бог, придет время, когда мы сокрушим этот бич, то народ возносил к небу руки и обещал мне общую свою помощь...“[2]

Нужно, впрочем, заметить, что постоянное общение с дворянской молодежью в университетские годы не прошло бесследно для Мацкевича. Несмотря на активное участие в восстании он остался чужд идее социального переустройства общества.

---

[1] См. Struś. Szkice z powstania 1863 r. Kraków, 1889, стр. 111—112.

[2] „Вестн. Зап. России“, 1865—66, т. IV, кн. 12, стр. 260. Часть показаний Мацкевича опубликована А. Стороженко в его статье „Ксендз Мацкевич, предводитель шайки мятежников“. Публикуемая ниже записка Мацкевича без сомнения была известна Стороженко, но последний разумеется не желал печатать столь неприглядную характеристику русских властей.

В письме к военному начальнику Ковенского уезда, уже находясь под арестом, Мацкевич между прочим писал: „Вы г. полковник, приказываете мне, чтобы я высказал и открыл моих соучастников. Но где же они? Мог ли я волновать шляхту, священников или народ? Говорю нет! С помещиками я не ладил, потому, что видел в них старую польскую шляхту, враждебную народу. Кроме того она более оказывалась польской чем литовской. На священников я также не мог понадеяться, потому что во многих или фанатизм, ненавидящий все польское и шляхту, и готовых все принесть в жертву Литве чрез терроризм и совершенное ниспровержение общественного порядка, или пресмыкающихся у ног шляхетских, или наконец совершенно равнодушных ко всему. В массе же не развитого народа я не мог составить заговорщиков, и потому так действовал, чтобы он, не зная о пропаганде, верил только в восстание в Литве, лишь только оно вспыхнет в Польше".[1]

Публикуемые документы представляют собой любопытный материал, характеризующий положение крестьянства накануне 1863 г. и участие в движении шляхты. Ярко рисует Мацкевич психологию литовского крестьянина, задавленного нуждой и полицейским режимом. „Над крестьянином царствуют чиновники — кончая сотским". Что представляет та свобода, которую получил „хлоп" в 1861 г.? „За кусок хлеба, добываемый из земли, [народ] должен при поголовных [подушная подать] платить несколько десятков лет". И тут же перед крестьянином другая перспектива: „Революция же манифестом дает и тотчас приводит в исполнение (землю в собственность народу без различия веры)".

И ясно, что как бы ни были скромны намерения самого Мацкевича, но для того чтобы поднять восстание, он „должен был хвататься за то что есть, а не то что будет после 40 лет, как гласит манифест государя". Слова Мацкевича показывают, каким могучим орудием подъема широчайших слоев польского и литовского крестьянства могло бы служить последовательное и решительное проведение в жизнь декрета повстанческого правительства о наделении крестьян землею.

Второй момент, также весьма интересный — это несколько новых штрихов, разрушающих легенду о широком участии в вос-

[1] Там же, стр. 263.

стании помещиков — шляхты. В целом ряде случаев военные начальники и другие представители русской администрации провоцировали помещиков на какие-либо ничтожные проступки, которые затем служили основанием для ареста горе-мятежников и секвестра их имений. „И так засеквестрованы почти все имения" — утверждает Мацкевич.

Подобные факты естественно заставляют относиться с большим сомнением к выводам об участии шляхты в восстании, основанным на цифре арестованных и числе секвестрованных имений. Сомнение это тем более законно, что оно находит косвенное подтверждение в „Сведениях о положении Ковенской губернии". „Хотя в шайках встречались и помещики — говорится там, — но большая часть сих последних, опасаясь действовать лично, принимали за себя крестьян и отправляли их в шайки".

Оба документа печатаются с копий, помещенных в рукописном сборнике „Бумаги по управлению Ковенской губ.", шифр 587, хранящемся в архиве Ленинградского отделения Института истории Академии Наук СССР.

Записка Мацкевича воспроизводится с копии перевода без всяких изменений.

У. Шустер

1. 1863 г. конец ноября — начало декабря. — Записка о событиях 1863 г. в Ковенской губ., представленная ксендзом А. Мацкевичем в следственную комиссию.

Действием моим была любовь истины и моего народа. Затем не ненависть к царю, русскому народу, ибо он (народ русский есть славянским), но любовь народа и его счастие дало повод и было причиною более 10 лет труда революционного. Народ литовский трудолюбив, правый и религиозный, поэтому заслужил величайшую мою любовь. Я ждал, как искупления, не говоря уже революционного выступления, но свободы моего народа. Дано,[а] и что ж? ограничилась она, что бедный народ переменил только господина,— даже хуже, ибо господин, как бы не был зол, на случай нужды, давал хлеб, а теперь хоть умирай не достанет. На подати должен отдать последнюю подушку,— а если не начто купить писарю и старшине водки, — его ждет наказание. А что он об администрации? печется ли она? вот чтобы сдирать. Исправнику, и пристав и пятисотский должны заплатить денежную дань, а сии сторожат только, чтобы можно было привязаться к жителям вообще, в особенности к простому народу и не спрашивая имеет или нет, должен столько, сколько назначит. Говорят, что царствующим Александр II. Не правда. Царствующими чиновники, до сотника в приходском местечке. Ибо сотский и пятисотский не только что господину приставу имеют денежные подарки, но остается и на воспитание детей и проживает более, чем посредственный помещик литовский. Ежели г. пристав, или пятисотский, не говоря уже об исправнике, хочет что содрать, то начинает от показания своей власти, а показывает побоями, или бесчестием, если есть шляхтич или господин. А от этой разбойничьей власти есть ли куда обратиться и пожа-

---

[а] *Мацкевич говорит о реформе 1861 г.*

ловаться. Господин и шляхтич — то трудно, а что же бедный мой народ? Вот: идет и плачет, возвратится в свою курную избушку, часто не имеет чем утолить голода, а тут синяки показывает, что не имел чем заплатить за повинность десятника. И это повод, почему многие пускаются на воровство, ибо должен заплатить, а не из чего. Мог ли же я не смотреть и не ожидать будущности, которую видел в революции. Настало время революции и дана свобода. На свободе вижу народ всегда бедным, ибо за кусок хлеба, добываемый из земли, должен при поголовных платить несколько десятков лет своего права, [что] по дивной необразованности, не может понять, революция же манифестом дает и тотчас приводит в исполнение (землю в собственность народу без различия веры). — Разсудок указывал, что я должен был хвататься за то, что есть, а не что будет после 40 лет как гласит манифест государя. Свершилось: народ пошел — революция закипела. Наконец постепенно упадает, ибо начальники[а] не умели возвести до народного. Наступает новая беда и беда общая. Военные начальники,[б] которые назначены, кажется, на то только присланы, чтобы более, окончательно сделали ненавистным российское правительство. Почти каждый из этих господ военных начальников видит, что теперь пора обогащения и наступая один за другим, стараются только обогатиться, обмануть правительство, а бедное мое отечество повергнуть в крайнее отчаяние. И так, хочет господин военный начальник ободрать помещика, подсылает бурлака, или несколько их, переодетых в повстанцев, те на коленях умоляют о спасении, что они преследуемы и голодны. Любовь ближнего, а не патриотизм велит дать хлеба, а лишь только это исполнено, наступают солдаты, следуют жесточайшие побои служителей, хозяев арестуют, а имение секвеструют. Сделавши это, военный начальник имеет верных несколько сот рублей серебром, а казна едва сотую часть с секвестра, а одно и другое так правильно, как если разбойник, разбивая по дороге, оглашается быть правым. И так, засеквестрованы почти все имения. Хочет пристав выдаваться и честным и иметь деньги, вот верный способ. Объявляет что сожгет деревню, а жителей перешлет в Россию, вместе советует сложить известное количество денег, которые пошлет высшему

[а] *Мацкевич имеет в виду руководителей восстания.*

[б] *Начальники отрядов русских войск в уездах.*

начальству в губернии. Бедняки эти, не видя обмана, делают складку, одолжают, — и на известное время свободны. Довольно сказать, что сорванцы с виселицы не хуже многих тех, которых правительство назначило начальниками. Каждый приходит едва одетый, а возвращается с состоянием. Промысел возведен так ловко, что там где повидимому трудно, есть источник дохода. Так г. начальник Кавер обыкновенный крестик от четок у г-жи Шиллинг признал революционным и приказал заплатить 25 руб. сер., а как она не имела при себе, изволил обругать как последнюю и приказал вести в тюрьму, но еврей выручил, одолжая требуемую сумму. Товгиня, что он дал будто в обоз,[a] арестовал, а лишь заплатил 500 руб. сер. уволил. Клаванский когда хочет выдрать деньги, то приказывает жителю осмотреть, сколько могут стоить его строения, ибо прикажет сжечь, сей же в отчаянии, отдает остаток скольких лет своего труда, лишь бы охранить свои строения. Вот состояние моего отечества. Мятеж прекратился со мною, не для того чтобы я был великим воином, но что народ верит и меня знает и я его мог взволновать. Но хотя я взят, хотя этим прекращено восстание, ежели только правительство не переменит способ действия администрации, ежели не прекратит обдирательства и мщения над жителями, найдется другой Мацкевич и что я не сделал, сумеет окончить или надолго продлить общее несчастие. Не понятно для нас — неужели Россия не имеет, кроме самих бессовестных других чиновников для моего края. Разве ж этот мой народ так несчастлив, что для него уже кроме отчаяния, не остается ничего из судьбы народов. А однако — это народ несколько милионный. И народ, достойный покровительства уже не божьего, но правительства хотя бы Российского, ибо не испорчен до основания, хотя для порчи этой трудится административное управление. Это были поводы моего восстания и это вспомогательные средства, которыми 10 месяцев поддерживалось восстание литовское. А что взгляды мои справедливы, свидетельствуюсь настоящим положением, как человек, который знал, что делает, когда делал и что ожидает, если не удастся.

Мацкевич

---

[a] *Obóz — лагерь. Подразумевается повстанческий лагерь.*

2. Не ранее 1864 г. — Из отчета о положении Ковенской губернии в 1863 году в политическом отношении.

Возникшие в царстве Польском в феврале 1861 г. противуправительственные демонстрации и манифестации, действиями тайных агитаторов, проникли и в Ковенскую губернию. Первоначально они обнаружились в городах и ограничивались пением в церквах возмутительных гимнов, но тайно распространяемые революцинные сочинения, прокламации, запрещенные газеты, печатанные за границею и более всего прикрытие политических беспорядков религиозными формами и обрядами, произвели зловредное влияние на сельское население губернии, исключая некоторых обществ крестьян, вышедших из крепостной зависимости, оставшихся верными своему долгу. Пропаганда к беспорядкам для удобнейшего действия на народ, главным образом, исходила преимущественно от римско-католического духовенства и от мировых посредников, которые кроме тайного вредного правительству влияния и деятельного участия в демонстрациях, дали злонамеренное направление крестьянскому делу; для вовлечения крестьян к беспорядкам, льстили их обещаниями безвозмездного пользования поземельными участками, способствовали учреждению крестьянских школ, в которых преподавались предметы исключительно на польском языке; на том же языке завели официальную по должности своей переписку, независимо этого к распространению революционных идей содействовали помещики и другие лица дворянского сословия, так что в непродолжительное время все население губернии с малыми исключениями было взволновано. Частые съезды мировых посредников и помещиков в 1862 г., под предлогом обсуждения вопросов по крестьянскому делу и многочисленное стечение народа в разных пунктах губернии для празднования дней более замечательных эпох соединения Литвы с Польшею, явно клонились к вооруженному восстанию, вспыхнувшему в Ковенской губернии в начале 1863 г.

Первые мятежнические шайки появились: в Россиенском уезде в Краковских лесах в числе 300 ч. под начальством Колышки; в Поневежском уезде в Зеленковских лесах из 400 ч. под на-

чальством Люткевича и в лесах между городом Поневежом и м. Кейданами ксендза Мацкевича, состоявшая из 400—500, в Ковенском, в лесах на границе Ковенского уезда с Трокским, шайка 80—100 человек под начальством Кучевского; в Шавельском — Яблоновского из 800 чел. Впоследствии открылись новые шайки, из которых более замечательны: Доленги (Сераковского) из 500; Писарского (Станевича) из 300—400, Богдановича 150—200; Битиса из 60; Прошковского из 100—150; Цитовича из 480; Кушлейки 270; Шимкевича из 160; Ельского из 200; Дысмунта до 150 чел., жандарма-вешателя Грицюса из 30 чел. и других.

Число всех мятежников в губернии простиралось до 15.000. Шайки от первого их появления до конца существования ознаменовали себя грабежами всякого рода, варварством и насилием; значительное число лиц, преданных правительству, подверглось разного рода истязаниям и убийствам.

Мятежнические шайки, избегая столкновения с войском, переходили из одной местности в другую, но застигнутые, были разбиваемы во всех стычках, потеряв в них большую половину своей численности убитыми и ранеными, не считая значительного количества пленных. Главные начальники шаек: Доленга (Сераковский), Колышко, Мацкевич, Богданович пойманы, преданы суду и подвергнуты смертной казни, первые три повешением, последний растрелянием; Кучевский, разбитый на голову тотчас после сформирования им шайки, захвачен в плен и приговорен к ссылке в каторжную работу в рудниках на 12-ть лет, Люткевич, Цытович убиты в деле, первый в Зеленковских лесах около м. Биржи Поневежского уезда, последний в близком расстоянии от м. Цитовяны Россиенского уезда.

Видя невозможность сопротивляться военной силе, число мятежников постепенно уменьшалось, и к 1864 г. в Ковенской губернии не осталось ни одной шайки; значительное число мятежников возвратилось добровольно, прося помилования; немногие успели бежать за границу, в том числе и некоторые предводители шаек; бродящие же по одиночке, в некоторых уездах губернии, представляются начальству полицейскими властями и крестьянами.

Шайки мятежников составлялись решительно из всех сословий католического вероисповедания, в них находились: ксендзы, воспитанники учебных заведений, офицеры, студенты, доктора, беглые солдаты, чиновники, ремесленники, шляхта, мещане,

а из сельского населения губернии преимущественно крестьяне государственных имуществ.

Хотя в шайках встречались и помещики, но большая часть сих последних, опасаясь действовать лично, принимали за себя крестьян и отправляли их в шайки, встречались случаи, что и помещицы ставили от себя за известную плату по несколько мятежников.

Военные снаряды: оружие, порох приобретались тайно собираемыми складчинами из-за границы; запасы продовольствия доставлялись большею частью помещиками, сочувствовавшими противуправительственному волнению. Кроме того денежные средства приобретались грабежами казенных и общественных сумм.

Водворению порядка и общественного спокойствия содействовали главным образом войска и употребленные, по распоряжению главного начальника края, строгие решительные меры, окончательно подавившие волнение в губернии. Важнейшие из мер: устранение от должностей чиновников польского происхождения, на благонадежность которых нельзя было рассчитывать, арестование лиц, подозреваемых в сочувствии к современным беспорядкам и ссылка их административным порядком в более или менее отдаленные губернии России; выселение шляхты и государственных крестьян, секвестр имуществ, назначение денежных сборов и разного рода штрафов, вроде пени, за совершенные в губернии политические преступления и для вознаграждения военных экстренных издержек, по поводу господствовавших в губернии беспорядков, вырубка просек в лесах для удобнейшего передвижения войска; назначение благонадежных, преданных правительству мировых посредников и членов поверочных комиссий, усердно действующих согласно правительственным предначертаниям к успешному и мирному решению крестьянского дела. Вообще главною причиною не столь успешного подавления мятежа [является] преобладающее количество населения римско-католического вероисповедания и недостаток православного духовенства, могущего иметь благотворное влияние на жителей губернии.

Предполагаемое учреждение крестьянских школ и введение в них преподавания предметов на русском языке, радушно ожидается крестьянами.

Все оставшееся на свободе население губернии вполне благонадежно и обнаруживает явное негодование к бывшим

беспорядкам и к виновникам их; это усматривается из значительного числа лиц всех сословий, подписавших адресы с искренним изъявлением верноподданических чувств, так и тем обстоятельством, что многие из добровольно возвратившихся из мятежнических шаек из обывателей не берут на поруки... *

* *Так в тексте.*

НЕИЗВЕСТНОЕ ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В СИБИРЬ ИНОСТРАНЦА В XVII веке

В Копенгагенской королевской библиотеке (Дания) хранится рукопись на немецком языке под заглавием: „Beschreibung der Reise auf Siberien und weiter ins Land"; она отмечена под № 2323 в каталоге так наз. „старого королевского собрания" (Gamle Kgl. Samling). В конце 50-х годов XIX в. эту рукопись в Копенгагене видел К. Я. Грот, отметивший ее в отчете о своем путешествии, среди других датских и немецких рукописей, имеющих связь с русской историей.[1] С тех пор она не обращала на себя внимания исследователей. В 1930 г., подготовляя к печати свою книгу „Сибирь в известиях западноевропейских писателей", я обратился в Копенгагенскую библиотеку с запросом об этой рукописи. Администрация библиотеки не только сообщила мне интересовавшие меня данные, но вскоре же прислала и фотографические снимки с указанной рукописи, устранившие необходимость пользоваться ее оригиналом и позволившие мне тотчас же приступить к ее разбору, переводу и исследованию. В результате изучения „Описания путешествия", которое убедило меня в том, что я имею дело с очень интересным для истории и этнографии Сибири документом, я смог включить ряд отрывков рукописи в первый том своей работы.[2] Однако характер издания не позволил мне тогда опубликовать рукопись целиком, как слишком значительную по объему и, кроме того, лишь частично отвечавшую теме моего исследования. Поэтому бо́льшая, притом очень интересная часть рукописи, — описание пути от Москвы до Урала, характеристики коми-пермяков, тобольских бухарцев, этнографи-

[1] К. Я. Грот. Записка о ходе в 1860 г. приготовительных работ по изданию Державина и несколько библиографических заметок во время заграничного путешествия, СПб., 1860, стр. 27—28.

[2] Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, Иркутск, 1932, т. I, стр. 312—342, 348—358.

ческий очерк калмыков, словари языков коми и сибирских татар и т. д., оставались до сих пор ненапечатанными и публикуются в настоящем издании впервые. Поскольку, однако, изданные отрывки напечатаны были в специальном и малодоступном провинциальном издании, представлялось нецелесообразным исключать их из настоящей публикации, тем более, что в комментарий к ним смогли быть теперь вставлены существенные поправки и дополнения. Таким образом, указанная рукопись впервые появляется в печати в ее полном объеме, в двух текстах — немецком подлиннике и русском переводе.

Предварительной публикации отрывков я предпослал небольшое введение, где уже высказал ряд соображений относительно происхождения рукописи, об ее авторе и т. д. Не повторяя их целиком, напомню здесь лишь основные выводы, к которым я пришел, и важнейшие из тех фактов, которые могли бы содействовать ее дальнейшему изучению. Слова каталога Копенгагенской библиотеки, выписанные между прочим и К. Я. Гротом, — „Grammio adnotante durch Fr. v. Gabells" означают: „по приписке Граммия". Граммий, как писалась латинизированная форма его имени, или Ганс Грам (Hans Gram), был в 1740—1748 гг. директором королевской библиотеки в Копенгагене и считался большим эрудитом. На обложке интересующей нас рукописи его рукой сделана помета: Hⁿ Friedrich von Gabels. Так как в самой рукописи автор ее нигде не назван, то на основании этой пометы автором ее обычно считали именно Фридриха Габеля. Это очевидное недоразумение. Как мне уже приходилось говорить, датский дипломат Фридрих фон Габель был в России в первый раз в 1676 г. в качестве датского посла,[1] следовательно лишь через десять лет после составления интересующего нас „Описания путешествия в Сибирь"; кроме того Габель никуда не выезжал тогда из Москвы. Чем вызвана помета Граммия — неизвестно. Я склонен толковать ее в том смысле, что рукопись только принадлежала Габелю. Можно допустить, что он вывез ее из Москвы в 1677 г. и что от

[1] О Фредерике (Фридрихе) фон Габеле (р. ок. 1640 — ум. 1708) см. „Dansk Biografisk Lexikon... udgivet af C. F. Bricka, Bind V, Kjöbenhavn, 1891, p. 518—522; „Norsk Biografisk Leksikon", red. Edw. Bull, E. Jansen, Bind IV, Oslo, 1929, p. 329—332. Габель быстро сделал карьеру при дворе Фридриха III; в 1655 г. он был уже гоф-юнкером, в 1656 — камергером, а в декабре 1667 г. отправлен датско-норвежским послом в Париж.

Габеля рукопись и попала в конце концов в королевскую библиотеку в Копенгагене. Любопытно отметить, что в числе московских знакомых Габеля находился Юрий Крижанич, незадолго перед тем возвращенный из сибирской ссылки. Габель не только хлопотал за него перед московским правительством, но даже получил разрешение увезти его вместе с собой, на обратном пути посольства в Данию, что и сделал в 1677 г. Все это дает некоторое право заключить, что Крижанич знаком был с автором интересующей нас рукописи и что он вероятно и передал ее Габелю. Крижанич провел в Тобольске около 15 лет (с 1661 по 1676 г.) и, следовательно, находился там и в то время, когда туда в числе 46 офицеров прибыл и автор рукописи.

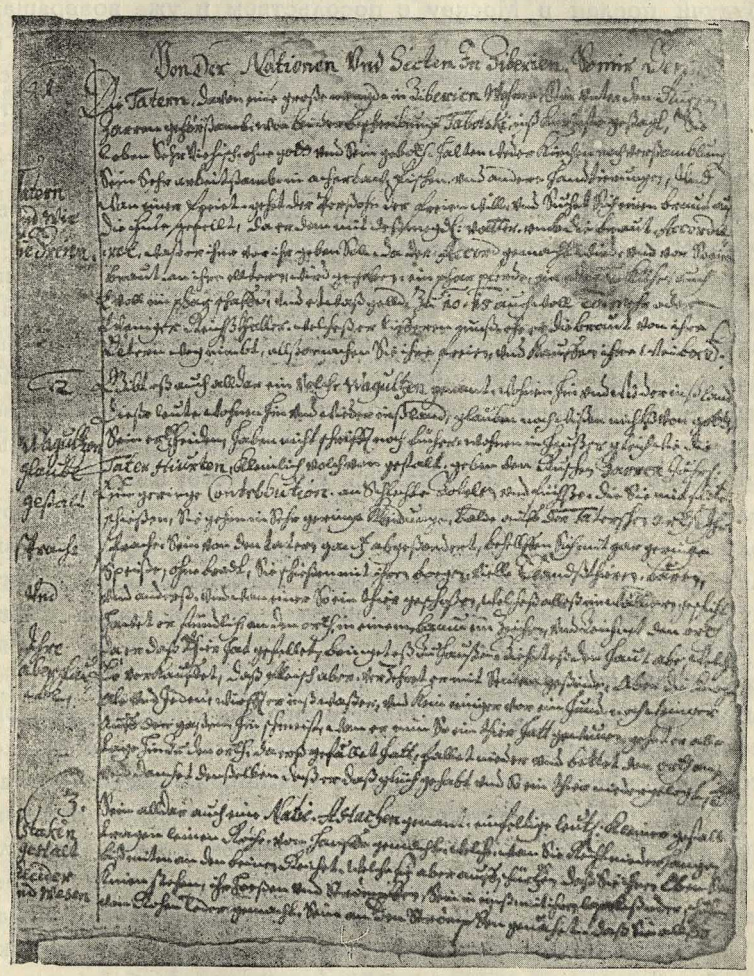
Обратимся теперь к самой рукописи. С внешней стороны она представляет собою тетрадку, состоящую из 32 страниц в четверку, исписанных мелким, но довольно четким почерком XVII в. На обложке тетради (первая страница по нашему счету) написано общее заглавие: „Beschreibung der Reise auff Ziberien und weiter ins Land, Ort und Stelle“ („Описание путешествия в Сибирь и далее в различные местности страны“); оборотная страница и заключительная 32-я страница обложки — пустые, а на остальных написан самый текст путешествия, имеющий в начале отдельные заглавия, а в середине также несколько особо озаглавленных частей. Особое заглавие в начале текста: „Правдивое описание нашего дальнего путешествия из Москвы через город Тобольск, главный город Сибири, которое я сам совершил, делая по возможности прилежные наблюдения, в 1666 году, в обществе 46 офицеров, для точного осведомления интересующихся“. Рукопись делится на несколько частей. После заглавия дается подробный дневник пути из Москвы до Тобольска, совершенного автором в период между 5 января и 3 марта 1666 г., причем автор методически отмечает все привалы и ночевки путешественников, количество верст между отдельными городами и местами остановок, давая в то же время краткую характеристику местностей, мимо которых он проезжал: описаны внешний вид городов, местечек и сел, крепостей, укреплений и правительственных зданий; занятия, обычаи и нравы населения, иногда и картины природы (стр. 3—15); далее дано „Описание города Тобольска и его окрестностей“ (стр. 15—20); „Описание бухарцев и их промыслов“ (стр. 20—23), — интересная этнографическая статья, основанная на личных на-

блюдениях автора в бухарском квартале Тобольска; далее, на стр. 23—29 (без особого заглавия) дается этнографическое описание Сибири, причем автор особенно подробно останавливается на калмыках, характеризуя их домашний и общественный быт, религиозные воззрения и сообщая попутно расспросные сведения о Тибете и Далай-ламе; стр. 29—31 заняты небольшим и поверхностным обзором: „О народах и племенах в Сибири, насколько я их знаю"; заключает рукопись краткий перечень (стр. 31): „Главнейшие реки этого путешествия".

Об авторе этой рукописи из текста ее можно извлечь самые незначительные сведения. Заглавие первой части „Дневника" свидетельствует, что путешествие было совершено в „обществе 46 офицеров" (mit ein Comitat von 46 Officieren), притом, повидимому, все эти лица ехали из Москвы в Тобольск, но неизвестно, с какою целью, скорее всего на постоянную военную службу. Из самого „Дневника" мы узнаем, что автор рукописи выехал из Москвы 5 января 1666 г. и ждал в подмосковной деревеньке, вместе с другими участниками путешествия „нашего полковника" (unser Obersten, стр. 3); рассказывая о проезде через г. Верхотурье, автор говорит: „несмотря на то, что мы имели царскую грамоту с государевой печатью о том, что он [воевода] должен пропустить нас беспрепятственно, мы все же должны были подвергнуться осмотру" (стр. 13); впрочем, это указание также не дает нам никаких определенных данных о характере и цели поездки, так как подобными грамотами-подорожными снабжены были все, ехавшие в Сибирь из Москвы по служебным делам. По случайному поводу автор назвал далее имя одного из участников поездки: за Верхотурьем, в лесу „случилось несчастье с нашим лейтенантом Меллером (Möller): он здесь сломал себе ногу" (стр. 13); если этот Меллер тождественен с тем, которого упоминает Эрик Пальмквист в 1674 г. в своем перечне иноземных офицеров на русской службе,[1] то это может служить лишним доказательством того, что „общество офицеров", с которым автор отправлялся в г. Тобольск, ехало туда на военную службу.

Следует, пожалуй, обратить внимание еще и на следующее обстоятельство: любопытные сведения о калмыках, Тибете

[1] См. Nägre widh Sidste Kongl. Ambassaden till Tzaren Muscou giorde observationer öfver Ruszland. Stockholm, 1898 (факсимильное воспроизведение рукописи Эрика Пальмквиста без нумерации страниц).



Снимок со стр. 29 рукописи „Описания путешествия в Сибирь“.

и Далай-ламе (Talilama) открыл автору „некий еврей по рождению, сделавшийся калмыцким священником, который еще превосходно говорил на своем немецком языке"; впоследствии же, „будучи послан в Москву с посольством и уже возвращаясь домой, он был убит своими же товарищами" (стр. 27). Так как встреча автора с названным лицом произошла в г. Тобольске, то известие о его последующей судьбе автор получил, вероятно, в том же городе; следовательно он жил в нем, вероятно, довольно долго. За это косвенно говорит и подробность собранных им этнографических данных: едва ли они могли быть собраны им в короткое время. Наблюдения над языком и стилем рукописи, сделанные мной при публикации отрывков из нее, позволили мне признать, что автор получил некоторое образование, знал латинский язык, но не владел хорошей литературной речью. Слова заглавия „dem Liebhabenden zum sicherl[ichen] Nachricht" как будто говорят о том, что автор готовил свою рукопись для печати, отчего он и устранил из нее довольно тщательно все то, что касалось его самого; в основе же ее лежат несомненно путевой дневник и заметки, последовательно делавшиеся во время пребывания в Тобольске, впоследствии подвергнутые некоторой систематизации и литературной обработке. Цель рукописи — дать описание Сибири и сопредельных стран, возможно более полное и точное. Характерно, что в рукописи нет ни одной ссылки на литературный источник, ни одного литературного указания: повидимому, довольно большая западноевропейская литература о Московском государстве и, в частности, о Сибири, существовавшая к 1666 г., осталась автору совершенно неизвестной; его рукопись представляет собою непосредственные заметки и наблюдения путешественника, даже в обработанном виде не сверенные с литературой вопроса. Вероятнее всего, рукопись писалась в Сибири, а ее автором явился иноземный офицер на русской службе, пока нам неизвестный по имени. Любопытно, что в половине XVII в. в Сибири, и в частности, именно в Тобольске, как крупном административном центре края, находилось много иноземцев среди „служилых людей";[1] именно через посредство

[1] Уже в 1633 г. здесь было „140 иноземцев — литвы, поляков, черкас и немцев"; для населения приблизительно в 1175 человек это несомненно составляет довольно высокий процент. Некоторые из иноземцев, посылавшиеся туда московским правительством, оставались там жить навсегда. Так, напр.,

этих иноземцев Западная Европа преимущественно и собирала свои сведения о Сибири. Так, напр., Иоганн Арнольд Бранд, доктор прав и профессор Дюисбургского университета, бывший в Москве вместе с посольством Бранденбургского курфюрста, получил там рукописное описание Сибири, составленное Альбрехтом Доббином, „родом из Ростока, который был капитаном шведской службы, затем приехал в Москву и в той же должности отправлен царем в Сибирь, где он пробыл семнадцать лет". Эта рукопись была опубликована уже в 1702 г.[1] Сопоставление издаваемого нами сочинения неизвестного с заметками А. Доббина еще раз подчеркивает его выдающийся интерес: вместо неотчетливых и неточных данных, которые дает Доббин, — также иноземный офицер на русской службе, — у автора нашей рукописи мы находим значительно более обстоятельные сведения о том же предмете, собранные с гораздо большим пониманием дела; конечно, это не может свидетельствовать о продолжительности пребывания автора в Сибири, но, во всяком случае, говорит об его большей наблюдательности

по сведениям П. Буцинского (Заселение Сибири, Харьков, 1889, стр. 200) еще в 1614 г. „послан в Тобольск Савва «Фрянчужанин», — он принял там православие и остался жить навсегда"; он упоминается еще в 1629 г. среди „тобольских боярских детей" (Н. Н. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа, ч. I, М., 1895 г., стр. 301). В 1622 г. сосланы в Тобольск иноземцы „швед Павлик, а русское имя Дмитрий, немчин цесарской земли Карбаим, а русское имя Лаврентий". В том же году из Кириллова монастыря посланы в Тобольск: „немец Анса (Hans) Локман, да немецкий поп Матюшка и велено того и другого повергать в службу и дать денежное и хлебное жалование наравне с другими служилыми иноземцами" (П. Буцинский, op. cit., стр. 200). К половине XVII в. последних становилось все больше (Н. Оглоблин, Обозрение столбцов, ч. III, М., 1900, стр. 61—63, 115 и др.). Крижанич, прибыв в Тобольск, застал здесь довольно большую иноземную колонию и, сам иностранец, познакомился с ними; характерно, что через тобольских иноземцев Крижанич получал там даже тогдашние заграничные газеты, „которые доходили хотя и не особенно скоро, но все-таки достигали и сей отдаленной окраины московского государства" (С. А. Белокуров, Крижанич в России, М., 1909, стр. 113); о некоторых „служилых людях из немцев", живших в Тобольске и Енисейске, Крижанич упоминает в своей „Истории о Сибири" (см. А. Титов, Сибирь в XVII веке, М., 1890 г., стр. 189—213). В 1661 г. было прислано в Тобольск много иноземных офицеров с приказом из городовых служилых людей устроить здесь два полка и обучить их по воинскому уставу (П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири, 1886, I, стр. 100—101).

[1] См. о Доббине в моей книге „Сибирь в известиях" и т. д., т. I, ч. 2, Ирк., 1935, стр. 27—37.

и образованности, чем у Доббина, при сходном, повидимому, общественном положении их. Раскрытие имени автора, поэтому, представляется весьма желательным. Этому могут помочь лишь архивные разыскания. В так называемых „Портфелях Миллера" имеются описи архивов Верхотурского (1595—1681) и Тобольского (1621—1671) воеводств; не найдется ли здесь каких-либо документов о проезде в Тобольск в 1666 г. — „46 офицеров"? Весьма вероятно, что какие-либо документы, связанные с этим путешествием, нашлись бы также в делах „о служилых людях" Сибирского приказа или же в воеводских книгах, наконец даже в таможенных проезжих памятях (ср. Н. Оглоблин, Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа, ч. I, стр. 109, 225, сл., ч. II, стр. 50, сл.).

Орфография издаваемой ниже рукописи отличается большой неустойчивостью. Колебания проявляются не только в иностранных словах (особенно в географических именах, что понятно в устах иностранца, вероятно плохо знавшего русский язык), но и в обычных немецких словах, так что, напр., нередко мы находим различные написания одного и того же слова в непосредственном их соседстве друг с другом (на одной странице мы встречаем напр.: *Calot, Caloth* и *Kaloth, Camin* и *Kamin, Wald* и *Walld, Elltesten* и *Eltesten, ausgenehet* и *ausgenähet* и т. д.). Следует также отметить, что в рукописи встречается ряд несомненных описок, говорящих за то, что она была написана или переписана несколько наспех; так, мы имеем *wohen* вм. *wohnen, Leinewad* вм. *Leinewand, Siep* вм. *Stiep* (русское слово „степь"), как всюду написано дальше; *Reuir* вм. *Reuier*, как в других местах; *ser* на ряду с *sehr* и т. д. Наконец, произвольностью и даже порою бессмысленностью отличается расстановка знаков препинания. При транскрипции текста не сохранена ни пунктуация подлинника, которая несомненно только затруднила бы чтение, ни случайное употребление заглавных букв. Лигатура „эс-цет", по типографским условиям, всюду передана через sz. В остальном все особенности издаваемой рукописи сохранены полностью.

М. П. Алексеев

BESCHREIBUNG DER REISE
AUFF ZIBERIEN UND WEITER
INS LAND ORTH UND STELLE

ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В СИБИРЬ И ДАЛЕЕ
В РАЗЛИЧНЫЕ МЕСТНОСТИ СТРАНЫ

Einen richtige Beschreibung unsern weitten Reise von Muskow durch die Stadt Tobolski, die Haubstadt in Ziberien, die ich selber gethan und mit Fleiss nach Mögeligkeit obseruieret. Geschehen im Jahr 1666, mit ein Comitat von 46. Officieren. Dem Liebhabenden zum sicherl[ichen]. Nachricht, wie folgett

Anno 1666

Cmp. 3

		Würste
	Den 5 Januari. Gingen wir ausz Slabode. Zu der jemsike Slabode, mit Podeuoden— — ——	5
	Den 6 Dito zum Nachtlager in dasz Dorff Moiditz — — — — — — — —	15
	Allda ein Tag auff unsern Obersten verwachtet.	
	Den 8 Dito blieben wir zur Nacht in Troitz. Vom vorigen Nachtlager — —	45
Troitz	Troitz. Ein herliches västes Closter. Wollgebawet, hat einen bunten starken Stein-Mauer. Bastion und starke Thürme zimbl[icht] weit begriffen, die Kirchthürme mit feine[r] lachsürdnen Steinern gedachet, die bei Sonnen Schein ein schönen Glanz giebet. Wird von Mönchen und einem Bischoff bewohnt, bei disz Closter ist einen sehr grossen Flächen nur Offen, aber mit hölzernen Häusen wollgebawet. Durch dem Flechen, nebenst dem Closter fläust ein Wasser, darüber eine lange höltzerne Brüge stehet, ist gerechnet 17 Meillen von Muscow. Dar der Zarr jährl[ich] 8 Tage vor Michael eine Reise und Wallfarth hin tut mit seiner Zarin und gantzen Hoffstath; und wen in $^1/_4$ Meile nahe dies Closter kombt, steiget er ausz und gebet mit groszer Proses[ion] ausz Ehrbietung ins Closter, den diesen Orth wird vor einen sehr Heil[iges] Ort geachtett.	
	Den 9 Dito von Troitz. In dasz Dorff Nowa Ziolle — — — — — — — —	45
Pereslaw	Den 10 Dito gelanget in der 1-ten Statt Pereslaw — — — — — — — —	15

In Norden gangen

1 Podeuoden	Hier zum ersten Mahl frische Podeuoden.	15
See	Bei dieser Statt ist ein groszer See sehr fischreich. Da allein vorm Zaren gefischet wird von allerlei Gatungen.	
	Cmp. 4	
	Den 11 Jan. von Pereslaf. In dasz	Würste
	Dorf Diobel — — — — — — — — —	48
	Den 12 Dito vorbei dasz Stättl[ein]	
	Rostowa über ein groszer See. Ne-	
Rostova	benst der Statt vor 10 Würste hielten	
	Nachtlager im Dorf Carmiltzen — —	44
Hoch in	Dieser Statt ist eine Vestung gewest, mit einen schönen Erdenen Wall, nach theutscher Manier mit Rundelen und Baterien sehr woll ordinieret, jetzt aber zimblich verfallen. Die Vestung ist nicht weit im Begriff; der Flechen aber dabei ist offen und sehr grosz und streichet sich in der Länge an der See, bei 1 Meille.	
	Den 13 Dito gelangten wir in der 2 Statt	
	Jereslaw — — — — — — — — — —	20
Jereslaw	Hier zum ander[n] Mahl frische Pode-	
2 Podewoden	woden. Dieser Statt ist grosz mit hölzern Gebäuden wolgebawet. Ist ein reicher Kaufstatt da viele Kauffleute Teutsche und Russe[n] wohnen deren etl[iche] steinerne Palaten haben. Die Stadt hat eine Mauer von Ziegelstein, aber noch nicht ausgebawet, darin ein Schlosz stehet mit ein Mauer umbher und wird von einem Woiewode, der dahin gesetzt wird, Regieret.	
Norden längs	Den 14 Dito ausz Jereslaw und zur	
	Nacht im Dorf Vsolki — — — — —	45
	Umb Mitternacht auf und desz andern	
	Tages frühe, in die Jemzike jam. Von	
	vorigen Dorff — — — — — — — — —	20
3 Podewoden	Hier zum 3 Mahl frische Podewoden.	
	Den 15 gingen zur Nachtlager im	
hin	Dörfl. Telezki — — — — — — — — —	30
	Den 16 weiter und im Dorffe Obma-	
	skijam. Vom vorigen — — — — —	30
4 Podewoden	Das 4-te Mahl frische Podewoden.	
	Selben Tag weiter. Und zur Nacht im	
	Dorffe Grasewitz — — — — — —	20

Wolgeda 5-te Podewod.

Wolga Flus auf diesen

Züka Rezka Strom

Totma 7 Podewoden

8 Podewoden

Den 17 Dito komen wir in der 3-ten Stadt Wolgada — — — — — — — — 40
Hier das 5-te Mahl frische Podewoden.
Dieser Stadt ist auch ein reicher Kaufstadt, an der Strom Wolga mitt einen Mawer aber nicht wo'l verwahret; darine auch viele theutsche Kauffleute wohnen; wird von einem Woiwoden comandiert.
Den 20 dito frühe kamen wir in Stara Siole von Wolgada — — — — — — 50
Von da in der Nacht wieder auff und
Den 21 frühe kamen wir in Zurke Jam. Von vorigen Dorff — — — — — 20
Zum 6 frische Podewoden.
Bei dieszen Jam kombt man auf dem strom Züka Rekzka auf theutsch dröge Bäche weilen derselbe im Somer wenig Wasser hatt am beiden Seiten sehr hohe Berge zum Ufer etl. glath wie ein Mawer, auff welchen sein wir bisz Vstiga gefahren.

Стр. 5

Selbe 21 Jan. gingen wir weiter zur Nacht im Dorff Darauatke — — — Würste 39
Den 22 vor Tage auff und im Dorffe Warewitz gefüttert — — — — — — 40
Weiter und zu Nachtlager im Dorffe Niesen — — — — — — — — — — 25
Den 23 gelangten wir in das Stätl. Totma — — — — — — — — — — 50
Hier 7 Mahl frische Podewoden. Dieszesz Stedtl. ist offen und schlecht, wie ein groszer Flechen, wird von einem gesetzten Woiewoden regieret.
A dito am Abend ausz Totma im Dorffe Kamzuga — — — — — — — — — 20
Von dar umb Mitternacht wieder auff. Und den 24 Dito im Dörffel. Kotznitza gefüttert — — — — — — — — — 20
Von dar weiter, und desz Abendsz insz Dörfl. Brusenitz — — — — — — 23
Den 25 in Vsogorodis gefüttert, und weiter im Dörfl. Bouerofzki Jam — — — — — — — — — — 57
Hier zum 8 Mahl frische Podewoden.

lustige Berge

Heute mit Lust den Bergen anzusehn lengesz dem Bach die an etl. Orthen gleich wie ein rother Mawer stehen und doch mit nur rother Erde und Schillff-Stein. So gleich dasz Wundermasz ist.

A dito, ausz Bouerofzki und zu Mitternacht ims Dorff T o s m a gefüttert — — 45

Den 26 mit dem Tage auf und zu Mitag in Z k o r a t z i n a gefütert — — — — 35

Von dar zur Nachtlager im Dorffe P o l u z i n a — — — — — — — — — 35

Vstiga 9 Podewode

Den 27 gelangten wir in der Stadt V s t i g a ganz frühe. — — — — — — 5

Hier zum 9 mahl frische Podeuwoden. Dieser Stadt ist grosz, aber ganz offen. Sehr Nehrig von allerlei Prouis, die von Archangel dahin kommen. Wird von einem Woiewoden regieret und ist gantz offen wie ein Flechen.

Duina Strom

Den 30 von dar fuhren ein Weil längsz den Strom Duina, lieszen allso den 1 Tag auf Archangel zur linchen; gingen über den Strom, der grosz und breit ist. Und zur Abend ins Closter P r e l l u s k e M a n a s t e r — — — — — — — — — — 30

Von Witzigda bisz anhero Strom Land, alleszein reiches hier woll fiel.

Zu Mitternacht auff und kommen

Den 31 in der Stadt Z o l e w i t z i g d a. Vom vorigen Closter — — — — — — 30

Dieses Stättlein ist nur klein, gantz offen, hat den Nahmen vom Saltz, dan aldar viel Saltz geszotten wird, welchesz Waszer ausz Brunnen geschöpft wird, deren sehr viel sein; auch werden die besten Messer alldar gemacht. Wird vom Woiuoden regieret. Der Strom W i t z i g d a fleust hier vorbei. In S o l e u i t z i g d a zum 10 Mahl frische Podeuoden. Hier endiget der Würst.

Antath der Würste fängt an bei Ziumken zu rechnen, deren 1 ein Meile Wegesz machet.

Cmp. 6

Wilit Strom der in Witzigda einfelt Witzigda aber felt unter

Den 1 Februa[r] um Mittag ausz S o l o u i t z i g d a und über dem Strom Witzigda. Kamen desz Abendsz, im Dorffe B u r t z a — — — — — — — — — — 6 Ziumken

Hier gefüttert, und zu Mitternacht wieder auff. Kommen

Archangel insz Meer ar alld. 18 Meilen

Den 2 Dito frühe im Dörffl[ein] Bolze Duort, heute etl. Mahlen über den Strom Wilit, der sehr krum umbher gehet — — 4

A Dito im Bolseduort gefüttert, dan weiter ins Dörfl[ein] Korakina — — $1^1/_2$

Da wir hier woll gefüttert hatten, machen wir uns mit dem Abend auff in ein grosz, dich und wüster Walld, 18 Meilen breit, gingen in einem Futter bisz eine Stund vor Tage, da wir Futterstelle und Futter auffm Schnee machten— — — — 9

Den 3 Dito nach 2 Stundesz Fütterung gingen wir weiter, und umb 2 Uhr nachmitag, auszen Wallde im Dörffe Kibara — — — — — — — — — — — 9

Wald 8 Meilen

Selben Abend weiter durch ein dicher Walld, da wir

Nordt. Nordost

Den 4 Dito vorm Tage durch kamen und in einem Dorff Portausa — — — 8

Dar gefüttert und frühe umb 6 Uhr fürten durch ein dicher Walld 8 Meile, da wir Nachmitag durch kamen und noch 22 Meilen, zur Nachtlager insz Dorff Vsga — — — — — — — — — — — 10

Wald 8 Meilen

Heute sein wir etl. Mahl über den Strom Sisile gegangen.

Sisile Strom

Den 5 vor Tag unsz weiter aufgemacht. Und abermahl in ein dich[er] wüster Walld 22 Meilen breit. Zum 1 Futterstelle auffm Schnee — — — — — — — — 5

Nordost. und Nordost

Zum 2 Futterstelle, woe 3 grosse Walldhüten standen, vom Holtz gemacht. Im Winter die Paseniers sich zu erquichen — 5

Wald 22 Meil. durch

Mitt dem Abend weiter bei ein kleinesz Closterl., da nur zweien Pfaffen waren. Alldar gefüttert — — — — — — — 6

Osten gegangen

Dar ein Stund gefüttert, dan ferner kamen gleich dem Tage, alsz.

Den 6 auszen Wallde. In ein Dorff Gidala genant — — — — — — — — 6

Nach 1 Stundesz Ruhe, weiter. Kamen umb 1 Uhr in die Statt Kaigorot— — 8

Kaigorod 11 Podewoden

Hier zum 11 Mahl frische Podewoden.

Kam Strom

Diesz Städtl[ein] ist gantz offen. Von einen Woieuode regieret, und fleust der Strom Cam dar vorbei. Hart bei disz Städtl. auff einem hohen Feld liegt ein andersz, welcher zuvor ein Statt ist ge-

Iuangorod

west, I u a n g o r o d genant. Ist jetz nicht bewohnet. Stehen aber etl[iche] Kornhäuser und Soldaten Stuebeckensz drinne. Ist aber vest mit ein Bolwerch von Holtz umbher verwahret.

Cmp. 7 Ziumken

Den 7 Febr. ausz Kaigorod gleich in Osten abermahl durch ein dicher Wald.

Wald 18 M. hindurch

18 Meilen durch, woe 2 Stueben stehen, da man füttert und sich erwärmen kan, gingen also zu den ersten Stueben — — $5^1/_2$

Nun

Nach 2 Stundsz Fütterung zum 2 Stueben und Fueterstelle — — — — — — $5^1/_2$

Hier au [ch] 2 Stunde geruehet dur[ch] dem Walld, im Dorff L u x i n a — — — 7

Den 8 Dito mitt dem Tage weiter und zur Mittag in K o s e J a m — — — — 9

12 Podeuod.

Hier zum 12 Mahl frische Podewoden.

Kosa Strom

Hier fleust der Strom K o s a.

Südost

Den 9 Dito. Mitt dem Tage forther, über dem Strom K o s a. In ein sehr dicher Walld, da unsere Schlitten sehr zerriszen wurden, wegen der Engekeit desz Wegesz. Kamen selben Mitag in dasz Dorf V r a k e m 10

Vrake Strom

Hierbei fleust der Strom V r a k e.

bald

Bisz Mitternacht hier geruhet, dan wider auff kamen den

Den 10. Frühe auff dem groszen Strom C h a m, fuhren 1 Meil drüber, dan auffsz Land durch ein Wald auch 1 Meil bisz in d[ie] Statt S o l i s K a m s — — — — 10

Cham Strom Soliș Kams

Hier zum 13 Mahl frische Podeuoden.

Ost

Die Prouintze und Landschafft zwischen vorgemeltes Stadtl. Z o l e u i t z k e und den starchen Strom C h a m zugedenchen, so heisen alldar die Einwohner alldar P e r m a c h e n, nach ihren Landschafft P e r e m i k e n, welches voralters ihre eigenen König gehabt, hernacher von den Russen überwunden und gezwungen, diesze Leute haben ihre eigene seltsame Sprache, von Ruszen und Tataren gantz abgesondert, ist ein ziembl. g·osz P r o u i n t z e. Jedoch meistetheilsz Wald und Wüstenei, die Einwohner sein grosze starche Leute, brauchen nebensz ihre Muttersprache, auch die Rusche Sprach,

Peremiken Land und Einwohner den Zarrenunterthänig.

Und Norden-

gangen

Peremitzische Wörter

aber ihre eigene gemeinlich, der sehr frembd ist wie folgende etl. Wörter zu kennen giebet. Item sie auch guete schnelle und starche Pferde, welche sie mit lauter Brodt Speiszen auff der Reisze, sie könen mit einen schweren Fueder und wolbeladenen Schlitten in einen Fuetter 10, 12, ja 15 Meilen lauffen ohne eintzige Müdigkeit zu spüren, auch lauffen die Fuhrleute ja ihnen darnebenszt der Schlitten her, etc.

Der Peremiken etl. Wörter

Weras, — ein Mann	Moos, — ein Kuhe	Pox ist essen	Turin, — Hew
Eina, — Frawe	Goul, —„ Milch	Port, — Messer	Pon, — Hund
Götür, — Jungfrau	Gei, —„ Fleisch	Woll, — Pferd	Bii, — Fewer
Piecna, — Sohn	Kol, —„ Eier	Dort, — Schlitten	Saritas, — Lutzin [?]
Nuila, — Mägdlein	Nain, —„ Brodt	Küdt, — Halt	Saritas bii pies, — Nach lutzin an
	Thiori, —„ Fische	Sor, — Haber	Ponie, — beischlafen
			Papail etc.
			Trietz, etc.

Стр. 8

Beschreibung der Statt Solis Kams

Saltzsieden

In Saltzbrun.

In den Bach stehen

Guth Kauff

Belanget erst gemelter Statt Solis Kams hat der Nahme von dasz Saltz, dasz alldar geszotten wird und von den Strom Cham. Ist nur ein schlechtesz Städtlein, ligt nicht weit von dem Strom unten und vornen an die Gebirgen. So vor Ziberien ist, da wird sehr viel Saltz geszotten, welches Wasser sie ausz denn Brunen auszhollet; der Brunen sehr viel sein, drumb wen man ausz dem Wallde gegen der Statt kömet, ist esz anzusehen allsz wen viele Hundert Schiffen mit ihren Mastbäumen dar lagen, wegen die Brunnen und Wippen, da sie das Wasser mit auszhollen, und habe ich mich verwundert desz Grund und Bodensz Natur, den durch der Statt fleusst ein klein Bach sueszesz Wasser, nebenst den Saltz Brunnen her, und habe ich gesehen eine Brune und Saltzsandt stehen in den Bach, da die saltze Materia aussgeschöpfet ward, da doch der Bach süss und liebl. Wasser hatte, sonsten ist der gantze unter Statt

auff Saltz Grund; hier haben die Arbeitsleute, wegen dasz Saltz grosz Verdienst, und ist aldahr sehr guth Kauff an allerlei Prouiant und Brodt. Der Stadt ist nichtsz veste, alsz nur mit ein hölzern Stachet ohne Bolwerch, und wird von einen von Zarren gesetzten Wojewoden co-

Schmaler Weg im Walde darumb ein andern nicht guth zu weichen

mandiert; in dieser Stadt bekomt man Podewoden, alsz im Winter Schlitten, desz Somersz aber Pferde und musz der Reissender ihre Pagasi [Bagage?] und Prouiant allesz auff die Pferde legen und allszo über die Gebirge und Felsen übergehen in Ziberien hinein, den man mitt keinen Wagen drüber komen kan, auch ist nur der Weg so klein und schmal durchgehawen, in den Weldern darumb eben ein Schlitten gehen kan und kan niemand ein ander vorbei fahren, drumb wen Schlitten einander begegnen, wirfft die stärkesten die andern ihre Schlitten umb auff der Seiten, die Pferden aber stost man in den Schnee, dass man nichtsz mehr den die Köpff von ihnen sihet. Dan fahrt man vorbei, alszdan müszen die umb gewältzte ihre Pferde und Schlitten mit Mühe wiederumb auszen Schnee die Weg bringen.

Cmp. 9 Ziumken

Den 12 Febr. Zweiern Stunde vorm Abend ausz Solis Chams im Norden zum Nachtlager im Dorffe Werike Soll — 3

Bei disz Dorff zur linchen ist ein groszer See.

Umb Miternacht, von dar auff und kammen,

Walld

Den 13 Dito durch einen dichen Wald,

Jeua Strom

ins Dorff Jewa — — — — — — — 9

Bei d'esz Dorff zur Norden, fleust der starche Fluss Jeua.

Zu Mitternacht von dar über den Strom

Grosse Stein Felsen mit Holz bewachsen

Jeua und auff die höhe Gebirge und Felsen, da wir lange von gehöret hatten, gingen diesze dieszer Nacht, über 3 hohe Bergen, da wir noch die ärgste sehr hohe Stein-Felsen vor unsz hatten, gefährl. auszusehen, sein sehr hoch und strechen sich in der Längde, doch alle mit hohen

Bald Osten. Dan Süden Dan Wieder In

Dannen und Kederbäume bewachsen und so man oben hinauff kombt, musz man wiederumb in Tieffe abscheweliche Grunde hinunter und müszen die Fuhrleute starche Höltzen mit Streuchen, voran die Schlitten binden, dass sie nicht zu starch unterlauffen, drumb die Pferde müssen auszgeszpannt sein, den kein Pferd kan der Schlitten halten; jedoch ist Gefahr darbei, dasz wen die Streichen, damit die Höltzer vor die Schlitten ist mit fest gemacht, zerbrechen, und die Schlitten ihren Lauff gewinnen, scheust di Schliten gegen die Bäumen hinunter, dasz allesz zerbricht, und so die Pferden solten angespanet bleiben: müste man und Pferd den Halss brechen, wie solches geschehen ist, dieszen bösen Weg. Wurden wir befreiet durch einen anderen Weg, welchen die Fuhrleuten vor uns, mit des Zaren Schatz, unterm Berg im Grunde auff dem Bach Schechtmana gemacht hatten, welcher unszere Fuhrleute auch wüsten, und antraffen. Dieszer Bach ist nur schmal, und nicht tieff Waszer, fleust in einen tieffen Grund, zwischen den Felsen, und samlet sich dasz Waszer drine, von den Quele und Pfützen, wie auch von dem Schnee. So auff den Bergen ist, welches Waszer sich allesz in dieszen Grunde guest absonderl. wan der Schnee im Frühling schmeltzt, da dan viel Waszer wird und laufft sehr schnele, hatt einen steinigten Grund, ligen viele Bäumen drine, die von den Felsen herunter gefallen sind. Im Somer aber ist nur wenig Wasser alldar dar alszo dasz man dardurch kan reiten und gehen etc.

Schechtmana Bach, gehet sehr krumb hat steinigh Grund.

Norden

Den 14 Dito, mit dem Tage, lieszen wir dieszen Felsen zur linchen nach, und gingen auff gemelten Bach auff Eisz, bei 2 Meilen hin weg, da wir noch ein hoher Berg vor unsz hatten, den wir übermüsten, welcher ein halben Meil hinauff und wieder so weit hinunter, komen darüber mit groszer

Hohen Bergs mit Holz bewachszen

Стр. 10

Ziumken

Anfangs Ziberien N.

Mühe hinüber, den unsere Schliten waren zimbl. schwer, zu einer Futterstelle, da eine grosze Stuebe auffgesetzt stehet, von Jeua — — — — — — — — — — 6

Allso setzen wir heute unsern ersten Fuesz in Ziberien, den diese Bergen scheiden Ruszland und Ziberien von ein ander, da wir nun in gemelte Stuebe unsz mit Frawe und Kinder erwärmet und Frühstuck gehalten, gingen wir weiter über einen gebirgete Wald und kamen in dasz Dörfl. Kosua genant — — — — 3

Die 3-te högste Felsen, den man Kamine nenet Der 1.

Hart bei dieszesz Dorff stehen die schrekliche hohe und lange Felsen, den man Camine, ein Stein, nenet, der eine Felsz ist grewl[ich] anzusehen, den oben ist er wie ein altesz gebrochenesz Schloss zusehen, der eine hohe Thurm mit einen langen schmalen Spitzen halt, wo mit er alsz mit einen Finger, in den Wolchen zeiget, und wan esz gewolchich Wetter ist, ist es als wen er durch die Wolchen ginge, und liget droben Schnee, Winter und Somer, der nicht zerschmeltzt, wie die Bawern mir sagten. Esz kan auch niemand wegen der starchen Lufft und Wind hinauff komen, den die Lufft soll droben alszo brauszen, und benimbt die Leuten, und wirfft sie hinunter, etc.

Der 2 Bergs

Der ander Fels ist auch sehr hoch. Strechet sich weit der Längde, oben auff, ohne Holtz, sonsten über die Hellffte hinauff, rund umb sehr diche mit Holtz bewachsen, und weilen oben kein Holtz wächst, scheinet er von Ferne zu Wintersz Zeiten, gleich wensz ein weisze Wolche were.

Ein Weg über dem Felsen umbher.

Bei dasz erstgemelte Dorff Kosua gehet der Weg an über den Felsen, ist aber in der Lengde und Krümte, da der Berg am niedrigsten ist, gemacht, da man über fahren kan, da unmöglich gleich auff über zu komen.

Zobelfang und andere Thieren.

Bei dieszen Felszen und Bergen, gehet der Zobelfang an, aber nur shlechte Zobel, item, ander Futter-werch, allsz vielle Füchse, grawe, rothe, schwartze, schwarz-

blawe, und Creutzfüchse, item Grawwerch, Ellandsthieren, Bären, Marder, etc.

Ein Pfaffe soll ein Teich mit Waser oben auff dem Fels gefunden haben

In unszern Ruchreise, hatt mir mein Fuhrman erzehlet, dass auff diesen, letzten Fels solte einen Ruschen Pfaffen, oben sein gewest, und mit seinem Creutz und Weihewasser esz dahin gebracht haben, dasz er den Fels ficcitiert hatte, und solte einen Theich mit Waszer droben gefunden haben, da er auch Ellandsz Spuhr an dem Wasser gespühret, ich lasze drüber urtheilen, wasz Warheit ist etc.

Da wir nun eine Stunde in Kosua gefuttert hatten und der Abend herankam, gingen wir weiter über nechstgemelten Fells und kamen in das Dorff. Jenseite der Fells insz Dorff Rostivs— 3

Cmp. 11 Ziumken

Kiria Bachi

Bei diesz Dorff Rostia fleust ein Bach, Kiria genant.

Böser Weg

Den 15 Februa[r] mit dem Tage, wieder auff, da wir ein bösen Weg hatten, über die umbgefallenen Bäume. So auch höcherigeten Wallde und den Stuppen von den Bäumen. Kamen in dass Dorfl[ein] Werkuria — — — — — — — — — — — 4

Steinberge

Diesen Tag gingen wir langesz, bei hohen Steinbergen hinweg, die alle mit Holtze bewachsen. In diesem Dorffe bei meinem Wirth, der einen Tatar war,

Lebendige Zobel

sahe ich den ersten lebendigen Zobel, den er gefangen hatte, und in einen kleine Schnurgebunden hielt, der nichtsz andersz den Fleisch asz, war nicht willd.

Wald

Den 16 Dito bei drei Stunde vorm Tage, brachen wir auff und durch ein grosz dicher Walld, von einen Berg-felsz auff die ander. Und sein wir einer [Weg?] untergefahren, der bisz im Grunde, auff

Lela Strom

dem Strom Lela 5 Würste (das ist eine Meille) hinunter war, den der Weg war umb den Berg bei der Seiten gemacht, weillen nicht muegel. gleich hinunter zufahren. Auff der linchen Seiten, war eine abschewl. sehr tieffen Grund, da der Weg nenen her ging, zur anderen Seiten dies-

Tieffer Thalle

zesz Thall stehet ein mächtiger hoher Bergfelsz, auch ist zur linchen nichtsz den hohe Berge von Felszen, welche wegen das Holtz so darauf wächst, wie schwartze Wolchen anzuszehen. Komen alszo auff

Tater Hiurten

gemelten Strom Lela. Da wir bei einer Stunde lengsz auff hinfuhren, bisz an 4 Tater Hiurten, die an dem Strom ligen, von Werkuria — — — — — — — 7

Kein Ackerbaw

Diesze gemelte Örther von Jeua ab, bisz anhero, haben keine Ackerbaw wegen die steinige Gebirgen und Felssen, und ist lauter Steingrund, darumb dar kein Korn wachsen, die Leute, die alldar wohnen, müssen ihren Brodt, Korn und Getreide, allesz mit grosser Mühe, von der Statt Werihetur kauffen und abhollen.

Ost

Walld

Von gedachte tater Hiurten da wir gefüttert hatten, fuhren wir durch ein dicher bösz huegeligten Walld, da wir gegen Abend durchkamen bei ein Dörffl. mit fieren Hoffen Melinkouna genant — 4

Guth Kornland

Allhier ist abermahl gut Kornland, auch fleust der Strom Lela hier vorbei, sonsten Kamina Rezka genant, der dasz Waszer meistetheilsz, von den Bergen umbher, samlet, ist doch sehr fischreich.

Stein Rotzen

Den 17 Dito wieder mit dem Tage auff, fuhren auff selbigen Strom bei 3 Meil. Kamen alszo in ein Dorff Karaul genanndt — — — — — — — — — — — 4

Zur beiden Seiten diesen Bach, oder Flusz, heutigesz Tagesreisze, liegen hohe, lange und rauhe Steinfelsen, alle mit Danne und Birchenbäume

Cmp. 12

Ziumken

bewachsen, mit Wunder, dasz die Bäume alszo ausz den harten Stein-Rotzen aufwachsen können, etl. sein lustig, etl. aber grawl[ich] anzusehen, zu dem hangen ihrer etl. die Felsen, über den Bach, da man unten hinführt, und scheinet vor dem frembden Leuten, denn esz ungewohnet vor kommet, alsz wen die Felszen sich über den Strom wollten stürzen und den Reiszenden auff den Köpfen fallen.

Die Secte Wagultzen genant

Bei dieszesz Dorff Karaul wachset guth Getreide, da die Einwohner räumen den Busch und Holtz dar weg, und ihren Kornland drausz machen; die Einwohner aber sein meistetheil. eine Secte, Wagulltzen genant. Von ihnen soll hernechst Bescheid gegeben werden.

Karaul eine Wache

Diesz Dorff hatt auch den Nahmen von einer Wache, den Karaul heist, auff theutsch eine Wache, wegen dasz, dasz der Zarr, hier eine Prekasenik oder Befehlhaber bestellt hat, mit eine Wacht, der Achtung musz geben, wer ausz oder ein Ziberien gehet, auch zu besichtigen, dasz keine unfreie Wahre, ein oder ausz bringet, und wer nicht mit desz Woiewoden im Nahmen ihrer Mayest. Brieff nicht verszehen ist, der kombt zu schaden und wird nach Weriketur gebracht. In disz Dorff ist nicht mehr den 4 Rusche Höffe, die andern alle Wagoultzen.

Guete Zobel und schwarzl. Füchse

Nach dem Bawern ihren Sagen, gibt esz hier vielle guete schwartzliche Füchse, andersz Futterwerch, Ellandsthieren und Bären, etc.

Davon die Wagultzen sich ernehren.

Hiermit quitiren wir die hohen Steinberge und Felsen, worüber wir 31 Meillen unsere Reisze mit Mühe zugebracht haben, jedoch ohne allen Schaden, noch Verletzungen, darvor Gott gelobet.

Die 1-te Stadt Werikekur

Den 18 Febru[ar] mitt dem Tage wieder ausz Karaul durch ein Walld, und zu Mittag in der Stadt Weriketur — — 7

14 Podewoden

Hier das 14 Mahl frische Podewoden.

Tura Strom

Unter dieszer Statt fleust der Strom Tura.

Eine Vestung Weriketur, auff ein Hügelfels gebawet

Dieser Stadt ist der erste Stadt in Ziberien, und auff des Landesz Mannier eine Vestung, mit ein höltzern Wand wie ein Mawer gemacht rings umb, nicht grosz im Begriff, zimbl[ich] vest, mit ein Bolwerch auserhalbe der Stadt woll versehen, gegen Baskiren gemacht; stehet auch auff einen harten Felszen, der nur etwas huegelich ist, nicht hoch auffs Ufer

Starcher Auffsicht Ende

desz Stromesz Tura, hat auff 1/4 Meil Rund umb, Wald, und ist ein Schlüssel und der erste Pas. im Ziberien, dar allesz esz sei Völcher, Schlitten, Kasten und alle Wahre ficcitieret wird, wasz im Lande ein oder ausgehet, auch wird niemand passeret. Ja nicht der beste Bajar musz sich mit alle seine Gueter ficcitieren laszen,

Cmp. 13

Ficitierung in Werihe tur

Süd Ost

und so jemand Unfreier Wahre oder mehr Güeter bei sich hatt, den wasz sein Pass. lautet, wird solches alles von Zarren genommen, esz sei Gelld, oder Zobeln, Silber, oder Golld, deszwegen hatt der Gouerneur, der da regieret, vor den Zaren müszt sein Eid thun, und das Creutz küszen, dasz er niemand solle verschonen, und den Zaren trew sein. Obgleich wir desz Zaren Siegel und Brieff hatten, dasz er uns dar solte freipaseren lassen, müsten wir uns doch laszen ficitieren, da allesz wurde auffgeschrieben, wasz sie sahen, jedoch blieb viel verborgen etc.

Ziumken

Den 19 Febru[ar] gingen wir ausz Weriketur mit den Abend, und war unsere Weg Südost, bei 3 Meillen lengsz dem Strom Tura; lieszen alszo den Strom zur linchen, und übersz Land im Dörfe.

Soldo Flusz Walld 8 Meil

Solda — — — — — — — — — — — 4

Hierbei fleust einen Strömbl[ein] Soldo genandt, ist nicht breit, hat aber starch Lauffen des Waszer.

Attagieua Strom Wald

Den 20 Dito, mit dem Tage auff überselbige Bach: durch ein dicher Walld, 8 Meillen breit, da wir auff dem Strom Attagieua komen, fuhrn darauff bisz dasz Dorff Makinoua — — — — — 9

Unglüch in unsere Comitat

Den 21 etl. Stunde vorm Tage darvon, fuhren durch ein dich. und wust. Wald, da wir Nachmitag durchkamen, im Dorffe Blogowizinke Slabode — — — 16

In dieszen Walld geschah heute ein Ungelüche, an unszern Leutenambts, einer Hans Adam Müller genant, in deme er sein Bein zerbrach.

Kederbäume und desen Frucht

im

Heute habe ich mit groszer Lust die herl[iche] und zierl[iche] Bäume, welche man Kederbäume nenet, gesehen, ist ein fein und rein Holtz, zum Thische und Taffelen sehr schön, bleibet alle Zeit herl[ich] nobel weisz, sein auch sehr fruchtbar, den sie tragen Apffeln-gestalt, balde wie Danenapffel, aber grosz, und groszer alsz ims [ein?] Schwane Ey, inwendich voller Nüsze, die düne Schallen haben, süsz und wollschmakend, Kedernuse genant.

2 Stadt in Ziberien Japanzin

Den 22, mitt dem Tage weiter, kamen in dasz Städl. Japanzin — — — — 7

15 Podeuoden

Hier zum 15 Mahl frische Podeuoden. Hier fleust Tura Strom vorbei, dieszesz Stedtlein ist nur Schlecht, gantz offen, auszgenomen ein klein Castel, mit einen höltzern Wand, darine desz Zarren Prekasi oder Canzelei, mit etl. Magesin-Hauszer, und desz Woiewoden Hausz, allesz von Danen Holtz gebawet, disz stehet miten insz Stättl. etc.

Norden

Schön Felld-und Kornland

Allszo haben wir heute die wüste Wälld der verlaszen, und sein über lustige Felder gangen, die man am Wege mit feine Dörffer gebawet ist, und sehr viel Hewschlag und Kornland.

Wald

Den 23: aus Japanzin gingen die erste 2 Meillen über fruchtbare Fellder, da Dörffer langsz am Wege stehen, darnacher durch ein dicher Walld bisz dass Dörffl. Borbozina — — — — — — — — 6

Noch allhier bei den Strom Tura sehr krum umbgehet.

Cmp. 14 Ziumken

Den 24 Februari mitt dem Tage auff, durch ein Birchenwald, 3 Meilen; kamen allszo in dasz Dorff Turinzke Slabode. Hier gefüttert, dan weiter über ebene schlechte Felder, dahin und wieder Bäume stehen. Kamen allszo über Tura Strom, dar ein ander Flusz, nembl. Vsnitza sich mit ihn zusamen stost, gingen alszo vorbei Bogowezinke Slabode der zur Rechten liget, dan wei-

ter über ebener Feld in das Dorff Lipka— — — — — — — — — — — — 8

Vsnitza Strom

Bei Bogouetzinke Slabode kombt der Strom Vsnitza auszm Südwest und felt dar in die Tura-flusz, hat starch Waszer etc.

Den 25 Dito mit dem Tage ausz Lipka durch einen Wald, bisz dasz Dorff Kasminska, da wir etwasz füterten, dan weiter in einen groszesz Dorff Kolakow, dieszen Tag— — — — — — — — $5^1/_2$

Ein fruchtbares Land und Gegend

Dies Dorff est sehr woll mit grosze Höltzern Hewszer gebawet, ligt sehr fein, auff einen lustigen Orth, zur rechten hat esz ein Flech und obenesz fruchtbahres Felld, sehr Kornreich, zur linchen den Strom Tura, der viel Fische giebet; haben auch sehr vielle Hewschläge, drumb die Bawern alldar reich sein, und haben ihren Handtierunge mit Korn und Fische, welches im Überflusz dargibet.

D. 3 Stadt Thjomein

Den 26 kamen wir guth. Zeit in der Stadt Thiomein — — — — — — — — $5^1/_2$

Hier zum 16 Mahl frische Podewoden, und zuletzt.

Dieser Stadt Thiomein stehet auff einen sehr hohen Ufer, an dem Strom Tura, der hier unten weg fleust nach Norden zu. Der Stadt ist nicht grosz begriffen, und mit einen Staket von Bäumen vor ein Anlauff befestiget, deren Pforten, im einen höltzern Thurm geszetzet, hat aber eine kleine höltzerne Castel in der Stadt gelegen, welches mit einen höltzern Wand, wie ein Mawer umbher verwahret, nach Landesz Manier, drine nichtsz mehr, dan der Canzelei od. Prekasi. Item des Woiewoden-Hausz, und die Monitzion, sambt etl. Magesin-Hauszer, stehen.

Fruchtbahren Orth und Land

Ist sonsten einen feinen lustigen Gegend, dar allerlei Prouiant sehr guth Kauff ist, bevohr ab, die Feldfrüchte als Korn, Meel und anderesz dergleichen; dieszer Stadt ist bei unsere Zeiten gantz abgebrandt, alszo dasz wenige Häuser, auszgenomen der Castel, bestehen blieben; über den Strom Tura haben die Ta-

taren ihre igene Slabode, dar sie wohnen, die welche desz Zarren Dienste, als Reuter thun, dar

Cmp. 15

vor sie jährl. ihren Lohn haben; auch wohnen ihrer sehr viel umbher, ins Land; wansz nöthig thut, sein sie fertig etc. Ziumken

Den 27 Febru[ar] gingen wir ausz Thiömein, über einen ebenen Felld, zu erst über den Strom Tura, hernacher, nebenst einen See, und Moras, hinweg. Vorbei viele Tater-Hiurten. Kamen in Dorff Borokov — — — — — — — — 5

Wald Den 28 Dito von dar, und frühe morgensz im Sosanoua gefütert — — — 3

Dan weiter durch ein Walld in Zuza Slabode — — — — — — — — — — 6

Walld Den 1 Martzie, frühe von dar, durch einen dichen Walld, und im Dorffe Jarchow gefüttert, dan weiter in das Dorff Borosowe — — — — — — — — — 7

Tobolo Strom Hier kamen wir erstl. bei den groszen Strom, Tobolo, nachdeme wir Tura Strom hatten quitieret, der sich in der Tabolo erszäufft hatte.

A Dito, da wir in Beresowe gefüttert, gingen wir weiter, ein Walld, bisz in einen Taterdorfe Biechtokowe-Hiurt genant, da wir bei drei Stunds vorm Tage ankamen — — — — — — 8

Den 2 Martzi, gingen wir frühe von dar, und zu Mitage in einen andern Taterdorf gefüttert, Turbrinzke-Hiurt genant — — — — — — — — 4

Hier wenig geffüttert, dan zu einen andere Hiurte — — — — — — — — 3

Diesze Hiurte und Tater-Wohnungen sollen hernacher geschrieben werden.

Den 3 Dito gingen wir über ebene Fellder, doch etwas höcherich, mit dem Strom Tobolo, zur linchen ligend, gingen allszo, wegen der Krüme des Reuiers, IRETise Strom gleich zu, durch etl. Tater Dörffer, und kamen auff den starchen Strom IRetis, Tobolski da wir ein wenig darauff hinfuhren, bisz Stadt an der Stadt Tobolski — — — — — 4

Beschreibung der Stadt Tobolski, sambt deszen Umbstende und Gelegenheit.

Haubstadt Tobolski

Dieser Stadt Tobolski, an den beiden grosz[en] und starchen frisch und fischreichen Waszern, oder Strömen Tabolo und IRetis gelegen, ist der Haubtstadt in Ziberien, vom Rusen gebawet, stehet auff einer Echen und Spitzen des hohen Ufers, alsz einen Berg über den Strom. Selbe Berg oder Ufer, wie ich selber geszehen, ist unten von dem Strom ab hoch etwasz über 25 gute Klaffter

Högde des Berges ist 25 Klaffter

Стр. 16

und ist vorne an so steil in der Högde, dasz man nicht mit einem Wagen oder Fueder kan hinauf komen, nur zu Fuesze, und kaum reitend, und wannsz wenig geregnet, ist es schlifferig, das man hierunter glitzen musz und ohne einen gueten Stab, mit einen eiszernen Spitze, da man sich anfestiget und hält, nicht woll ohne grosze Mühe auff komen kan: drumb haben die Leute unten an selben Berg einen Weg gemacht, darinen Grund ist, da sie hin auffahren, gerade der halben Stadt umb. Der Stadt theillet sich in 2 Theille, nembl.: 1 Theill aufm Berg, dasz ander Theil unten am Berg, an und mitt dem Strom, auff einen ebener Platze. Zu der einen Seiten, eine hohe Berg, zur andern, den Strom. Der Stadt auffm Berge ist die Vestung, aber andersz nicht fortificieret, den nur vor ein Anlauff, mit einen Staket, von Danen-bäumen, die gerade auff stehen wie Palisaden, dichte an ein ander ohne Grasz* und Wall auf der Spitzen des Berges. Oben über dem Reuier eine Castel, von lautenem Holtze gemacht und gebawet, hatt einen zierl. holtzerne Mawer, Rund umbher, da ein Balchen auff den ander liget, wie man die Häuser bawet zimbl. hoch und rund umb oben mit einen zugedechten Umbgang, worine Schieszlöcher gehauwen sein. Unten in selben Fortifica-

Steiler Bergs, da man nicht woll kan hinauff komen

Stats Theilung in 2 Theile

Der Vestung

Der Castel Der Mawer, mitt einem Umbgang

* *Одно слово написано неясно.*

tion, ist der Mawer rund von Holtz mit Kamern, da itz Schätze verwahret werden, solte aber ein Feind komen, kö-
9 Thürme, wie Bastionen nen die Soldaten drine logieren. Hatt auch 9 schöne Thürme vom Holtze achtechig und veste gebawet, 2 Pforten nach
3 Pforten der Stadt zu, und einsz nach dasz Waszer.
Die Gebäuden In diesz Castel stehet nichtsz mehr an Gebawden, den nur desz Zaren seine Prekasi, oder Canzelei, item des Zaren Hausz, da der Woiewode risidieret, und eine kleine Rusche Kirche, allesz vom
Amonition Gewelbe Holtze, noch einen gemäwerten Gewelbe, wie einen Keller, darine die Amonition verwahret wird, der nicht mit Erde
Zaren Schatz allerlej Gattungen ist ober zugedecht, und mit Grasz bewachsen. Sihet ausz wie ein Huegel, ohne einiges Dach überher. Allhier werden alle Schätze, was von gantzem Lande Ziberien zu dem Zarren geszamlet wird, zugebracht, alsz Zobelen, schwartze, weisze, rothe und grawe Füchsen, item Biber, Luechse, Grawwerch, und wie es Nahmen hatt,

Стр. 17

wasz vom Lande einkomet, da ein jeder Prouintze, jährl. a parte dasz ihrige
Falchen hinbringet, wie auch die vortreffel. schöne Falchen, die dar gefangen werden. Item die köstl. und kostbaren Wahren ausz Chitaike, alsz Specerei und andere treffel. Sachen, welches durch den Woiwoden, in Tobolski, tacsieret wird, der alsz einen Vice Roy dar residieret, und wansz Winter wird, allszdan allesz das Guth nacher Muskow auff Schlitten verschaffen musz, worzu Jemziken, das sein Fuhrleute, darzu bestellet sein, selbige Schatz vorth zubringen
Wie die Falchen werden forthgebracht nach Muskow von einer Stadt zu dem andern, davohr sie jährl. ihren gewiszen Lohn haben. Obgemelte Falchen aber werden Nobel fortgebracht, den von ein jegl. wird ein Schlitten, darauff eine Kasten zugerichtet ist, verordnet; selbige Kasten ist ein- und auswendig, mit Filtz oder Rusch Thuch ausgefüttert, darine sie verwahret

und fortgebracht werden; auch wird zu einen jedern Falchen 3 Rubel vermacht, zwischen Tabolschi und Muskow, zur Unterhalt. Eben in dieszer Statl. stehet auch ein grosz Closter, darine einen Metrepolit residieret, der über alle Geistl. zu gebieten hatt, etc. Der Woiewode aldahr wird alle 3 Jahr abgelöst, und einen anders in seine Stelle.

Einen Metrepolit

Der Unter-Stadt unter dem Berge, mit der Gelegenheit

Belanget der Unterstadt, unterm Berg, an den Reuier, ist gröszer begriffen, hat nur eine grosze Strasze, so woll alsz der Ober-Stadt, gleich hin durch, aber etl. andere Gaszen und Zwerchgaszen, und kleine Gänge, weilen die Häuser so dichte an ein ander stehen: der eine Seite, langsz mit den Reuir, und dan in einen halben Mond bisz an dem Gebirge strechend. Stehet auff einen morastgten Grund. Recht ansz Waszer stehet ein Closter zimbl. grosz, darine einen Erchimer, oder einen Abt, mit einen Hauffen Rusche Möniche, sein. Und wansz hoch Waszer wird, welches gemeinlich im Frühling geschieht, dan stehen alle die Häuser allhier, bei 2 Ellen, und drüber, tieff insz Waszer, dasz man alle Gaszen mit Böthen, ja einem Hausz zum andern fahren musz, auch folget das gantze niedrige Land, so weit man auffm Berge überzehen kan, im Waszer, welches etl. Wochen werret, bisz dasz Waszer abfält. Dieser Unterstadt ist gantz offen, wie ein Flechen, wird von Rusen, Bogaren und Tatern bewohnet.

Einen Apt Hoch Waszer

Der Einwohner Handtierunge

Die Ruszen allhier treiben ihren Handthierung meiste Theils mit Fischen, die in den beiden Strömen, alsz grosze Stör, Sterlinge, Hechte, Karautzen, Braszem, Baarsze, item Nielm und Giesei, ein fetter und wollschmekenden Fischen und andere mehr, die überflussig dar gefangen werden. Auch hantdtieren sie mit allerlei Korn, kauffen und verkauffen, mit andere

Стр. 18

Schachereien mehr, dasz ein jederer ein Kauffman wil agieren. So wohnen auch

allhier viellen Handwerchsleuten, alsz Schmiede, Schuestersz, Schneidersz Ledergärbersz, und dergleichen, aber insz Acherbaw will sich niemand üben, darumb dasz herl. fette Land musz wüste ligen.

Guth Kauff

Der meiste Theill diese Leuten sein in dasz Zaren Dienst, als Reutersz, Soldaten, Strelitzen, Pferd-und Fuesz-Kosachen, die alle ihren Fahr-lohn bekomen, darumb sein sie auch so faull und nicht arbeiten mögen, sondern sich drauff laszen, ist allesz alldar sehr guth Kauff, absonderl. der herl. Fische etc.

Den Tatern ihrer Wohnungen undt Handtierung

Die Tataren haben auch in den Unterstadt, am Waszer, ihre eigene Platze, dar sie bawen und wohnen, jedoch ihre Gueter, auff ihren Dorfern auffsz Land, umb der Stadt her, dar sie im Somer ihren Acherbaw, Hewschlag, Viehzucht, Fische und Vogelfang haben, selbe fleisig warten und treiben, davon sich auch eine grosze Gewinst haben; sie leben frei und geben niemand etwasz, verkauffen viel Korn, Butter, Fische, Endten und allerlei Vögelwerch, die sie auff den Strömen mit Schlingen und Angelen fangen, im Winter wohnen ihr etl. in der Stadt im

Ihre Hiurten Thüeren

ihren Hiurten, welche sie gantz niedrig vom Holtz bawen; haben niedrige Thüren, dasz man drein gahr kreichen musz, kaum $1^1/_2$ Ellen hoch, die unsz seltsam vor kamen.

Kaminen

Haben keine Offuensz, brauchen in dieszen Platze einen Camin, oder Schornstein, der von etl. Stöchen, mit Leem umbschlagen, gemacht sein, und allszo niederig, dasz selbige kaum durchsz Dach gehet, drumb wen sie Fewer machen, fleuget der Flame, sambt die brenenden Funchen sehr weit in der Högde, dasz man weit und von Ferne sehen kan, woe ein Tater wohnet.

Ihre Fenstern

Ihren Stueben haben keine Fenstersz, dan nur oben miten insz Dach ein rundesz Loch, da der Tag durch scheinet, etl. legen oben, auff dasz Loch im Winter, ein Stüch Eisz, welchesz einen klaresz Schein giebet, etl. aber und gemeinl, machen von Strohe

oder Hew einen groszen Pfropf, in einen alten Sach oder Ragoske, und machen damit das Loche zu; so einen Pfropff brauchen sie auch in ihren Schornsteinen, wansz Fewer auszgebranndt ist, damit die Hitze in der Stueben bleibet, wie ich selber solchesz gebraucht, da ich in so eine Hiurte gewohnet. Diesze Hauszer haben keine Dächer, sondern oben platte, und gantz oben, mit diecher Erde belegt, deszwegen im Somer gantz grün sein.

Ohne Dächer

In den Stueben sein sehr breite Bänche, wie einen Schweiszbanch, so breit, alsz ein Mensch lang ist, drauff sie sitzen, szhlaffen und stehen, und ihren Lager auff einen dichen Matratz oder Filtze haben; die Reichen schmüchen ihre Bänche mit herl. Tapeten, etc.

Bänchen sehr niedrig nicht halb keinesz hoch

Cmp. 19

Von dieszen Tataren wohen* in Ziberien sehr viele, den esz in vorige[n] Zeiten, vor 95 Jahren, ihre eigenen Land gewest, haben auch ihren Zaren gehabt, welcher, auff dem Berg, woe ietz Tabolski stehet, residieret hat Solchen Orth man noch sihet, wie auch hart darbei auff dem andern Berg bei einen Muschketenschosz, zweien andere Mürsen oder Fürsten gewohnet haben, da noch die Graben, und Wälle, umb ihren Wohnungen zu sehen ist. Von obgemelten Zaren lebet noch einen Sohn, Zarewitz genant, der sich noch immer dar Feind erkläret, und will sich keinerlei Weisze, gütl. unter den Ruschen Zaren ergeben, und ob gleich der selbige weder Stätter noch Hausz hatt, so hält er sich doch in der Stiepe oder Wildnisze, dasz ist eine Heide, auff, da weder Holtz noch Leute sein, auch in der Klüfften und Gebirgen, hatt wenig Volch, nembl. Bazkiren, bei sich. Jedoch thut er alle Jahr., umb die Erndte, einen Zugh auff der Grentzen, an Ziberien. Und woe er sonsten kan, nimbt vielle Leute und viele Viehe hinweg, so er kan, und dan wieder

Die Tatern ihren alten Zarren in Ziberien

Der Zarewitz noch immer Feind

* *Описка, должно быть, повидимому:* wohnen.

darvon, und kan man ihnen nicht woll nachsetzen, weillen der Stiep überausz grosz ist, und ohne einige Weg oder Steg, deszewegen seinen Mars oder Pfuhr nicht kennen, kombt man endlich hinte ihnen, stehet er gegen den Winde, und stechet mit Fewer der Heide hinter sich an, damit gehet er sicher.

Erbe des Landes

Dieszer Zareuitz erkenet sich imer vor einen Erben desz Landesz und gibt sich, nimer, guthwillig.

Biszweillen bringet er die Bazkiren, auff seiner Seiten auff, da er da eine grose Rumor machet, etc. darvon weiter.

Weilen ich auch etl. Wörter der Tataren-Sprache behalten, wolle ich sie dem Liebhabenden mitheilen.

Jolbosen	ein Grusz Glüch zu	Aunus	Munde	Bieksuk	sehr kalt	Suit	Milch
Koos	farth woll	Boron	Naesze	Jeil	Wetter	Sür	Kühe
Attai	Vatter	Kolak	Ohr	Su	Waszer	Busau	Kalb
Iinia	Mutter	Koel	Hand	Ott	Fewer	Kuras	Hanen
Bitzia	Frawe	Aiak	Fuesz	Aigatz	Holtz	Tauk	Heinen
Oel	Iüngel.	Takia	Mutze	Kibita	Stuebe	Jemertka	Eyer
Kas	Mädel	Bieloi	Handschuhe	Itmiak	Brodt	Koii	Schaff
Barandas	Bruder	Kuimiak	Hembd	Maj	Butter	Zutzka	Schwein
Albula	Schwester	Ziarak	Schuhe	Jeit	Fleisch	Kutziuk	Hund
Paes	Kopff	Giesem	Strömpfl	Balik	Fische	At	Pferd
ſ Zatz oder		Inia	Nehenadel	Siem	Bier	Atluisa	Hauptpferd
⌊ Zerge	Haar	Suk	Kallt	Butza	Brache	Jaksi	guth
Koes	Auge			Araka	Wein	Juk	nichts

Cmp. 20

Farffwen

Ziem	Licht	Sabala	Löpffel	Gierma	Grütze	Ak	weisz
Bitziak	Meser	Kasan	Keszel	Aris	Rogen	Kara	schwartz
Balta	Beill	Siulmiak	Topff	Sulu	Habern	Küsül	roth
Tabak	Schüsel	Burtziak	Erbszen	Bietsien	Hew	Skeitan	Teuffel

Beschreibung der Bogahren und ihren Handtierung

Beschreibung der Bogaren und ihren Handtierunge

Die Bogaren, welche in Tabolski wohnen, sein ausz ihrem Lande Bogari her, sein reiche Leute, wohnen in herl. wolgebawete höltzerne Heusser, die grosze Fenstern und Thüre, nach theutscher Manier, haben. Ihre Stueben sein inwendig zierl. mit geschnitzte Arbeit [en] und köstl. Chinesische Tapeten geschmühet, leben sehr sauber und reinlich, gehen auch in schöne Kleidern, mit lange weite Röchen, welche sie vorsz Brust gantz überschlagen,

Kleidung

und auff der eine Seiten unterm Arme mit Binten zubinden, welche Röche meist von Chitaike und Kitaisk guth gemacht sein, von Seiden, und andersz, mit Baumenwolle gestopfft und genehet;

kahle Köpffe Kaloth

auff ihren Heubten, welche sie mit einen Schermeszer gantz kahl, die Haar abschneiden, tragen erstl. ein klein Mütze wie ein klein Caloth hinterwertz auffm Kopffe sitzend, welche Caloten dichte und köstl. mit Seide, Silber und Gold in allerlei Figuren sein genehet und gestichet, welche sie nicht

Mützen

abnehmen, als zu Haussze, und wen sie gleich vorm Woiewoden stehen; nechts deszen tragen sie ins gemein Mützen, die oben spitzig zugehen und nahed bei nahed dichte in der Lengde und quer, mit Baumwolle auszgenehet. Ihre Elltesten so sie alle Jahr

Eltesten

umbwechseln und andere erwehlen, tragen auff ihren Mützen weissze Bunden, rund umb. Sie haben auch ihre eigene Kirche, welche inwendig gahr keine Zierath haben, den nur die blosze Wänden,

Ihre Kirchen und womit Drine

nicht Billd, nicht Stuelle noch Bänche, aber auff die Dielle, mit Tapeten überal belegt; und wen sie dar hinein gehen, laszen sie ihre Mützen und Schuhen, welche als Pantoffeln sein auchre Stoche, vor der Thuer stehen, setzen sich allszo auff den Hachen, in der Kirchen nieder, streichen sich, mit beiden Händen, übersz Angeszicht nieder, und neigen sich mit Heuptern zu der Erde, streichen und

Keine Gloken zur Kirchen Rueffe

murmelen bei ihnen selber, etl. Worten in ihrer Sprach, und gehen alszo umb eine Stunde wieder ausz. Wen sie zur Kirchen gehen sollen, haben und gebrauchen sie keine Klochen, sondern einer von den Elltesten leget vor der Kirchen, seine Mütze mit dem Bund vom Kopffe ab, wie auch seinen Stab und Handschuhe halt mit beiden Händen wo die Ohren, mit dasz Gesicht embpor und gegen den Himel, sperret dasz Maul weit auff, schreiet ausz allen

Kräfften in der Högde was er kan und mag: Ala. Ala. Ala und dasz in einen Athem weg, dasz man esz weit höret; wen dasz geschehen, setzt er seinen Mütze wieder auff, nimbt seinen Stab in den Hand, und gehet in der Kirchen, dan komen die Leute forth zuszammen, und ihren Gottesz Dienste allszo verrichten, wie vorgeszagt. Sie haben mir ihre Bücher geweist, da ich keine Buchstab von kannte, allesz rüchwerths, wie sie auch rückwertz schreiben, mit seltsame Caracteren. Sie sagen, es solle dasz allte Testamente sein. Sie glauben dasz Gott der Herr Gott ist, aber vom Sohn und heil. Geist wissen sie nichts. Sie meinen dasz Christusz ein Prophet ist, wie

Ihre Bücher Alt Testament

von Gott

Стр. 21.

Turchen auch. Sie wiszen von Adam, Abraham. item von den Ertzvattern, Patriarchen und Propheten zusagen und haben offt mit mich wollen descourieren, so ich die Sprache werre erfahren gewest. Sie lassen sich auch beschneiden ihren Vorhaut, wen sie sechs Jahr und darüber sind. Sie leben woll in Essen und Kleidern, trinchen nicht gerne Bier. In ihren Stueben brauchen sie keinen Offuensz, nur Schornsteinen, dar bei sie eine kleine Bachoffen haben, ihre Kuchelken, drine zu bachen; haben wie die Tatern bei der Camin einen hohen Hert stehen, drinen einen breiten Pfane, wie einen Keszel. Weit aber nicht tieff drunter, machen sie Fewer und kochen allszo alle ihre Speisze drine; brauchen selten und wenig Brodt, etl. kar keinss, brauchen vielle Gerste grub, etc. Ihre Weiber sein Realisk von Gestalt, treffel. schön vom Angesicht; sie tragen auch lange weite Röche, mit weite Ermeln, auch haben sie Hoessen an, vom Leinewad, so woll alsz die Mäner; wie die tatersche Weiber auch. Ihre Hämbden sein vom Baumwol, Kitaiche oder Zenden, auff ihren Köpffen tragen sie spitzige Mützen, bei 2 quartier hoch, mit Baumwolle schön ausgenähet, mit Silber und Gollde gesticht, auch mit den grössesten und schönsten silber Copeichens und guete Ducatens, zierl. über und über beszet; die arme Leute tragen an stath die Ducaten Reichenpfenige. Ihren Haar, wie die Calemikske Weiber, tragen sie in 2 grosse Flechten oder gepflochten Zöpffen, die schwartz und lang sein, gantz blosz, niederwertsz hangend, und die Enden oder Spitzen wieder in der Höhe, dasz sie

Keine Offuen

Bogarske Weiber, ihre Trgt

Reiche Mützen

Zierath

alszo krum hangen, welche mit vielen silbern Zierathen, und grosse Stüchen darzu gemachtes Silber wie einen gueten Griff, behangen, und gezieret. Wie auch umb den Halss und vorm dem Brust hinunter, hanget silber Ketten auch solche grosze Stuchen Silber, wie vor gesagt. In ihren Heuszern sitzen sie hinter einen schönen Täpich, arbeiten fleiszig in

Arbeitsam

nähen und stechen, mit Seide, Silber und Golld. Machen alle ihre, und ihre Maness Kleider selber, brauchen darzu kein [Schneider]. Wen sie auszgehen, sein sie gantz mit einen schönen seidene Deche verhüllet, dasz sie nichtesz und niemand ihnen sehen kan, müssen deszwegen von 2 Mägde oder Frawens die sie aufwarten, geleitet worden, wie ein Blinder, und wan sie ausfahren, wird auch die Schlitte mit eine Deche gantz übergedecht, auch mit ein schöne Täpich. Sie sein sehr geil und beliebet den Theutschen freundl. und geren. Sein rechte Venus-Weiber, sie sein offt in ihrem Fenstern gestanden, und uns freundl. gegrüst, und zugerueffen, Niemze, Niemze etc. und mit uns geschertzet, bevohr ab wen die Mäner nicht bei der Hand waren, doch sehen sie die Persohne an. Sie leiden den Theutschen sehr gern. Item behalten sie auch auszerhalbe auff den Köpffen, kein eintzigesz Haar, sondern laszen alles unterm Arm, und etc. glath und rein wegpützen mit einen darzugehörigen und ordenierete Schermesser, wie gleichfalsz die Mäner auch thun, etc.

Diesze Bogahren treiben grosze Kauffmanschaft, welchesz ihre Factoren in ihrem Lande Bogari jährl[ich] ausz Chitai und dasz grosze Königreich China auszbringen, und hernacher auff Tobolski auff Kamelen geladen, hinsenden: den die Rusen, keine Freundschafft, noch Comersi, mit den Chitaier und Chineser haben, den sie ein ander nicht trawen: dar-

Cmp. 22

2 Monat

umb die Bogaren solches treiben, nach dem sie ausz ihrem Lande nur 2 Monatsz Reisze in Kitaike haben,

Reisze in Kitaike

und wiederumb ausz Bogari, in sechse Wochen Zeit, biss in der Statt Tobolski da sie nur gemachlich mit ihren Camelen treiben. Bringen allszo, alle Jahr zu 40, 50 ja mehr schwere beladene Camelen hin mit köstl. Wahre alsz Baumwolle, bei sehr

Kitaiske Wahre

grosze Sächen woll, wie auch Kitaike dass ist ihre Leinewandt vom Baumwolle gemacht, item Sendin, allerlei Colleur, auch von Baumwolle, Ciniach,

wie auch allerlei Coleurde Seiden-zeug, Damas mit sondere Arth mit Blumen, auch Gülden und Silberstüch, mit Roeszen, Tulepanen, und andere herl [iche] Figuren von Silber und Gollde, auch Seiden und Atlas, auch viel streiffig Seiden zeug, künstlig gemacht, auch andere Specereien, als Budian, welches eine Geruch und Geschmach hat wie den Anis, aber viel stercher, item ein seltsamer Arth von Pfeffer, Canel und Edelgesteinen, die heimlich in Ziberien verkaufft wird und andersz mehr, hingegen kauffen sie wiedurumb auff, und bringen mit zuruche, feine Thuech, Jufften, Zobeln, Biber, Ottere, ander Peltzwerch mehr, und wass ihnen dichet, mit diesze obgemelte Wahre handelen sie öffentl. und haben in der Oberstadt Tobolski ihre eigene Laeden und Bueden darzugehörig, worine sie sitzen, und verkauffen, und wie sie daroben eine grosze Abgang haben, so verkauffen sie bald mehr, unterm Berg in ihren Heuszeren. Mitt solche Wahre komen sie, woll 2 Mahl des Jahres, und gehen wie der Weg zurüche; esz ist ein arthl. Lust zu sehen, wen sie allszo mit den beladenen Camelen an komen, alle in einer Reihe. In der Stadt Tobolski, wie in andere Stätter in Ruschland, wird alletage 2 Mahl marcht gehalten, nembl.: desz morgensz, und umb wetzierne, das ist zu vesper, da man in allerlei Prouiant, alles gnug zu Kauffe haben kan, und ist Victualien alda nicht thewer absonderl. im Somer, da dan desz Morgensz mit dem Tage zu 30, 40, 50 und mehr Kahren und Bötten, gross und klein, alle voller Fische die erst gefangen sein, und meist alle lebendig eingebracht werden: überausz sehr guth Kauff, dasz ich auch in keinen Lande so guth Kauff an Fische gesehen, aber die auszländische Wahre, als Thuche, Specerei und andersz, sein thewer, maszen sie den langen Wegs von Muscow dahin gebracht werden, end keinen Auszländer, noch theutscher Kauffman, darff darhinen handelen, viel weniger ins Lande Zieberien kommen.

Alle Tage 2 Mahl Marcht

Guth Kauff

Beschreibung die beiden Strömen Tabolo

Belanget die beide starche Strömen, Iretis und Tobolski zu wiszen dasz der Strom Tobole kombt ausz Südwest, auszm Gebirge, in der Calemiken Land, fleust allszo durch die Siepe in Ziberien hinein, und ferner in Norden zu Ost, biss der Stadt Tabolski.

Cmp. 23

Und Iretis

Der Flus IRETis, aber, kombt auch gleichfalsz ausz einem Gebirge, oben in der Calemiken Land

ausz Süden, fleust auch durch die Stiepe bisz an Ziberien, da die Russen einen Stadt haben, voran die Stiepe (wie hernacher folget) woe der Strom vorbei fleust und ferner nach Nordwest zu sehr krum herumb, auff jener Seite hatt sie einen immerwerende langstreichenden Berg oder hohen Ufer darumb dasz Waszer auch bleich anszusehen ist, wegen der Erden, und Sandt, da esz sich mit mischt, im durchlauffend, biss auff einem halben

Vereinigung der beiden Strömen

Firtel Meillen; dieszer Seitsz der Stadt Tobolski, da sie sich den Strom Tobolo vereiniget, da diesze beide Ströme, allszo einen Strom werden, und fleuszen allszo starch. Vordwertsz der Stadt Tobolske vorbei da die Breite desz Stromesz einen gueten halben Fiertel Meille Wegesz über ist, zwischen den beiden Ufern, ist überausz sehr fischreich. Allszo fleust dieszer, nunmehr einer Strom. Nacher Norden zu 14 Tage Reisze den

Berosova Stadt Obii Flus

starchen Strom hinunter, disz Seitesz den Stadt Berosowo, da sie in den grösesten und breitesten Strom Obii, einfallet, welcher Strom soll nicht weit von Chitaien herkomen, und fleust ferner hinunter in Mangasee, derselbe sein Auszgang in Weigatz

Mangasee Weigatz

hatt, bei Noua Zembla. Diesze beiden Ströme, wie vorgemelt, werden im Vorjahr sehr gross und breit, dasz sie dasz gantze Niederland überschwemet, und lauffen doch der rechte Strom so starch, dass derszelbe manch Mahl nicht allein Häuser weg-

Gross Waszer

nimbt, sondern auch treffel. grosse Stüchen Erde von dem Ufer, da gantze Büsche, ja zu 4 a 5 Bäume drauff stehen, und alszo der Strom hin unter treibet, welches ich mit Verwunderung selber gesehen.

Ziberien ein grosz Land

Dass Land Zieberien ist treffelich grosse, streichet sich sehr weit in Norden und Nordost, dasz man auch derselben Ende noch nicht weisz, den der grosze Strom Obii fleust zu Norden in der Mangasee, da esz so grosze Kälte ist, dasz esz allda wegen der Frost, dasz Land gantz unfruchtbahr macht, weilen esz ein Somer nicht viel über ein Hande breit, oder zum meisten eine Spanne tieff auffdawet: von dar ist noch sehr weit, ein ander

Stadt Leena

Prouintze, und Stadt Leena genant, der auch kein Brodt wächst, darumb der Zare muss jährl[ich] Korn hinschichen, den Leuten zum Unterhalt; auch werden die gröszeste Übelthäter die in grösseste Ungnaden sein, darhin geschicht. Man hat Bericht

Thewer Brodt

geben, dass ein Puede, dass ist 40 Pfund Meel hat gekost alldahr 3 a 4 Rubel, dass ist 5 a 6

Reichsthaller; gleich woll kombt von dar die beste Zobellen, und schwartze Füchse, auch ist disz nachdenchl., dasz man von Tobolski auff Leena
Weiten Wege auf Leena
musz Jahr und Tag zubringen ehe man hin kombt, und müssen mit Hunde forthgebracht werden, den Pferde werden alldar nicht gebrauchet.

Стр. 24

Gegen Osten grentzet Ziberien an dass Königreich Chitaien da da der Zarre, einen Prouintze und Stadt hatt, Daour genant hart an Chitay.
Chitaien Daour
Der Vestung dieszesz Orthesz ist nur eine schlechte Fortification, nembl.: von Bäumen auff einem Berge ligend; dieszesz ich ein schonner * Orth, da man allerlei Prouisen hatt. Auch fangen sie dar auch von den besten Zobel, und schwartze Füchsen, sambt ander Futter-werchen: die Leute die darhin ziehen, haben einen weiten Weg. So sie durch Ziberien nordwertsz dahin müszen, nembl. Jahr und Tage müssen sie zubringen, so aber die Calemiken Freunde sein. Könen sie wan sie sich trawen, in 4 Monaten, die Reisze ablegen, und ob gleich die Calemiken sich freundl. anstellen, trawet man sie doch nicht.

Gegen Süden grentzet Ziberien an der Siepe dasz ist ein obenesz Flach und dürresz Land,
Der Stiep grosser Stiep
wie eine Heide, ohne Holtz, Busch und Hausz, sehr weit und lang, dasz derszelbe etl. 100 Meilen strechet, worine die Calemiken wohnen. Auff dieszer Seiten haben die Rusen, an den Strom IRetis einen Stadt stehen, Tara genant, mitt einen holtzernen Staket, umbringet, vor einen Anfall. Dieszer Stadt ist bei Winters Zeit, von Tobolski, mit der Schliten-weg 7auch 9Tagereisze, im Somer aber ist esz dem Strom IRtis hinauff 3 Wochenreisze und wird gerechnet ungefahr auff 100 und etl. Meilen, dan der Strom gehte ser krum etc.
Tara

Diesze Calmiken ein feindseelig Volch, wohnen in gemelter Stiepe, der sich streihet nacher Norden und Nordost an Chitaien und Sü-Südost an die Borey; ** sie haben weder Stätter noch Dörfer, sie machen ihren Lager im Felde, und stehen zu 40 a 50 und mehr 1000 Mann, in einem Lager oder Horde; brauchen etl. Stöche, mit oben einen Riemen durch gezogen, welcher sie fein zusammen legen, und auff ihre mitführen, wan sie reiszen. Wan sie aber ihren Lager schlagen oder setzen, thun sie dieszelbige, auff dem Riemen von
Calmiken Ihren Lager

* *Повидимому следует:* ist,
** *Повидимому описка, следует:* Bogarey.

ein ander ausz, setzen sie in der Runde und spreiden ein groszen Woilach oder Filtz, den sie selber von Schaffsswolle auch woll von Camels Haaren,
Zelten machen, über, und umbher, damit haben sie eine guete Hütte und stehen allszo im Fellde Winter und Somer, dasz wen man von Ferne einen Lager sihet, man andersz nicht meinet, alsz dasz ein sehr groszer Stadt ist, mit niedrige Häuser. Sie haben sehr vielle Pferde, Ochszen, gleich wie die Böffel, Schaffe, welche sehr gross sind, mit hängenden Ohren und hinten vor den Bällen ein treffel. grosz Gewechs, lauter Feth zu 20 und mehr Pfunden
Viehe schwer, damit treiben sie grosze Handtierungen, dasz sie auch nacher Chitai, mit 8 ja 10 000 Pferde alleine ohne Schaffe und Ochszen, hingehen, die Selbige umb Silber und:

Cmp. 25

allerlei Gütter zu vertauschen auch komen sie
Und Handelschafft jahrl. zu Tobolske, und Tomske, mit dergleichen, die sie allesz umb Wahre vertauschen, alsz Iufften, kupferne Kesseln, Messinge Becherss, Eiszen und Ottern, die sie vor allen Futterwerch lieben. Ihre Pferden sein sehr guth und schnell im lauffen.

Der Calemiken ihrer Gestalt, sind von Persohnen starche unterszetzige Leute mit grosze diche Köpffen, da sie dasz Haar mit einen Schermesser Kahl bisz
Gestalt der Calemiken und Kleidung oben auff den Scheitel abscheren, da einen Theill kann oben auffm Kopff beszitzen, bleibt zirchel-rund; solchesz Haar sie in einen langen Flechte oder Zopff den rugen hinunter lässt hengen, kohl schwartz. Sie haben kleine schwiess Augen, dar die Augenbraunen über hangen; zwischen den Augen gantz plath und breit, dasz der Nasze allszo gantz flach und glath mit den Bachen ist, mit hohe Kinbaken, lassen grosse Knebel wachsen aber sonsten die Bärte keinwegs, brauchen in den Ohren grosse weite silber[n]e Ringe, breiten als einen Thaller, mit einen groszen rothen Koral. Auffsz Leibe keinen Hembd, noch einige Leinewandt, sondern Schaffsz-peltzen in Winter und Somer, haben Stiffel, die sie selber
Woll Exercierte Leute machen; mit ihren Flitzen und Boegen sein sie sehr woll exercieret und können abszonderl. zu
Ihre Speise Pferde, im vollen Jagend, sehr gewisz schieszen; sie gebrauchen ihre Eszen und Speisze, welche meist in der Sonnen aufgedrögetess Pferde und Camelfleisch ist, grewel. anzusehen, sondern einigesz Brodt nur blosz Fleisch, ohne Saltz. Ihren Kochen

und ihre Weiber

und frischesz Fleischeszen ist einen grewel. anzuszehen. Stuten und Camels * Milch ist ihrer beste und Rareste Getranche. Ihre Weiber sein vom Geszichte sehr schön, brauchen auch grosze silbern Ringen mit grosze roth Coralen in den Ohren, noch grösser als die Mäner; auff den Köpffen, dich und lang schwartz Haar in zwoen geflochtenen Zöpffen, zu beiden Seiten gekrumet, dem Brust herunter hangen; sie sein sehr geiller Natur, und zur Liebe hoch angereitzet.

Calemiken ihren Glauben

Die Calemiken haben keinen Glauben, wissen von Gott wenig, sein Heiden; jedoch tragen sie umb den Halsz einen Hoeszenkrantz von sehr grosze schwartze Steinen und mit runde weisze Knochen, darunter, denen sie bisz auffsz Brust hinunter hangend haben; desz morgendsz sitzen sie damit in den Händen, thun Gebeth damit, da sie brumen, wie Baren; und bedeuten ein jeden Stein einer von ihren Heiligen. Sie haben auch ihren Pfaffen, welche rothe Roesen tragen mit einen langen breiten roth Stüch Stameth, welchesz sie über der einen Schuldter und unter der einen Arm dan vornen und hinten rund umbsz Leib herumher binden; auff den Köpffen eine Mütze wie andere Calemiken.

Calmiken ihren Ober Pfaffen und [Heil.]: Man der [7] Mahl geboren ist Talilama

Ihre princepalste Pfaffe halten sie sehr heillig und vor einen Gott, von welchen sie glauben und halten esz darvohr, dass er sieben mahl gebohren ist, der doch mehr den lebendigen Sathan, dan Gott glaubet. Dieszen ihren Oberpfaffen, welchen sie Talilama nennen, der im sehr hohen Würden ist, und wird alsz einen Gott geehret, dasz auch der Zaren noch kein einiger Fürst keine Sachen vornimbt, sie fragen dan erstl. ihren Gott und

Стр. 26

Singatin

Den Talilama vorhin umb Rath, und wen der Calemiken ihren Oberherren, welchen sie Singatin nennen, doch gemeinl. Zarr. etwan seine Nachbahren oder jemand bestreiten oder insz Land will fallen, läst er einen mächtigesz Volch, und Armee zuszammen komen, zu 80 ja zu 100 000 Mann,

Grosse Macht der Kalemiken

welche er inerhalbe 48 Stunden haben kan, den so balld er nur fest musz ein jeder Fürst, welche doch alle Hirten und Räubern sein (mit so viele Tauszend, alsz ihme zu kombt) stundl. sich erscheinen, und vorm Sarren sich presentieren: so nun so ein Volch bei einander sein, machet dich der Sarr auff nachen den heil. Mane zu, den Ta-

* *Зачеркнуто:* Fleisch.

7 Mahl geboren Das alsso zugehet

lilama fraget denselben umb Rath, ob esz guth und glüch. ist vor dasz Mahl, seinen Vorsatz und Mars vorthzusetzen, oder nicht, so nun der 7 Mahl geborenen heil. Man ihme...* doch mehr durch desz Sathansz geheime eingeben alsz durch Gottesz andwortet, dasz esz glüchl. ausszehen soll, nimbt der Zarr den Segen von seinen hohen heilig. verehret ihme darvor eine Descretion, nembl[ich] einen Hauffen Pferde, Schaffe, und etl. Stuchen Chitaike, und andere Wahre mehr, darauff nimbt er Abschied und thut alszo seinen Mars; so aber esz nicht guth ist, so einen Mars zu thun, gibt er den Zaren Antwort, dasz er diesz Mahl kein Glüch wird haben, darauff gehet der Zarr ausz Weg und läst bisz auff besseren Zeit die Volcher wieder heimb, jeden an seine Horde.

Wie sie nun dieszen heil. Mann Talilama in grosser Würden halten, und ihm göttl[ich] Macht zuschreiben, so sehen die abergläubische Leute woll, dasz sie mit ihme betrogen sind, nach deme sie halten dasz er 7 Mahl geboren sei, welches doch alszo zugehet, nembl[ich] das wen sie nun einen Pfaffen haben, der einer guth fromb Leben geführet, so er stirbet, verbrennen sie den Cörper gantz zur Puluer, und darnacher dieszelbe Asche, von den Knochen, machen daraus ein Billd halten ɜz heil[ig] von welchen heil[igen] si alszo ballde, auf ihren roszenkrantz, den sie umb den Halsze tragen, einen groszen runden Stein wie eine Tauben eÿ grosz auff den Schnur ziehen, tragen alszo dersselbe den verstorbenen zum Gedechtnisze, nachdeme kriegen sie ein kleinesz Kind hervor, welchesz in stituiret, und gelernet wird dasz esz sagen kan, dasz er den jenige sei der gestorben war, und nun wiedergebohren ist und dasz zum Warzeichen, sei er der und Gestalt geweszen, hatt so und solche Knechte, Völcher, Aufwärtersz, Guetter und Pferde gehabt, wen solcher geschehen, wird er endl. insz fierte oder 5-te Jahr hervohr gezoegen, geszegnet und den Zarren mit seine Fürste und Leuten dargestellt, da alsz dan grosze Frewde wird, und den umbgebohrenen mit etl. Hundert Pferden, Camelen, Schaffen, Chitaike, Stamet, Tafet, Sadtelsz und andersz mehr ein grossesz Guth geopffert und darbei auff ihre Manier eine grose

Teuffels Betrugs

Стр. 27

Banchquet gehalten etc. Solche fantaseiske Werchen wird getrieben, dasz so ein heil. Man

* *Три слова написаны очень неразборчиво.*

ist worden, wie auch alle ihre Pfaffen heillig gehalten wird, die doch weder betten noch leszen können. Dieszesz allesz hatt mir einen Jueden, der von Geburth ein Juede war, nun aber eine Calemichische Pfaffen ihren Glaubensz geweszen erzehlet, der noch perfect in seine theutsche Sprache war, wie woll er mirsz heiml. offenbahret, zuletzt aber wie er ausz der Kalmakei nacher Muschow geszantszweise vorgeschicht ward, und wieder auff die Rüchreisse nacher Hausze zugekommen, ist er von seine eigene Mitgeselln umgebracht worden etc.

Diesse Calemiken haben mit ihre Macht den Bogareschen Zarren unter ihre Contribution gebracht, welches daher kombt, dass der Bogar hatt seinen jüngsten Sohn wollen tödten laszen, weille er denszelben die Regierunge nach ihme nicht vergunt; solches der Sohn erfahren, und deszwegen zu den Calemiken über gangen, die ihme beschützen solle, darauff der Bogar wieder umb seinen Sohn zu den Calemiken geschicht, der ihre nicht habe volle laszn volgen, desswegen der Calemik in dasz Bogarn-Land gefallen und einen Raub drausz genomen; drauff der Bogar sich mit ihme vertragen und ihme zum Vertrag jahrl. Contribution giebet, an Camelen, Sadteln und andere vielle Chitaiske Gueter, jedoch bleibet desz Bogaren Sohn in der Calemiken Schutz. Der Bogarske Zarr hatt 22 Frawensz, darbei nur 2 Söhne gehabt; ist zu unszer Zeit alt gewest, 80 Jahr und lebete damahlsz noch.

Der Bogar mus jährl. den Kalmiken Contribution geben.

Wie nun diesze Calemiken einen schleunigen und scharfen Feind ist, so brauchen sie doch kein ander Gewehr den Boegen und Flitzen; ihre Vornembsten aber haben auch Säbelsz darbei; derer Flitzen haben ein Breiten und spitzigen Eiszn; könen im vollen jagend sehr gewisz damit schieszen, da er den Zügel auff desz Pferdesz Halss nieder leget, mit den Beinen dass Pferd regieret, und alszo im volln jagend ein Berchhun von den Birchenbaum herunter schiesz, wie solchesz ich selber gesehen. Im Treffen zu Felde halten sie keine Trope, sondern wie den Baskiren und Tatern gantz grimig auff ihren Feind einjagen, ohne einige Ordnung, da ein jeden sein bestesz thut. Ihre verschlagenen Todten wirffen sie alle insz Wasser, oder ein Mangel deszen in eine Morase, haben sie aber einen tapffern Helld zum Feldherrn, der guete Dienste gethan den Feind überwunden, und nunmehr in Felde geblieben, und

getödtet, wird er hernacher unter den Todten auffgesucht, und so er gefunden wird, nehmen, sie seines Cörper mit grossen Leid, verbrennen ihn zum Puluer, zerstossen die Knochen und mischen oder knätten es zusamen vie ein Leem, und vormieren darausz ein Billd, den sie heil. halten, undt den Todten heil. schätzen, dass er so ritterl. von seinen Herrn gefallen und Glüch gehabt, den sie zum Gedechtnisze auch einen Stein auff ihren Roszen Kranz machen und alsz einen heil. anbeten, etc.

Cmp. 28

Ihre Lager

Sie haben kein bestendigen Lager, sonder stehen imer in der Stiepe in einen grossen Horden, mit ihre Viehe, Pferde, Camelen, Schaffen, Weiber, Kinder und allesz was sie haben, und wen sie auff einen Orth die Futras oder dass Grass verzehret haben, gehen sie auff einen frischen Orth, doch stehen sie alle Zeit an den Reuieren.

Brantwein

Sie haben auch einen Brantwein von Stutenmilch und Gersten zimbl. starch, welcher ich selbest probieret.

Schlachten

Wen sie eine Creatur, Ochse, Schaff, Camel oder Pferd schlachten oder tödten, thun sie nicht wie andere Nationen, sondern werffen sie nieder, auff den Rügen die Fuesze in der Höhe treffen mit den einen Fuesz den Beest auffen Bauch dasz der Bauch sich zu beide Seiten und an den Rügen hingiebet, dan schneiden sie mit einen langen spitzigen Meszer, der ein jeden musz bei sich traget: auff der lincher Seitten ein langel[iches] Loch unter die kleine Ribben, stehen dar den Hand hinein in dasz lebendige Beest, und begreiffen das Hertze, reiszensz abe[r] damit dasz Viehe strachsz stirbet, bleibet allszo dasz Bluth im Leibe beligen, bisz die Haut herunter ist, da sie dan den Bauch auff Pferden, dasz Ingeweide herausz, und dasz Geblüthe mit den Händen heraus schöpfet, dass Kalldaun nur umbkehret, den Mist herauss schöpfft ohne einig Waschung noch rein machen, und allszo in einen Kessel damit, der schon auffsz Fever stehet, mit den Kopff, Füesse und Hertzschlinge hinein, selbe gekocht und verzehrensz allszo. Die Suppen sauffen sie allszo grum und verflettig mit grosse Löpffeln oder Schalben, ins Leib, knagen und beissen wie die Hunde mit den Zähnen auff den Knochen ohne einige Bissel Brodt, und sein doch starchen Folch. Dasz Fleisch aber von den geschlachtenen Vihe,

Reinligkeit. Kochen

Eszen ohne Brodt

Dröge Fleisch

schneiden sie fiertelweisze ab, hangen esz auff Stangen, in der Sonne, dasz esz truchnet, auch in den heisest[en] Sommer und sihet esz ausz alsz wen man in die ärgeste Schindergruben einkam: den Darmen aber streiffen sie zwischen den Fingern der Mist herausz und, ungespühlet noch gewuchsen, stechen sie zerschneite Fleisch darein, und machen allszo ohne Saltz und alles Fleischwürste, die sie in der Sonnen auffhangen, und truchnen, welche sie gemeinigl. auff ihre Reisze mitnehmen, und gebrauchen, wie auch Pferde Fleisch auch von Camelen und Ochsen; schneiden sie klein, brochen weisze, wie rusche Zukaren legensz auff einen Haute oder Fillte in der Sonnen und trochnen, pachensz allszo in Sächen von heute gemachte brauchensz ohne Brodt auff ihren Mars, wansz Behuff thut.

Würste

Cmp. 29

Von der Nationen und Secten in Ziberien. So mir bewust.

1

Tatern und wie Sie freien

Die Tatern davon eine grosze Mengde in Ziberien wohnen. Sein Vater den Ruschen Zarren gehörsamb, wie bei der Beschreibunge Tabolski, insz kürtzeste geszagt. Sie leben sehr viehisch ohne Gott und sein Geboth, halten weder Kirchen noch Verszamblung, sein sehr arbeitsam in Acherbaw, Fischen und andere Handtierungen, und wen einer freiet, gehet die Perszohn, die freien will und suchet sich einen Braut au[sz], die ihme gefellt. da er dan mit des Megdl. Vater umb die Braut accordieret, was er ihme vor ihr geben soll, da der Accord gemacht wird und vor so eine Braut an ihre Elltern, wird gegeben, ein Paar Pferde, ein oder 2 Kühen, auch woll ein Phar Schaffe, und etwas Gelld, zu 10, 15 auch woll 20 mehr oder weniger Reichsthaller, welchesz er lifferen musz ehe er die Braut von ihrn Eltern wegnimbt, alszo machen sie ihre Freien, und kauffen ihre Weiber etc.

2

Wagultzen Glaube

Gestalt Sprache

Gibt es auch alldar eine Volche Wagultzen genant, wohnen hin und wieder insz Land. Diesze Leute wohnen hin und wieder insz Land, glauben noch wiszen nichtsz von Gott, sein Ertzheiden, haben nicht Schrift noch Bücher, wohnen in Häuszer gleich wie die Tater Hiurten, kleinlich Volch von Gestalt, geben den Ruschen Zarren jahrl. eine geringe Contribution an schlechte Zobelen und Füchse, die sie mit Flitzen schieszen; sie gehen in sehr geringe

und

Ihre

Aber-
glaube

Kleidung, balde auff der Taterschen Arth. Ihre Sprache sein von den Tatern gantz abgeszondert; behellfen sich mit gar geringe Speisze, ohne Brodt, sie schieszen mit ihren Boegen vielle Elandszthiere, Bären, und andersz und wen einer so ein Thier geschoszen, welchesz allesz im Wälldern geschieht, hawet er stündlich an der Orth, in einen Baum ein Zeichen, und zeichnet den Orth, da er dasz Thier hat gestellet bringt esz zu Hausze, ziehet esz den Haut abe, welchen er verkaufft, dasz Fleisch aber verzehret er mit seinem Geszinde, aber die Knochen ale und jeden wirfft er insz Waszer, und kein einiger vor ein Hund, noch weniger auff die Gaszen hin schmeist. Wen er nun so ein Thier hatt gewunnen, gehet er alle Tage hin zu den Orth, da ersz gefallet hat, fallet nieder und bettet den Orth an, und danchet denszelben dasz er dasz Glüch gehabt und so ein Thier niedergelegt, etc.

3

Astaken

Gestalt
Kleider
und Wesen

Sein alldar auch eine Natie Astachen genant, einfeltige Leutl[ein] kleiner Gestalt, tragen leinen Röche von Hanffe gemacht, welche, wen sie recht niederhängen bisz miten an den Beinen reichet, welche sie aber auffschürtzen, dasz sie ihnen eben dem Kniehen stehen, ihr Hoeszen und Strömpffe sein in einsz mit ihren Lapkesz oder Schuhen von rohen Leder gemacht. Sein an den Strömpffen genähet, dasz sie alszo

Стр. 30

Ihre Weiber
Habits wie
auch die
Wagultzen
ihre

Hoeszen, Strömpff und Schuhen zu gleich anziehn. Ihre Haar auff den Köpffen, lasz sie über die Ohren, S[t]irnen und Gnich bei 2 Fingerbreit abschehren, darnacher die Haar gleich mit den Ohren und umb abstutzen, wie auch ihre Bärtte. Ihre Weiber tragen auch leinene Röche, und umb den Köpffen her, einen Band, daran inen Hauffen meszinge Flittersz und Ringen hangen, auch plathe geschlagene Stüchen Zinne, wie imgleichen gegoszen Zin mit Figuren, welche sie kauffen, und ist dasz ihre gröszeste Zirath, worvon sie auch etl. Reihen umb den Halsze hangen. Solchen Tracht tragen vorgemelte Wagulzen Weiber auch; und so sie esz haben, Farben sie ihre Nägele an den Fingern roth.

Glauben an
der Scheitan, den sie
opffern und
anbetten

Diesze Astaken wiszen auch nichtsz von Gott noch sein Geboth oder Wortt, haben weder Bücher, Schrift noch Lettersz; sie opffern und betten an den Scheitan, dasz ist der Teuffel, welchen sie einen Opfferstelle im Wallde zugerichtet haben, unter

einen Baum. Wan derselbe nun mit einen groszen Sauszen und Brauszen ankombt, fallen sie auf der Erden nieder, auch auff den Knien, und bitten ihme, dasz ihnen keine Pferden zugefueget wird, opffern ihme darvohr, Zobelen, Fuchse, Marder und was sie haben.

Sie haben auch ihren Pfaffen, Scheitanik genant, der ihnen musz Andtwort geben von den Scheitan: derselbe ist mehr einen Hechsenmeister oder Theuffelszbanner. Diesze Leute leben Nordwertsz von Tabolske in Hütten, behelffen sich sehr elendig mit das Willd und Fischereien, auch wan sie den ersten Fisch fangen, greiffen sie ihn in beiden Händen, heben ihn in der Höhe, betten ihn an und freszen ihn strachs alszo rohe auff, ohne Brodt, welches sie wenig oder nichtsz gebrauchen. Sie sein den rusche Zaren gehorsamb, geben ihme jährl. schlecht Zobelen, Marder und Füchse zum Contribution, und wen sie desz Zaren Woieuode etwasz bitten wollen, setzen sie sich auff den Knien mit zusamen gefaltenen Henden, stehen auch nicht auff bisz sie ihre Bescheid haben etc.

Contribution

4

Kiregisen ihre Haubt heiszt Altinzar

Sein auch alldar eine Natie Kiregisen genant, welche von Natur auch Heiden sein, wohnen an den Strom Obij gegen Kitai, haben seltzamen Trägt in Kleidungen, gehen im Winter mit rauche Kleider von Reinthieren, dasz Rauche auszwendig. Ihre Weiber haben auff den Köpffen eine Zirath von Borch von den Bäumen rund weit, wie ein groszesz Sieb, welchen sie mit einen Haderlumpen überdrehen; diesze Leute freszen Fleisch und Fische, allesz rohe, etc.

5

Baskiren

Sein alldar auch die Baskiren, ein willd feindseelig Volch; grentzen mit den Calemiken an der Stiepe, wohnen südwest von Tabolski. Diesze Leute haben sich feindseel. gegen den Ruszen erzeiget, weillen vorgemelte Zarewitz seinen Vättern Siberien zugehört haben, diesze Leute er sonsten alle Wege

Cmp. 31

zu seinen Dienste hatt gebrauchet; sie sein zu Felde, und zwar zu Pferde, welche Schnelle laufen mit ihren Bogen und Flitzen sehr geschwinde, schieszen sehr woll [und] zum Rauben sehr geneiget. Sein flüchtig, und halten im Felde keinen Tropen, sondern ein jeden thut seine Defour gahr geschwinde, dan insz Feld, dan wieder dran zu itzige Zeit. Sein sie mit den Ruszen feindlich, so lange esz dawerf, etc.

6 Sein die Samoioden, die gnug bekant sein, welche unten desz Rusen Zarn gehorsamb sein etc.

7 Eine Sechte Mugalen, Barbarske Leute etc.

8 Konguren, dergleichen.

9 Zierenen, etc.

Die vornembste Ströme diese Reise ist:

1 Der Wolga, bei Wolgeda und laufft Ruschland durch in der Caspiske See.

2 Duina. Zwischen Soleuitzigda, der unter Archangel insz Meer fellet.

3 Witzigda, bei Solewitzig, der auch bei Archangel insz Meer fellet.

4 Wilite, zwischen Soleuitzig und Kaigorod, der im Strom Witzigda fallt.

5 Sisile, zwischen Caigorod und Cam.

6 Cam, bei Solecams, der unter Kasan in der Wolga fellt.

7 Tura, bei Weriketur, in Ziberien, der in Tobolo fellt.

8 Vsnitze, der bei Bogowetzinka Slabode in Tura einfelt.

9 Tobolo, der sich mit = } 10 IRETis bei Tobolski vereiniget }

11 Taffa oder Tawda, der bei Zawda in der IRETis einfellt, gehet weiter den Bergen von Ziberien, und unten * an Archangel etc.

12 Obij, der in Manga See einfellt.

13 Mangasee aber in der Weigatz.

Ende

---

* *Это слово написано неразборчиво. Не следует-ли читать:* weiter?

Правдивое описание нашего далекого путешествия из Москвы через город Тобольск, главный город Сибири, которое я сам совершил, прилежно наблюдая, в 1666 году, в обществе 46 офицеров, для полного осведомления любителей, как это ниже следует

Лета 1666-го.

		Версты
	5 января. Отбыли мы из Слободы на подводах к ямщицкой слободе — — — — — —	5
	6 числа этого [месяца] ночевали в деревне Мойдиц (Moidiz) — — — —	15
	Здесь один день ждали мы нашего полковника. 8 числа этого [месяца] остановились мы ночевать в Троице. От прошлой ночевки — — — — — — — — — — —	45
Троица	Троица. Величественный укрепленный монастырь;[1] хорошо построен; имеет пеструю и крепкую каменную стену, бастион и могучие башни довольно большой величины; церковные главы покрыты изящными лазурными изразцами, которые красиво блестят на солнце. Здесь живут монахи и игумен. Подле монастыря расположилось большое местечко, однако совсем открытое,[2] застроенное деревянными домами; через него неподалеку от монастыря течет река; над нею стоит длинный деревянный мост; отсюда считают 17 миль до Москвы. Сюда ежегодно, за восемь дней до Михайлова дня, совершает путешествие и паломничество царь со своею царицей в сопровождении всего двора;[3] не доезжая $^1/_4$ мили до этого монастыря он выходит и с большой процессией идет [пешком] к монастырю, чтобы испросить прощение грехов, так как это место почитается как очень священное.	

Путь на север

	9 числа этого [месяца] двинулись мы из Троицы и доехали до деревни Новое село (Nowa Ziolle)[4] — — — — — — —	45
Переславль. Первая смена подвод. Озеро	10-го числа того же [месяца] достигли первого городка Переславля — — Здесь в первый раз сменили подводы. Подле этого города находится большое озеро, очень рыбное, где ловят рыбу различными способами, но только лишь для одного царя.[5]	15
На крайний	11 числа из Переславля [выехали] в деревню Диобель (Diobel)— — —	48
	12 того же [месяца] мимо городка Ростова через большое озеро. Неподалеку от города, верстах в десяти от него, ночевали в деревне Кормильцы (Carmiltzen) — — — — — — — — — — — Этот город был некогда крепостью, с красивым земляным валом, по немецкому образцу, очень хорошо снабженный рунделями и батареями. Теперь же он порядочно запустел. Крепость невелика; местечко при нем, однако, совсем открытое и тянется вплоть до самого озера на целую милю.[6]	44
Ярославль. Вторая смена подвод	13 числа того же [месяца] достигли мы второго города Ярославля — — Здесь во второй раз сменили подводы. Этот город велик, застроен хорошими деревянными постройками. Это богатый торговый город, где живут многие немецкие и русские купцы, имеющие каменные палаты. Город имеет стену из кирпича, но еще не достроенную,[7] в ней стоит острог, окруженный каменной стеной; город управляется живущим здесь воеводой.	20
север вдоль	14 того же [месяца] двинулись мы из Ярославля и ночевали в деревне Усольки (Usolki) — — — — — — — Около полуночи поднялись и на следующий день рано утром доехали до Ямщицкого яма. От предыдущей деревни.	45 20
3-я смена подвод	Здесь в третий раз сменили подводы.	
этой	15 ночевали в деревеньке Телецкой (Telezki) — — — — — — — — — —	30
	16 двинулись дальше, до деревни Obmaski jam. От предыдущей — — —	30

4-я смена подвод.

В четвертый раз сменили подводы.

В тот же день поехали дальше. К ночи доехали до деревни Grasewitz — — 20

Вологда

17 того же [месяца] приехали мы в 3-ий город Вологду[8] (Wolgada) — — — 40

Здесь в пятый раз сменили подводы.

Река Волга

Этот город — тоже богатый торговый центр на реке Волге, окружен каменной стеной, однако плохо ею защищен; в нем живут также многие немецкие купцы;[9] управляется он воеводой.

реки

20 того же [месяца] поутру приехали мы в Староселье, от Вологды — — 50

Отсюда двинулись ночью и

21 поутру приехали в Zurke jam. От предыдущей деревни — — — — — — 20

6-ые подводы.

В шестой раз сменили подводы.

Тихая речка

Около этого Яма доезжают до Тихой речки (Züka Rekzka), что по-немецки значит dröge Bäche, т. е. летом она имеет мало воды; по обеим ее сторонам тянутся очень высокие горы, гладкие как стены, по которым мы доехали до Устюга.

Того же 21 января двинулись мы дальше; на ночевку [остановились] в дер. Darauatke — — — — — — — — 39

22 на заре поехали вновь и завтракали в деревне Варевичи (Warewitz), 40

[затем] поехали снова и ночевали в деревне Niesen — — — — — — 25

23 доехали мы до города Тотьмы. 50

Тотьма

7-ые подводы

Здесь в 7-ой раз сменили подводы.

Этот городок открыт и плох; походит на большое местечко; управляется специально посаженным воеводой.

В указанный день, к вечеру [поехали] из Тотьмы в деревню Камчуга[10] (Kamzuga) — — — — — — — — — 20

Оттуда около полуночи двинулись снова и

24 указанного [месяца] завтракали в деревеньке Кочница[11] (Kotznitza) — 20

Оттуда двинулись дальше и вечером [прибыли] в дер. Brusenitz[12] — — — 23

25-го кормились в Ужгороде (Usogorodis), затем поехали до Бобровского яма (Bouerofzki jam)[13] — — — 57

8-ые подводы.	Здесь в 8-ой раз сменили подводы.	
Красивые горы	Сегодня с удовольствием смотрели на горы вдоль ручья, которые в некоторых местах стоят подобно красной стене; но между тем прямо удивительно, что это только красная земля и шифер.	
	Указанного числа [двинулись] из Бобровского (Bouerofzki); к полночи доехали до дер. Тосьма (Tosma) — —	45
	26-го на заре двинулись вновь: обедали в Скорацином (Zkoratzina)[14] —	35
	Отсюда на ночевку в дер. Polusina.	35
Устюг	27-го рано по утру доехали мы до города Устюга.[15] — — — — — — — —	5
9-ые подводы	Здесь в 9-ый раз сменили подводы. Этот город велик, однако совсем открыт. Он хорошо снабжен различными жизненными припасами, которые сюда приходят из Архангельска. Он управляется воеводой и совсем открыт, как местечко.	
Река Двина	30-го ехали мы отсюда некоторое время вдоль реки Двины, оставляя таким образом Архангельск слева, на расстоянии одного дня пути; переехали через реку, которая велика и широка, к вечеру достигли Прилуцкого монастыря[16] (Prelluske Manaster).	
Начиная отсюда богатый край; все очень дешево	В полночь двинулись дальше и 31 января доехали до города Сольвычегодска, от вышеупомянутого монастыря — — — — — — — — — —	30
	Этот городок совсем невелик, совсем открыт,[17] получил свое имя от соли, т. е. там вываривается много соли;[18] соленую воду черпают из многочисленных источников. Здесь делаются также лучшие ножи. Город управляется воеводой.	
Река Вычегда	Мимо течет река Вычегда.	
	В Сольвычегодске в десятый раз сменили подводы.	
	Вместо верст здесь начинается счет на чемкосы[19] (Ziumken), из которых каждый составляет одну милю пути.	Здесь кончаются версты Чемкосы
	1 февраля к полудню [двинулись мы] из Сольвычегодска; [переправились] через Вычегду и вечером того же дня доехали до дер. Бурца (Burtza) — —	6

	Здесь покормились и с полуночи снова в путь.	
Река Вилит, впадающая в Вычегду, Вычегда же под Архангельском впадает в море. Отсюда — 18 миль.	2 того же месяца рано поутру в деревеньке Большой двор (Bolze Duort), сегодня несколько раз переезжали через реку Вилит (Wilit), которая течет очень извиваясь — — — — — — — — — —	4
	В тот же день кормились в дер. Большой двор, затем отправились дальше в деревеньке Коракину (Korakina) — — — — — — — — — — — —	$1^1/_2$
	Так как мы здесь плотно подкрепились, к вечеру мы снова собрались в путь через большой, дремучий и дикий лес, 18-ти миль в ширину; ехали покормившись один раз, за час до рассвета, когда мы имели стоянку и покормились на снегу.	
Лес на 8 миль	3 числа после двухчасового завтрака отправились мы дальше и около 2-х часов пополудни выехали из лесу в деревню Kibara[20] — — — — —	9
	Тем же вечером дальше, сквозь дремучий лес, который мы проехали к утру 4-го числа, и достигли деревни Porlausa[21]— — — — — — — — — — —	8
Лес на 8 миль	Здесь покормились, и рано, около шести часов, поехали через густой лес 8 миль; мы проехали через него к вечеру и проехав еще 2 мили, остановились на ночлег в деревне Ужга (Vsga)[22]— — — — — — — — — — —	10
Река Сысола. Сквозь лес в 22 мили	Сегодня мы несколько раз переезжали через реку Сысолу (Sisile).	
	5 числа на заре мы опять двинулись в путь, вновь через густой и пустынный лес, шириной в 22 мили.	
На северовосток	Первая остановка в пути для еды — прямо на снегу — — — — — — — —	5
	2 остановка для еды, где стоят 3 больших лесных избы, сделанных из дерева. Зимою здесь отдыхают проезжающие — — — — — — — — — — —	5
	Вечером двинулись дальше мимо маленького монастыря, в котором живут только два священника; здесь покормились — — — — — — — — — — —	6
	Покормившись в течение часа 6, вме-	

сте с зарею, выехали из лесу к деревне, называемой Gidala[23] — — —

После одного часа отдыха, двинулись дальше, к 1 часу приехали в город Кайгород[24] — — — — — — — — — —

Кайгород. 11-ые подводы

Здесь в 11-ый раз сменили подводы.

Река Кама

Этот городок совсем открыт, управляется воеводой, мимо него течет река Кама. У самого этого города на возвышенности находится другой, некогда также бывший городом, называемый Ивангород. Теперь он необитаем. Однако в нем стоят несколько амбаров и помещений для солдат: в них нет никого; однако он хорошо укреплен, обнесен кругом деревянным больверком.

Ивангород

Сквозь лес 18 миль

Теперь

7 февраля из Кайгорода двинулись на восток вновь через дремучий лес; через 18 миль стоят здесь две избы, в которых можно поесть и отогреться. Подъехали к первой избе — — — — — — $5^1/_2$

После двухчасового завтрака — ко 2-й избе и еде — — — — — — — — $5^1/_2$

Здесь также отдохнули два часа, вновь через лес в деревню Luxina — — — 7

12-ые подводы.

8 числа этого [месяца] двинулись на заре и к полудню проехали в Kose jam — 9

Здесь в 12-й раз сменили подводы.

Река Коза

Здесь течет река Kosa.

на юго-восток

9 числа этого же месяца, на заре поехали дальше, переправившись через реку Kosa, очень густым лесом, так что наши сани были очень исцарапаны [ветвями], из-за узкой дороги. К полудню того же дня приехали в деревню Vrokem — — — — — — — — — — — 10

Река Урака

Здесь течет река Vroke.

вскоре

До полуночи здесь отдохнули, затем опять в путь.

Рано утром приехали к большой реке Каме, переезжали через нее целую милю, затем по земле, лесом, еще одну милю, до города Соликамска[25] — — 10

Река Кама Соликамск

Здесь в 13-й раз сменили подводы.

на восток

Что касается провинции и края, расположенных между упомянутым выше городом Сольвычегодском и могучей рекой Камой, то жители их называются

Пермяцкий край и его жители, подданные царя

пермяки[26] от имени Пермской земли (Peremicken), которая некогда имела собственного князя, затем была завоевана и покорена русскими. Эти люди имеют свой особенный язык, отличающийся от русского и татарского. Это достаточно большая провинция, но главным образом лес и пустыня; жители — высокие крепкие люди; на ряду со своим родным языком употребляют они также русский, на своем же говорят обыкновенно; он очень непохож на другие, как это видно из некоторых ниже приводимых слов. У них есть также быстроходные и сильные лошади, которых они во время путешествия кормят исключительно одним хлебом; они могут пробежать без всякой усталости 10, 12, даже 15 миль, запряженные в сани хорошо нагруженные и с большим фуражом; возчики же бегут рядом с санями.

Пермяцкие слова и на север

Некоторые пермяцкие слова

Weras, —мужчина	Moos,—корова	Pox, —есть	Turin,—сено
Eina, — женщина	Goul,—молоко	Port, —нож	Pon,—собака
Götür,—девушка	Gei, —мясо	Woll,—лошадь	Bii,—огонь
Piecna,— сын	Kol, —яйца	Dort,—сани	Saritas,—лучина
Nuila,—девочка	Nain,—хлеб	Küdt,—стой	Saritas biipies = за лучиной
	Thiori,—рыба	Sor, —овес	Ponie—сожительствовать
			Papail=Trietz и т. д.

Описание города Соликамска

Что касается упомянутого города Соликамска, то он получил свое название от соли, которая здесь добывается, а также от реки Камы. Это скверный городок; лежит [он] неподалеку от реки и у подножия гор. Так как расположен он неподалеку от Сибири, то здесь вываривается много соли из воды, вычерпываемой из источников; источников здесь очень много, поэтому когда выезжают к городу из лесу, то вид его производит впечатление, будто здесь стоят много сот кораблей с их мачтами, бла-

Соле-варницы

годаря черпакам, которыми черпают воду, и я очень подивился природе почвы, так как через город течет небольшой ручеек пресной воды, рядом с солеными источниками. Я видел источник с соленым песком в ручье, из которого соль добывается, но ручей имеет сладкую и очень приятную воду. Впрочем, весь нижний город расположен на соленом грунте; благодаря соли много рабочих получают здесь заработки, и здесь хороший торг на всякие жизненные припасы и хлеб. Город совсем не укреплен, лишь только деревянной стакетой, без больверка, и управляется воеводой, посаженным царем. В этом городе получают подводы, зимой сани, летом же лошадей, причем путешественник должен положить на лошадей свой багаж и свой провиант и так перебираться в Сибирь через горы и скалы, так как здесь нельзя проехать ни с какой повозкой, так мала и узка пробитая здесь дорога; поэтому через леса могут проехать только одни сани, так что когда сани встречаются с другими, сильнейший опрокидывает сани на бок, лошадей же толкают в снег, так что видны только их головы. Тогда проезжают мимо, после чего опрокинутые бывают принуждены с большим трудом извлечь из снега опять на дорогу их лошадей и сани.

Соляной источник в ручье

Хороший торг

Узкая дорога в лесу, вследствие чего на ней не разминуться

12 февраля часа за два до вечера выехали из Соликамска по направлению к северу[27] на ночевку в деревне Werike oll[28] — — — — — — — — — 3

Около этой деревни слева находится большое озеро.

К полуночи выехали оттуда снова и

13 этого [месяца], проехав через густой лес, прибыли в деревню Jewa[29] — 9

Лес

Неподалеку от этой деревни, к северу, течет большая река Яйва (Jeua).[30]

Река Яйва

В полночь поехали дальше, через реку Яйву на высокие горы и скалы, о которых мы уже давно слышали. Этой ночью мы проехали три высоких горы,

Большие скалы поросшие лесом

имея перед собой еще более высокие каменные скалы, на которые прямо страшно смотреть; они очень высоки и тянутся далеко в длину, все поросшие сосновыми и кедровыми деревьями; только лишь поднимешься наверх, нужно опять спускаться в глубину ужасными ущельями, и возницы принуждены крепкими стволами деревьев с ветвями обвязывать сани, чтобы они не так стремительно летели вниз, так как лошадей нужно выпрягать, потому что никакая лошадь не может удержать сани. Тем не менее есть опасность при этом, что если ветви деревьев, которыми крепко обвязаны сани, ломаются, и сани получают быстроту, они летят вниз на деревья, так что разбиваются и если не выпречь лошадей, можно им сломать шею, как это и случалось на этой скверной дороге. Мы освободились от этого на другой дороге, которую перед нами проложили возчики царской казны, под горой на земле и по руслу ручья Чикман[31] (Schechtmana), которую знали и нашли наши возчики. Этот ручеек узкий, не глубок, течет в глубине между двух скал, собирая воду из ручейков и луж, а также из снега, лежащего на горах, вода которого течет особенно в долину.

На восток потом на юг и снова на север

Ручей Чикман течет извилисто на каменистом ложе

Когда снег тает весной, в нем много воды; [ручей] имеет каменистое дно, лежит в нем много деревьев, упавших туда со скал. Летом же в нем так мало воды, что через него можно переходить вброд.

14 числа того же [месяца], оставив эти скалы по левую руку, ехали мы по ручью по льду две мили, имея перед собою еще одну высокую гору, которую мы должны были перевалить, высотою полмили, и затем опять спуститься на такое же расстояние вниз; мы перевалили с большим трудом, так как наши сани были довольно тяжелы, и прибыли к стоянке, где стоит большая изба, от Яйвы — — — — — — — — — — — 6

Высокие горы, поросшие лесом

Начало Сибири

Таким образом, сегодня вступили мы в Сибирь, так как эти горы отделяют

друг от друга Россию и Сибирь. Отогревшись и позавтракав в названной избе вместе с женщинами и детьми, отправились мы дальше сквозь бугристый лес и прибыли в деревню, называемую Косва[32] (Kosua)— — — — — — — — 3

3 высокие скалы, называемые Камень. 1-ая гора

У самой деревни стоят ужасно высокие и длинные скалы, которые называют Камень;[33] на одну скалу прямо страшно смотреть, так как вершина ее похожа на старый разрушенный замок, имеющий высокую башню с длинной, узкой верхушкой, которой он как бы пальцем показывает на облака; и когда погода [стоит] облачная, кажется, будто бы он проходит сквозь облака; наверху же лежит снег зимой и летом, и он не тает, как говорили мне крестьяне; из-за холода и ветра никто не может взобраться наверх, так как воздух наверху сильно свистит, у людей начинает кружиться голова, и они падают вниз.

2-ая гора

Другая скала также очень высока, тянется далеко в длину, вершина ее безлесна, но она до половины кругом заросла дремучим лесом, а так как на вершине деревья не растут, то в зимнее время она напоминает белые облака.

Дорога через скалы

Подле вышеназванной деревни Косва проходит через горы дорога, длинная и извилистая, в том месте, где гора всего ниже, чтобы можно было бы проехать, а без нее пройти было бы невозможно.

Ловля соболей и других зверей

В этих скалах и горах идет ловля соболей, однако лишь плохих соболей, а также и другого пушного зверя, как-то всяких лисиц, серых, красных, черных, изсиня черных и крестоватиков[34] (Creutzfüchse), а также оленей, медведей, куниц и т. д.

Поп, по рассказам нашедший на верху пруд с водой

На обратном пути мой возница рассказал мне, что на эту последнюю скалу, наверху, взобрался русский поп, со своим крестом и святой водой, что он посетил скалу и нашел на ней пруд с водой, а около воды приметил следы оленя. Оставляю читателю самому до-

	гадаться, что в этом рассказе — правда.	
	Так как мы покормились в течение часа в Косве и наступал вечер, то отправились мы дальше через вышеупомянутую скалу и прибыли [по эту сторону горы], в деревню Ростес (Rostius) — — — — — — — — — — — —	3
Ручей Кырья	Подле этой деревни Rostia течет ручей, называемый Кырья (Kiria).	Чемкосы
Скверная дорога	15 февраля, на заре, двинулись мы в путь по очень скверной дороге, по сваленным деревьям, сквозь чащу холмистого леса. Прибыли в деревеньку Веркурья (Werkuria)[35] — — — —	4
Каменные горы	Этим днем долго ехали мы через высокие каменистые горы, все поросшие лесом.	
Живой соболь	В этой деревне у моего хозяина, татарина, увидел я первого живого соболя, которого он поймал и держал в маленькой плетеной клетке; он не ел ничего кроме мяса и не казался диким.	
Лес	16-го числа этого [месяца], за три часа до зари, двинулись мы в путь через большой и густой лес, с одной горы на другую. Мы спустились по одной из них, по дороге, вплоть до земли и реки Ляля[36] (Lela), которая тянулась на пять верст (что составляет одну милю); дорога сделана была по склонам горы, так как с нее нельзя было спуститься	На юго-
Глубокая долина	непосредственно вниз: с левой стороны была ужасно глубокая пропасть, и дорога шла прямо рядом с ней. С другой стороны этой долины стоит могучая высокая скалистая гора; слева же опять нет ничего, кроме гор и скал, которые, благодаря тому, что они обросли лесом, похожи на черные тучи. Так приехали мы	восток
Татарские юрты	на упомянутую выше реку Лялю и ехали вдоль по ней около часу до четырех татарских юрт, которые расположены возле реки, от Веркурьи — — — — —	7
Нет земледелия	Во всех вышеназванных местностях от Яйвы (Jeua) и до этого места, поля	

не возделываются из-за каменистых гор и утесов; всюду голый камень, поэтому здесь не растут никакие хлебные злаки; люди, здесь живущие, принуждены свой хлеб и овощи с большим трудом покупать и перевозить из города Верхотурья (Werihetur).

Лес

Из упомянутых татарских юрт, где мы кормились, поехали мы через густой и очень холмистый лес; выбрались из него к вечеру в деревушку, состоящую из четырех дворов и называемую Мелинковна (Melinkouna) — — — — 4

Плодородная земля

Всюду здесь опять земля очень плодородна; течет здесь также река Ляля, иначе называемая Каменная речка (Kamina Rezka), которая собирает воду, главным образом, с окружающих гор, и тем не менее очень богата рыбой.

17-го числа этого месяца вновь двинулись мы на заре, около трех миль ехали по этой реке и прибыли в деревню, называемую Караул[87] (Karaul).

Каменные утесы

По обеим сторонам этого ручья или реки, на расстоянии, которое мы проехали за этот день путешествия, лежат высокие, длинные и суровые каменные утесы, все поросшие елями и березами; удивительно, что деревья могут расти из твердых щелей в камнях; некоторые выглядят весело, другие жутко. К тому же некоторые из них, а также скалы нависают над ручьем, по которому едут внизу; и непривычным чужеземцам кажется, что скалы вот-вот обрушатся в реку и на головы проезжающим.

Племя, называемое вогулы

Около этой деревни Караул растут хорошие хлеба, так как жители ее расчищают окрестности от деревьев и кустарников, превращая их в пашни; местные жители принадлежат, главным образом, к племени вогулов (Wagulltzen), о которых будет сообщено далее.

Караул

Деревня эта получила свое название от сторожевого поста, так как Караул по немецки значит eine Wache, потому что царь поставил здесь приказника или

начальника (Prekasenik oder Befehlhaber) со стражей; они должны следить за всеми, кто выезжает из Сибири или едет туда, а также наблюдать за тем, чтобы не возили туда и не вывозили оттуда никаких несвободных [от пошлин] товаров; плохо приходится тому, кто не имеет проезжей грамоты, данной воеводой от имени царя; его отправляют в Верхотурье. В этой деревушке не более четырех русских дворов; все остальные — вогульские.

Хорошие соболя и чернобурые лисицы

По рассказам крестьян здесь водится много хороших чернобурых лисиц, другого пушного зверя, оленей, медведей и т. д. Вогулы ими кормятся.

Здесь расстались мы с высокими горами и утесами, которыми с трудом ехали мы 31 милю нашего пути, без всякого, однако, ущерба или потерь, благодарение за это богу.

Первый город Верхотурье.

18 февраля рано поутру выехали из Караула через лес и к полудню прибыли в город Верхотурье[38] (Werikетur). 7

14-ая смена подвод.

Здесь в 14-ый раз сменили подводы.

Река Тура

Внизу около этого города течет река Тура (Tura).

Крепость Верхотурье, построенная на скалистом холме

Этот город — первый город в Сибири и представляет собою, по местному обыкновению, крепость, обнесенную деревянным тыном, как стеной, не очень высоким, но довольно прочным, с внешней стороны также хорошо укрепленным бульверком; он выстроен против башкиров. Город стоит на твердой скале, немного холмистой, не очень высоко над берегом реки Туры, окружен на $^1/_4$ мили лесом, и является ключом и первым проходом в Сибирь (ein Schlüssel und der erste Pas in Ziberien), через который проходят все люди, сани, грузы (Kasten) и все товары, словом все, что отправляется из страны или идет в нее; никто не проходит мимо,[39] даже знатнейший боярин (Bajar) принужден подвергаться здесь осмотру со всем своим

Суровый надзор

Чемкосы

Осмотр в Верхотурьи

добром. Если же кто имеет запретный товар или имеет больше добра, чем значится в его проезжей грамоте, то все это отбирается в царскую казну, будь это деньги, соболи, серебро или золото. Поэтому правящий здесь воевода принужден приносить царю присягу и целовать крест в том, что он никого не пощадит и останется верен царю. Несмотря на то, что мы имели царскую грамоту с государевой печатью о том, что он должен был здесь пропустить нас беспрепятственно, мы принуждены были все же допустить осмотр [наших вещей], причем записано было все, что они видели; тем не менее многое осталось от них скрытым.

На юго-восток

19 февраля вечером двинулись мы из Верхотурья; путь наш лежал на юго-восток; около 3-х миль ехали мы по реке Туре, затем оставили ее по левую руку и сушей доехали до деревеньки Салда[40] (Solda) — — — — — — — — 4

Река Салда

Здесь течет речка, называемая Салда (Solda); она не широка, но имеет быстрое течение.

Лес на 8 миль Река Аттагьева

20 числа того же [месяца], рано утром, переправились мы через этот ручей и поехали сквозь густой лес, в 8 миль шириною, до реки Аттагьева (Attagieua); оттуда добрались до деревни Макинова (Makinoua)— — — — — 9

Лес

21 числа мы двинулись оттуда за несколько часов до рассвета; ехали густым и пустынным лесом; проехав его после полудня, мы достигли деревни Благовещенская слобода (Blogowizinke Slabode) — — — — — — — 16

Несчастье в нашей компании

В этом лесу случилось сегодня несчастье с нашим лейтенантом, некиим Гансом Адамом Меллером (Möller): он здесь сломал себе ногу.

Кедровые деревья и их плоды

Сегодня я с большим удовольствием видел превосходные и красивые деревья, называемые кедрами (Zederbäume); это — благородное и чистое дерево, весьма пригодное для выделки из него столов и досок; оно очень красиво, сохраняет свою чудесную и благородную

На

белизну, но также очень плодоносно, потому что оно приносит шишки (Apffeln), очень похожие на еловые, но побольше, больше даже лебединого яйца; внутри их много орехов, которые имеют тонкую скорлупу, сладки и приятны на вкус и называются кедровые орешки.

2-ой сибирский город Япанчин

22 числа, на заре, отправились мы дальше, прибыли в городок Япанчин[41] (Japanzin) — — — — — — — — — — 7

15-ая смена подвод

Здесь в пятнадцатый раз сменили подводы. Здесь течет река Тура. Этот городок весьма плох, совсем открыт, но имеет, правда, маленькую крепостцу, с деревянным тыном вокруг, в которой находятся государевы приказы (Prekazi) или канцелярии, а также несколько амбаров и дом воеводы, все сделанные из елового леса; крепость находится внутри городка.

Север

Сегодня, стало быть, оставили мы дремучие леса и отправились по веселым полям, которые вдоль дороги застроены красивыми деревнями; здесь много лугов и пашен.

Красивые и плодородные поля

23 числа из Япанчина первые две мили ехали мы плодородными полями, мимо деревень, расположенных вдоль пути, а затем густым лесом вплоть до деревеньки Борбозина (Borbozina)— 6

Лес

Река Тура еще течет здесь, сильно извиваясь.

24 февраля, на заре, поехали мы березовым лесом на протяжении 3 миль, пока не прибыли в деревню Туринская слобода (Turinske Slobode). Здесь покормились, затем двинулись дальше сквозь плохие поля, там и сям поросшие деревьями; переехали через реку Туру на другую реку, именно Узницу (Vsnitza), которая в нее впадает; ехали таким образом мимо Благовещенской слободы, которая лежит направо, затем дальше, через ровные поля, в деревню Липка (Lipka) — — — — — 8

Река Узница

У Благовещенской слободы впадает в Туру река Узница,[42] текущая с юго-запада и полноводная.

25 числа этого [месяца], на заре, двинулись из Липок через лес до деревни Козьминской (Kasminska), где мы слегка позавтракали, затем поехали дальше в большую деревню Кулаково (Kolakow); в этот день [сделали] — — 5½

Эта деревня хорошо застроена большими деревянными домами, очень красиво расположена на приятном месте; направо от нее находится местечко, выше — плодородное поле, на котором растет много хлеба, слева же течет река Тура, которая дает много рыбы; здесь много также сенокосных лугов; поэтому местные крестьяне живут богато, промышляют земледелием и рыболовством; рыбы здесь изобилие.

Плодородная местность

3-ий город Тюмень

26 числа, в хорошее время, прибыли мы в город Тюмень[48] (Thiomein) — — 5½

Здесь в 16-ый и в последний раз сменили подводы.

Город Тюмень расположен на высоком берегу реки Туры, которая течет внизу по направлению к северу. Город занимает не очень большое пространство, укреплен деревянной стакетой, [защищающей] от набегов, однако, внутри он имеет деревянную крепость, которая, по местному обычаю, обнесена деревянным тыном на подобие стены; ворота ее находятся в деревянной башне; внутри находятся лишь канцелярии или приказы (Prekazi), а также дом воеводы и несколько амбаров.

Плодородная местность

В общем это очень приятное место, где в изобилии продаются всякие съестные припасы и прежде всего всякое зерно, мука и прочее; этот город в наше время совсем выгорел, так что, за исключением острога, остались лишь немногие дома; за рекой Турой татары имеют собственную слободу; в ней живут те [из них], которые состоят на царской службе в качестве всадников, за что они ежегодно получают жалованье; много татар живет также в окрестностях города; их призывают, когда в них есть нужда.

Чемкосы

27 февраля выехали мы из Тюмени, ехали ровным полем, сначала через реку Туру, а затем вдоль озера и болота мимо многочисленных татарских юрт и прибыли в деревню Бороково (Borokov) — — — — — — — — — — 5

28 числа этого [месяца] отправились дальше и рано поутру завтракали в Созанове (Sosanoua) — — — — — — 3

Дальше поехали лесом к Чужой слободе (Zuza Slabode) — — — — 6

Лес — 1 марта рано поутру выехали оттуда через густой лес, завтракали в деревне Ярков (Jarchow), затем дальше в деревню Березово (Borosowe) — — — 7

Река Тобол — Здесь мы впервые увидели реку Тобол (Tobolo), проехав реку Туру, которая впадает в Тобол.

Этого же числа, покормившись в Березове, мы отправились дальше лесом, до татарской деревушки, называемой Бехтоковы юрты (Biechtokowe Hiurt), куда и прибыли часа за три до рассвета— 8

2 марта, рано утром, отправились мы дальше и к полудню прибыли в другую татарскую деревню, называемую Турбинские юрты (Turbrinzke Hiurt), в которой покормились.

Эти юрты и татарские жилища будут описаны ниже.

3 марта поехали мы столь же ровными полями, но несколько более холмистыми, имея по левую руку реку Тобол; Река Иртыш. следуя таким образом изгибам реки, сквозь некоторые татарские села, прибыли мы к могучей реке Иртышу, по которой и проехали немного до города Город Тобольск Тобольска. 4

Описание города Тобольска,[44] а также его окрестностей и особенностей

[Сибирская] столица Тобольск — Упомянутый город Тобольск, лежащий на больших, свежих и рыбных реках, т. е. Тоболе и Иртыше, является главным городом Сибири, построенным русскими; он стоит на угловой вершине высокого берега, подобном высокой горе, над рекой. Эта гора или берег, как я сам видел, в вышину имеет,

Высота горы 25 саженей

считая от реки, добрых 25 саженей и спереди столь крута, что на нее нельзя взобраться в повозке или на возу, но только пешком; верхом на лошади — с трудом. Если хоть ненадолго пойдет дождь, она становится настолько гладкой, что по ней скользишь вниз. Подняться по ней можно, имея хорошую палку с железным наконечником, которой можно закрепиться и удержаться; без нее же — это трудно сделать; поэтому под этой горой проложена дорога, поднимаясь которой обходишь половину города. Город делится на две части, а именно одна часть находится на горе, а другая — у подножия ее, у реки на ровном месте.

Крутая гора, на которую нельзя взобраться

Дороги вокруг горы

Город разделен на две части

Крепость острог

С одной стороны гора, а с другой — река. Город на горе представляет собою крепость, укрепленную, однако, против набегов только стакетой из еловых деревьев, которые растут наверху палисадами, густо одно к другому, без травы и земляного вала; на верхушке горы, прямо над рекой, находится острог, сделанный только из дерева; он имеет вокруг себя красивую деревянную стену, в которой бревно лежит на бревне, как строят избы; она достаточно высока; наверху ее находится крытая галерея, в которой вырублены бойницы; внизу такой же системы постройки — стена с камерами, в которых теперь хранится казна; но если бы пришел неприятель, там могли бы помещаться солдаты; она также имеет 9 красивых деревянных башен о восьми углах, крепко построенных, двое ворот, обращенных к городу, и одни — к воде.

Стена с галереей

9 башен в виде бастионов

3 ворот

В этом остроге нет других зданий кроме государевых приказов или канцелярий, дворца (Zarenhaus), в котором живет воевода, и небольшой русской церкви, сделанных из дерева, а также отделанного камнем и похожего на погреб сооружения, в котором хранится амуниция; сверху он покрыт землей и порос травой; имеет вид холма без крыши над ним. Сюда сносят все сокровища, которые собираются для царя со всей Сибири, как то: соболей, черных, белых, красных и серых лисиц, бобров, рысей, белок и прочее, что идет из страны, так как каждая провинция ежегодно приносит то, что с нее следует, как, например, замечательно красивых соколов, которые там ловятся, а также богатые и драгоценные товары из Китая, каковы пряности и другие прекрасные вещи; все они оцениваются

Постройки

Склад амуниции

Государева казна различного рода

Сокола

воеводой, живущим в Тобольске на положении наместника[45] (Vice-roy). Когда наступает зима, все это добро должно быть на санях препровождаемо в Москву; для того чтобы везти эту казну, от города употребляются ямщики, как называются извозчики (Jemziken das sein Fuhrleute), которые за это получают ежегодно определенное жалованье. Вышеупомянутых соколов везут, однако, благородным образом,[46] потому что для каждого подаются отдельные сани, на них устанавливается ящик, изнутри и снаружи обитый войлоком или русским сукном; в них-то соколов и перевозят. На содержание каждого сокола в отдельности, между Тобольском и Москвой, выдается 3 рубля [кормовых денег].

Как соколов везут в Москву

В той же части города находится также большой монастырь, в котором имеет свое местопребывание митрополит;[47] он имеет власть над всеми лицами духовного звания. Местный воевода сменяется каждые три года, и на его место назначается другой.

Митрополит

Что же касается нижнего города, лежащего под горой, у реки, то он больше по размерам, и подобно верхнему городу имеет только одну большую улицу, проходящую через него, но также ряд маленьких улиц и узких переулков, так как дома очень тесно стоят друг к другу; одна сторона его находится вдоль реки, а другая тянется полумесяцем до самой горы. [Эта часть города] стоит на болотистом грунте; прямо около самой воды расположен довольно большой монастырь, в котором живет архимандрит или аббат с толпою русских монахов. Когда [в реке] стоит высокая вода, что обыкновенно случается весною, то все эти дома стоят глубоко в воде, на два локтя и больше, так что по всем улицам от дома к дому приходится ездить на лодке; весь низкий берег находится также в воде на такое большое расстояние, насколько это можно видеть с горы; продолжается несколько недель, пока вода не спадет. Этот нижний город совсем открыт, как местечко, и населен русскими, бухарцами и татарами.

Нижний город и его окрестности

Аббат

Разлив реки

Русские промышляют здесь, главным образом, ловлею рыбы, которая водится в обеих реках; так, здесь в изобилии ловятся большие осетры, стерляди, щуки, караси, лещи, окуни и также нельма и максун (Giesei), — жирная и вкусная рыба, и многие другие; также промышляют они различ-

Промыслы населения

Хороший торг

ным зерном, продавая и перепродавая его, и другим барышничеством (allerlei Schachereien), так что, можно сказать, всякий из них хочет поступать как купец. Здесь живет также много ремесленников, как-то: кузнецов, сапожников, портных, кожевенников и др., но заниматься земледелием никто из них не хочет, поэтому замечательно плодородная земля остается необработанной. Значительная часть этих людей состоит на государственной службе в качестве рейтаров, солдат, стрельцов, конных и пеших казаков, которые получают каждый свое годовое жалованье; поэтому-то они так и ленивы, и не хотят работать, но полагаются на дешевизну всего, особенно же прекрасной рыбы.

Татары, их жилища и промыслы

Татары также имеют в нижнем городе у реки свой собственный квартал, в котором они обстраиваются и живут; однако, земли их находятся в этой области при деревнях, вокруг города; там они летом трудолюбиво возделывают поля, сенокосы, пасут скот, ловят рыбу и птицу, отчего и получают большую прибыль; они живут свободно и никому ничего не платят, продают много зерна, масла, рыбы, а также уток и других птиц, которых они ловят на реках силками и удочками. Зимою некоторые из них живут в городе в своих юртах, которые они строят низкими, из дерева; юрты эти имеют низкие двери, через которые приходится пролезать на корточках, едва в $1^1/_2$ локтя вышиной, и которые показались нам очень странными; они не имеют печей, вместо них употребляются камины и трубы, сделанные из палок, обмазанных глиной, и притом так низко, что они еле выступают над крышей; поэтому, когда они разводят огонь, он вместе с пылающими искрами летит так высоко, что издалека видно, где живет татарин. Их жилища не имеют окон, лишь наверху, посредине крыши проделано круглое отверстие, через которое проходит дневной свет; некоторые [татары] зимою кладут сверху кусок льда, который дает ясный свет, другие же, и чаще всего, — из соломы или сена в старом мешке или рогоже (Ragoske) делают большую затычку и заделывают ею дыру; подобную же пробку употребляют они и в своих трубах, когда огонь выгорел, чтобы тепло осталось в комнате, как я и сам это делал, когда жил в подобной юрте. Эти дома не имеют никаких крыш: наверху они совсем плоски и сверху обло-

Их юрты
Двери

Камины

Их окна

Нет крыш

жены толстым слоем земли; поэтому летом они совсем зеленые.

Очень низкие скамьи

В комнатах находятся очень широкие скамьи, подобные тем, какие имеются в банях, шириною в рост человека; на них они сидят, спят, стоят, спят на толстом матраце или войлоке. Богатые [татары] украшают свои скамьи прекрасными коврами (Tapeten).

О татарах и их старом царе в Сибири

В Сибири живет много этих татар, так как в прошлые времена, лет 95 назад это была их собственная страна; они имели также своего собственного царя, резиденция которого была на горе, на том месте где сейчас стоит Тобольск.[48] Это место еще видно; точно так же, неподалеку оттуда, на другой горе, на расстоянии мушкетного выстрела [отсюда], жили два мурзы или князя; там видны еще рвы и валы вокруг их жилищ.[49]

Царевич, все остающийся врагом

Еще жив сын упомянутого выше царя, называемый царевич (Zarewitz), который до сих пор объявляет себя врагом и ни под каким видом не хочет вступить в подданство русскому царю;[50] не имея ни городов, ни жилища, укрывается он в степи или пустыне (Stiepe oder Wildnisze, das ist eine Heide), в которой нет ни деревьев, ни людей, а также в горах и ущельях; он имеет при себе немного людей, именно башкиров,[51] и тем не менее каждый год, примерно во время жатвы, делает он набеги на границы, в Сибири. Там, где он в состоянии это сделать, уводит он много людей и скота, сколько только может; догнать же его невозможно, так как степь чрезвычайно широка, не имеет ни дорог, ни тропинок, поэтому нельзя узнать, куда он отправился; если же, наконец, нападают на его след, он останавливается за ветром и зажигает огнем степь позади себя, и так безопасно уходит. Этот царевич выдает себя за наследника этого края и никогда не отдастся добровольно. Иногда ему удается перетянуть на свою сторону башкиров, тогда он делает из этого большой шум: об этом дальше.

Наследник этой страны

Так как я удержал в памяти некоторые слова татарского языка, то я хочу сообщить их интересующимся

Jolbosen — здравствуй! приветствие
Koos — счастливого пути
Attai — отец
Iinia — мать
Bitzia — жена
Oel — юноша
Kas — девушка
Barandas — брат
Albula — сестра
Paes — голова
Zatz или Zerge — волосы
Koes — глаз

Aunus — рот
Boron — нос
Kolak — ухо
Koel — рука
Aiak — нога
Takia — шапка
Bieloi — перчатка
Kuimiak — рубаха
Ziarak — обувь
Giesem — чулки
Inia — игла для шитья
Suk — холодно

Bieksuk — очень холодно
Jeil — погода
Su — вода
Ott — огонь
Aigatz — дерево
Kibita — изба
Itmiak — хлеб
Maj — масло
Jeit — мясо
Balik — рыба
Siem — пиво
Butza — брага
Araka — вино

Suit — молоко
Sür — корова
Busau — теленок
Kuras — петух
Tauk — курица
Jemertka — яйца
Koii — овца
Zutzka — свинья
Kutziuk — собака
At — лошадь
Atluisa — главная лошадь (Hauptpferd)
Jaksi — хорошо
Juk — ничто

Ziem — свет
Bitziak — нож
Balta — топор
Tabak — миска [блюдо]

Sabala — ложка
Kasan — котелок
Siulmiak — горшок
Burtziak — горох

Gierma — крупа
Aris — рожь
Sulu — овес
Bietzien — сено

Краски:

Ak — белая
Kara — черная
Küsül — красная
Skeitan — чорт

Описание бухарцев и их промыслов[52]

Описание бухарцев и их промыслов

Бухарцы, живущие в Тобольске, происходят из страны их Бухары (Bogari); это богатые люди; они живут в прекрасно построенных деревянных домах, имеющих большие окна и двери на немецкий образец. Их комнаты украшены красивой резной утварью и дорогими китайскими коврами; живут они чисто и опрятно, одеваются в красивые одежды, с длинными и широкими халатами, которые они на груди совсем запахивают и с одной стороны под мышкой завязывают поясом; эти одежды обычно хорошо сделаны из китайки (von Chitaike und Kitaisk) и китайских материй, из шелка или других, набиты ватой и выстеганы; на головах, которые они гладко выбривают, носят они маленькие шапочки, посаженные на затылке, как ермолки

Одежда

Выбритые головы шапочки

[скуфейки]; на этих ермолках, густо и богато, шелками, серебром и золотом вышиты и вытканы различные узоры; они никогда не снимают эти шапочки, как дома, так даже и тогда, когда они стоят перед воеводой; помимо них носят они обычно

Шапки

шапки, заостренные кверху и сплошь, шов около шва, вдоль и поперек расшитые бумажными нитками. Их старшины, которых они сменяют каждый год, выбирая на их место других, обвязывают кругом своих шапок белые повязки. Они имеют также свои церкви, которые внутри не имеют никакой утвари, — одни лишь голые стены. Нет здесь ни картин, ни стульев, ни скамеек, но полы всюду покрыты коврами; когда они входят внутрь, снимают они свои шапки и обувь, которая похожа на туфли; также и свои палки ставят они перед дверьми; в церкви садятся они на корточки, гладят лицо обеими руками и склоняются головами до земли, простираются и бормочут про себя некоторые слова на своем языке, а затем, примерно через час, уходят. Когда они должны итти в церковь, они не имеют и не употребляют никаких колоколов, один из их старшин снимает перед церковью свою шапку с повязкой, кладет свой посох и рукавицы, берется обеими руками за уши и, подняв лицо вверх к небу, кричит вверх, что есть мочи: Алла! Алла! Алла! Все это — одним духом, так что это далеко слышно; сделав это, старшина снова надевает свою шапку, берет свою палку в руки и идет в церковь, тогда тотчас же собираются люди вместе, чтобы отправлять свое богослужение так, как выше описано. Они показывали мне свои книги, в которых я не знал ни одной буквы, все написано в обратном направлении так же, как они сами пишут, очень странным шрифтом. Они говорят будто бы это — Ветхий завет. Они верят в бога-отца, но ничего не знают ни о боге-сыне, ни о святом духе. Подобно туркам они полагают, что Христос был пророком. Они знают про Адама, Авраама, а также прародителей, патриархов и пророков, и часто вступали бы со мною в споры, если бы я знал их язык. Они подвергают себя также обрезанию в возрасте от шести лет и старше. Они живут хорошо в отношении еды и одежды, пиво пьют не охотно. В своих комнатах они не употребляют никаких печей, но только трубы, при которых они имеют небольшую плиту для печения своих кушаний

Старшины

Их церкви и внутренность их

Зовут в церковь без колоколов

Их книги Ветхий Завет О боге

Нет печей

(Küchelken); как и татары ставят они около камина высокий очаг, в котором находится широкая сковорода, похожая на котелок; на большом пространстве, но не слишком глубоко, они разводят под нею огонь, и таким образом варят в нем свои кушанья; хлеб они едят редко и мало, некоторые же и совсем не едят, едят много ячменной каши (Gerstegrub).

Бухарские женщины их одежды

Их женщины статны с виду (sein realisk von Gestalt), очень красивы лицом, они носят также длинные широкие одежды (Röcke), с длинными рукавами, полотняные штаны, так же как мужчины и как и татарские женщины. Их рубашки сделаны из бумажных тканей, китайки или зенденя;

Богатые шапки

на голове носят они остроконечные шапки высотою в две кварты (quartier), красиво вышитые бумажными нитками, серебром и золотом, а также обильно усеянные самыми большими и красивыми серебряными копейками и хорошими дукатами; бедные люди вместо дукатов носят мелкие монеты. Свои волосы, так же как и калмыцкие женщины, носят они, заплетая в 2 большие косы, которые черны и длинны, свисают сзади и ничем не покрыты (gazn bloss), концы же их опять подняты кверху, так что они висят криво, и обвешены и украшены многими серебряными украшениями и большими кусками специально для этого сделанного серебра, как на хорошей рукоятке [оружия]. Вокруг шеи и на груди висят серебряные цепи, а также такие же куски серебра, о которых мы уже говорили.

Украшения

Прилежание

В своих домах сидят они за (hinter) красивым ковром, прилежно работают над шитьем и вышиванье м — шелком, серебром и золотом, шьют сами платья для себя и для своих мужей, обходясь без [портного]. Они выходят из дому совсем закутанными в красивые шелковые покрывала, так что они никого не могут видеть и их никто, принуждены поэтому, как слепые, быть сопровождаемы двумя девушками или женщинами, которые их дожидаются; когда же они выезжают, сани тоже наглухо закрыты крышей, а сверху красивым ковром. Они очень страстные и распущенные женщины по отношению к немцам, забавлялись приветливо. Они очень страстные женщины (rechte Venus-Weiber); они часто стояли у окон и приветливо нас зазывали, крича нам вслед: „немцы, немцы“ (Niemze, Niemze) и с нами шутили, правда, когда мужей не было поблизости; впрочем они счи-

таются с личностью человека. Они любят немцев.

Затем, кроме как на голове, они нигде не оставляют ни одного волоска, но под мышкой и в других местах гладко выбриваются специально для этого приспособленной бритвой, как это делают также и мужчины.

Двухмесячный путь в Китай

Китайские товары

Эти бухарцы ведут большую торговлю товарами, которые их факторы каждогодно вывозят из Китая и из большой империи Хины в их страну Бухару и оттуда перевозят в Тобольск на верблюдах, так как русские не ведут ни дружбы, ни торговли с китайцами и жителями Хины (Chitaier und Chinesen), не доверяя друг другу; поэтому такую торговлю ведут за них бухарцы: они из своей страны имеют в Китай двухмесячный путь, а затем из Бухары до Тобольска — шесть недель, какой они удобно делают на своих верблюдах. Таким образом они приводят сюда по 4, 5 и больше верблюдов, тяжело нагруженных дорогими товарами, как например, хлопком в больших мешках, китайкой, как называется их хлопчатобумажный холст, затем зенденем (Sendin) различных цветов, также из хлопка, киндяком (Ciniach),[53] а также различно окрашенными шелковыми тканями, дамашкой (Damas), украшенным с замечательным искусством цветами, золотым и серебряным шитьем сделанными розами, тюльпанами и другими прекрасными узорами из серебра и золота, а также шелками и атласами, много полосатых шелков, очень искусно сделанных, а также иными из специй, как, например, бадьяном,[54] который имеет запах и вкус аниса, но более сильный, затем странным родом перца, корицей, драгоценными камнями, которые продаются в Сибири из-под полы, и многим другим; зато, напротив, покупают они снова и увозят с собой обратно красивое сукно (feine Thuech), юфть, соболей, бобров, выдр и другие меха, и все, что придется; этими вышеназванными товарами торгуют они открыто и имеют в верхнем городе Тобольске свои соответствующие лавки и ларьки, в которых они сидят и продают, и если они наверху имеют большой убыток, то продают они больше под горой в своих домах. С подобными товарами приходят они тоже пожалуй 2 раза в год и уходят обратно; настоящее удовольствие доставляет смотреть, как они идут с нагруженными верблюдами, все гуськом

в один ряд. В г. Тобольске, как и в других русских городах базарная торговля производится два раза в день, а именно утром и под вечер (umb Wetzierne: das ist zu Vesper): тут можно купить всякий провиант, всего сколько хочешь, и жизненные припасы (Victualien) здесь не дороги, особенно летом, когда утром привозят 30, 40, 50 и больше телег и бочек, больших и маленьких, которые все полны только что пойманной и еще живой рыбой; замечательно большой рыбный базар, такого рыбного базара я не видел ни в одной стране; но иноземные товары, как сукно, специи и прочее, здесь дороги, благодаря длинному пути, который они делают из Москвы; здесь не дозволяется торговать никакому иностранцу, ни немецкому купцу, которые всего меньше приходят в Сибирь.

Каждый день торговля два раза

Хороший торг

Что же касается обоих могучих рек Иртыша и Тобола, следует знать, что река Тобол течет с юго-запада, с гор в Калмыцкую землю, течет через степь в Сибирь, а далее на севере на восток до города Тобольска. Река же Иртыш выходит также с гор в Калмыцкую землю с юга, также течет через степь до самой Сибири, где русские имеют город,[55] перед степью (как об этом ниже следует), мимо которого река протекает и затем очень криво течет на северо-запад; с одной стороны имеет она непрерывный и далеко идущий горный кряж или высокий берег, отчего вода выглядит мутной (bleich), благодаря земле и песку, которые с нею смешиваются во время ее течения (im durchlauffend) на протяжении пол-четверти мили; с этой стороны [находится] и Тобольск, у которого река соединяется с Тоболом, где обе эти реки сливаются как бы в одну реку и имеют сильное течение. Перед городом Тобольском и около него ширина реки достигает добрых пол-четверти мили: она везде изобилует рыбой. Так текут они, как одна река, по направлению к северу, на расстояние 14 дней пути, с этой стороны имея г. Березов, где она впадает в большую и широкую реку Обь, которая, кажется, имеет исток [свой] неподалеку от Китая и затем впадает в Мангазею,[56] которая имеет свой выход в Вайгач, неподалеку от Новой Земли. Обе эти реки, как указано выше, в прошлом году так широко разлились, что затопили все низменные места, и правая река течет с такою силою, что часто смывает на своем

Описание двух рек: Тобола и Иртыша

Слияние обеих рек.

Город Березов
Река Обь
Мангазея
Вайгач

Большая вода

пути не только дома, но даже [отрывает] большие куски земли от берега вместе со стоящими на них группами деревьев, по 4 и по 5 деревьев, и река влачит их за собою, как это я и сам видел с удивлением.

Сибирь большая страна

Страна Сибирская очень велика, простирается далеко на север и северо-восток, так что никто не знает, где она кончается; большая река Обь течет на север в Мангазею, где стоит такой холод, что благодаря морозам, страна совсем неплодородна, потому что и там летом [снег] тает не более, чем на четверть аршина; на большом расстоянии оттуда есть еще одна провинция [область] и город, называемый Лена (Leena), в котором также не растет хлеб, почему царь должен ежегодно посылать его туда для прокормления жителей; туда же посылаются закоренелые (grösseste) преступники, находящиеся в самой большой немилости; оттуда были известия, что один пуд, т. е. 40 фунтов муки стоил там от 3 до 4 рублей, что составляет 5—6 рейхсталеров; оттуда же получаются лучшие соболя и черные лисицы, но достойно размышления (ist disz nachdenklich), что для того чтобы проехать в Лену из Тобольска, нужно быть в пути целыми годами (Jahr und Tag), прежде чем туда прибудешь, а ехать нужно на собаках, так как лошади там не употребляются.

Город Лена

Дорогой хлеб

Дальние дороги на Лену

На востоке Сибирь граничит с государством Китайским (Chitaien), где царь имеет провинцию [область] и город, называемый Даурией (Daour),[57] у самого Китая. Укрепление этого места однако сделано слабо; это крепость, сделанная из деревьев и расположенная на горе; это очень красивое место, в котором много всякого провианта; ловятся там также лучшие соболя и черные лисицы и другой пушной зверь; люди, отправляющиеся туда, проделывают длинный путь. Так они должны ехать сквозь Сибирь на север, именно целые годы, если калмыки находятся в дружбе [с русскими]; если они им доверяют, могут они совершать свой путь в 4 месяца, но хотя калмыки и притворяются дружественными, но им все же не верят.

Китай Даурия

Степь, большая степь

На юге Сибирь граничит со степью, как называется ровное, плоское и сухое место (wie eine Heide), без дерева, кустарника и жилища, очень длинная и широкая, которая тянется миль на 100, и в которой живут калмыки. С этой стороны русские построили на реке Иртыше город

Тара

Тару, обнесенный деревянным тыном (Staket) на случай набега. Зимою в этот город из Тобольска на санях 7 или 9 дней пути; летом же [водой] вверх по Иртышу 3 недели пути: считают около 100 с небольшим миль, так как река течет очень извилисто.

Калмыки. Их лагери

Эти калмыки,[58] очень недружелюбный народ, живут в упомянутой степи, которая тянется на север и северо-восток до Китая, а на юго-восток до Бухары (Borey-Bogarey?). Они не имеют ни городов, ни сел; они разбивают свои стоянки в поле и стоят по 40, 50 и более 1000 человек в одном лагере или орде: они употребляют палки,[59] связанные сверху ремнями, которые они искусно складывают вместе и возят с собою когда кочуют. Когда же они разбивают или устраивают свой лагерь, они раскрывают эти самые [палки] на ремнях, устанавливают их вокруг и растягивают на них и кругом большой войлок, который они сами делают из

Кибитки

овечьей или верблюжьей шерсти; из этого получается хорошая хижина и стоят они таким образом зимою и летом, так что когда на их лагерь смотрят издалека, можно подумать, что это большой город с низкими домами. У них много лошадей, быков, а также буйволов и овец, которые очень велики, со свисающими ушами и назади, за яичками,

Скот

большим наростом [курдюком] из чистого жира, весом в 20 и более фунтов; (всем) этим они крупно промышляют, отправляясь, например, в Китай (с табуном) в 8 и 10 тысяч лошадей, не считая овец и быков, которых они меняют на серебро и всякое добро. С подобными же табунами являются они ежегодно в Тобольск и в Томск (Thomske) и

Торговля

меняют все это на товары, как, например, юфть, медные котелки, кружки из желтой меди, железо и выдру, мех которой они предпочитают другим мехам. Лошади у них крепкие и быстрые в беге.

Наружность калмыков и их одежды

О наружности калмыков [можно сказать], что они — крепкие, коренастые люди с большими головами, которые они гладко выбривают до самой макушки, на самом темени часть волос остается в виде правильного кружка (zirchel-rund); эти волосы они заплетают в черные как смоль косы, свисающие сзади. Они имеют маленькие раскосые глаза, над которыми нависают брови, между глазами [у них] — широкое гладкое пространство, так что нос у них совсем плоский, вровень с щеками, выдающиеся скулы; они выращивают большие усы, однако бороды ни в каком случае; носят в ушах

большие (grosze, weite) серебряные кольца, шириною в талер, с большим красным кораллом. На теле — никакой рубахи, вообще никакого полотна, но зимою и летом овечьи тулупы (Schafspelzen), носят сапоги, которые они делают сами; со своими луками [и стрелами] обращаются они очень ловко и могут, особенно на лошади, на полном скаку очень метко стрелять; отвратительно смотреть, как они едят свою еду и кушанья, которые состоят главным образом из вяленой на солнце конины и верблюжатины, без всякого хлеба, — одно только мясо без соли. Отвратительно смотреть и их приготовления [кушанья] и еду [одного] сырого мяса. Кобылье и верблюжье молоко является их лучшим и изысканнейшим напитком. Их женщины очень красивы лицом, носят также в ушах большие серебряные кольца с большими красными кораллами, еще бóльшие чем мужчины, на головах [у них] густые и длинные волосы, заплетенные в две косы, свисающие с обеих сторон на груди; они очень похотливы и очень преданы (angereizet) любви.

Очень ловкие люди. Их кушанья

их женщины

Калмыки не имеют никакой веры, мало знают о боге, являются язычниками, тем не менее они носят вокруг шеи четки,[60] сделанные из очень больших черных камней и круглых белых костей, которые висят у них на груди; утром сидят они с этими четками в руках, совершая молитву и ворча при этом как медведи; каждый камешек означает одного из их святых. У них есть также свои священники, которые носят красные четки с длинным и широким куском красного шелка (Stameth), который они [перебрасывают] через одно плечо, затем завязывают наперед под рукой и кругом живота; на голове у них шапка, как и у других калмыков.

Верования калмыков

Своего главного священника чтут они как святого и как бога, и верят в то, что он семь раз рождается вновь, и таким образом верят больше в живого сатану, а затем в бога... Этот их главный священник, которого они называют Далай-Ламой[61] (Talilama), находится у них в большом почете как бог, так что ни царь, ни какой-нибудь князь ничего не предпринимает [не спросясь его]: они прежде спрашивают, сначала своего бога, а потом Далай-Ламу, о совете. Когда калмыцкий властелин, которого они называют Singatin, но обыкновенно царь, спорит со своими соседями

Калмыцкий первосвященник, который 7 раз родился — Далай-Лама

Сингатин

или с кем-либо, или хочет сделать набег, он собирает большое количество народа и армию в 80 или даже в 100 000 человек; это он может сделать в 48 часов, так как стоит ему только приказать, каждый князь, — а все они пастухи и разбойники — тотчас должен появиться со столькими тысячами людей, со сколькими ему полагается и представиться царю. Собравши такое количество народа, царь отправляется к святому и спрашивает Далай-Ламу, советуясь с ним, будет ли счастливым на этот раз его намерение выступить в поход, или нет: если семь раз рожденный святой человек, однако больше по сатанинскому внушению, чем по божескому, отвечает ему, что это должно кончиться счастливо, получает царь благословение своего святейшего и дарит ему за это табун лошадей, овец, несколько кусков китайки и многие другие товары, после чего он прощается и выступает в поход; если же эти [предсказания] неблагоприятны для совершения этого похода, дает он ответ царю, что на этот раз он не будет иметь удачи, после чего царь уходит и отправляет [собранных] людей каждого в свою орду ожидать лучших времен.

Могущество калмыков

Этого святого Далай-Ламу держат они в высоком сане и приписывают ему божественную власть, но эти суеверные люди тем не менее хорошо видят, что они им обмануты. Ведь они считают, что он 7 раз родился; это происходит следующим образом: когда они имеют священника, который вел очень благочестивую жизнь, то, если он умирает, сжигают они его тело в пепел и затем из этого пепла его костей делают изображение, почитая его священным как святыню, в честь которой они носят вокруг шеи на своих четках большой круглый камень, как голубиное яйцо; носят его в память об умершем. Затем они раздобывают маленького ребеночка, который его представляет: его подучивают, чтобы он мог сказать, что он тот самый, который умер, и что теперь опять родился снова. А для доказательства того, что он имел такой же образ, дают ему столько же войска, земли, прислужников, лошадей; если такое случится [произойдет], его берут оттуда на 4-м или 5-м году, благословляют и представляют царю с его князьями и народом. Тогда возникает большая радость и вновь рожденному дарят около сотни лошадей, верблюдов, овец, китайки, шелка, тафты, седел и другое

7 раз рожденный это происходит таким образом

Дьявольский обман

большое богатство: при этом, по их обычаю, устраивается большое торжество. Такие удивительные торжества происходят потому, что вновь нашелся святой, который считается святым на ряду со всеми своими предшественниками, не умевшими ни молиться ни читать. Все это рассказал мне один еврей, бывший евреем по рождению, а затем сделавшийся калмыцким священником, который еще в совершенстве говорил на своем немецком языке; все это он открыл мне украдкой, впоследствии же, будучи послан в Москву с посольством и уже возвращаясь домой, он был убит своими же товарищами.

Бухарский хан обязан каждогодно уплачивать калмыкам дань

Эти калмыки своею властью обложили контрибуцией бухарского царя; это произошло оттого, что бухарец [бухарский хан] хотел убить своего младшего сына, чтобы тот после него не завладел его царством; узнав это, сын перешел к калмыкам, прося у них защиты; затем бухарский царь послал за своим сыном к калмыкам, которые его не выдали; поэтому калмыки напали на бухарскую землю и разграбили ее; затем бухарец с ними примирился и по договору уплачивает ежегодно дань, состоящую из верблюдов, седел и других китайских товаров (gueter); однако сын бухарского царя остается под защитою калмыков. Бухарский царь имеет 22 жены, от которых он имел лишь двух сыновей; в наше время он был уже стар, лет 80-ти, но был еще жив.

Их лагери

Хотя калмыки являются быстрым и опасным врагом, но они тем не менее не употребляют другого оружия, кроме лука и стрел; самые знатные из них однако, имеют также сабли. Их стрелы имеют широкий и острый железный наконечник, они умеют очень метко стрелять ими на полном скаку, [когда] уздечка лежит на шее лошади и он управляет лошадью ногами; так может он на полном скаку сбить с березы тетерева, как это я сам видел. В стычке [с врагом] на поле не придерживаются они никакой дороги (halten sie keine Trope), но, подобно башкирам и татарам, с яростью наскакивают на своего врага без всякого порядка, причем каждый делает то, что может. Всех своих убитых бросают они в воду,[62] а за отсутствием таковой — в болото; если же в качестве начальника (Feldherrn) имеют они храброго героя, который много помог преодолеть врага, и [сам] был теперь убит, то его ищут повсюду между убитыми и, найдя

его, берут они его тело в великой печали, сжигают его в пепел, раздробляют кости, смешивают или замешивают их вместе с глиной и делают из этого изображение, которое они почитают священным, его же [самого] почитают святым, за то, что он так рыцарски погиб ради своего господина; в честь его они привешивают камень на своих четках и молятся ему, как святому.

Они не имеют никакого постоянного лагеря, но всегда располагаются в степи большой ордой со своим скотом, лошадьми, верблюдами, овцами, женами, детьми и всем вообще, что они имеют: уничтожив же на одном месте корм или траву, отправляются они на свежее место; стоят они, однако, всегда около рек.

Водка

Они имеют также водку, [приготовленную] из кобыльего молока и ячменя, очень крепкую, которую я сам пробовал.[63]

Убийство животных

Когда они убивают какое-нибудь животное — быка, овцу, верблюда или лошадь, — поступают они не так, как другие народы, но бросают его на землю, на спину и ногами вверх, хватают за брюхо, так что оно свисает на обе стороны спины, затем длинным и острым ножом, который каждый обязательно носит с собою, разрезают они на левой стороне большое отверстие под ребром,

Чистота

лезут затем рукой в живое животное, схватывают сердце и дергают его, чтобы скотина скорее издохла; таким образом кровь остается внутри, пока не сдерут с нее шкуру; затем они [кладут] брюхо на лошадь, вынимают внутренности и вычерпывают кровь руками, кишки выворачивают, вынимая из них навоз, не думая ни о какой промывке или очистке, и кладут в котел, который тут же стоит уже на огне, с головой, ногами, потрохами, варят все это и пожирают. Суп пьют они также яростно и неуклюже большими ложками из мисок, грызут и кусают как собаки своими зубами кости без крошки хлеба; и тем не менее они сильный народ [крепкие люди]. Мясо же убитых животных разрезают они на четыре части [и] вешают на палках на солнце, так что оно высыхает; так [делают они] даже в самое жаркое лето; похоже на то, что ты попал к самому отъявленному живодеру; из кишек же пальцами выдавливают они кал и, не пополоскав их и не промыв, засовывают туда разрезанное мясо, делая таким образом без соли и всего остального мясные колбасы, которые они

Приготовление пищи

Едят без хлеба одно мясо

Колбасы

вывешивают на солнце и сушат;[64] они берут [эти колбасы] обыкновенно с собой в путь, употребляя как мясо лошадей, так верблюдов и быков: они режут их маленькими кусками, как русский сахар, кладут их на кожу или войлок (Fillte, Filtze?) на солнце и сушат, запаковывают затем в кожаные мешки, употребляют их без хлеба во время похода, когда в этом есть необходимость.

О народах и племенах (Secten) в Сибири, насколько я их знаю.

1
О татарах и о том, как они сватаются

В Сибири живет много татар. Они покорились отцу [нынешнего] русского царя, как это вкратце сказано при описании Тобольска. Они живут совсем по-скотски, не знают бога и его заповедей, не имеют ни церквей, ни [молитвенных] собраний; очень трудолюбивы в земледелии, рыболовстве и других промыслах. Когда кто-либо из них женится, тот человек, который хочет жениться, ищет себе невесту, которая ему нравится; затем он уславливается с отцом девушки, что он должен ему дать за нее; когда сговор (accord) сделан, то за невесту ее родителям он должен дать, прежде чем возьмет ее у них, пару лошадей, одну или две коровы, а также пару овец и немного денег, от 10 до 15 или даже до 20 рейхсталеров, больше или меньше; так празднуют они свои свадьбы и покупают себе жен.

2
Вогулы
Вера, внешний вид

Есть там также народ, называемый вогулы (Wagultzen), который живет там и сям по стране. Эти люди не верят в бога, ничего о нем не знают, являются закоренелыми язычниками, не имеют ни письменности, ни книг, живут в домах, похожих на татарские юрты, низкорослы; каждый год платят русскому царю незначительную дань, [состоящую] из плохих соболей и лисиц, которых они убивают стрелами; носят они скверную одежду, вроде татарской. Язык их очень отличается от татарского; едят очень скверную пищу, без хлеба; своими луками они убивают много оленей, медведей и других зверей; когда они убивают такого зверя, что всегда случается в лесу, то вогул время от времени делает зарубки на деревьях и обозначает то место, где он убил зверя, приносит его домой, сдирает с него шкуру и продает ее, мясо же пожирает со своими чадами и домочадцами (mit seinem Geszinde); кости же все вместе и каждую в отдельности бро-

Язык и их суеверия

сают в воду, но ни одной из них — собакам, еще меньше выбрасывают на улицу. Если вогул заполучил такого зверя, ходит он каждый день к тому месту, где тот был убит, падает ниц, молится этому месту и благодарит его за то, что он имел счастье уложить такого зверя.

3 Остяки, внешний вид, одежда и образ их жизни

Есть там также народ, называемый остяки (Astachen), это простодушные люди, низкие ростом; носят холщевые одежды, сделанные из конопли, которые они закачивают до колен, в случае если они слишком свисают; их штаны и чулки составляют одно целое с их лапками (Lapkesz) или обувью, сделанной из необработанной кожи; они пришиты к чулкам, так что остяки надевают вместе штаны, чулки и обувь;[65] свои волосы, зачесанные на лоб и затылок, они подстригают на два пальца над ушами, стригут также и свои бороды. Их женщины также носят холщевые платья и повязку вокруг головы, на которой висит много медных украшений и колец, а также плоско выбитые куски олова или выплавленные из олова фигурки, которые они покупают, и которые составляют их лучшее украшение; вокруг шеи носят они также несколько рядов подобных же украшений. Сходную же одежду носят также женщины вышеупомянутых вогулов; если у них есть чем, то красят они в красный цвет свои ногти. Эти остяки также ничего не знают ни о боге, ни о заповедях его, не имеют ни книг, ни письменности, ни алфавита; они приносят жертвы и молятся шайтану (Scheitan), что значит чорт, для которого они устроили жертвенное место в лесу, под деревом. Когда этот шайтан является с сильным шумом и свистом, падают они на землю ниц или на колени, и просят его, чтобы у них не была украдена ни одна лошадь; они приносят ему в жертву соболей, лисиц, куниц и все, что они имеют.

Одежды, похожие на вогульские

Верят в шайтана, которому приносят жертвы и молятся Дань

У них есть также свой священник, называемый шайтаник (Scheitanik), который должен отвечать им за шайтана; это настоящий колдун или заклинатель нечистой силы (Hechsenmeister oder Theuffelsbaner). Эти люди живут на север от Тобольска, в хижинах, бедно перебиваются кое-как дичью и рыболовством; словив первую рыбу, схватывают они ее в обе руки, подымают ее кверху, молятся ей и [затем] в один присест пожирают ее сырою, без хлеба, который они употребляют в малом количестве или не употребляют совсем. Они

подвластны русскому царю, приносят ему каждый год дань из плохих соболей, куниц и лисиц; когда они хотят что-либо попросить у царского воеводы, становятся они на колени, простирая руки, и не встают до тех пор, пока не получат ответ.

4 Киргизы, их властитель называется Алтын-царь

Есть там также народ, называемый киргизы (Kiregisen); это тоже природные язычники; живут на реке Оби по направлению к Китаю; имеют очень странные одежды, зимою ходят в грубых платьях из оленьей кожи, ворсом наружу. Их женщины носят на голове украшение из древесной коры, широкое и круглое, как сито, которое они обвязывают тряпками. Эти люди поедают сырыми и мясо и рыбу.

5 Башкиры

Есть там также башкиры (Baskiren) — дикий и недружелюбный народ; они граничат с калмыками в степи; живут к юго-западу от Тобольска. Эти люди показали себя враждебными по отношению к русским, так как Сибирь принадлежала [некогда] предкам вышеупомянутого царевича; прежде этих людей он всегда употреблял для своей службы; они в поле, верхом на лошадях, которые бегут быстро, очень ловки со своими луками и стрелами, стреляют очень метко и очень склонны к разбою. Они очень проворны, в поле не придерживаются никакой определенной дороги (Tropen), но каждый очень поспешно совершает свой наезд (Defour), возвращается в поле, затем опять обратно. В настоящее время они враждуют с русскими, и это продолжается уже с давних пор.

6 Есть также самоеды (Samoieden), которые достаточно хорошо известны; они подвластны русскому царю.

7 Народ монголы, дикари (Barbarske Leute) и т. д.

8 Кунгурцы (Konguren) также.[66]

9 Зыряне (Zierenen) и т. д.

Главнейшие реки этого путешествия

1 Волга возле Вологды, которая протекает через всю Россию и впадает в Каспийское море.

2 Двина между Сольвычегодском; ниже Архангельска она впадает в море.

3 Вычегда у Сольвычегодска; также у Архангельска впадает в море.

4 Вилита между Сольвычегодском и Кайгородом, впадающая в Вычегду.

5 Сысола между Кайгородом и Камой.

6 Кама—возле Соликамска, впадает в Волгу ниже Казани.

7 Тура около Верхотурья, в Сибири, впадающая в Тобол.

8 Узница, впадающая в Туру возле Благовещенской слободы.

9 Тобол, который соединяется с
10 Иртышом возле Тобольска
11 Тавда, которая возле Zawda (?) впадает в Иртыш, идет за сибирские горы к Архангельску.

12 Обь, впадающая в Мангазею.

13 Мангазея, впадающая в Вайгач.

Конец.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Описание и характеристику укреплений Троице-Сергиевской лавры см. в книге Ф. Ласковского, Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. I, СПб., 1858, стр. 134—135, и Атлас, лист 28. Проезжавшие мимо Троицы иностранцы обычно отмечали красоту и крепость монастырских построек. См. статью С. К. Смирнова, Отзывы иностранцев XVI и XVII вв. о Свято-Троицкой Сергиевой лавре, „Московск. Ведомости", 1849, № 145. Голландские послы писали: „Прибыли к Троице, весьма знаменитому и богатому монастырю, который, говорят, владеет третьей частью земли русской. Он построен из камня, весьма капитально и роскошно (is seer stercken kostelijk op de wijse van steen gebouwt); обыкновенно здесь живет до 300 монахов, и еще большее количество послушников, рабочих и солдат" (Посольство А. Бурха и И. фан Фелтдриля в Москву, 1630—1631, „Сборн. Русск. ист. общ.", т. 116, 1902, стр. 27). Река, о которой упоминает автор, это р. Кончура, преграждавшая дорогу из Москвы в Переславль перед самым монастырем (ср. Ф. Ласковский, Ibid., стр. 236—237). Ср. еще: Вадим Лествицын, От Ярославля до Москвы, Ярославль, 1869.

[2] „Местечко, однако, совсем открытое", т. е. незащищенное укреплениями: посад.

[3] Это было традиционное паломничество, совершавшееся с большой торжественностью, но не в Михайлов день (8 ноября), а чаще всего на Троицу. См. Джером Горсей, Записки о Московии XVI века, СПб., 1909, стр. 114.

[4] О Новом селе см. Акты Исторические, т. I, № 143; „Труды Владимирской уч. архивн. комиссии", т. XVII, С. А. Шумаков, Обзор грамот коллегии экономии, вып. IV, №№ 870, 878, 1117.

[5] Так наз. Переславское Плещеево озеро, знаменитое своей сельдью, бывшей непременной принадлежностью постных меню царей и патриархов московских; московский двор потреблял громадное количество этой рыбы. Жившие при озере в особой „рыбной слободе" рыбаки составляли дворцовую артель и обязаны были доставлять определенное количество пойманной рыбы к царскому столу (см. К. Н. Тихонравов, „Владимирский сборник", стр. 14—22; А. И. Свирелин, Переславское озеро и рыбная слобода, „Архив историч. и юридич. свед. о России" Н. В. Калачова, 1853, кн. V; М. И. Смирнов, Переславль-Залесский, Пересл., 1928, стр. 37—39). О местностях, которыми проезжал автор издаваемой рукописи, см. также М. И. Смирнов, Переславская ямская дорога (К истории сообщения Московской Руси) — в „Докладах Переславль-Залесского научно-просветительного общества", вып. 4 (1919).

[6] Расположенный на северо-западном берегу озера Неро Ростов, действительно, „некогда был крепостью", как о том упоминает автор. В 1632 г. „иноземный инженер Ян Корнелий построил в Ростове крепость по бастионному очертанию... способ укрепления принадлежал к разряду голландских систем того времени и состоял из малых бастионов с фланками, перпендикулярными к длинным куртинам; ров был наполнен водою, но контр-эскарп не имел гласиса" (А. И., т. IV, № 14, 1646; Ф. Ласковский, Материалы для ист. инж. иск. в России, ч. I, стр. 75).

[7] В 1658 г. пожар истребил почти весь Ярославль (К. Д. Головщиков, История г. Ярославля, Ярославль, 1889, стр. 130—132, 135—136, 137—139). Вскоре после того стали возводиться новые укрепления. В сметной книге г. Ярославля 7177 (1669) г. помещено описание новой крепости, построенной после пожара;

здесь подробно говорится о башнях, о стенах же, о протяжении и направлении их говорится очень мало, так как и тогда еще они не были доведены до конца. Ср. Н. Н. Оглоблин, „Обозрение историко-географических материалов XVII и нач. XVIII в., заключающихся в книгах разрядного приказа". („Описание документов и бумаг, хранящихся в Моск. Архиве мин. юстиции", кн. 4, М., 1884, стр. 192—193, 213—214).

[8] Собственно город лежал на правом берегу реки Вологды, а не Волги, как ошибочно, по созвучию их имен, пишет автор рукописи, и был обнесен отчасти каменною стеною, 329½ саж., постройка которой началась при Иване Грозном, в большей же части — деревянным острогом (А. Е. Мерцалов, Вологодская старина, Материалы для истории северной России, СПб., 1889 стр. 36; Н. В. Фалин, Вологодская крепость в XVII в., ее территория и описание укреплений, „Север", орган научного северного краеведения, 1924, № 1 (.), стр. 6—13; Н. Оглоблин, Обозрение истор.-геогр. материалов, стр. 34, приводит из сметной книги 174 г. описание разрушенной крепости Вологды).

[9] Лежавший на торговом пути из Архангельска в Москву, г. Вологда издавна привлекал к себе иностранных купцов. В своем очерке Вологды по писцовой книге 7135 г. (1627) А. Е. Мерцалов (Вологодская старина, стр. 63—64) пишет: „По писцовой книге значится в Вологде того времени 11 дворов «немецких торговых людей». Почти все дворы торговых иноземцев находились на посаде, в городе помещался один только двор, англичанина Карпа Демулина. Из находившихся на посаде два двора принадлежали голландцу Исааку Моту (Мерцалов думает, что это И. Масса, но это невероятно) и два же Фабину Ульянову (Виллимову); по одному двору имели: Андрей Бук, Иван Еремеев, Иван Выдрус, Елисей Ульянов, Роман Юрьев и Марк Дево-Гелярд с Юрьем Клинкиным..." Из представленных ими купчих видно, что „немцы покупали себе дома преимущественно у посадских людей и уже владели иными лет 40 и больше". В Вологде жили главным образом голландцы и англичане. Ср. В. Трапезников, Торговые сношения англичан с Россией через северный край в XVI—XVII вв., „Северный край", 1922; І. Е. Заозерская, Вологодский гость Г. М. Фетиев, „Записки историко-бытового отдела Гос. Русского музея", I, 1928, стр. 195, 205, 208 (иноземные купцы в Вологде). Патрик Гордон, описывающий путешествие свое в Вологду из Москвы (1694 г.), указывает, что в Вологде жило много иностранцев; он остановился в доме Андрея Римшнейдера; посетил: James Howtmann, Hrn Busch, Hn Lloyd и Hn Vouter Everts (Tagebuch des Generals Patrick Gordon, hrsg. Posselt. St. Petersburg, 1851, II, S. 447). В. Трапезников, Расцвет г. Вологды и завещание вологодского гостя Фетиева как памятник былой культуры. „Изв. Вологодск. общ изуч. Северн. края", Вологда, 1917, вып. IV, стр. 56—61.

[10] Ср. „Путешествие по Северу России в 1791 г. Дневник П. И. Челищева". Издано под наблюдением Л. Н. Майкова, СПб., 1886, стр. 187: „Камчигский ям, при устье впадающей в Сухону речки Камчиги" (почтовая станция и деревня того же названия): „из оного Камчигского яму и деревни на другую правую сторону через реку Сухону казенный перевоз, ибо лежащая от города Великого Устюга в уездный город Тотьму большая сухопутная дорога до сей станции и шла по левой стороне Сухоны, а отсель по правой, на которой стоит город Тотьма". У Челищева К а м ч и г а; а между тем в дневнике Патрика Гордона, ездившего в Вологду из Москвы (1694 г.) — „der Fluss K a m-

tschuga und ein Dorf gleichen Namens". (Tagebuch d. Generals Patrick Gordon, Bd. II, S. 451).

[11] Повидимому, это Кочинская слободка, в 28 в. от Брусеницкого яма на речке Кочинге, впадающей в Сухону.

[12] Городок Брусенец упоминается в Книге Большого Чертежа: „От Тотьмы Сухоною 60 верст град Брусенец" (ср. Е. К. Огородников, Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по Книге Большого Чертежа — Зап. И. Р. Г. Общ., по отд. этнографии, т. VII, СПб., 1877, стр. 174—175). Он существовал уже в начале XVII в., так как упоминается неоднократно в 1602 г. в отписках устюжан к вычегодцам как городок на Сухоне. Патрик Гордон (1694 г.) замечает: „Brusinetz (Brusinitza) ein Dorf, welches früher eine Stadt gewesen war... Bei diesem Brusi etz ist ein Fluss Brusyenka und eine alte Kirche mit einem alten Fort, alles auf der rechten Seite, 53 werst von Totma" (Tagebuch, Bd. II, S. 451).

[13] Повидимому, Бобровский ям и погост. Огородников (op. cit., стр. 174) замечает, что „Бобровский городок основан вероятно ок. 1627 г." На карте Опермана, XII, на речке Бобровке, впадающей в Сухону с правой стороны, показан погост Никольский, а при устье этой речки — Бобровский ям. По спискам этим указаниям соответствует Бобровский Николаевский погост, в 100 в. от Устюга, и село Бобровское, в 101 в. от города при р. Сухоне... Не без основания можно полагать, что городок этот находился... при слиянии Бобровки с Сухоной (Ж. М. Вн. Дел, 1832, II, 1844, Спис. нас. мест Волог. губ., № 10328). Вопрос решается указаниями Челищева (op. cit., стр. 181—182).

[14] У Патрика Гордона: „Dorf Koratina" (Bd. II, S. 452).

[15] В первой четверти XVII в. в г. Устюге по подсчету А. Е. Мерцалова (Устюг Великий в первой четверти XVII в., „Вологодский сборник", т. V, стр. 131—132, 151) было 772 жилых двора и 136 пустых дворовых мест. Число жителей Устюга в это время Мерцалов определяет приблизительно „до 3500 человек обоего пола и всякого возраста". В конце XVII в., по подсчету Н. И. Суворова в Устюге было тяглых дворов 865 и белых — 100. Жителей в это время было около 5000 чел. обоего пола („Устюг Великий в конце XVII стол." „Памятная книжка Вологодской губ. на 1864 г." стр. 42—44). „Город Устюг в прежние времена представлял из себя можно сказать кучу небольших деревянных зданий, построенных крайне тесно одно к другому, и поэтому являлся легкой добычей огня. Летопись Великоустюжская отмечает нередкие случаи больших пожаров в городе, истреблявших его в иной раз едва не целиком" (В. П. Шляпин, Из истории города Великого Устюга, Великий Устюг в XVII и нач. XVIII в., „Записки Северо-Двинского об-ва изучения местного края", вып. II, В. Устюг, 1925, стр. 15—16). В писцовой книге 1678—1683 гг. сказано про В. Устюг: „город был древяной рубленой, покрыт тесом, а ныне весь ветх и от реки Сухоны городовую стену рекою сметало; а от Петровской улицы городовая стена развалилась". Ср. Б. Дунаев. Город Устюг Великий, изд. 2-е, М., 1919 (Культурные сокровища России, вып. 15).

[16] В 30 верстах от Сольвычегодска Прилуцкий Никольский монастырь. Этот монастырь относился к числу монастырей черных, тяглових, ибо платил всякие государевы подати и гонял ямскую гоньбу под государеву казну. А. Лаппо-Данилевский, Организация прямого обложения в Московском государстве, Спб., 1890, стр. 64. Дневник П. И. Челищева (Ibid., стр. 158). „В

пяти верстах от Алексинской станции на правой стороне [р. Двины] погост Ветложенский. При оном погосте... начался Велико-Устюгский [уезд]. От Ветложенского погоста в пяти верстах на правой стороне — Прилуцкий Никольский муж. монастырь... За отдалением его от берега [Двины] я в нем не был и описать того не могу".

[17] По указанию источников, однако, город вовсе не был маленьким: Уже в 1602 г. в городе существовал подле каменного Благовещенского собора острог, описание которого мы находим в писцовой книге 1625 г. Вероятно уже к середине XVII в. эти укрепления разрушились; в писцовой книге 7133 (1625) г. сказано: „тех двух острогов и земляного вала ныне ничего по переписи не объявилось; около дворов именитых людей Строгановых был деревянный же острог и того острогу стоят две башни... гораздо ветхи и розвалились" (Б. И. Дунаев, Город Сольвычегодск. Историко-культурный „Баян", очерк, 1914, № 1—3 и отд. М., 1914, стр. 6). Поэтому ошибается В. А. Ешкилев (Г. Сольвычегодск и памятники былой его культуры, историко-культурный очерк, В. Устюг, 1926, стр. 10—12), который на основании написанной в 1789 г. „Истории г. Соли Вычегодской" А. И. Соскина пишет, что в XVII в. „город окружают высокие и крепкие деревянные стены". Может быть они выгорели? Так, в 1636 г. выгорела вся часть города, обнесенная новым острогом, в 1638 г. сгорело 250 домов, в 1656 г. — 320 и т. д. (ibid., стр. 16—17). И. И. Томский, Путеводитель по северу России, Сольвычегодск, 1920, стр. 141—164.

[18] „Кроме крупного солеварного промысла (у одного лишь Аники Строганова было здесь на западной стороне Солоники 10 варниц), в XVI—XVII вв. в Сольвычегодске процветало серебротканное, финифтяное, чеканное и черневое дело, медно-литейное, железо-кузнечное и т. д. Еще в 1705 г. Петр I дал указ Курбатову — воеводе Сольвычегодска — изготовить там и „срочно доставить в Смоленск в армию 300 тысяч ножей" (Ешкилев, op. cit., стр. 14—15). См. еще С. Коломинский, Торговля солью на Руси в 16—17 вв. и общее состояние соляных промыслов в указанный период времени, Университетские известия, 1912, № 12.

[19] Так, вероятно, надо понимать обозначение: Ziumken. Речь идет о комизырянской мере длины: чемкосах или чумкасах, которой пользовались и другие путешественники и которая сохранилась в некоторых местах этого края вплоть до настоящего времени. Исбрант Идес, проезжая мимо Сольвычегодска, также указывает на зырянскую меру определения расстояний чумкасами, определяя ее приблизительно в 7 верст; он пишет о земле зырян, что она велика, так как распространяется до Кайгорода, на 70 чомкас, „а чомкас составляет хорошую немецкую милю": „De Landstreek, die zy (Sireëner) bewoonen, is tamelyk groot, en strekt sich uit tot aan de Stad Kaigorod, of 70 sumkas, een sumkas nu is een groote Duitsche myl" (E. Isbrants Ides. Driejarige Reize naar China, t'Amsterdam, 1704, p. 4); (в русском переводе Исбранта sumkas переведено: чумкас. „Древняя Российская Вивлиофика", т. VIII, стр. 364); о чумкасах см. ст. В. П. Шляпина, Удора, „Богатства Севера", 1920, № 5, стр. 13—14, и его же: Из истории заселения нашего края, „Записки Северо-Двинского общества изучения местного края", вып. V, Великий Устюг, 1928, стр. 37; Е. Н. Косвинцев (Новые исторические документы о Кунгурском крае — „Материалы по изучению Камского Приуралья", вып. II, Пермь, 1930,

стр. 44) указывает, что в Пермском округе есть деревня Чумкасова, „что означает буквально: жилище (чум) самоеда (хасова)", и что „речка Чумкасна имеется на среднем Урале, в пределах Тагильского округа", замечая при этом: „В Прикамьи с древнейших времен счет пространству велся не на версты, а на чумкасы. Это отметили Герберштейн, Ремезов, описывавший Кунгурский уезд в начале XVIII века, и сибирский историограф Миллер, проезжавший через Пермский край в 40-х годах XVIII в."

[20] Вероятно имеется в виду погост Кибра (В. Шляпин, Из истории заселения нашего края, стр. 47); ср. С. А. Попов, Результаты работ по выявлению историч. документов о коми в Ленинграде и Москве, — в „Записках Об-ва изучения Коми-края", вып. 5, 1930, стр. 89—90, где указано описание погоста Кибра в писцовой книге нач. XVII в. (ркп. Публ. Библ., Q. IV, 369) л. 6 об.

[21] Вероятно — Палауз (В. Шляпин, стр. 43).

[22] Погост Ужга. См. выписки из писцовых и дозорных книг 7116 г. (1608) — у В. Шляпина, op. cit., стр. 48; „В начале XVII в. Яренский уезд включал в себя земли всего впоследствии Яренского уезда, затем из Устьсысольского у. всю местность по течению р. Сысолы, как-то: Кайгород, Ужгу, Палауз, Кибру" (ibid., стр. 43).

[23] М. б. Цидали?

[24] Кайгород в 1692 г., по отзыву проезжавшего мимо Исбранта Идеса был „хотя и небольшим, но хорошо укрепленным" городком на р. Каме. В одном документе конца XVII в. названы следующие расстояния: от Кайгорода до Верхотурья — 500 в., от Перми до Ужги — 450 в. и т. д. (Акты Арх. Эксп., II, 54, 71, 78, 82). Ср. Чож-мӧр, „Избраннедес о зырянах-сгренах" в журнале „Коми-му" 1928, № 1, стр. 35—39.

[25] В XVII в. г. Соликамск „был крупным торгово-промышленным городом, экономическое значение которого выходило за пределы Прикамья. Он жил разносторонней жизнью; торговой, промышленной, с.-хозяйственной и административной, не говоря уже о культурной" (С. Богословский. Г. Соликамск на рубеже XVI и XVII вв. „Пермский краеведч. сборник", вып. II, 1926, стр. 44—54; ср. Я. Шестаков, Исторический путеводитель по Соликамску, Соликамск, 1917).

[26] Д. Ф. Теплоухов (Пермяки и зыряне, „Пермский краеведческий сборник", вып. II, 1925, стр. 113—124), собравший большой материал о терминах „пермяки", „пермяне", „пермичи", указывает, что впервые слово „пермяки" упоминается уже в 1467 г. во время их похода на вогулич вместе с вятчанами (другие примеры: 1471, 1545, 1611 гг. и т. д.). Всюду, однако, здесь идет речь не о коми-пермяках в современном значении этого слова, а о коми-зырянах, которые сами называют себя „коми-войтыр", т. е. северные коми.

[27] Автор рукописи ехал в Сибирь так называемой „Бабиновской дорогой", проведенной в 1596 г. посадским человеком с. В.-Усолки Артемием Бабиновым, для сокращения расстояния между Москвой и Сибирью. Этот путь уменьшал путь между Москвой и Тюменью почти на 1000 верст и служил почти единственным сообщением между Европой и Азией в течение 200 лет до проведения в 1783 г. тракта из Перми через Кунгур на Екатеринбург. Длина Бабиновской дороги, между Соликамском и Верхотурьем, сквозь леса и горы Урала, — около 270 верст (см. исчисления Н. Чупина, Географическо-статистический словарь Пермской губ., Пермь, 1873, стр. 57, и А. Дмитриев,

„Пермская Старина", вып. II, Пермь, 1890, стр. 30—31; И. Я. Кривощеков, Указатель к карте Соликамского уезда Пермской губ., „Записки Уральского об-ва любителей естествознания", т. XVII, вып. 2, 1897, стр. 199—200). На первоначально пустынной и безлюдной дороге возникли сначала населенные только ямщиками соединительные звенья пути — „ямы" — Верх-Яйвинский, Чикман, Леончан, Верх-Косвинский и Ростес — на западном склоне Урала, и Павдинский и Караульский — на восточном; постепенно местности возле дороги стали заселяться разным людом (А. Луканин, Описание Соликамска, Пермь, 1882, стр. 124—127; Л. Каптерев, Заселение Тагильского края, „Материалы по изучению Тагильского округа", вып. 2, Тагил, 1928, стр. 6—7). Публикуемая нами рукопись дает наиболее подробное из всех изданных источников описание Бабиновской дороги.

[28] Повидимому, село Верх-Усолка на речке Усолке, левом притоке реки Камы. По пермской переписи 1623—1624 гг. в этой деревеньке было лишь три двора; поселение не увеличилось и в 1650 г. (И. Кривощеков, Указатель, стр. 207).

[29] Повидимому здесь имеется в виду Яйвинское село на реке Усолке вблизи его впадения в Яйву, имевшее небольшие укрепления. См. И. Кривощеков, Указатель, стр. 302. Впрочем, не идет ли речь о селе Верх-Яйвинском, важном населенном пункте на Бабиновской дороге, которое автор, как можно предположить, не описывает лишь потому, что он проехал мимо него поздней ночью? См. о нем И. Кривощеков, Указатель, стр. 210, А. Луканин, Описание Соликамска, Пермь, 1882 г., стр. 124—127; В. Н. Берх, Путешествие в Чердынь и Соликамск, СПб., 1821, стр. 257; А. Дмитриев, „Пермская Старина", вып. I, стр. 94—95; вып. II, 64—66; вып. IV, стр. 82.

[30] Река Яйва, левый приток р. Камы, берущий начало на отрогах Уральского хребта.

[31] Река Чикман — левый приток р. Яйвы — „берет начало южнее Верх-Косьвинского камня, верстах в 6 на юго-запад от деревни Верх-Косьвы, имеет длину течения до 42 верст и впадает в Яйву в 6 верстах ниже устья р. Кади. Русло ее извилисто, она имеет крутые повороты и утесистые берега" (И. Кривощеков, Указатель, стр. 297—298).

[32] Село Верх-Косьвинское (Кривощеков, стр. 207).

[33] Повидимому, это так называемый „Верх-Косьвинский камень". И. Кривощеков (Указатель, стр. 208) описывает его так: „находится в Ростесской волости, по левую сторону Бабиновской дороги, между деревнями Молчаном и Верх-Косьвой. Имеет значительную высоту, покрыт лесом до самой вершины".

[34] Повидимому, автор рукописи знал о разнице между чернобурой и черноперевой лисицами и вообще несколько разбирался в сложной терминологии пушного дела; слово Creutzfüchse я предположительно перевожу „крестоватики", как назывались молодые песцы, у которых „пересечение верхней поперечной полосы со спинной резко очерчивается и имеет форму креста . . .; в таком виде песцы бывают весь сентябрь и до октября" (А. Дунин-Горкавич, Тобольский Север, СПб., 1904, т. I, стр. 157; Н. Н. Оглоблин, Обозрение столбцов и книг сибирского приказа, ч. I, М., 1895, стр. 9).

[35] Повидимому, деревня Кырья на речке Кырье (левом притоке Косьвы), также упоминаемой автором рукописи (И. Я. Кривощеков, Указатель, стр. 246).

[36] Река Ляля — приток Сосвы.

[37] Лялинский караул, позднее село Караульное.

[38] Город Верхотурье выстроен воеводой С. Шестаковым в 1598 г.; при постройке города правительство преследовало цели не только экономические, обусловленные его существованием на транзитной Бабиновской дороге, но и политическую — создать в новом крае неприступную крепость „для береженья от калмыцких и иных орд". С. Шестаков так описывает городище Неромкарское, избранное им для постройки города: „от реки от Туры по берегу крутово камени горы от воды вверх высотою сажен с 12 и болши, а саженями не меряно, а та гора крута угес, и того места по Туре по реке по самому берегу 60 сажен болших;... место то добре крепко, никоторыми делы взлести не можно". На этом неприступном угесе сначала был устроен только один город со стенами, длиною в 250 сажен, а уж затем и посад, находившийся вне городских стен, обнесен был острогом стоячим „по мере печатных 630 саж. да 8 башен". „Весьма характерно то обстоятельство", замечает Вл. Трапезников (Очерк истории Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощения XV—XVII вв., „Изв. Арханг. общ. изуч. Русск. Севера", 1911, № 17, стр. 443—444), „что в противоположность другим городам, Верхотурье в первое время не имело ни посада, ни острога. Это говорит о том, что ему придавалось исключительно стратегическое значение, и что первое его население принадлежало к числу исключительно служилых людей и духовенства". Говоря, что верхотурская крепость „выстроена против башкиров", автор рукописи не ошибался. „Распространяя свои поселения по Верхотурскому уезду и двигаясь с севера на юг, правительство с каждым годом становилось ближе к тем землям, которые принадлежали башкирам, и, вместе с тем, принуждено было почувствовать близость тех «орд», «береженье» от которых являлось вопросом политической необходимости". „Правительство не ошиблось, населяя и укрепляя этот край. В недалеком будущем события показали, какие опасные для Москвы элементы таились в этом крае и какое опасное соседство представляла «башкирда», ко владениям которой вплотную подошли русские в XVII веке" (В. Трапезников, op. cit., стр. 457—459). См. еще В. С. Баранов, Древний Кремль г. Верхотурья, Свято-Троицкий собор и часовня. Нижний-Новгород, 1908.

В Тобольском Городском музее хранится опись Верхотурского города и уезда Г. Черткова и А. Бернацкого 1665 г. (т. е. как раз того года, к какому относится путешествие). Извлечения из этой рукописи (только по г. Верхотурью) впервые напечатаны А. Дмитриевым в „Пермской старине", вып. VII, Верхотурский край в XVII в., Пермь, 1897, стр. 97—98, 186—190. Эта перепись начинается перечислением 33 дворов оброчных крестьян, живших по Усольской, т. е. Бабиновской, дороге от Верхотурья до Соликамска, в упоминаемом и автором немецкой рукописи селе Ростес и на реках Кырье и Косьве. Всех дворов разных категорий в Верхотурском уезде по переписи 1666 г. насчитывается 1040, и сверх того в г. Верхотурье 196 дворов, — всего 1236 дворов.

[39] „Верхотурье имело в XVII в. большое значение, как город, стоявший на рубеже Европейской и Азиатской России. Только через него должны были проезжать служилые, промышленники и купцы, а все окольные дороги были строго запрещаемы. Поэтому через этот город шли все западно-европейские товары, персидские, бухарские, китайские и русские, восточно-европейские и сибирские" (Б. Курц, Город Верхотурье в XVII веке, „Юбилейный сборник Киев-

ского Историко-этнографического кружка", Киев, 1914, стр. 327—336). „Верхотурье, по своему положению на правительственном тракте, — замечает С. В. Бахрушин, — являлось как бы воротами в Сибирь, le Havre de la Siberie, как оно названо в французском переводе сочинения Адама Бранда. Здесь была устроена таможня, через которую должны были, по крайней мере в теории, проходить все проезжавшие камским путем за Урал". „Движение через Верхотурскую заставу было очень значительное. Во-первых, через нее шли все правительственные сношения с Сибирью: ездили воеводы, отправлявшиеся на место своей службы в сибирские города, провозился хлеб для сибирских гарнизонов, гнали гонцы с отписками...; наряду с проездом чиновных лиц, через Верхотурье тянулись в Сибирь обозы с русскими товарами и проходило большое число торговых и промышленных людей" (Очерки по истории колонизации Сибири, М., 1928, стр. 104—105). „Правительство из фискальных соображений стремилось направить все движение за Урал через Верхотурскую заставу, «потому что из Сибири и в Сибирь многим дорогам быть непристойно», и энергично боролось с образованием новых дорог «мимо Верхотурье», приказывая всякий раз такую вновь открывшуюся дорогу «засечь накрепко, чтоб отнюдь конным людям проезду, а пешим проходу не было»" (op. cit., стр. 107). Отправляясь из Верхотурья внутрь Сибири, проезжающие как по казенной, так и по частной надобности должны были иметь установленные подорожные, которые представлялись ими в воеводских канцеляриях.

[40] Салдинская слобода („Погост Салдинской") на устье реки Салды, правого притока р. Тагила. В „Списке с чертежа Сибирские земли": „А от Туринской слободы до Туринского острогу 60 верст. А от Туринского острогу до Благовещенской слободы 40 верст, а та слобода стоит от Туры реки за 5 верст на ключах. А от Благовещенской слободы до Тагильской слободы 120 верст: А та же слобода стоит на Усть Тагилы реки. А от Тагильской слободы по Туре реке до Салдинской слободы 40 верст: а та слобода стоит на усть Салды реки. А от Салдинской слободы до Верхотурья 20 верст" (См. А. Титов, Сибирь в XVII веке, М., 1890, стр. 42).

[41] Так первоначально назывался г. Туринск. В одном из „Хронографов" в статье „О Сибирском царстве" сказано:"... Туринской остров, его же зовут Епанчино по сей вине. В прежния времена тут жил вогульской князек, именем Епанча..." (А. Попов, Изборник славянских и русских сочинений, М., 1869, стр. 402). В книге Витсена „Северная и Восточная Татария" (1692) среди видов сибирских городов есть и изображение „Turynskoy of Japanczyn", а в самом тексте книги Витсен несколько раз называет этот город „Turinsko anders Japansin of Japanzin". См. мою книгу: „Сибирь в известиях западноевропейских писателей и путешественников", т. I, Ирк., 1932, стр. 253 – 264 и 362.

[42] Не имеет ли автор в виду реку Ницу? Слова Усть-Ницынская слобода („А от Тюмени до Усть-Ницынской слободы вверх по Туре сухим путем 60 верст...") или просто Усть-Ница он мог принять за название реки.

[43] Как и все сибирские города, старинная Тюмень расположилась на высоком месте, образованном слиянием двух рек Туры и Тюмени. Первое известие о построении „городового острога" относится то к 1586, то к 1593 г. Характеристику и историю укреплений Тюмени см. в книге: Тюмень в XVII столетии, изд. А. И. Чукмалдиной, М., 1903, стр. 143—145, в статье П. М. Головачева „Состав населения и экономический быт Тюмени в XVII ст."

Город был обнесен стенами с 6 глухими и двумя „проезжими" двухъярусными башнями. „Высота стен — 2 сажени. Кровли башен были очень высоки и круты. В городе были две церкви... съезжая изба, 2 караульных избы у «проезжих башен», подле ворот, 10 торговых житниц; амбар соляной, амбар денежный, амбар с «погребом, с торговым питьем», окруженная тыном тюрьма — врытая в землю изба, двор воеводский, двор, принадлежавший архиепископу, и еще 7 дворов"... „С одной стороны город омывала Тура, с двух других Тюменка, а с четвертой, со стороны посада, шел ров в $1^1/_2$ сажени шириной. Ниже «города» был расположен «острог» (посад), — также окруженный стенами: одна шла от города вверх по Тюменке, а потом от Тюменки до Туры". „В 1653 г. воевода Веригин писал в Москву, что башни и стены, построенные Барятинским, весеннею водою подмыло, гора осыпалась... В 1663 г. получилось приказание приступить к исправлению Тюменских укреплений, отнести стены и башни от Туры и Тюменки, укрепить берега тарасами, вычистить ров за острогом". В 1667 году сгорело 202 сажени острога и угловая башня, „а вновь острога не ставлено: осыпи учинились". Ср. в моей книге: „Сибирь" и т. д., т. I, стр. 312.

[44] Ср. настоящее описание с материалами, опубликованными в книге: „Тобольск. Материалы для истории города XVII—XVIII ст.", М., 1885, и мою книгу „Сибирь" и т. д., т. I, стр. 341: „Тобольск в это время был административным и церковным центром, городом, в котором находилось главное управление краем: в нем жили главные сибирские воеводы, от коих находились в известной зависимости воеводы других сибирских городов и в нем же пребывали тобольские и сибирские архиепископы, впоследствии митрополиты". К 60-м годам XVII века Тобольск, построенный в 1587 г., вырос в довольно значительный город, с большим и разнообразным населением (С. А. Белокуров, Юрий Крижанич в России, М., 1906, гл. IV, стр. 108—158; П. Бупинский, Заселение Сибири и быт ее первых насельников, Харьк., 1889, стр. 103—110).

[45] В 1666 г. воеводами тобольскими были кн. Алексей Андр. Голицын, стольник Григ. Федор. Бутурлин, дьяками Ив. Бор. Черняев и Степан Ник. Елчаков, „а другому велено быть старику Кириллу Дохтурову" (К. Б. Газенвинкель, Систематический перечень воевод, дьяков, письменных голов и подъячих с приписью в сибирских городах" и т. д. Приложение к „Календарю Тобольской губернии на 1893 г.", Тобольск, 1892; И. Тыжнов, Заметки о городских летописях Сибири, СПб., 1898, стр. 80—82). С 21 мая 1667 г. их заменили воеводы Петр. Ив. Годунов и кн. Фед. Фед. Бельский, дьяки Г. Г. Жданов и М. О. Посников.

[46] Царь Алексей Михайлович, как известно, был страстным охотником. В Семеновской и Коломенской сокольнях собрано было около 3000 птиц, для прокормления которых содержалась голубятня в 100 000 штук. „Чтобы понять всю колоссальность цифры ловчих хищников, — пишет М. И. Смирнов (Переславские сокольи помытчики, Владимир, 1912, стр. 26—27), нужно иметь в виду, что в неволе, даже и при самом лучшем уходе, птицы живут не более двух-трех лет или прямо умирают, многие от перемены климата. Следовательно, чтобы поддерживать постоянно на такой высоте сокольню, требовалось ежегодно громадное число птиц. Оно еще более увеличивалось частыми посылками редкостных птиц в разные страны: Турцию, Персию, Крым, Англию, Данию, Польшу и т. д." Значительная ежегодная убыль ловчих птиц

восполнялась особыми экспедициями, в которых ездили царские помытчики (помытчик или помычник — ловец соколов и их дрессировщик), иногда в отдаленные северные края. Регулярно помытчики отправлялись и в Сибирь. „За ними (соколами. *М. А.*) охотятся особо наряженные татары,— рассказывает Ю. Крижанич, — всю добычу их летней охоты воевода зимою распределяет между охотниками и дает каждому особую повозку; в нее садится охотник со своей птицей и отправляется в Москву. Часть привезенных птиц царь удерживает у себя, часть в виде подарка обыкновенно отсылает персидскому шаху (а также турецкому султану, крымскому хану, временами и королям польским), которым и принимаются они с изъявлениями благодарности" (см. А. Титов, Сибирь в XVII веке, М., 1890, стр. 173).

47 Архиепископом Тобольским был в 1666 г. поставленный в 1664 г. архимандрит новгородского Хутынского монастыря Корнилий, прибывший в Тобольск в феврале 1665 г. В январе 1668 г. он выехал в Москву для посвящения в митрополиты, и возвратился в Тобольск 20 декабря 1668 г. Это обстоятельство дает некоторое право заключить, что рукопись, где определенно говорится о митрополите, а не об архиепископе, была написана или отредактирована не ранее 1668 г.

48 Кучумово городище находилось в 16 верстах от Тобольска, вверх по Иртышу. См. Вас. Пигнатти, Искер (Кучумово городище). „Ежегодник Тобольского губ. музея", вып. XXV (1915), стр. 1—36.

49 Трудно сказать, о каких развалинах говорит автор, так как уже в XVIII в. большинство из них не существовало. Миллер, описывая руины старого Искера, замечал, что „на некоторых местах валы и рвы за многопрошедшим временем так заросли, что ныне мало их видно". „От дворов или от другого какого строения никаких следов более не видно, как только, что по разным местам от неровности земли рассудить можно, что какое нибудь строение там находилось. Дворы, по обыкновению сибирских татар, построены были либо деревянные, либо, по бухарскому обыкновению, из нежженных кирпичей, потому что с того времени вовсе пропали". „В последние времена окольные российские жители, ищущии закопанных в землю пожитков, везде глубокие ямы копали и некоторые недаром трудились" (Описание Сибирского царства, изд. 2-е, СПб, 1787, стр. 108—109; Samml. Russ. Gesch., VI, S. 294—296; ср. В. Радлов, Сибирские древности, т. I, вып. 3, стр. 111).

50 Может быть Ишим, младший сын Кучума или царевич Кучюк?

51 По словам боярского сына Гаврилы Артемьева, в бытность его в 1601 г. в посольстве к Кучумовым детям, в Каратабынскую башкирскую волость „пришли двадцать семей башкирцев с женами и детьми, а бывали де они преж сего тое ж Каратабынские волости, есашные же башкиры были с Кучумом" („Русск. Ист. Библ.", II, стр. 24). „Участие Табынских волостей в борьбе Кучума и его детей с русскими,— говорит Н. Катанаев („Записки Западно-Сибирского отд. Русск. геогр. общ.", т. XIV, 1893, стр. 54—55), показывает, что и в начале XVII в. башкирцы еще не вполне освободились от владычества даже павших сибирских ханов. Даже в 1623 г., как видно из показаний одного служилого татарина, младший сын Кучума царя, Ишим, кочевавший на р. Уй, ходил в Уфимские волости — «старых своих людей Табынцев сыскивати». В 1666 г. все еще продолжался так наз. „башкирский бунт", начавшийся еще в 1662 г. на обширном пространстве, по обеим сторонам Урала, и оконча-

тельно подавленный только к 1668 г. (Шишонко, Пермская летопись, III, стр. 677—720; 737—738, 775—784; ср. „Кунгурско-Красноуфимский край", 1925 г., № 4—5, стр. 11—12); разорению подверглись некоторые местности Приуралья и Западной Сибири; для своих набегов башкиры выбирали, — как это отмечает и автор нашей рукописи, — время окончания летних земледельческих работ: „татаровя уфимские и пышминские и япанчинские, и верхотурские ясачные вогуличи руку подавали царевичам и хотят итти войною на все слободы, как крестьяне хлеб пожнут и складут". В 1668 г. „бунт" утих, чтобы вновь вспыхнуть в 1676 г. и беспрерывно тянуться до 1681 г. („Известия Арханг. об-ва изуч. Русск. Севера", 1911, № 21, стр. 759—761).

[52] Торговля Западной Сибири с Средней Азией завязалась уже в 70-е годы XVI в. „По словам Миллера и Словцова, уже издавна русские караваны «досчаников» ходили вверх по Иртышу, а «бухарские» верблюжьи караваны направлялись через Киргизские степи в Европейскую Россию к Астрахани Самаре и т. д. Иртыш тогда служил большой торговой дорогой для «бухарских» купцов, ведших меновую торговлю среднеазиатскими тканями... хлебом, сухими фруктами с тобольскими татарами и даже обдорскими остяками, у которых выменивали пушнину... Насколько важна была для Сибири торговля бухарцев, показывает челобитная сибиряков (Собр. Гос. Грам. и Договоров, II, 129), где они просят, как милости, чтобы к ним приходили из Бухарии с товарами" (А. В. Панков. „К истории торговли Средней Азии с Россией XVI—XVII вв." в сборнике „В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели". Ташкент, 1927, стр. 20—47). Дипломатические сношения с Бухарой, Балхой в Хивой, начавшиеся в Москве с середины XVI в., несколько раз прерывались, но как раз в 60-х годах XVII в. вопрос об урегулировании торговых сношений между Москвой и средне-азиатскими ханствами получил новую остроту благодаря приезду в 1666 г. посла из Хивы и ответной посылки туда Алексеем Михайловичем своего представителя (Н. И. Веселовский, Посольство в Хиву Ивана Матвеева Федотова 1669—1670, „Туркестанск. Ведом.", 1882, № 20); тогда же (1669 г.) бухарскому послу в Москве дана была грамота с разрешением бухарским купцам продавать свои товары на деньги или менять на русские товары в порубежных городах (С. В. Жуковский, Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие, М., 1915, „Труды Общества Русских Ориенталистов", № 2, стр. 27, 28, 32—33). Отсутствие государственных договоров и регламентаций, повидимому, однако мало стесняло торговлю „бухарцев" с Западной Сибирью. Еще в Строгановской летописи (1574 г.) сказано, что царь разрешил строить крепости на Тоболе, Иртыше и Оби, причем предусматривается возможность торговли там с бухарцами, калмыками и т. д. (Сибирские летописи, изд. Археогр. комиссии, СПб., 1907, стр. 7). В „Наблюдениях Вильяма Гурдона о зимовке в Пустозерске в 1614 и 1615 гг." сказано, что „русские каждогодно торгуют с купцами бухарскими в городе, называемом Тюмень в Татарии, куда эти бухарцы каждый год приходят на верблюдах" (Purchas, His pilgrimes, III, p. 556). Если, таким образом, бухарские купцы фигурируют уже в раннем периоде сибирской истории (отметим также, что при начале завоевания Сибири упоминаются бухарские караваны, производившие торговлю с русскими около озера Ямыша, см. Г. Н. Потанин, О караванной торговле в Джунгарской Бухарии, „Чтения в Общ. ист. древн.", 1866 г., кн. II, стр. 37), неудивительно, что эта

торговля ширилась и крепла в первой половине XVII в. В это время многие из бухарцев поселились кроме Тобольска также в Тюменском и Тарском уездах и кроме торговли пытались заниматься даже скупкой земель у русских людей и у служилых и у ясачных татар, что вызывало соответственные запрещения (Н. Н. Оглоблин, Обозрение столбцов и книг сибирского приказа, ч. I, М., 1895, стр. 64—65; „Объяснительная записка к этнографической карте Сибири", — Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР, 17, Лгр., 1929, стр. 50). В руках „бухарцев" (которыми называли также узбекских, таджикских и других средне-азиатских купцов) сосредоточилась вся торговля Сибири с Средней Азией, но они играли также роль торговых посредников между Сибирью и Китаем. Б. Г. Курц (Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII ст., Харьков, 1929, стр. 10—11), впрочем, отмечает, что китайские товары в это время в Сибири были все же редкостью. „О том, что эти товары были в сибирских городах, — у нас имеются документальные данные. В Енисейской „Товарной ценовой росписи" 157 г. (1649 г.) упоминаются „китайские и бухарские всякие локотные товары": бархаты, атласы, камки, китайки, выбойки и пр. (Оглоблин, Обозрение, ч. II, стр. 121). В половине XVII в. среди товаров г. Томска, на ряду с бухарскими, калмыцкими, английскими и иными иностранными товарами, находилась и камка — „китайка". „Это результат [бухарской] посреднической торговли, но размеры ее были настолько незначительны, что, например, в 1652 г. в Томск было привезено всего 20 аршин, а в следующем году — 7 кусков". (Г. Н. Потанин, Привоз и вывоз товаров г. Томска в половине XVII ст., „Вестник Географ. Об-ва", т. XXVII, отд. II).

Характеристику тобольских бухарцев, которую дает автор печатаемой рукописи, интересно сопоставить с теми, какие оставили нам Юрий Крижанич и Исбрант Идес. Крижанич пишет около того же времени, как и автор нашей рукописи: „Тобольский воевода ежегодно посылает караван... вверх по Иртышу в Калмыцкую землю к соляному озеру, ближайшему к той реке. Хотя и бухарские купцы занимаются такою же торговлею, но в том месте оной не производят, а отправляются в Тобольск со своими товарами на караване москвитян. Бухарцы суть народ не столь варварский, как татары, однако же говорят наречием скифским и держатся магометанского исповедания. Они высоки ростом и пригожи лицом. Войнами, грабежами и разбоями не занимаются, а привержены к земледелию и торговле, живут в каменных городах и имеют своего царя. Поелику же они не слишком воинственны, то принуждены бывают платить калмыкам дань, чтобы избавиться от притеснения их. Купцы их часто ездят в Китай и оттуда привозят зимой на верблюдах, а летом (как уже сказано) на судах свои товары, как-то хлопчато-бумажные разноцветные ткани, которые москвитяне называют китайками. Они привозят также корицу, но красную и низкого сорта и некоторый род зелья, называемого бадьян, которое в Сибири стало известно за несколько лет перед тем" (Повествование о Сибири, Латинская рукопись XVII ст., изданная с росс. переводом и примечаниями Григ. Спасским, СПб., 1822, стр. 17—18). Исбранг Идес, посетивший Тобольск в 1692 г., описывает „церемонию" богослужения бухарцев в мечети (E. Isbrants Ides, Driejarige Reize naar China... t'Amsterdam, 1704, p. 15—16; „Древняя Росс. Вивлиофика", т. VIII, стр. 380).

[53] Китайка, зендень, киндяк — различные названия тканей. Название „китайки" автор рукописи объясняет вполне правильно; зендень — шелковая ткань, название которой происходит, однако, не из немецкого языка (как думал Дювернуа. Материалы для словаря древне-русск. яз., М., 1894, стр. 63), а из восточных (И. Срезневский, Материалы для словаря древне-русск. яз., СПб., 1893, стр. 977); термин ciniach я предположительно перевожу киндяк, как у нас называлась восточная бумажная ткань (В. Клейн, Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII века и их терминология, „Сборник Оружейной палаты", М., 1925, стр. 69; Гос. Истории. музей. Путеводитель по выставке тканей VII—XIX вв. в собраниях Музея, М., 1926, стр. 22—23).

[54] У Кильбургера (1674 г.) находим следующее объяснение: „бадьян... есть растение такое большое, как половина рейхсталера, и имеет вокруг 6 игол, подобно звезде. Он имеет запах, вкус и свойство как анис, но гораздо сильнее и крепительнее и привозится, как и чай, сибирскими купцами зимой в Москву и продается за четверть рубля" (Б. Г. Курц, Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича, Киев, 1915, стр. 113—114). По объяснениям Б. Курца (ibid.; стр. 311) „большие сероватые отрубки дерева бадьяна" употреблялись в XVII в. „в наклейную и токарную работу, бадьяновые же семена давали масло, укрепляли и слабили желудок". По свидетельству Страленберга (Hist. der Reisen, S. 321) „бадьян или Anisum stellatum" русские караваны в большом количестве вывозят из Китая в Сибирь, а оттуда в Москву". У монголов бадьян употреблялся в качестве чайного суррогата (P. Pallas, Nachrichten über die mongolische Völkerschaften, Bd. I, S. 181; G. Gomboiew, Sechzig burjatische Rätzel, „Mélanges Russes", t. III, 1856, S. 286). Наконец, Ю. Крижанич („Повествование о Сибири", СПб., 1822, стр. 19) пишет, что бухарцы привозят в Тобольск на ряду с другими китайскими товарами „некоторый род зелья, называемого бадьян, которое в Сибири стало известно за несколько лет перед тем. Москвитяне ни к чему его более не употребляют, как только рассиропливают им водку, которая от того делается сладкою, как будто подслащена сахаром. Некто из любопытных старался испытать оное подробнее, и утверждает, что бадьян, по мнению его, годен к употреблению в питье больным (вместо обыкновенного взвара). Ибо уверял, что оной имеет силу развеселять".

[55] Город Тара.

[56] Та же ошибка на последней странице издаваемой рукописи: название „Мангазея" автор, повидимому, этимологизировал от немецк. See — море, но из следующей строки выходит, что под „Мангазеей" разумеется река. В указанном месте рукописи также сказано, что Мангазея „впадает" в Вайгач. Об источниках этой ошибки см. в моей книге „Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей", т. I, Ирк., 1932, стр. 159, 213, 226.

[57] Даурией в XVII в. назывался Верхне-амурский край (А. Шренк, Об инородцах Амурского края, СПб., 1883, т. I, стр. 163). О городе Даурском упоминают и другие иностранцы. Так, например, о „des Czaren Statt Daür" говорится в заметках о Сибири Альбрехта Доббина (1673 г.). „Есть в Сибири еще одна большая река, Даурская (Daursky), — пишет он, — при которой находится город Даурск (Daür), названный по ее имени; эта река течет до самого Китая и названный город является последним в Сибири; в нем дважды в год родится хлеб, в нем есть различных сортов фрукты, вино и тому

подобные вещи" (Ioh. Arnold Brand, Reisen durch die Marck Brandenburg, Preussen, Churland etc., hrsg. durch Chr. v. Hennin, Wesel, 1702, S. 298). Издатель рукописи Доббина, Хр. Хэннин замечает по поводу этого места (Ibid., S. 444), что речь здесь идет, повидимому, о „карауле Даурском" (Karaul Daurskoy oder die Daurische Wacht-Statt). Однако не имеется ли здесь в виду Албазин? „Первым острогом даурским" считался также и Нерчинск.

58 Термин „калмыки" применялся у нас в XVII в. ко всем ойратским племенам вообще, к собственно калмыкам, но также к ойратам Джунгарии и Сибири, которые здесь и имеются в виду (В. Л. Котвич, Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. Изв. Росс. Акад. Наук, 1919, т. XIII, стр. 1209; ср. И. Я. Словцов, К политике Сибирских воевод по отношению к соседним калмыкам. Ежегодник Тобольского губ. музея", вып. 7, 1897 г.).

59 Об устройстве калмыцкой кибитки, невысокой цилиндрической стенки с конусообразным покрытием см. В. В. Суслов, Очерки по истории древнерусского зодчества, СПб., 1889, стр. 61—62 (в статье: „Заметки о калмыцких и древне-русских постройках"); Ежегодник Астраханского краевого музея. Каталог музея этнографическ. отдела Калмыки, Астрахань, 1928 г., стр. 29—30.

60 Автор описывает здесь четки (эркин) и „бичхан-оркимджи" — длинные красные ленты, носившиеся калмыцким духовенством через плечо (ср. Н. Нефедьев, Подробные сведения о волжских калмыках, СПб., 1834, стр. 165, 168).

61 Весь этот рассказ о Далай-Ламе тем более интересен, что, как выясняется из последующего, он представляет собою запись расспросов „калмыцкого священника", с которым автор беседовал в Тобольске.

62 Таков был, действительно, один из шести родов калмыцких погребений. Что же касается сожжения, о котором говорится дальше, то последний обряд принадлежал „исключительно одним знатным владельцам и верховным жрецам, т. е. ламам. Сожжение, как сказывали мне очевидцы, совершается самым торжественным образом... Труп превращается в пепел. Из сего пепла, смешанного с глиною, делаются маленькие цилиндрики, называемые цяця; они ставятся в хурулах и в сооружаемых на местах сожжения из глины с кирпичом памятниках, которые носят тоже название цяця, и в продолжение существования служат предметом общего уважения калмыков" (Н. Нефедьев, op. cit., стр. 201—202).

63 „Арька" — водка, крепостью до 16—18°, приготовляемая из кумыса, но без ячменя.

64 „Чикисын-махан" — колбасы из говядины, баранины и конского мяса. О других калмыцких кушаньях „борцо" — сушеном мясе, разрезанном на тонкие ленты и сохраняемом в толстых мешках из верблюжьей шерсти, мясном бульоне („шулюм") и т. д., см. И. А. Житецкий, Сборник Трудов членов Петровск. общ. исследователей Астраханского края, Астр., 1892, стр. 187—197, 201—202.

65 Одежда остяков, вероятно, описана автором не вполне точно: остяки носили так наз. чижи, чулки из оленьих мягких кож, длиною до колена, которые надевались шерстью к телу: сверх чижей, однако, надевались сапоги из оленьей кожи выше колена (пимы). Ф. Белявский, Поездка к Ледовитому морю, М., 1833, стр. 254. Г. Старцев, Остяки, Л., 1930, стр. 29—30.

66 Вероятно, татарские племена в окрестностях г. Кунгура.

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ХОЛОПСТВА В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В XVII в.

Вопрос о холопстве или, по терминологии некоторых исследователей, „рабстве“ является одним из наиболее интересных и вместе с тем одним из наименее разработанных вопросов в истории Сибири XVII в.

Прежде всего опубликовано еще недостаточно документального материала. Небольшой актовый материал, интересный для этой проблемы, разбросанный в „Дополнениях к Актам Историческим“ и в „Актах, относящихся до юридического быта древней России“, случаен и никак не может претендовать на полноту с точки зрения отображения различных сторон данной проблемы. Незначительно и количество исследовательских работ. Число их, собственно говоря, можно свести к двум — старой работе С. С. Шашкова „Рабство в Сибири“ (1872 г.) и более свежей, но все же дореволюционной статье А. В. Пруссак „Заметки о несвободном населении Восточной Сибири во второй половине XVII в.“ (1916 г.).

Публикуемое ниже сыскное дело о холопах бывшего якутского воеводы кн. Ив. Голенищева-Кутузова, извлеченное из фонда Якутской воеводской избы Ленинградского отделения Института истории Академии Наук СССР,[1] дает любопытный материал по интересующему нас вопросу. Возникнув по челобитью якутки Нетегей Отогоевой о возвращении ей дочери, проданной „без ее ведома, тайным обычаем“, сыск разросся и превратился в следственное дело о холопах из местного туземного населения во „дворе“ сыновей бывшего якутского воеводы.

Сыскное дело, помимо бытовых деталей, хорошо рисует нам источники холопства местного туземного населения (купля-продажа, погром, мена и т. д.), роль служилых людей и толмачей, как поставщиков холопов воеводам, преемственность

[1] Карт. 203, стб. 8, ст. 26—65.

холопьих воеводских дворов (Лодыженский при перемене его Голенищевым-Кутузовым отдает последнему частично своих холопов), вывоз холопов „на Русь“ и бегство последних с дороги.

Юридических документов в деле нет за исключением одной закладной, имеющей специфический интерес. Закладная составлена на подставных лиц и оформляет заклад, в действительности не имевший места. При помощи таких фиктивных документов воеводы юридически оформляли своих холопов, не имея права сами по законодательству того времени держать холопов из среды туземного населения.

Дело вскрывает далеко не весь холопский состав двора воеводы. Сыск велся только о холопах — туземцах и холопы — русские в целом остались вне поля зрения сыска. Перед нами проходит лишь только один такой холоп, бывший „гулящий человек“, пожененный Голенищевым-Кутузовым на новокрещенке-холопке и в силу этого имевший отношение к сыску.

Н. Степанов

1667 г. сентября 10 — ноября 4. Сыскное дело о холопах бывшего якутского воеводы кн. Ив. Голенищева-Кутузова.

I.— 176-го сентября в 10 день била челом великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу [т] Мегинские волости ясачного мужика Тюмюка Сабыдарова жена Нетегей Отогоева дочь словесно, а в словесном своем челобитье сказала: был де у ней Нитегия первый муж безъясачной Тюляк Бабаков, бедной человек, и как де он, Тюляк, умер и после де ево смерти осталася дочь ее Бычикай и она де, Нитеги, пошла жить з дочерью своею Бычикаем той же Мегинские волости к деверю своему ясачные волости Чирпану Бабакову и жила де она у того деверя одно лето, и тот де деверь тое ее дочь продал без ее ведома, тайным обычаем, не спрося ее, Нитеги, городовому толмачю Куске Габышеву, а взял де он, деверь, за ее дочь у него, Кузьки, одну корову, а больши де того он, деверь, за ее дочь у него, Кузьки, живота не имывал, а толмач де Кузька Габышев отдал тое ее дочь стольнику и воеводе Ивану Голенищеву Кутузову с приезду, как он Иван в Якутцкой острог приехал, и та де ее дочь все жила и по се число у Ивана Голенищева, а бить де челом она великому государю о той девке Ивану Голенищеву не смела, потому что де та ее дочь жила по се число во дворе у него же, Ивана Голенищева Кутузова, а ныне де та дочь ее окрещена, а во крещенье имя ей Анютка.

Толмачил у сего дела Ондрюшка Кривой; пристав Ивашко Заплетаев. И тот пристав по ту девку и[з] съезжие избы к нему Михайлу послан и велена у него та девка з двора ево взять и привести в съезжею избу к роспросу.

На обороте: По сей записке толмачил Ондрюшка Семенов. За бабу за Нетегея и руку приложил.

II.—И та девка Анютка Левонтьева дочь сказала, что де она, Анютка, ясачного отца дочь Мегинские волости, а как де ево

звали, того де она не упомнит, и отец де у ней умер и после де отца ее смерти родник той же Мегинские волости Чирпан продал городскому толмачю Кузьке Габышеву, а взял корову одну, а больши де того он за нее ничего не имывал, а Кузька де отдал ли или продал стольника и воеводы Ивана Федоровича Большево Голенищева Кутузова боярыне ево Федоре Лаврентьевне того де она не ведает, только де она во дворе у ней живет ныне тому восмь лет.

А городовой толмачь Кузька Габышев сказал, что де дядье ее, Анюткины, Чирпан да Турчак продали ее, Анютку, ему, Кузьке, тому ныне лет з десяток, а дал де он, Кузька, за нее им две коровы стелные, а те де иноземцы Чирпан да Турчак люди ясачные.

И по приказу окольничего и воеводы князь Ивана Петровича Борятинского та девка и[з] съезжие избы Михайлу Голенищеву Кутузову отдана да указу великого государя, а как ее, Анютку, окольничей и воевода князь Иван Петрович Борятинской спросит и ее, Анютку, ему, Михаилу, поставить лицом в съезжей избе.

Помета: Матвей Голинищив Кутузов девку свою Анютку взял и руку приложил, а как ее спросят в съезжию избу и мни Матвею та де[в]ка поставить в съесьжию избу лицом.

На обороте: К сей скаске вместо городово толмача Козьмы Габышева по его веленью атаман Артюшка Петриловской руку приложил.

III. — И по указу великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] окольничей и воевода князь Иван Петрович Борятинской в Якутцком остроге в съезжей избе Михаила Голенищева Кутузова про ту девку Анютку допрашивал, где он ту девку взял.

И Михайло Голенищев Кутузов перед окольничим и воеводою перед князь Иваном Петровичем Борятинским вместо отца своего стольника и воеводы Ивана Голенищева Кутузова сказал: дал де тое девку в Якутцком остроге отцу ево Ивану городовой толмачь Кузька Габышев безденежно и купчие де на ту девку нету, а велел де ту девку Анютку крестить в православную християнскую веру отец ево Иван, а крестил де тое девку соборные церкви живоначалные Троицы поп Ияков Прокопьев,

а той де девке отец был крестной брат ево Михайлов по роду Леонтей Юрьев сын Кутузов, а был де он, Леонтей, с отцом ево Иваном в Сибире, а по указу ли де великого государя с отцом ево Иваном здесь в Якутцком остроге был или нет того де он Михайло не ведает, а взяли де тое девку к собе во двор неведомо того, что она ясачного отца дочь.

На обороте: Михайло Голенищев Кутузов руку приложил.

И городовой толмачь Кузька Габышев допрашиван: столнику и воеводе Ивану Голенищеву Кутузову сказывал лы, что та Анютка ясачного человека дочь и по какому указу он, Кузька, тое девку ему, Ивану, во двор отдал и для чего он, Кузька, великого государя ясачных людей у собя держит и великого государя ясачными людми воевод дарит.

И толмачь Кузька Габышев сказал: говорил де ему, Кузьке, стольник и воевода Иван Голенищев Кутузов, где попадетца девочка купить и он де, Кузька, по его словам тое девочку и купил у ясачного мужика, а у кого де именем у якута купил и то де написано выше сего, а купчие де на ту девку у него, Кузьки, нет же и не бывало.

На обороте: К сей скаски вместо городовова Кузьмы Габышева по ево велению служилой человек Силка Михайлов руку приложил.

И Михайло Голенищев Кутузов сказал: есть ли б де отец ево Иван Голенищев Кутузов велел тое девку купить и он бы де велел и купчую дать.

На обороте: Михайло Голенищев Кутузов руку приложил.

И окольничей и воевода князь Иван Петровичь Борятинской ево, Кузьку, допра || шивал: сказал он, Куска, что Иван Голенищев Кутузов велел ему девок покупать и к собе во двор приводить, как он, Кузька, учел быть у великого государя дел в толмачах и многих ли он, Кузька, у ясачных людей детей и братью и племянников покупал и даром имал и кому воеводам и дьяком или писменным головам или каких всяких чинов людем продавал или даром давал или на какие товары менял или даром давал и он бы, Кузька, про то сказал.

И он, Кузька, сказал: прежним де он воеводам и дьяком и писменным головам и всяких чинов и никаким людем великого государя ясачных людей не продавывал и даром никому не давывал, только де он, Иван Голенищев Кутузов той же девки брата ее родного Тюсеня даром взял, а он де, Кузька, того Тю-

сеня купил с тою ж ево сестрою вместе у дядей ево Чирпана да у Турчака, а велел де того малого крестить в православную християнскую веру прежней стольник и воевода Михайло Лодыженской, а крестил де того малого соборные церкви живоначалные Троицы поп же Ияков Прокопьев, а у того де малого отец был крестной промышленной человек Жданко Коромков и того де малого у него, Кузьки, взял Иван Голенищев Кутузов с приезду своего, как он, Иван, приехал в Якутцкой острог крещеного, а велел де он, Иван Голенищев Кутузов, на того малого ему, Кузьке, написать купчую на имя Енисейского острогу сына боярского Василья Сергеева сына Кольчюгина и велел де ему, Кузьке,к той купчей и руку приложить, а хто де к той купчей в ево Кузькино место руку приложил, того де он не упомнит, а денег де он, Кузька, и иного ничего у него, Ивана, за того малого не имывал.

На обороте: К сей скаски вместо городовова толмача Кузьмы Габышева по ево велению Силка Михайлов руку приложил.

А Михайло Голенищев Кутузов у допросу на очной ставке против ево Кузькиных слов сказал: такого де малого он, Кузька, к отцу ево Ивану привел, а про купчую де он, Михайло, не ведает, велел лы отец ево, Иван Голенищев Кутузов, писать или нет и тот де малой Мишка послан к Москве в прошлом во 172-м году, а послал де того малого из Якутцкого острогу к Москве отец ево, Иван Голенищев Кутузов, с торговым человеком с Лучкою Новоселовым.

А толмачь Кузька Габышев сказал, что де тот малой ныне живет в Енисейском остроге, учитца писать.

И окольничей и воевода князь Иван Петровичь Борятинской ево Михаила Голенищева Кутузова роспрашивал: объявилися у них в холопстве великого государя ясачные люди Якутцкого острогу малой Мишка да девка Анютка и иных ясачных людей дети или внучата или племянники, какие-нибудь люди у отца ево, Ивана, и у него, Михаила, и у брата ево Матьфея и у Левонтья Кутузова, который был с отцом ево, Иваном, в Сибири, ныне в Якутцком у них в холопстве есть ли или которые высланы к Москве и будет есть и хто имяны и у кого взяты или куплены и он бы, Михайло, о том сказал подлинно, не дожидаючися на собя от великого государя гневу ||.

И Михайло Голенищев Кутузов сказал: которые де люди Якутцкого острогу иноземцы и иных уездов ныне у него есть

и он де, Михайло, их всех приведет к сыску в съезжию избу, а есть де у него, Михаила, во дворе иноземцы крещеные даурского погрому Мишка Иванов, а даурского де имени не ведает, а привезли де ево, Мишку, из Даур служилые люди розных городов енисейской казак Елизарко Семенов, да Якутцкого острогу служилые люди Ондрюшка Чернухин, да Ивашко Иевлев с товарыщи, а того де малого Мишку отцу ево Ивану дал в Якутцком остроге он же, Елизарко Семенов, с товарыщи, а другой де малой даурской же, зовут ево Гаврилком, а даурского де имени не ведает же, а продали де отцу ево тот же Елизарко Семенов с товарыщи, а что де отець ево, Иван, за тех робят им служилым людем дал, того де он, Михайло, не ведает, а купчих де на тех робят у отца ево, Ивана, и у него, Михаила, и у брата ево Матьфея нет, да и не бывало; да у него же де, Михаила, двое робят крещеных, один Петрушка, а другой Лучка тауйского погрому с Ламы реки, и ис тех де робят одного малого Лучку продал отцу ево, Ивану, Якутцкого острогу служилой человек Ганка тюменец Енисейского острогу сыну боярскому Василью Кольчюгину, а Василей де того малого оставил на время отцу ево, Ивану, а он де, Василей, того малого велел прислать к собе в Енисейской острог отцу ево, Ивану, а другово де малаго Петрушку выслал с Ламы реки брат ево Михайлов Леонтей Кутузов к отцу же ево, Ивану, Якутцкого острогу с служилыми людми с Микиткою Савиным|| с товарыщи, а как де ему тынгуское имя того де он, Михайло, не упомнит, а крестил де ево Петрушку тот же поп Ияков Прокопьев, а отец де тому малому он, Михайло; да у него же де, Михаила, малой Петрушка, а дал де того малого отцу ево, Ивану, Якутцкого острогу сотник казачей Амос Михайлов, а даной де и купчей у отца ево, Ивана, и у него, Михаила, и у брата ево Матьфея нету; да у него же де, Михаила, девка, а зовут де ее Аринку, а Якутцкого имени он, Михайло, ей, Аринке, не упомнит, а что де тое девку отцу ево дал, того де он не упомнит же, а скажет он, Михайло, после, а иных де он, Михайло, иноземцов у себя не упомнит же и он де, Михайло, разведав у собя, будет хто объявитца и он де про них скажет; да у него же де, Михайла, есть малой во дворе иноземец, а зовут де ево Ивашком, крещен же, а приходит де он к нему, Михайлу, на время, а ему де, Михайлу, и брату ево Матьфею до того малого в холопстве дела нет.

На обороте: Михайло Голенищев Кутузов руку приложил.

IV.—Да того же числа Михайло Голенищев Кутузов сказал: которую де девку Анютку он, Михайло, в приказе поставил и у него де, Михайла, на ту девку крепости никакие нет, да и дела де ему, Михайлу, до нее, Анютки, никакого нет.

Да окольничей же и воевода князь Иван Петровичь Борятинской ево же, Михайла, допрашивал: как отец ево, Михайлов, Иван Голенищев Кутузов от великого государя с Москвы был послан в Якутцкой острог воеводою и в наказе великого государя, каков ему, Ивану, дан с Москвы, иноземцов в Сибири в холопи воеводам имать ни у кого и покупать и крестить и на Русь к Москве и никуды высылать не велено и иным никаким людем того делать не велеть же; для чего отец ево, Иван, забыв великого государя указ и свой наказ, Якутцкого острогу ясачных людей детей имал к собе во двор и крестил и на Русь высылал мимо великого государя указу и чтоб он, Михайло, о том сказал, по какому указу отец ево Михайлов, Иван Голянищев Кутузов так делал.

И Михайло Голенищев Кутузов сказал: по какому де указу отец ево, Иван, так делал, того де он, Михайло, не ведает, а что де и он, Михайло, у собя во дворе держал и крестил ясачных людей и он де таково великого государя указу не видал, а только б де он, Михайло, так видел и он бы де так и не делал.

V.—Да того же дни после роспросу Михайло Голенищев Кутузов сказал, что де была у отца ево, Ивана, девка купленая именем Аграфёнка и ту де девку отцу ево Ивану продала пятидесятника казачья Федькина жена Яковлева Акулинка, а взяла де за нее, Аграфенку, она, Окулинка, у отца ево, Ивана, дватцеть рублев денег и ту де девку отец ево Иван выдал за промышленного человека за Петрушку Афонасьева и по смерть де свою отец ево, Иван, тое женку и с мужем держал у собя во дворе и как де волею божию отца ево, Ивана, не стало и отец де ево, Иван Голенищев Кутузов, того мужика и з женкою отпустил из двора своего на волю и ему де, Михайлу, до того мужика и до жены ево дела нет.

Да у него же де, Михайла, есть во дворе казачья жена именем Аграфенка, а чья де она дочь и он де, Михайло, не упомнит, а та де женка пришла к отцу ево Ивану на двор нищенским образом, а сказалася де она отцу ево, Ивану, что она вольная и отец де ево Иван Голенищев Кутузов взял ее сиродства ради

и бедности и выдал ее, Аграфенку, за своего человека, за Ивашка Тимофеева верхотурца.

Да он же, Михайло, сказал: был де у отца ево, Ивана, прежнего воеводы Михаила Лодыженского оставленой человек, Петрушка, тынгуского отродья, и как де мать ево Федора Лаврентьевна пошла из Якутцкого острогу на дощенике вверх по Лене реке и тот де малой Петрушка, дошед до Пеледуя, збежал неведомо куды.

Да Михайло же сказал: была де у человека ево, Михайлова, у Микишки Неелова девка Якутцкого городу, а имя ей Бычик и ту де девку дал человеку ево служилой человек Зарзинко Крупетцкой и как де поехала мать ево Михайлова Федора Лаврентьевна из Якутцкого острогу вверх по Лене реке на судах и ту де девку отдал человек ево Михайлов Микишка Неелов таможенному голове Никону Силуянову.

Да он же, Михайло, сказал, что де есть у него прижиток брата ево Леонтья Кутузова ребенок трех лет, а имя де ему Глебко, а прижил де он того ребенка с ламутцкою погромною девкою, и та де девка выдана была замуж в Якутцком остроге за служилого человека за Ивашка Епишева замуж и пожив де замужем в Якутцком остроге и умерла||.

На обороте: Михайло Голенищев Кутузов руку приложил.

VI.—И Ивановы люди Голенищева Кутузова Гаврилко Степанов сказал, что де он Никанского роду, а отец де у него был в своей земли торговой человек, безъясачной, и он де был человек вольной же, безъясачной, и он де жил на воле, и пришел де он ис своей воли к казаком к Ивашку Тельному и Ивашко де Тельной ево, Гаврилка, пришедчи в Якутцкой острог челом ударил воеводе Ивану Голенищеву Кутузову, а крестил де ево в Якутцком остроге соборной церкви живоначальные Троицы поп Ияков Прокопьев по приказу Ивана Голенищева Кутузова, а отец де у него был крестной торговой человек Стенка Норицын.||

На обороте: К сей скаске вместо Гаврилка Степанова по ево велению Петр Ярышкин руку приложил.

Петрушка Панфилов сказал, что де у него, Петрушки, был отец промышленной человек, а мать де у него была юкагирька, ясачного отца дочь, а жил де отец ево на Колыме реке, а сколь

давно отец ево на Колыму приехал того, сказал, не ведает, а промышлял де отец ево на Колыме реке всякою работою черною, а ныне де отец ево остался на Колыме реке в полуказачье и отец ево, Панфилко, дал ево, Петрушку, Енисейского острогу служилому человеку Сенке Чюхчерему за сына место и велел де ему, Сенке, отец ево, Панфилко, — держать до себя покамест отец ево, Панфилко, будет в Якутцкой острог, а Сенка де Чюхчерем ево, Петрушку, продал ли или даром дал на Яне реке сотнику казачью Амосу Михайлову того, сказал, не ведает, и тот де, Сенка, уехал к Москве великого государя за казною, а Омос де отдал Ивану Голенищеву даром ли или нет того, сказал, не ведает же и он де, Петрушка, с тех мест и по се число жил во дворе у Ивана же Голенищева и у детей ево у Михайла и у Матфея Голенищевых.

На обороте: К сей скаске вместо Петрушки Панфилова по его веленью Ивашко Анкидинов руку приложил.

Лучка Иванов сказал: взят де он, Лучка, с Тоуя реки, а взял де ево, Лучку, Якутцкого острогу служилой человек Ганка тюменец и тот де, Ганка, ево Лучку привез с Тоую реки в Якутцкой острог и Ганка де ево, Лучку, даром ли отдал или продал енисейскому сыну боярскому Василью Кольчюгину того, сказал, не ведает, а Василей де Кольчюгин отдал ли или продал Ивану Голенищеву того, сказал, не ведает же и ныне де тот, Василей, живет в Енисейском остроге, а отец де у него, Лучки, был ясачной человек Тоуя реки, а умер де отец ево своею смертью, а крестил де ево, Лучку, поп Ияков Прокопьев по приказу Ивана Голенищева Кутузова, а отец де у него был крестной торговой человек Ивашко Симанов.

На обороте: К сей скаске вместо Лучки Иванова по его велению Ивашко Анкидинов руку приложил.

Петрушка Михайлов сказал: взят де он, Петрушка, с Тоуя реки, а взял де ево, Петрушку, на погроме служилой человек Гришка Оленев, а у него де, Гришки, ево Петрушку взял на Ламе реке приказной человек Леонтей Юрьев сын Кутузов, а за что де ево, Петрушку, он, Леонтей, у него, Гришки, взял того де он, Петрушка, не ведает, а прислал де ево, Петрушку, с Тоуя реки он же, Леонтей, с служилым человеком с Кондрашком Берсеневым и тот де Кондрашка привез ево, Петрушку, в Якутцкой острог и отдал воеводе Ивану Голенищеву Кутузову, а ясачной ли де человек или неясачной отец ево был того де он, Пе-

трушка, не упомнит, потому что де он, Петрушка, в походе был взят мал.

На обороте: К сей скаске вместо Петрушки Михайлова по его велению Ивашко Анкидинов руку приложил.

Новокрещен Петрушка Максимов сказал: отец де у него был ясачной тынгус Озянского роду и отца де ево Петрушкина убили те же тынгусы и он де, Петрушка, после смерти, как отца ево убили, сшел к родникам своим в Батурускую волость с матерью своею к якуту к Одене и жил у него, Одены, неясачным человеком, а в та де поры был в Канском в зимовье приказным человеком жилец Федор Охлопков и как де он, Федор, в том зимовье великого государя ясак собрал и ис того де зимовья он, Федор, приезжал в ту Батурускую волость с служилым человеком с Васкою Новгородом нарочно для ради ево, Петрушки, и он де, Петрушка, послыша тот ево Федоров приезд по него, Петрушку, и он де, Петрушка, побежал было к родником своим тынгусом и он де, Федор, послал по него якутов, чтоб ево привесть к нему Федору, и те якуты, боясь ево, Федора, привели ево, Петрушку, к нему, Федору, и он де, Федор, ево, Петрушку, привез с собою в Якутцкой острог водяным путем и, привезчи де он, Федор, ево, Петрушку, в Якутцкой, отдал в холопство воеводе Михайлу Лодыженскому некрещеного и по ево де Михайлову веленью крестовой ево Михайлов поп Афонасей ево, Петрушку, крестил, а крестной де отец у него, Петрушки, был ево Михайлов человек Максимко Гарасимов и он де, Петрушка у Михайла Лодыженского жил во дворе семь лет и Михайло де Лодыженской ево, Петрушку, отдал, как к нему приехал на перемену Ивану Голенищеву Кутузову в холопство, а крепости де он, Михайло, ему, Ивану, на него, Петрушку, никакие не дал и он де, Петрушка, у него, Ивана, в холопстве жил семь же лет и как де ево Иванова жена Федора Лаврентьевна поехала к Русе и ево де, Петрушку, повезла с собою неволею и он де, Петрушка, с нею ехал до Пеледуя до пашенного до Ивашка Панова и тут де он, Петрушка, остался у него, Ивашка, дожидатца окольничего и воеводу князь Ивана Петровича Борятинского и жил де он, Петрушка, у него, Ивашка, на Пеледуе три недели и, как де он, Петрушка, увидел приезд окольничего и воеводы князь Ивана Петровича Борятинского, сел в лотку и приехал к окольничему и воеводе князь Ивану Петровичю Борятинскому на дощеник и бил де челом о том, что ево у собя бо-

ярыня держит во дворе сильно и везет с собою, а он де ехать с нею не хочет и окольничей де и воевода князь Иван Петровичь Борятинской велел ему, Петрушке, ехать в Якутцкой по старине и он де, Петрушка, и воротился и приехал в Якутцкой на дощенике окольничего и воеводы князь Ивана Петровича Борятинского.

На обороте: К сей скаске вместо Петра Максимова по ево веленью десятник казачей Вахрушко Максимов руку приложил.

Петрушка Афонасьев сказал: был де он, Петрушка, сперва гулящей человек, приехал с Ваги и жил де он в Якутцком остроге в гулящих четырнатцеть лет и была де на него, Петрушку, кабала в Якутцком остроге у служилого человека у Демки Дурова в пятинатцети рублех и тот де, Демка, ту кабалу отдал воеводе Ивану Голенищеву Кутузову для того, как де он, Иван, ево, Демку, стал ставить ис службы в пашню, и он де, Петрушка, у него, Ивана, во дворе жил семь лет и Иван де Голенищев Кутузов ево Петрушку у собя во дворе на девке новокрещенке именем Аграфенке женил и он де, Петрушка, с тою женою жил пять лет и прижил де с нею детей, а ныне де он, Петрушка, и з женою своею живет на воле у служилого человека у Замятенки Костянтинова, а отпустил де ево на волю и з женою до приезду окольничего и воеводы князь Ивана Петровича Борятинского Михайло Голенищев Кутузов.

На обороте: Вместо промышленного человека Петрушки Офонасьева по его велению служило[й] человек Алешка Годнев руку приложил.

Петрушкина жена Афонасьева Аграфенка Иванова сказала, что де она, Аграфенка, была Бетунские волости Откономова дочь, а отец де у ней был человек ясачной и тот де у ней отец умер и после де отца своего смерти она осталася у брата своего у Моксогола и тот де Моксогол выдал де ее замуж Нюрюптейской волости за ясачного якута за Татакана Чюкуева и жила де она за мужем своим два годы и тот де ее муж продал в улусе служилому человеку Пашку Скребычкину, а что де за нее взял, того де она не ведает, а продал де ее при Михайле Лодыженском и ныне де ее первой якутцкой муж и ныне жив, а Пашко де ее продал некрещеную служилому человеку Ивашку Овчинникову, а в котором году и что взял, того де она не ведает же и по ево де Ивашкову веленью крестил ее соборной церкви живоначалные Троицы поп Ияков Прокопьев, а крестной де

у ней отец был торговой человек Ивашко Дмитреев, а как де Ивашко Овчинников поехал в Тоболеск и он де, Ивашко, после собя оставил ее, Аграфенку, пятидесятника казачья Федора Яковлева жене ево Акулинке, а велел де он, Ивашко, ее, || Аграфенку, до собя никому ни продавать, ни заложить, а он де, Ивашко, говорил так, как де он, Ивашко, приедет и он было де, Ивашко, хотел ее замуж выдать за казака и она де, Акулинка, не послуша ее слов, променяла ее во двор Ивану Голенищеву Кутузову на даурскую девку на Акульку и он де, Иван, ее, Аграфенку, к собе во двор взял и выдал замуж за него, Петрушку, а даурскую де девку он, Иван, отдал ей, Акулинке.

На обороте: К сей скаске вместо Огрофены Ивановой дочери по ее веленью площадной подъячей Сергушка Брусенкин руку приложил.

VII. — Приставы Оксенко Скребычкин, Марчко Попадья. И окольничей и воевода князь Иван Петровичь Борятинской, слушев сего дела, велел по новокрещеных собрать поручные записи, которые жили во дворе у Ивана Голенищева Кутузова и у детей ево у Михайла и у Матфея, чтоб им из Якутцкого острогу не збежать и не сойтить, а как их окольничей и воевода князь Иван Петровичь Борятинской спросит и им порутчиком их новокрещеных Петрушку Михайлова с товарыщи поставить лицом в с'езжию избу.

И пристав Оксенко Скребычкин подал к делу две поручные записи за руками, а в них пишет: *следуют 2 поручные*. И окольничей и воевода князь Иван Петровичь Борятинской слушев сих поручных записей велел взять к делу.

VIII. — 176-го ноября в 4 день, по указу великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] и по грамоте и с приказу Тайных дел жилец Федор Охлопков ходил к Михаилу Голенищеву Кутузову сыскивать мяхкие рухляди соболей заповедных и принес в писмах в съезжию избу перед окольничего и воеводу перед князь Ивана Петровича Борятинского закладную запись на толмача на Кузьму Габышева в сороки рублех, а та закладная писана, что он, Кузьма, заложил в Якутцком остроге Енисейского острогу сыну боярскому Василью Кольчюгину новокрещеных якутцкого роду именем Мишку Давыдова да девку Леонтьеву и та закладная взята

к сыскному делу, которые иноземцы объявилися у Ивана Голенищева Кутузова и у детей ево у Михайла и у Матфея Голенищевых Кутузовых, а в закладной записи пишет:||

IX. — Се аз Якутцкого острогу городовой толмач Козьма Прокопьев сын Габышев занел есми Енисейского острогу у сына боярского у Василья Сергеева сына Кольчугина сорок рублев денег московских ходячих прямых без приписи до сроку до велика дня святыя пасхи нынешнего 171 году. А в тех есми денгах яз, Козьма, заложил и потписал купленых своих рапотных людей новокрещеных якутцкого роду иманем Михайла Давыдова сына четырнатцати годов да девку именем Анку Левонтиеву дочь двенатцати годов, и буде яз, Козьма, на тот срок кой выше сего писан ему, Василью, денег сорока рублев не заплачю и тех своих работных людей не выкуплю и мне, Козьме, после того описного сроку пот тех своих работных людей на выкуп в денгами к нему, Василью, неприходить; вольно ему, Василью, после сроку тех моих работных людей Михайла и Анку у себя держать и на сторону продать и заложить. А в отводе и в очиске ото всяких писменных прежних крепостей на тех моих работных людей я, Козьма, и убытка в том ему, Василью, никоторого не привести, а будет, что убытков ему Василью в тех моих работных закладных людей учинитца, и те убытки имати на мне, Козьме, все сполна. А где ся закладная выляжет тут по ней суд и правеж и убытки; а кто с сею закладною станет тот по ней и истец. На то послух служилой человек Филип Яковлев сын Бухаров; а закладную писал служилой человек Андрюшка Ортемьев. Лета 7171 марта в 20 день.

На обороте: К сей закладной вместо якутцкого толмача Кузьмы Прокопьева сына Габышева служилой человек Вахрушко Максимов руку приложил.

К сей закладной яз, Мишка, руку приложил.

Послух Филька Бухаров руку приложил.

X.—И городовой толмачь Кузьма Габышев допрашиван: про которую купчую он, Кузьма, в роспросе своем сказал, что велел ему, Кузьме, Иван Голенищев Кутузов написать купчую на имя Енисейского острогу сына боярского Василья Кольчюгина на новокрещеных на Мишку Давыдова да на Анютку и ныне на тех робят объявилася ево, Кузьмина, закладная на имя Василья Коль-

чюгина, которую закладную принес в съезжию избу жилец Федор Охлопков и он бы, Кузьма, о том сказал, та ли закладная, про которую преж сего он, Кузьма, в роспросе своем сказывал.

И та закладная ему, Кузьме, чтена.

И Кузьма Габышев, выслушев закладные памяти, сказал, что де он, Кузьма, такову закладную писать служилому человеку Андрюшке Ортемьеву и руку в свое место Вахрушке Попову поикладывать и писать велел по Иванову веленью Голенищева Кутузова на имя сына боярского Василья Кольчюгина в сороки рублях, а денег де он, Кузьма, по той закладной у него, Василья, не имывал; только де он, Кузьма, того малого Мишку и девку Анютку поступился, которые написаны в ево Кузьминой закладной воеводе Ивану Голенищеву Кутузову безденежно, а не ему Василью, а что де он, Кузьма, в первых своих роспросных речах сказал, что де на тое девку закладные нет да и не давывал и он де, Кузьма, того в первых своих роспросных речах сказать забыл, потому что де то дело старое, а се де он человек неграмотной.

На обороте: К сей скаске вместо Козьмы Габышева по его веленью десятник казачей Пантелейко Мокрошубов руку приложил.

XI. — И окольничей и воевода князь Иван Петровичь Борятинской, слушев сего дела и роспросных речей, приговорил: тех всех иноземцов великого государя ясачных людей и которые полоняники, что были во дворе у воеводы у Ивана Голенищева Кутузова и после ево Ивана у детей ево у Михайла и у Матьфея, взять и которые ис тех великого государя ясачных людей дети и тем всем дать воля, а велено им жить в Якутцком остроге; а которые полоняники были у него же Ивана и у детей ево у Михайла и у Матьфея и тех полоняников роздать Якутцкого острогу тем людем, которые люди тех полоняников имали, потому что по указу великого государя сибирьским воеводам, будучи в городех, никаких людей иноземцов не токмо ясачных и иных никаких покупать и во двор к себе имать и на Русь высылать и у себя держать отнюдь никому не велено; а что у него Ивана и у детей || ево освобожено иноземцов: Мишка Иванов, Гаврилко Степанов даурцы да Петрушка Максимов да две девки одна Паранка, а другая Анютка да промышленного человека сын Петрушка Панфилов; а которые у него же, Ивана,

и у детей ево иноземцов же из двора их взято и отдано служилым людем, тем же, которые тех иноземцов имали: Петрушка Михайлов отдан Гришке Оленеву, а Лучка Иванов отдан Ганке тюменцу, а поголовные деньги доправить в казну великого государя за Петрушку Михайлова на Гришке Оленеве, за Лучку Иванова на Ганке тюменце по три алтына с человека; а что Михайло Голенищев Кутузов в роспросе своем сказал про новокрещеного малого Мишку, что отец ево, Иван, послал ево, Мишку, к Москве, а толмачь Кузьма Габышев сказал, что де тот малой Мишка и ныне в Енисейском остроге и по нем, Михайле, взять поручная запись, что того малого Мишку поставить в Якутцком остроге сентября в 1 день 178 году.

Помета: Князь Иван Барятинской. А отписка о людех о всех под делом и роспись под отпискою, что писано к великому государю к Москве, подклеено в столпу в наказных памятех.

ИЗ ИСТОРИИ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО 2-й ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Описания отдельных географических районов колониальных окраин российского государства и многочисленных народов, в них обитающих, дошли до нас в большом количестве и относятся не только к XIX, но и к XVIII веку. В частности, первое описание интересующего нас в данный момент остяцкого народа было сочинено еще в 1715 г.[1] Являясь первостепенным историческим источником, они, тем не менее, нередко вызывают досадное чувство своим сугубо этнографическим и географическим характером; вопросами социального порядка описатели обычно совсем не интересуются.

Публикуемый ниже документ выгодно отличается своим упором именно на социальную характеристику описываемых им остяков и самоедов Березовского ведомства. Географическая и собственно этнографическая часть описания, не лишенная некоторого интереса и сейчас, вовсе не является важнейшей, не в ней центр внимания автора. Целью описателя было указать на бедственное положение остяков и самоедов и обратить внимание властей на дошедшую до опасного предела эксплоатацию „ясашных" русским населением: вторая часть документа так и называется „донесение краткое тягостей ясашных". Автор описания обстоятельно рассказывает о том, как русские, и чиновники, и просто обыватели спаивают остяков и „за бесценок" покупают от них „всякие вещи" и „всегдашнее себе продовольствие" и даже просто грабят („грабежом с ними поступали") „сей бедный и безгласный народ". Любопытен при этом перечень идущих в остяцкие селения товаров: холсты и сукна, конопля и кожи, топоры и ножи, капканы и огнива. Но особенно интересным является откровенное разоблачение деятель-

[1] Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году. Издано под ред. Л. Н. Майкова, П., 1884 (Памятники древней письменности и искусства, вып. 53).

ности церковного аппарата. „Надежда их располагается, как духовных, так равно и всех протчих жителей на одну только дикость и не знание вышесказанного бедного ясашнова народа", сообщает автор и далее рассказывает, как при ежегодных объездах остяков пастыри их собирают долги и просто обирают паству, кстати сказать, приурочивая свои поездки к промысловым сезонам.

Очень интересно и описание быта остяков. Документ содержит указания на значительную дифференциацию среди остяцких оленеводов: есть люди „достаточные" — имеющие от пятисот до тысячи и более оленей; „среднего состояния" — владеющие 100—300 оленями; и „бедные" — „у которых уже ни одного оленя не бывает", причем практика знает уже выработанные формы эксплоатации „бедных" „достаточными" (своеобразное охотничье-промысловое половничество и т. д.).

Публикуемое описание — не ученый трактат, а делопроизводственный документ специального назначения. Хотя мы располагаем только копией его, современной оригиналу, но не подписанной и не датированной, — все же отнести (с относительной точностью) описание к определенному времени и лицу не представляет затруднений. Автор его — должностное лицо, живущее в Тобольске, на Иртыше, вероятно, начальник Тобольского наместничества, предлагающий, повидимому по специальному запросу, как бы в оправдание себя от ряда обвинений, — свои соображения сибирскому губернатору. При этом, стараясь отвести от себя упреки в недоимках ясака, автор донесения объясняет их многочисленными тягостями ясашного народа: отсюда и все разоблачения о поборах и грабежах, производимых березовскими жителями — светскими и духовными. Время написания — 80-ые годы XVIII столетия (в документе упоминается в прошедшем времени сибирский губернатор Денис Иванович Чичерин, окончивший свое губернаторство в 1781 г.; в другом же месте говорится о пятилетнем пребывании автора в должности). Копия описания хранится в русском собрании сектора вспомогательных дисциплин Ленинградского отделения Института истории. Это — рукопись на 14 листах, написанная обыкновенным писарским почерком второй половины XVIII в. на бумаге сибирского, повидимому, происхождения; на некоторых листах — знак „1779 г.", подтверждающий нашу датировку.

Б. Кочаков

ОПИСАНИЕ БЕРЕЗОВСКОГО ВЕДОМСТВА, КАКОЙ ВО ОКРУЖНОСТИ ОНОГО НАРОД ЖИТЕЛСТВУЕТ И КАКОЕ ОБРАЩЕНИЕ В ЖИТЕЛСТВАХ И В ПРОМЫСЛАХ ИХ ИМЕИТЦА И О ПРОТЧЕМ.

В далнейшем из всех протчих горотке Обдорском, состоящем от Березова в 300 верстах, крепость обнесена стоячими бревнами и рогатьками, коя ныне уже в сущей ветхости. Казенного строения церковь и шесть покоев для житья команды, а при том пороховой погреб с принадлежащим снарядом и две пушки, при которых однако же ни артиллерийских служителей, ни ис тамошних казаков, знающих действовать ими, никого нет: сих казаков присылаетца из Березова повсягодно 15 человек, 2 толмача, остяцкой и самояцкой. Обывательского строения 4 дома, в коих жительствуют той церкви поп и причетники и толмач, да остяцкого строения 20 юрт.

Обдорскова ведомства ясашного народа трех родов. Первые остяки, вторые и третьи кочующие самоядцы особого рода, и разговор свой имеют. Переходя жительством своим с одного на другие места, сколько для промыслов песца и дикого оленя, а болшею частию для кормов собственного своего аленного скота, коего среднего состояния люди имеют от ста до трех сот, а достаточные по пяти сот и до тысячи, некоторые же и более, и бедных ведут за собою, у которых уже ни одново аленя не бывает, дают им из числа своих по два и до десяти, на коих по обширности места ездят летом и зимою и производят промысел и платят тем хозяевам из своей добычи половину, а другою доволствуются сами. А при том ис таковых же бедных служат по не малому числу у имевших скота при пазбе и в протчих их работах, как то в летнее время у промысла рыбы, заготовления потребностей для зимы, сухой рыбы и варением из оной же рыбы тюшки и жирных мест, называемой варки, а сверх того и все их случающиеся работы исправляют. Первые жителствуют по каменной стороне и смежность имеют в промыслах Архангелогородской области с пустозерскими самоядцами, кои такового ж рода. Вторые по низовой стороне реки Оби до самого окияна,

и в промыслах своих сходятца с сургуцкими, енисейскими, с туруханскими и мангазейскими ж народами.

Промыслы ж свои самоядцы каменные и низовые имеют голубых и белых песцов, волков и белых медведей и частию лисиц, а у низовых белка и горностаи. Первые в жителствах своей земли промышляют по камню, который смежностию подошел к Пустозери, а вторые низовые в мысу — в низ Оби реки до самого акияна и которые питаютца около моря белугой, кои окружают на мелких местах артельми и колют.

Рыба ж в тех их местах бывает шокур, унжа, на подобие таменячиры величиною против болшого шокура и более тово, щука болшая и омули. А сверх того высылают тех своих работников для промыслов в летнее время на реку Обь, где и заготовление сухой рыбы и варки бывает, а при том доволствуются в летнее время ленною птицею мелким гусем, которой в тех их местах плодитца и леняют, загоняют в невода, по великому множеству расставляют сети к тому ловлению при озерах на берегу и окружают со всех сторон и, по выгоне оных, бьют. За употреблением же в пищу, кладут в ямы, кои вырывают для того нарочно, чтоб не могли вредится от зверей, также и от теплоты и ту яму забрасывают весма толсто землею. И лежит то приуготовление до того времени, когда надобность им взять потребует. Земли ж выкопают до самой мерзлоты, да и то на высоких местах не выше колена, потому ж и в Обдорске такой земли бывает не более одного аршина, да и то на самых же высоких местах.

Самоядцы ж платье, обувь и избы имеют все из кож аленьих, как на себе, так и на избах в две кожи, первая к телу шерстью, и рубах никогда не имеют, вторая шерстью кверху. Равно и жилые свои избы покрывают, только нижние в средину шерстью.

Положение мест болшею частию хотя и на самой матерой земле, но тундренное, то есть как похожи на болотные и моховатые, хотя и есть высокие и сухие места, но по болшой части мокрые и моховатые, порожжим белым мохом, коим питаютца собственные их ясашных алении, равно тем же и дикие; трава хотя и бывает, но только в лощинах и при озерах небольшая; леса ж крупные, кедры, елник, березник, сосняк, лисвяк и талник оканчиваютца недоходя до Обдорска верст за сто, а около Обдорска и нижее, да и то только близь рек, тонкой и ниской лисвяк, березник, и талник и елник, коего весма не густо, и потому

в тех местах и птицы тетеревей и ряпчиков не бывает, кроме как в зимнее время по талинкам коропаток.

Воды там разливаются весьма велики, топят все луга и низкие острова, затем в других годех и птице плода почти не бывает, ибо лебедь и гусь имеют гнезда по островам, а водою те гнезда заливает. Но малые павы хотя и плодятца, но лишают сей плод большого числа ясашные, которые их яица из гнезд обирают для своей пищи.

По продолжительному холоду, особенно весною, ибо на реках Обях скрывается лед раннего года в половине майя, а по большой части в последних числах, продолжаетца же и до 10-го числа июня, вышее ж Обдорска даже до самого города Березова разноты открытие льда бывают две и три недели, а з другой стороны ниже ж Обдорска, к морю, против Обдорского позжее, тем же положением неравно.

Лето почитаитца июня с половины и теплоты таковые ж бывают, как и здесь. Впротчем разность против здешнова в замерзании рек и зимы немного различия, как неделя или две, также и холодности хотя и великие бывают, но с отвагою теплоты. Продолжение ж дней и ночей зимних уменшение имеет не более дву часов. Светлость же дня такова ж, как и здесь.

Разность великая бывает в ночи в трех месецах по август, кои весма светлы, что можно свободно читать и писать, для тово, што примечено сонце на один час, да и то только за превысокие сопки закатывается, лучи ж от нево происходящие сиянием по горам всегда видны. По краткости ж лета овощей огородных, кроме как зеленой капусты и малой ретьки и репы другова ничево родитца не может, а при том зелень и всякая быть может, но толко доходит до цвету, а в совершенное возрастение не приходит.

Остяки ж жителства свои имеют, построенные ис тонкова лесу настоящими юртами, разные по промыслам своим, то есть вешние, летние и зимние в особых местах по близости и способности тех промыслов в зимнее время для зверя, а в летнее рыбы; и зверя в промысле имеют, кроме песца всякого, летом рыбу осетра, нельму, таименя, муксуна, шокура, щук, налима, язей, карасей, ершей, сырка, пыжьянов и мелкую стерлеть, а крупной в тех местах не бывает и тем ясак платят и пропитание имеют.

О держание ж их посуды. Вместо ведер таковой же величины делают из береста и ушивают их так часто и крепко, что

течи не имеют, а при том и протчая их потребность ис того ж береста, кроме как для варения пищи имеют медные и железные котлы. А в случае летнего отъезда и юрты ис тово ж береста делают, сшивают оные болшими штуками.

Одежду и обувь остяки носят: зимнее некоторые покупают аленье от самоядцов, также из сукна руского и шубы бараньи. А в летнее по возможности покупают же и цветные сукна а инные из старых обносков зимнего платья и из холста, а бедные люди из рыбьих налимьих кож; також и обувь, только подошвы подшивают для прочности осетровой кожи.

Началая их всех, как остяков, так и самоядцов, пища зимой мерзлая сырая рыба, летом также сырую употребляют в то самое время, когда изловят; прибитых ж оленей по обыкновению ядят сырое горячее мясо с кровью и внутренность, печенку, серцо и легкое, а после того во обыкновенное время для обеда и ужины варят, что случится, мясо или рыбу и едят без хлеба и соли; за не промыслом же рыбным и звериным ничем другим питатца в зимнее время не могут, как з заготовленною в летнее время сухою рыбою мешают муку и варят и тем проходят самое скудное и голодное время. Муку же покупают от живущих в тех местах русских, для чево и казенная присылаится в продажу во время таковых скудостей, которую покупают и употребляют в варение обще з заготовленной в летнее время на нужной случай рыбой, называемое позем и варкой, которая делаетца позем из самой рыбы, а варка из той же рыбы из жирных мест, тешки и протчего, переваривают в жиру, чтоб по долговременности портитца не могла. Рыбные промыслы болшею частию имеют весною и осенью. Употребляют в то время свежую, а между тем изготовляют сушением на сонце и огне, которою и питаютца даже до летнего промысла; а по случаю малого улову, што называется не рыбной год, а к тому ж и от продолжителной весны едят попадшегося в промыслах всякова зверя.

Селения же их остяцкие весной при самой воде, где удобнее им вешней иметь промысел; летом и осенью при песках, по речкам при озерах и запорах, кои в сорах и ниских местах, в лощинах, когда бывают весною прибыль воде, тогда оною наполняется и рыба заходит, а они в то время входы загораживают. По збытии вод остаетца та рыба во оных местах так, как в сатках, которую до последней, не упуская ни одной, вылавливают. А притом и разные их рыбные промыслы, также птичьи

и звериные, для коих и переселяютца, в таковыя ж места, где зимние их промыслы бывают, в которых местах имеют построенные зимние юрты, при коих по первому заморозу рек ту рыбу и промышляют и в разных местах малую реку Обь всю перегораживают и становят морды, в которых и ловитца всякая рыба, толко недолгое время и не далее, как до полузимы. А после того во всех реках духом замирает вода, от чего рыбы нисколько в промысле уже не бывает, кроме того, как случаитца весна, но не во всякой год находят при свежей воде в речках язей, щук и пыжьянов и в промыслу доволное число бывает.

Река Обь разделение имеет повыше Березова на разны два течения и в разлитие вод против самого города Березова на сорок четыре версты, между тем острова, на которых в летнее время кроме птицы лебедя, гуся и утки не бывает. А нижее Березова таковым же разделением. Ис которых по величине почитаетца три Обии, именуемые большею, среднею и малою, ис коих последняя широты имеит в малые воды против здешней реки Иртыша большей воды, а во время разлития вдвое, между которыми также острова и высокие бугры, которых никогда и самою болшою водою не потопляет. На таковых бывают, что держатца лисицы, зайцы, а в зимнее великое множество коропатки, которую ясашные ловят сильем и слопцами весма доволное число и тем время скудных весн питаютца. Обширностию же между матерою землею неравно быть может где на двадцать и пятдесят верст. Названия же островам всем по неизвестности положить никак невозможно, ибо оных состоит великое множество между реками, коих за широтою основателно описать нет возможности.

Разъезды ж имеют остяки летом только лотками, зимой на оленях и собаках нартами; а самоядцы и летом ездят легкими саньми на оленях по одному человеку и запрягают по два и по три; собак по шести и по восьми. В случае ж зимнего времени накладенной тягости различая по возможности от 10 и до 15 пудов весть могут. За промыслами ж в зимнее время зверя и в дальные места за белкой и диким аленем и лосем гоняютца по глубокому снегу пеши на лыжах, а самоядцы ж в близости для песцовых промыслов на таковых же лыжах, а для дикова оленя утыкают деревьем с крыльем гусиным по обоим сторонам улицой к пристойным для загону местам, и коих стадами небол-

шими загоняют и, сколько кто успеть может, стреляют из луков стрелами.

Все потребности для ясашных покупаютца ими у живущих и приезжающих в их места из Березова от руских; когда ж случатца промысел рыбной не весма доволной, в таком случае неоминуемо с начала зимнего времени по приходе для платежа в казну ясака и по отдаче оного, покупают для пищи своей муку, которая по известности не промысла рыбного в летнее ж время для продажи доставляетца и казенная, а к тому по потребности своей покупают от тех живущих и приезжающих руских, кои привозят холст, шубы, сукна цветные и руские, железные вещи, топоры, ножи, копья, стрелы, огнива, капканы для промысла звериного, котлы медные и железные, коноплю, кожи красные и протчие для них потребные мелочи; и покупают не на денги, а меняют на разные звери, лисицы, волки, песцы и лапы песцовые, белку, горностаи и на платье шитое и живых аленей и кожи их, и перье, а притом и на протчие разные обыкновенные мелочи.

Затем донесение краткое тягостей ясашных.

В самом городе Березове служащие и отставные дворяне, дети боярские, казаки, купечество и крестьяне к содержанию своему никакой домовой экономии не имеют, а хотя у некоторых и есть рыбные, птичьи и протчие промыслы но и то не с настоящим их рачением происходит, чтоб чрез то друг друга побудить ко умножению, а большая часть находитца свободных безо всякого плода. Живут в роскошах, которая доводит их не токмо до раззорения, но приходят в неоплатные долги.

А приезжающие купцы, по видимости их обращения, почасту бывают обмануты в раздаче им разных таваров и потому в не получении возвращения несут немалые убытки со огорчением. Надежда ж их располагается, как духовных, так равно и всех протчих жителей, на одну только дикость и незнание вышеказанного бедного ясашнова народа, с которыми обращение напреть сего имели такое, что грабежем с ними поступали, которова правила некоторые из них еще и ныне придерживаютца. Остяки ж и самоядины по несведению и совсем по незнанию таво, а особливо росийского разговора, а от духовных же по обязанному их страху, так с ними поступали, что повинны были все тягости

нести, и от коих показанные березовские все жители получают на всегдашнее себе продовольствие рыбою свежей, сушеной и жиром, птицей и оленьми живыми, и для зимнего ношения платье и обувь шитую из аленьих кож, также и протчее, то есть всякова зверя из рухляди.

Между теми обращениями напротив тово ясашные получали для себя надобные вещи. А притом и весьма не полезное происходило по древнему руских обыкновению, а паче от своеволств чем бы скорее ясашных обмануть, зная пристрастие их к вину и на оное за бесценок от них получали всякие вещи. А начальнику тово познать было по неизвестности к распоряжению благопристойности никак невозможно по причине согласного в том их всево общества. Хотя подтверждения по законам и строгие чинились, но по расположению города Березова при самой реке летом водою и зимой многие пути провозили в волости потаенно и тем самым, хотя и к собственному ясашных чинилось то желанию, но до великих убытков доходили, отчего уповательно напреть сего и недоимки казенного ясака случались, чем доказывает ныне чрез пятилетнее мое бытие, по прекращению того вина и недоимок никогда не бывало.

От березовских же жителей хотя то и прекратилось, но не менше того происходило для отдаленной от Обдорска каменной самояди и остяков, кои за промыслом зверя до самого Пустозерского ведомства доходят, где также жителствуют кочевними избами самоятцы ж ведомства Пустозерского, и по которым жителствам возят того ведомства руские не только малыми, но и болшими бочками того вина и чинят продажу, между тем показанные нашей стороны остяки и самоядцы пропиваютця и чрез то несут не малой и раззорителной убыток. Что бывает в промыслу зверя, почти и все то пропивают, и чрез то не толко чтоб могли быть исправными к платежу в казну, но и в собственном своем содержании безнадежны. А при том ссоры, драки и воровства легко быть могут, что до сведения моего и доходило, но за отдаленностию ж оного прекратить было никак невозможно. А притом и возят не по ведомству здешному, а при самой границе на своей Пустозерской земле. Хотя для ясашных пожелаемости и пристрастию показываетця то надобным, но по известности для таковаго народа никак неудобным, о чем в пресечении того и представляемо было к его превосходительству Денису Ивановичу, на то и в резолюцию получено, чтоб

таковых с тем вином ловить и высылать, куда нарочной команды послать трудно, а ясашные того исполнить никак не могут, а при том и не в здешнем ведомстве и потому и учинить тово было невозможно.

Для ж сего бедного и безгласного народа состоит великою ж трудностию не толко ныне, но и впреть не уповательно, чтоб могли вникнуть хотя б в малое сведение христианского закона по причине разностей и нерачения духовных, чтоб им с ласковостью и понятием на их языке пересказывать, того не уповаю. Когда бывало по одним случающимся проступкам кому делаютца попущения, а другим великие напатки и устрашения, кои и бес тово в великой робости состоят, подвержены страху и находятся под всегдашним отягощением наложенных на них кроме еще закона разных должностей, которых и не следовало б с них взыскивать. А именно, определяет из них сам собою березовской закащик в старосты церковные а других для обучения закона и взыскиваетця с писменными наставлениями без всякого уважения, кои тово и сами разуметь не могут; а притом за скудостию пищи по необходимости принуждены в посты иногда употреблять и мясную. И естли в том они найдены будут, почитают себе за вящшую опасность и беду.

Как ясашные из новокрещеных по незнанию христианского закона, по многим к ним при всяком под великим ево закащика находятся страхом, ибо никакой началник для их столько не страшен, как он, почему против ево и остаются безответными, и штоб на них от нево наложенного ига какова ни было несть повинны. И против же прилагаемого от нас защищения вымысля дать им для непременного исполнения закона писменные наставления, чтоб чрез то силнейшую взять над тем бедным и безответным народом власть; кои не толко писменного что разуметь могут, но ниже разговора российского знают, но как и выше сказано, что за разностию и нерачением духовных нисколько закона разуметь не могут и по легкомыслию остаются развратными в сущей погибели своего неразумия. И потому многие впадают в идолские поклонения и от тово самова раззоряютця и несут напрасные убытки и в страхе привязаны под ево всегдашним началством.

Прямого ж приведения в знание христианского закона и проповедывания слова божия со истолкованием изъяснително на их диалекте никогда не бывало. А хотя Березовской закащик по

всем их жилищам два раза в год объезд и имеет, но не в удобное время, чтоб можно чинить о законе поучение, как летом и зимой, в самое промышленное время, да и то не для проповедывания или поучения, но для собственного своего дела и собрания долгов летом рыбой, а зимой рухлядью. И самой тогда их ясашной нужной рыбной и звериной промысел происходит. К приуготовлению зимнему запасают сухую рыбу и протчее. И чрез тот ево проезд остановка в промыслах. Берутца им ясашные человека по три и более в подводы и для получения долгов собирает их по повескам и с протчих от тракта в одне юрты. Также и в зимнее время на их же ясашных ездит подводах. А притом напредь сего возили ево еще и бес прогонов. По промысле ж зверя приготовляют в казну на платеж ясака, а в случающейся ево проезд за свои долги обирает прежде того платежа в казну, для которого собрания нарочно в то самое промышленное время ездит и весь их промысел тогда ему известен, а как он сам тутошной уроженец, а притом и разговор их ясашных достаточно знает, по обязанности ж христианским законам и по страху своему безответно и последнее отдают. По скорой же ево тогда езде никакого проповедывания или о законе поучения не чинит, да и некогда, а стараетца не упусить тово самова время, чтоб со всех ясашных долги свои получить и все их места во время то чтоб объехать. А естли б с намерением прямого приведения ясашных в знание закона и проповедывания слова божия ездил, тоб удобнее быть могло, как по положении ясака и по окончании промыслов бывают ясашные в домех своих свободны, а притом и приезжают к церквам для исповеди и причастия, коих довольно поучать закону и тогда можно.

Ибо явной и раззорительной для ясашных грабеж и не малые отягощения происходили, конечно, по страху и безответности. За незнанием российского разговора объяснитца тем никогда не могли, а паче страшатца всегда впреть за то вящшего от нево закащика наказания. А каковые, тово за всем тем, по скорости, здесь объяснить вашему высокопревосходительству ясашным всех болших отягощениев не возможно, сколь им сначала происходило. Но за удержание ж и защищение от таковых непристойностей, все березовские жители не были тем довольны, и чрез показанного закащика причинялись только одне ссоры и смущения между народом к ненависти нашей. И при том от

жителей Березовских вымышлением и злобою ево ж закащика напрасная, как на отца моево, так и меня жалоба, а при том ж из некоторых ясашных худого состояния чрез пьянство усиля к той своей прозбе быть согласными, чтоб чрез то получить над тем бедным и безответным народом ту ж власть, как и на преть сево от них происходило.

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ ЛЕКАРЯ ЗИББЕРШТЕЙНА

„Путевые замечания“ лекаря Зиббершгейна были составлены при следующих обстоятельствах. Султан Большой Орды Сюк Аблаев, находившийся в номинальном подданстве России, в 1824 г. приехал в Омск и обратился к исправляющему должность омского областного начальника полковнику Броневскому за помощью против соседей, отнявших у него скот. Броневский воспользовался этим визитом, чтобы добиться у Сюка Аблаева согласия на введение и в Большой Орде внешнего округа, по типу открытых двух внешних округов в Средней Орде. Сюк Аблаев, который в Орде был „малозначителен в силе народного уважения“, охотно принял это предложение. Однако Азиатский комитет, признавая важность учреждения в Большой Орде внешнего округа, как по соображениям стратегического характера, так и в силу расчетов на возможность захвата рудных богатств — железа, меди, свинца, а также селитры и каменной соли, нашел, однако, преждевременным учреждать в Большой Орде внешний округ, из-за опасения осложнений с Китаем. Комитет рекомендовал генерал-губернатору Западной Сибири П. М. Капцевичу „для поддержания в своей силе права располагать и киргизами Большой орды... посылать в киргизские кочевья военные отряды, по мере требования самих султанов и старшин о защите их от взаимных распрей“, а главным образом для того, „чтоб постепенно приучить китайцев видеть действия нашего правительства в отношении к Большой Орде и увеличивать влияние России на оную, приближая тем введение там порядка управления, сообразно уставу о киргизах“. В соответствии с указаниями Азиатского комитета ген.-губ. П. М. Капцевич в 1825 г. организовал отправку военного отряда в Большую Орду. Но в том же году явились в Омск трое биев за-каменных киргиз, кочующих при озере Иссык-куль, прося у русского правительства защиты „от междуусобных раздоров и грабительств, возникших у них с некоторого времени в сильной

степени". Усиление русского влияния в родах за-каменных киргиз, кочевавших за Большой Ордой на караванном пути к Кашгару для развития торговли с Китаем и Средней Азией представлялось весьма желательным. Бии и сопровождавшие их старшины были обласканы, награждены подарками, а бии и медалями. Было решено отправить их обратно вместе с военным отрядом.

Отряд в 120 казаков, при двух орудиях, был сформирован под командой Ямышевского коменданта полковника Шубина. Инструкцией начальнику отряда, между прочим, предлагалось по прибытии в Юсунскую волость снарядить отряд в 50 человек к кочевьям за-каменных киргиз, отправить с ним их депутатов и тут же разведать торговые пути. К биям за-каменных киргиз посылались письма, в которых объявлялось, „что Россия принимает их под свое покровительство, предлагает могущество свое им на защиту, но взаимно и с своей стороны требует, чтобы они примирились в своих распрях и чтобы препровождали купеческие наши караваны, проходящие через обитаемую ими землю и охраняли от притеснений и грабежей". Ген.-губ. П. М. Капцевич предложил полковнику Шубину отправить вместе с отрядом, который будет отряжен в кочевья за-каменных киргиз, лекаря Зибберштейна. „На его попечение возложите, — писал П. М. Капцевич, — узнать самое главное и сколь можно достовернее путь удобной к торговле с Кашкарией, Китайским городом Аксу и г. Тибетом". Этим заданием и определилось содержание „Путевых заметок". Этот документ интересен во многих отношениях. Во-первых, он дает исключительно подробное описание торгового пути в Среднюю Азию, описание, замечательное тем, что в нем Зибберштейн умел показать не только природные трудности пути, но и то сопротивление, которое встречало проникновение русских караванов со стороны промежуточного звена: казахов и за-каменных киргиз.

Это обусловило второе достоинство записок Зибберштейна: он подробно выясняет взаимоотношения между владельцами Большой Орды и рассматривает эти отношения не только с их внешней стороны, но и со стороны общественных отношений в Большой Орде. Менее удались Зибберштейну наблюдения над общественным строем за-каменных киргиз. Наблюдения Зибберштейна для нас тем более важны, что они являются

по существу первым описанием Большой Орды русским чиновником, притом человеком достаточно наблюдательным. Записки интересны и для изучения путей наступления на Среднюю Азию.

Отряд полковника Шубина выступил из Семипалатинска 5 июля по утру, 9 июля того же месяца отряд достиг урочища Каратал. Здесь полковник Шубин дал отдохнуть лошадям и людям и отсюда 17 июля выделил отряд для следования в кочевья за-каменных киргиз под командой хорунжего Нюхалова. С этим отрядом отправился лекарь Зиббершт ейн. Отсюда начинаются его записки.

М. П. Вяткин

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОМСКОГО ГАРНИЗОННОГО ПОЛКА ЛЕКАРЯ ЗИББЕРШТЕЙНА

12 октября 1825 г.

Первый переход июля 17-го от лагеря до левого берега реки Каксы 45 верст.

Дорога от лагеря идет вьверх по реке Караталу и в 5-ти верстах от оного разделяется на две части; одна, пролегая через реку Каратал, ведет к реке Иле и есть главная, по которой ходят все караваны в города: Туртан, Аксу, Яркент и Кашкар, а другая, идущая налево, протягивается чрез хребет гор Алатавских прямо в китайский город Кульжу. Оставляя в сем месте дорогу Кульжинскую, я приступаю описывать ту, по которой мы следовали: она от самаго лагеря до места нашего ночлега идет около гор Алатавских; на ней нет никаких препятствий для караванного ходу: поелику река Каратал, разделившись на многие рукава, хотя пересекает оную на пути, но протоки сии так как и другие выпадаемые из гор источники, быв мелководны и протекав с стремительностию по каменистому грунту, позволяют везде переходить их бродом. Напротив того, при сих маловажных затруднениях караваны находят сдесь все нужное: река Каратал на дороге, а Кокса при ночлеге доставляют хорошую воду и рыбу, называемую марынкою, похожую видом на сома и вкусом приятную, которую ловят там в довольном количестве на удочки. Пролегаемые между сих гор луга, часто обтекаясь ключевыми источниками, с избытком довольствуют караванных лошадей и другого скота. Растущий на рукавах Каратала лес из мелких таловников, сколько ни беден, однако же, удовлетворить может нужды караванов.

На дороге сей, начиная от лагеря до ночлега нашего, кочует часть киргиз Джалаирской волости, ведения султана Сюка Аблайханова. Киргизы сии ведут покойную жизнь и довольно смирны, и оттого не слышно, чтобы они когда-либо нанесли обиду торговцам. Вблизи того места, где отряд имел ночлег

свой, вверх по реке Каксе кочуют киргизы Сыванской волости, они состоят в ведении султана Султангирея Джангырова. Хотя о сей волости также ничего худого не слышно, но судя по большой приверженности султана к Китайскому правительству, от которого он имеет чин гуна 3-й степени и жалованный камень, нельзя тоже заключать и о хорошей от них пользе. Брат Султан-Гирея султан Сарыбай Джангыров, вместе с ним кочующий, имеет такую же привязанность к Китаю и имянуется гуном 2 степени, который равен чину российского генерал-лейтенанта. Он прошедшаго лета был с китайцами на урочище Баяи-аулы для возведения на ханское достоинство султана Габибуллы Валиханова.

Вторый переход 18 июля от реки Коксы до ущелин хребта Лабассы 30 верст.

Дорога идет в хребет гор Алатавских и пролегает чрез довольно высокие бугры и большие овраги до самой ущелины хребта гор, имянуемых Лабассы, по каменистой почве. На ней в ущелинах гор протекают источники и напояя отлогие места, дают изобилие травам, на самых же буграх растет в большем количестве трава капец, которую лошади едят лучше всякой другой травы. В весь переход сей до ущелин хребта Лабассы нет никаких кочевых мест, а в самых ущелинах кочует часть Чапратинской и часть Сыванской волости. Первою из них заведывает султан Сюк Аблайханов, а последнею управляет султан Магомет Алий Ибаков. Оба султаны хорошо привязаны к нашему правительству || и подведомственные им народы, ведя спокойную жизнь, не делают караванам никаких обид и притеснений.

Третий переход 18 же июля от ущелины хребта Лабассы до правого берега речки Ихлас 25 верст.

Дорога идет от ущелины хребта Лабассы вверх на оный чрез другие ущелины и спускается к правому берегу речки Ихлас, имея большую везде каменистую почву, без всяких важных затруднений. Она с правой стороны облегает долиною с травою кипцов, а с левой имеет высокие бугры с протекающими между ими ручьями, кои падают в реку Каратал, от чего на местах низких растут избыточные травы.

На сей дороге до самой равнины, лежащей около реки Ихлас, нет никаких кочевых мест, а на равнине кочует другая часть

Чапрастинской волости. Султан Сюк Аблайханов почитает оную в своем ведении, но ею управляют теперь дети покойного султана Адиня Аблайханова, султаны: Мамырхан и Тюлек, которые состоят под властию старшего их брата Аблая, именуемого от киргиз Куланом. Обстоятельство переворота во владении, как полагать должно, произошло от того, что султан Сюк Аблайханов, удаляясь от вражды, кротостию своею подал сам повод к насильственному отнятию у него сей части; а дети Адилевы, пользуясь сим ослаблением и имея дерзкую предприимчивость, набегами и другими алчными изворотами успели присвоить оную уже в свое владение. Виды и намерения их в захвате чужого, как по самому прямому умозрению заключить можно, состоят в том, что киргизы сей части, кочуя близь самой караванной дороги при добром поведении султана Сюка Аблайханова, могли бы мешать в насильственных от них притязаниях торговцам. Предъидущее доказательство может служить в том уверением. Султаны Мамырхан и Тюлек в нынешнее их управление сею частию || в местах кочевья оной, мало того, что взимают по своему произволу со всякого торговца ту чрезмерную пошлину, которая в своем месте подробно будет описана, но еще после сего тайно приказывают делать у них воровства, о которых уже ни один обиженный не смеет приносить своих жалоб, ибо султаны сии нетокмо их не удовлетворяют, но причиняют им за то и самые телесные наказании: при нашей бытности в их аулах, случилось мне видеть таковую наглость на самом деле: султан Тюлек Адилев, питая какое-то неудовольствие к находившемуся в волостях, заведываемых им по распоряжению брата султана Кулана, для торгового промысла прикащику семипалатинского 1-й гильдии купца Попова, татарину Фозикею, послал несколько человек из своих киргизов привести его к нему для наказания, как после о том достоверно было узнано; но посланные его, как и сам он, не успели исполнить сего наглого поступка. Просьбами и внушениями, как могли только действовать на сей необузданный народ сотенный атаман Загровский остановил их на сем порыве, и они принуждены были удалиться без того татарина, который сею токмо нечаянностию избавился на тот раз предуготовленного ему наказания. От сих то поступков самих султанов, получили навык к баранте и грабежам и все киргизы, им подведомственные.

Четвертый переход 19 июля от правого берега реки Ихлас до урочища Курумбет 20 верст.

Дорога идет от реки в правую сторону чрез хребет гор Ихлас, которые по киргизскому баснословию почитаются в виде чудесных, и потому они имеют к ним большое уважение; далее от гор, переправясь чрез речку, имеющую от них свое название, поворачивается налево к урочищу Курумбет. Она на всем пространстве сего перехода имеет горы и ущелины, а от того караванный путь || сдесь не весьма удобен. Но как другого перехода на сию дорогу нигде нет, то караваны, идя тут, получают на всяком месте выгодные корма, ибо на горах растет кипец, а в ущелинах изобилуют пресные травы и хорошие воды; самое же урочище Курумбет почитается первым на пути местом, куда собираются иногда несколько караванов сколько для поправления своего скота, столько и для обмена товаров, поелику сюда во множестве приезжают киргизы из разных волостей выменивать для себя нужные изделии. Размен товаров на сдешнем месте мог бы приносить и хорошую пользу торговцам нашим; но успех торговли сей нередко пресекается грабежами от киргиз, кочующих на сей дороге. Они, заключаясь в части Чапрастинской волости, в ведении известного уже султана Мамырхана Адилева, а потому о поведении их я сдесь более не распространяюсь.

О разделении дороги на две части.

На урочище Курумбет дорога разделяется паки на две части, одна идет вправо к нижним черным киргизам, называемым сарбагызами, которых кочевые места простираются к самой Кохании, а другая большая караванная, имянуемая от торговцов Кошкарскою, пролегает влево к реке Иле.

О присовокуплении к отряду каравана.

По приходе отряда на урочище Курумбет, явился к нам прикащик купца Попова татарин Фозикей с просьбою принять его караван под свое покровительство. Наглый поступок султана Мамырхана справедливо позволял думать невыгодно и о прочих его братьях, а потому, уважая просьбу татарина Фозикия, для сождания* каравана, отряд должен был простоять на сем месте два дня, дав между тем отдых лошадям.

* *Так в рукописи.*

Пятый переход 22 июля от урочища Курумбет до речки Баситамак 40 верст.

Дорога от урочища Курумбет, принимая в левую сторону, доходит к речке Баситамак по ровному месту без всяких препятствий; на ней изобилуют травы и воды с таким избытком, что можно продовольствовать самое большое количество скота без всякой нужды. || Киргизы около гор Ихлас и Алтын-Эмень имеют обильные хлебопашества. На пространстве сем в 15 верстах от урочища Курумбет оканчиваются аулы султанов Мамырхана и Тюлека Адилевых, а начинаются кочевья Джалаирской волости ведения Султана Сюка Аблайханова, которые от самой дороги караванной продолжаются вниз по речке Баситамак к горам Яман-Алтын-Эмель.

Описание равнины Куранкай.

От речки Баситамак по дороге, идущей в город Кульджу, до самого первого китайского караула, на оной стоящего, на 120 верст простирается равнина Куранкай, окружаемая с одной стороны хребтом гор Ихлас, а с другой горами Ямас-Алтын-Эмель.* Суда собираются для поправления на хороших тут кормах скота киргизы ведения султана Аблая Адилева, волостей: Сыгыз-Сары, Кызыл-Бурын и Алтбузум, всегдашнюю же кочевку имеют сдесь последняя из сих волостей. На сию-то равнину в августе месяце каждаго года приходят китайские отряды из города Кульджи для собрания с киргизских волостей в подать лошадей, и в сие время киргизы и самые наши торговцы, если только они случатся, производят мену товаров с китайцами.

Шестой переход 23 июля от речки Баситамак до ключа Казан-Куш Чоке 18 верст.

От речки Баситамак дорога начально идет ровная и мягкая, но после, неприметно поднимаясь на возвышенность, ведет в гору так, что под конец к самому ключу Казан-Куш Чоке должно перейти два довольно возвышенные хребта, нимало, однако же, не затруднительные для корованного ходу, впрочем, на всей дороге есть хорошие корма и сады. На пространстве оной кочует большая часть волости Джалаирской, которую

* *Так в рукописи.*

султан сюк Аблайханов хотя называет подчиненною себе, но ею отдельно управляет бий Карымбай, человек с довольно хорошими склонностями, имеет умное суждение в делах и от того у киргиз в лучшем || уважении, подвластные ему живут спокойно и безобидно для наших караванов.

Седьмый переход 23 же июля от Казан-Куш Чоке до урочища Бешчатер 37 верст.

Дорога от ключа Казан-Куш-Чоке идет влево вниз по течению того ключа, а потом пролегает чрез большой пояс гор Чалтыке и ущелину Туз-асу к правому берегу реки Или до урочища Бешчатер. Путь на сем переходе для караванов по причине лежащих на оном больших каменистых гор есть труднейший, тем более, что на нем нет ни трав, ни воды. Его можно бы было обходить другим проходом, который протягивается ниже чрез горы Якши-Атын-Эмель и почитается гораздо способнее, но караваны там не имеют своего направления потому, что ручьи, во множестве выпадающие из гор, весьма часто и внезапно наводняют дорогу.

Описание переправы и последствий зла, на оной происходящего.

Против самаго урочища Бейчатер находится переправа через реку Илю. Чтобы дать ясное понятие о сей переправе, я почитаю нужным войти в подробное описание местного здесь положения: река Иля имеет с приходу отсюда, т. е. с правой руки по ея течению крутые, а на противуположной стороне пещаные берега, заросшие джигдою и большим тальником так, что в одном только этом месте дают они свободную переправу, на которой находятся два дурные порома; водотечение в реке самое стремительное, и глубина во всех местах довольно большая. С сего то места все караваны начинают уже терпеть то бедствие, которое под конец лишает их иногда и всего приобретения. Быв очевидцем зла, там происходящего, и с чувствительностию принимая участие в раззорении сдесь торговцев, я безпристрастно скажу, что Большой Орды султан Аблай Адилев есть главнейший член в обществе киргизских грабителей; ему споспешествуют в грабеже наиболее прочих || брат его, третий сын покойного султана Адиля Аблайханова, султан Иргалы Адилев, бывший в С.-Петербурге и награжденный уже милостями нашего монарха. Свойства сих первостепенных угнетателей торговли

я опишу в своем месте с другими их братьями, а здесь покажу только о той грабительской пошлине, которую взимают сии султаны с караванов и выведу на глаза те постыдные обороты их, коими они нагло и непростительно, алкая корысти, на первом почти шагу от реки Каратал не только поедают отрасли, но истачивают и самый корень торговой промышленности. Все сие происходит следующим образом:

Каждый караван, дошед до аулов султанов Адилевых, лишается уже свободного ходу и торга, который он не прежде там начинает, как по заплате той пошлины, какую захотят наложить на него сами султаны. Сей сбор не избавляет однако же караванов от другого побора, чинимого при переправе чрез реку Илю: тут должно заплатить снова с каждых 50 переправленных баранов одного барана, с 50 лошадей одну лошадь, с каждого верблюда 10 руб. и со всякого человека по одной мерлушке. Обе сии пошлины установлены самим султаном Куланом, но они не всегда исполняются. Достойный сего сотрудник в грабежах султан Иргалы мало смотрит на тягостное сие уложение, он сам рассматривает все караванные товары и, назначая свою цену, налагает уже сообразно сей последней такую пошлину, что торговцы, нередко лишаясь принесенного от торговли прибытка, истощают уже || и тот самый капитал, который при оборотах коммерции должен был остаться целым, если бы непомерный сей налог не отнимал его приобретений. Нарочно оставаясь от отряда с двумя казаками на переправе сей, я сам был свидетелем того алчного побора, с торговых татар и ташкинцов* не подданных российскому скипетру, а потому говоря о них с откровенностию, не умолчю также и о том, что бывшие при отряде с караваном семипалатинскаго купца Попова прикащики татарин Фозикий, Токжатулла и Нассыр Мулла избавились непомерной сей пошлины по одним только нашим внушениям и заплатили оную безобидно для себя и киргизских перевощиков.

После сего явного грабежа, прикрытого еще честным именем пошлинного сбора, следует другой, столько же наглой, сколько и злостный в своем роде, ибо происходит от тайных ухищрений и потому у киргиз почитается маловажным, т. е. барантой или простым воровством, — он состоит в том, что

---

* *Так в рукописи.*

киргизы ведения султана Аблая Адилева, кочующие за рекою Илею, быв научаемы самими их родоначальниками, не опасаясь уже никакого наказания, крадут из караванов скота во время переправы и после оной. Отважной сей краже способствуют скрытные берега реки Или и самое малое число караванных служителей, ибо самый большой караван имеет их не более 15 человек. На сем самом недостатке людей султаны основывая свое оправдание, укрывают воров и отказывают || просителям. Сдесь самовластие родоначальников киргизских, не быв никогда и никем преследуемо, до такой степени достигло, что они, не разбирая уже прав чужеземцев, по своему произволу наказывают их телесно.

Показав начало того преткновения, на коем должны торговцы терять всю свою охоту к распространению торговых связей с Кошкаром, Каконом и прочими городами Азии, я в своем месте объясню и другие, столько же важные на пути сем препятствия, теперь же приступлю к качествам и поведению султанов Адилевых и их подчиненных киргиз.

Султаны: Аблай, или по киргизскому названию Кулан во всех отношениях жизни может заменить простолюдимого, а не султана, одним словом, он так закостенел в невежестве, что ни в словах, ни в поступках, ни в самых чертах его лица не найдеш[ь] ни одного оттенка добрых качеств и важности султана. Его занятия в отношении дел собственных и частных происходят только в грабеже караванов и в барантах с своими соседами. Имея у себя более других отважных злодеев, он весьма гордо мечтает о своем владении и о самом себе, за что ненавидим уже и многими своими соотчичами, но уважается ими только из боязни, которая проистекает от того, что султан Кулан, жертвуя сам рабски китайскому правительству, почтен от бугдыхана за сию приверженность важным достоинством и поставлен || так сказать главою над всеми прочими султанами, платящими ему обыкновенную подать лошадьми. Следуя сему достоинству в собрании подати, Кулаи участвует, как старший в Орде и как первостепенный член, поставленный от китайского государства. В августе месяце каждого года из города Кульджи выходят во владения киргизские отряды китайцов, называемые алымча; они на первых караулах делятся на три части, одна идет к урочищу Семирек, другая в волость Найманскую, а третья, самая большая и вместе почетная, отпра-

вляется к Кулану, куда после собираются и две первые части. Вот все важное достоинство, коим султан Кулан берет преимущество над султанами Юсунских волостей. А какую имеет власть над ними китайское правительство и что наиболее действует на умы сего народа, о том впоследствии я не оставлю без предварения.

Галлий, 2-й сын покойного Адиля Аблайханова, из всех братьев Кулана есть наилучший. Он имеет довольно хороший ум и одарен добрыми качествами души, его поведение выхваляется самими торговцами, которым он много помогает и защищает от обид и притеснений, которыми тяготятся они в общем их владении. Можно признательно сказать, что сей султан показал бы хорошие примеры усердия своего к державе Российской, но состоя во власти брата и следуя коренному обыкновению киргизскому, не смеет явно противиться намерениям и поступкам своих братьев. ||

После сих султанов берет верх над всеми другими братьями Адилевыми, брат же султана султан Иргалы, его поведение уже описано, и сдесь я дополню только то, что сей хитрый и пронырливый султан весьма много действует на ум безразсудного Кулана, он под предлогом его приказаний причиняет величайший вред караванам.

Далее за ними следуют султаны Мамырхан, Тюлек, Таук Тынала и Сейльхан, о которых я не почитаю нужным распространяться, ибо первые два известны уже из вышеписанного, а последние все есть не что иное, как прямые сотрудники Кулана и верные бичи торговой промышленности. На сем самом поведении султанов основали свою жизнь и подвластные им киргизы. Считая известные их роды в ведении султанов Адилевых, найдется 15 волостей и имянно: Чамыр, Джанис, Сыцким, Ботпай, Кошкарау, Истекурек, Куралаш, которые все имяуются по роду дулотами. За ними следуют: Атбаны Сыгас-Сары, Атбучуны, Льджаны, Кунгыр, Бурыки, Кызыль-Бурыки, Акштыки и Коралкштыки, в коих почитается до 60 000 всадников, но все они одинаково пускаются на грабежи купцов и на раззорение своих соседей.

Говоря с откровенностию о Большой орде, я признательно скажу, что волости Суанкская, Чапрастинская и Джалаирская, кочующие на правой стороне реки Или и состоящие в ведении других султанов, живут мирно и спокойно; но волости султана

Кулана, || который есть главный над всеми братьями повелитель, имеющие кочевья за Илею, грубы, наглы и неприязненны, коренная их привычка к грабежам делает их дикими, и сокровенное место реки образует из них самых жестоких разбойников. Привожу на таковое мое заключение доказательство, которого не могу скрыть из благодарности к осторожным козачьим воинам. Оно состоит в следующем:

Набег на отрядный табун киргизских барантовщиков.

В ночь с 23 на 24-е число, отряд, достигнувши до берегов реки Или, расположился на ночлег в урочище Башчатер и отпустил лошадей для пастьбы на травы, у самого почти лагеря находящиеся. Строгой военной порядок, соблюдаемый начальником нашего отряда хорунжим Нюхаловым, на всяком шагу нашего движения, сдесь в темное ночное время и в таком месте грабежей, о коем мы много уже имели понятия, был наиболее усугублен, и число караульных при табуне нарочито увеличено; но несмотря на сию осторожную стражу козаков, киргизы внезапным набегом на табун из закрытых берегов реки Или, успели бы угнать 4-х наших лошадей, естли-б хотя немного усыпилась бодрость караула. Но как бдительность сего последнего была ревностна, то наглецы сии при первом их порыве в табун были пойманы и на другой день по согласию киргиз, кочующих около Или, быв в виду их наказаны нагайками и отданы в аулы. После сего, кажется, могли бы люди сии несколько опасаться русского отряда, который еще был вместе с ними, но окоренелые сии грабители, в глазах наших схватив трех лошадей у киргиз Джалаирской волости, бывших там у своих знакомых, бросились с ними в реку Илю и после скрылись в берегах оной от преследовавших за ними козаков.

24 и 25 июля между переправою был раздых, а 26 числа следовал восьмой переход от урочища Бешчатер до речки Чалек 20 верст.

Дорога от урочища Башчатер, переправясь чрез реку Илю, идет вверх по течению оной || до левого берега малой речки Чалек, которая падает в Илю. Места на оной избыточествуют хорошими травами и хлебопашеством, чему много способствует упомянутая речка Чалек; а потому не было бы никаких препят-

ствий для караванов, если бы кочующие там киргизы из роду Атбанов и Альджанов ведения султана Кулана не наносили им своих оскорблений и воровства.

Июля 27 девятый переход от речки Чалек до подошвы гор Сюгаты 45 верст.

От речки Чалек дорога идет тоже вверх по течению реки Или до самой подошвы гор Сюгаты, на ней до половины караваны могут находить все нужное с избытком; ибо тут пролегает место ровное с изобильными кормами, но далее, приближаясь к горам, дорога делается каменистою с большим булыжником, а травы и воды становятся гораздо беднее, отчего путь в сдешнем месте имеет трудность для проходу; а к тому еще много беспокоят кочующие на нем киргизы кызыл-бурыки, и частию алджаны, которые, считаясь во власти Кулана, управляются отдельно биями, столько же дерзкими в грабежах, сколько и самый главный их начальник; они для одного только раззорения караванов нарочито кочуют близь дороги.

Десятый переход 27 же июля от подошвы гор Сюгаты до подошвы оных на другой стороне 15 верст.

От места отрядного роздыха дорога поворачивается вправо и пролегает чрез весь хребет гор Сюгаты по каменистой почве, быв перерываема горами и ущелинами, отчего и при самом изобилии в травах и водах, на ней нет никаких кочевьев и караваны почитают переход сей труднейшим. Его можно бы было обходить способною дорогою, но путь сей находится во власти китайских колмыков, а потому караваны не имеют там своего направления.

Одиннадцатый переход 28 июля от подошвы гор Сюгаты до первой ущелины гор Тура-агыр 30 верст.

Дорога от гор Сюгаты идет в правую руку к горам Тура-Азыр по равнине, простирающейся между сих гор в обе стороны || на самое большое пространство. На равнине сей в правой стороне кочуют киргизские волости: Акштыки, Альджаны и Кызыл-Буруки, ведения султана Кулана, народ известный уже из предидущего моего описания; а влево находятся кочевья

китайских калмыков. Сдесь караваны могут довольствоваться всем нужным с наилучшим избытком, ибо равнина вмещает в себе богатые травы и воды и солонечные места. Сюда-то стекаются киргизы из самых отдаленных мест поправлять скота и особенно верблюдов. Кроме сих богатств природы, сдесь производится славное хлебопашество, принадлежащее по кочевым местам калмыкам и киргизам. На водах, чрез равнину текущих находится много мельниц, я из любопытства нарочито проводил там около суток, дабы видеть действие оных и нашел, что они довольно хорошо устроены, одним словом ровнина сия есть богатейший источник для довольствия киргизского народа, там кочующего.

Двенадцатый переход 28 же июля чрез щель, до окончания оной 15 верст.

От роздыха нашего дорога идет в щель гор Тура-Адыр и после пролегает чрез большие каменистые увалы, не дающие из себя никакого произрастения и вод. Его можно бы обходить другим путем гораздо способнейшим, но он находится во власти китайских калмыков, а потому караваны избрали трудный путь по необходимости. Сдесь, когда проходишь верхи гор, вдали видна прелестнейшая игра природы, с одной стороны блещет река Иля, протекающая по лугам изгибами, с другой видна большая гора Калкан, из которой киргизы достают нарочитое количество свинцу, а с третьей показываются кочевья калмыков и виден китайский караул, именуемый Мерке.

Недалеко от того места, где отряд остановился, дорога, по которой мы имели || направление, разделяется на две части, одна протягивается к горам Киргиз-Алатау, или к дикокаменным киргизам, а другая ведет в кочевья калмыков. Любопытствуя о образе жизни сего народа, я нарочито ездил в их аулы и нашел, что они от киргизского нимало не отличаются.

Тринадцатый переход от ущелины гор Тура-Агыр* до ключа Карабулак 32 версты.

От окончания первой ущелины гор Тура-Агыр дорога к подошве гор Кунгай-Алатуа до ключа Карабулак проходит чрез ровнину, между сим пространством лежащую. Обильная сия равнина, простираясь в длину более нежели на 100 верст, имеет начало от реки большого Чалека и оканчивается у реки Чарым,

* *Так в рукописи.*

около того места, где находятся четыре китайские караула на дороге, ведущей ко всем пограничным городам, близь черных киргиз лежащим, и на котором кочуют калмыки; на ней производятся хорошие хлебопашества и есть много водяных и ветреных мельниц.

Нападение на отряд Казыл-Бурыков.*

Переход сей, сколько способный, столько и обильный кормами, много опасен для караванов. Кызыл-Бурыки киргизы ведения султана Кулана, кочуя у подошвы гор Кунгай-Алатуа, не дают сдесь свободного ходу; они причиняют всегда большие грабежи и столь к ним приобыкли, что мечтали уже страшить и самый отряд наш своим набегом. Вот каким образом случилось мне видеть и узнать на опыте их отважность: Кызыл-Бурыки, конечно, заметив нас еще накануне, спускавшихся с гор Тура-Агыр, собрались в числе почти 400 человек, а на другой день, когда вышли мы на равнину, они стремительно пустились с гор к отряду. Сдесь справедливость требует от меня объяснить, что хорунжий Нюхалов при нападении сем поступил весьма благоразумно: он завидел || толпу сию и приготовив отряд свой ко всякому случаю, сам со мною и двумя урядниками отправился к ним навстречу и зная разговор киргизской, посредством оного успел их остановить; потом, дав чувствовать сим дикарям, что они весьма много потерпят от того, если отважатся вступить в драку с отрядом или нарушат спокойствие своих соседей, он так хорошо обуздал их, что они, потеряв охоту и намерение отважиться на что либо, воротились в аулы. Изведания о сем нападении, достоверно мною собранные, показывают, что киргизы сии были научены самим султаном Куланом напугать русский отряд; но испуг сей был бы пагубою многих из них, еслибы при отряде был другой, не столько благомыслящий начальник.

Четырнадцатый переход 30 июля от Карабулика до речки Мерке 25 верст.

Дорога от ключа поворачивается направо в первую щель гор Кунгай Алатау и достигает до левого берега речки Мерке. Пространство на этом переходе никем необитаемо, высокие горы покрываются вечным снегом, растущий лес из больших пихт и елей, годных даже на самое корабельное строение, бес-

* *Так в рукописи.*

прерывные водоскаты, упадающие с гор стремительно, словом все виды натуры, охлаждаясь сами под влиянием атмосферы, ровно действуют и на проходящих. Трудный сей переход можно бы было обойти в другом месте, где ходят и самые караваны, но как путь тот лежит уже в ведении китайских караулов, около коих отряд, согласно данной хорунжему Нюхалову инструкции, не смея появляться, принужден был избрать сию многотрудную дорогу; ибо только одна она ведет прямо в землю дикокаменных киргиз, куда отряд был назначен.

Июля 31 пятнадцатый переход от речки Мерке до речки Талдасу* 32 версты.

Дорога, от места ночлега нашего, поворачиваясь направо и пролегая чрез смежную цепь гор Кунгай-Алатау, спускается при выходе к речке Талдысу; она имеет не только хорошие травы и воды, но изобилует и самыми || фруктовыми деревьями урюка и яблоков, смородина, малина и другие ягоды растут сдесь с большим избытком. Но при столь щедрых дарах натурального плодородия, дорога опасна от стремнин и оврагов; начиная от самого Каратала и до владения черных киргиз я не видал еще другого столь трудного и опаснейшего прохода, каков есть на этом месте; тут высота гор столь велика, что с верхов оных, горы, вчерашний день нами проходимые, казались уже самыми мелкими снежными буграми, и промежутки оных, имея большие каменистые овраги с снежною покатостию и заросший отвсюду лес, слишком много страшит проходящих. Сверх сего место сие может назваться и обиталищем больших животных, как то: сохатых, маралов и медведей, которых мы там видели весьма часто. Проход сей также почитается и гнездом воров и скопищем грабителей, сюда стекаются для баранты и раззорения караванов Юсунские и черные киргизы; оба сии неприязненные народа грабят в свою очередь друг друга и вместе раззоряют торговцев. Успех всегда остается на той стороне, которая после нападения с отнятым скотом или вещами успеет захватить проход сей, ибо они, пользуясь сим местом, скрываются в горах безопасно. Народы сии так окоренели в набегах, что нередко тревожат и скрадывают китайские караулы, на дороге сей стоящие.

---

* *Так в рукописи.*

Шестнадцатый переход 31 же июля от речки Талдысу до речки Карасу 10 верст.

Дорога от речки Талдысу поворачивается направо и идет равниною, принадлежащею черным киргизам. На ней находятся три переправы, по мелководию и отлогим берегам нимало не затруднительные, первая чрез реку Талджу, вторая чрез реку Тюп, впадающую в озеро Ис-Сыкуль,* и третья чрез речку Карасу, стекаемую в Тюп. Ровнина, простираясь в ширину на 90, а в длину на 20 верст, облегает с одной стороны горами Кунгай-Алатау, с другой — противуположной, горами Теске-Алатау, при подошвах коих кочуют черные киргизы, с правой руки прикрыта она озером Ис-Сыкулем, а в левую между гор проходит большая караванная дорога в города Кошкар, Яркент и Аксу, которая от торговцев называется там по местному положению Сентаж; у сего-то места находятся и те китайские четыре караула, о которых я говорил уже выше. Все караваны, имеющие свое направление в вышеозначенные города, никак не могут миновать сей равнины, она, доставляя им все необходимое, могла бы служить главнейшею подпорою в продовольствии скота после таких многотрудных переходов, но кочевой народ бугинских киргиз, питаясь одними грабежами и стекаясь весьма часто к самой дороге, наносит им тяжкие удары; он до такой крайности дерзок, что вредит даже и самым китайцам, выходящим из главного Кульджинского управления для смены караулов в города: Аксу, Аркент, Кошкар и Турпан.

Удачное отвращение набега Сарбагызских киргиз.

Сдесь выведу я одно обстоятельство, которое имело бы гибельное последствие для тех киргиз, к коим отряд имел направление и которое благодаря вниманию 6-го козачьего полка сотеннаго атамана Пантелеева отвращено было весьма счастливо. Вот в чем состоит это происшествие: отрядный начальник хорунжий Нюхалов, сближась к кочевьям бывших в сопровождении его депутатов, отправил вперед с известием о нашем

* *Так в рукописи.*

приближении одного бывшего у них в услужении черного киргиза с сотенными || атаманами Волковым и Заградским, а отряд расположил лагерем на ночлеге. Близь самого лагерного места на хороших кормах паслись наши лошади, имея вкруг себя бдительную стражу казаков, в 11 часов ночи сотенной атаман Пантелеев при веянии ветра услыхал, что в стороне довольно далеко происходил некоторой невнятный шум; он дал знать о том хорунжему Нюхалову, а сей последний его же с несколькими козаками послал проникнуть в то место, где оный был слышан. Пантелеев, подъезжая ближе, на слух заметил, что на равнине около реки Тюпа толпилось несколько сот киргиз, и разумея их барантовщиками, пистолетным залпом дал знать отряду, а сей, отвечая таким же образом, испугал уже и самую толпу, которая пользуясь темнотою ночи, успела скрыться в горы. Нечаянной сей случай много действовал впоследствии на умы того народа, к которому мы везли депутатов; родоначальники онаго и другие почетные киргизы, с признательностию отдавая нам благодарность, чистосердечно признавались, что они в ту ночь, как мы прогнали показанную толпу киргиз, ждали оную в свои аулы и до самаго рассвета стояли в готовности к отражению. Народ, которой имел намерение сделать то нападение, коего мы счастливо их избавили, называются сарбагызами, они в беспрерывной вражде с киргизами султана Кулана и мстят бугинцам за то, что оные предупредили султана Алия Адилева о их нападении. О чем в своем месте будет подробно описано.

Семнадцатый переход августа 1 от речки Карасу до речки Джергалак 40 верст.

Дорога, от речки Карасу пролегая по той же равнине, где отряд проходил вчерашний день, ведет к правому берегу 2-й реки, впадающей в озеро Ис-Сыкул, именуемой || Джергалик. Пространство, лежащее на сем проходе, вмещает в себе хлебопахотные места, принадлежащие арыкам и билекам, из коих первыми управляет бий Алыжбай, а последними дети умершего бия Ширалы. Во всю дорогу нашу я нигде не видывал такого изобилия в хлебе, как сдесь: пшеница, ярица, овес, горох и другие произрастения имеют тут самое цветущее состояние.

Первое свидание депутатов с нарочно посланными для встречи.

Оставляя на этом месте описание дороги впереди лежащей, я сообщу сдесь первое свидание наших депутатов с своими соотечественниками. Судя о той скорости, с какою появились последние из них для встречи, и о том восторге, какой был при свидании, к чести сего народа должно сказать, что чувства их нимало не дики, добрых порывов приверженности к своим родовичам, тоже самое оказали наши депутаты, они, горя нетерпением увидать родителей и ближних своих родственников, перерывали друг друга в объяснениях, коими каждый из них хотел доказать близость своих аулов. Нетерпеливое их желание в свидании превзошло напоследок и самые границы благопристойности: сын Улыжбая и сын Ширалы, противясь один другому, так поссорились между собою, что дело уже шло до драки.

Разделение отряда на две части.

Угождая нетерпеливости депутатов, кои быв слишком еще молоды, натурально чувствовали детскую любовь к родителям, для успокоения их желания хорунжий Нюхалов розделил отряд на две части, с одною взял он направление в аулы бия Ширалы, а с другою отправился к бию Улыжбаю. Едва успели мы разделить отряд наш, как киргизы, приняв всякой свою сторону, окружили депутатов, музыка и народные песни, свойственныя образу жизни раздались в толпах их.

Второе свидание депутатов с Бием Улжибаем.

В сем простонародном, но радостном удовольствии, я достиг до аулов бия Улжибая, у реки Джаргалан стоящих; сдесь новая столько же приятная и вместе трогательная сцена представилась глазам нашим: бий Улжибай с подчиненными ему киргизами выехал к нам навстречу сам; сей почтенный и достойный всякого уважения родоначальник, при первоначальном с нами свидании доказал, что он умеет понимать милостивое к нему внимание нашего правительства; доброе и вместе чувствительное его сердце быв растрогано словами сына, с душевною простотою изъявившего пребывание его в России, запечатлело на глазах его благодарные слезы, и он несколько раз безмолвно обращался то к нам, то к своему народу, которой имея к нему

глубокую покорность, не из лести, но из чистосердечия и почитания разделял с ним свою радость. Когда таким образом кончился первый восторг свидания, бий Улжебай отблагодарив нас за доставление сына, пригласил в свои аулы, угостил весь отряд бараниною, кумысом и вином, из сего последнего выгоняемым; точно такое же свидание имел и хорунжий Нюхалов в аулах дяди нашего депутата бия Худайменды, которой находился от меня в пяти верстах.

Доставив таким образом депутата, мне должно было по сделанному условию соединиться с хорунжим Нюхаловым; почему отдав благодарность мою за гостеприимство, я отправился в путь и, соединясь вместе, около 4-го часу по полудни отряд наш двинулся для доставления последняго депутата в его кочевья.

Восемнадцатый переход 1 же августа от реки Джергалан до реки Карагал 40 верст.

Дорога, поворачивая вправо к озеру Ис-Сыкуль по месту ровному и обильному хлебопашеством и другими потребностями, достигает до реки Карагол, которая есть третия из рек, впадающих в упомянутое озеро. У сей реки имеют кочевья билеки, управляемые старшим братом бывшего у нас депутата бием Алгазою, народ прямо достойный своего родоначальника, закоснелого в самом грубом невежестве и грабеже; все его подчиненные так наглы и дерзки, что, несмотря на сопровождаемого нами депутата сына бия Епалака, осмелились не только нанести нам обиды глупыми своими выражениями, но даже вздумали было грозить явным нападением; но их замысел был отвращен добрыми внушениями хорунжего Нюхалова и особенно тем, что отряд, не вступая ни в какой с ними разговор, удалившись вверх по течению реки Корагол, остановился там лагерем.

На сдешнем ночлеге хорунжий Нюхалов, усматривая вкруг реки Корагол прекрасные корма, решился остаться на местах сих для поправления отрядных лошадей, кои от многотрудных переходов пришли уже в довольное изнурение; а я с 20 казаками и сотенными атаманами Пантелеевым, Загравским и Волковым отправился в аулы бия Епалака для доставления к нему его сына.

Девятнадцатый переход 2 августа от реки Карагол до реки Джоуку 62 версты.

Дорога от места нашего разделения, направляясь прямою линиею к озеру Ис-Сыкул, избыточествует хорошим хлебопашеством и травами; на пути оной находятся три переправы, которые есть удобовозможные: первая чрез Ирдык, вторая Джетыгуз и третья чрез Джоуку. Все сии реки, протекая по равнине, падают в озеро Ис-Сыкул.|| Места, нами проходимые, разделяются сдесь на две части принадлежности, одною владеют дети бия Ширалы со своими подчиненными, а другая, начиная от реки Джатыгуса, находится во владении бия Епалака и подвластной ему волости Джеилденской.

Встреча, деланная депутату нашему от родного его брата.

Доезжая к реке Джатыгусу, мы встречены были братом нашего депутата бием Нурузбаем со многими киргизами; он при свидании с нами оказал нам знаки хорошей дружбы, а для предупреждения отца своего о нашем следовании отправил вперед несколько человек своих киргизов. Между тем, как мы переправлялись чрез реку, оба брата в сопровождании своего народа, переехав прежде нас, спокойно продолжали путь свой к аулам; но едва успели они податься вперед на некоторое и то самое малое расстояние, как билековские киргизы, бывшие в числе прочих, оказав неприязненность отняли у бия Нурузбая лошадь. Наглой сей поступок получил, однако же, достойное возмездие: посланные мною сотенные атаманы Загравский и Волков успели нагнать означенных грабителей и привели их ко мне; отнятую лошадь я возвратил обиженному и виновных отправил по принадлежности к детям бия Ширалы, близь коих находился тогда хорунжий Нюхалов, где они и были наказаны.

Свидание депутата в аулах бия Епалака.

После сей маловажной неприятности отряд, достигая аулов бия Епалака, был встречен им самим со множеством народа и был принят с хорошим уважением и дружбою. Истина требует от меня сказать, что сей достопочтенный || начальник при

справедливых правилах своих может быть тверд и непоколебим в верности; его кроткое обращение с природною важностию и строгие поступки в поведении собственном, обуздали подвластных ему киргиз до такой степени, что отважный сей народ, славившийся многократными барантами и грабежами, ныне чуждается сих пороков; но я, оставляя до своего места описывать его поведение, скажу только то, что Епалак на первом шагу нашего свидания в его аулах, показал много доброго и полезного: он с таким духом говорил собравшемуся к нему народу, что бии и все почтенные киргизы из благодарности своей к России приняли нашу сторону.

Окончив сдесь все, что от меня касалось до сего добраго родоначальника, любопытство влекло меня к обозрению озера Ис-Сыкуль, я объявил о том бию Епалаку, и он с радостию желая служить мне вожаками, дал еще для съезда 18 лошадей, которых я возвратил ему после с благодарностию.

3 и 4 августа продолжалось обозрение озера Ис-Сыкул, а 5-го обратно прибыл в аулы.

Озеро Ис-Сыкуль имеет название по своему значению; оно на русском языке означает теплое озеро, что и справедливо: ибо оно зимою не замерзает, в виде своем оно почти яицеобразное, вода несколько сладковата, но в пищу годная, берега на местах низких отлогие и глубина небольшая, но около гор высокие с глубокими местами. В нем, как киргизы уверяют, водится множество разных родов рыбы, но при мне имеющимся там небольшим неводом доставали только щук и карасей. Озеро принимает || в себя одиннадцать рек, кои суть: Тюп, Джергалан, Корогол, Ирдык, Джетыгус, Джауку, Чичкан, Ергачак, Алабаш, Конгролен и Корчар-су; последняя из них есть самая большая, она вытекает из гор Тескеамстау; кроме сего в озеро втекают многие ключевые источники, выпадающие из гор Кунгай-Алатау. Напротив того оно изливается одним только каналом в реку Чую, которая шириною почти равна с рекою Иртышем, но быстротою далеко уже превосходит; река сия около Ташкинии падает в реку Дарью.

Озеро с одной стороны облегает горами Теке Алатау, около коих берег имеет самое малейшее пространство; с другой противуположной чрез горы Кунгай Алатау проходит большая

караванная дорога в Коханию и Ташкинию; с третьей протекает большая река Чуй, а на последней простирается равнина, где кочуют черные киргизы. Чтобы дать некоторое понятие о народе сем, я выведу все замечания мои по сему случаю собранные. Черные киргизы делятся на многие роды, из коих каждый принимает свое название. Кочующие на равнине, начиная от перваго караванного прохода из Китая в землю черных киргиз, именуемого Сентаж до самого озера Ис-Сыкуль, называется общим имянем бугинцы, но, делясь уже на волости, принимают другие наимянования, т. е. из них первые называются билеки, 2-я арыки, 3-я джелидены, и 4-я кыпыки. || Сии четыре волости составляют главнейшую силу в роде бугинцев и управляются разными родоначальниками, как то:

Описание нравов билековских киргиз.

Волость Билек имеет у себя от 3000 до 4000 юрт, она состоит во власти детей умершего бия Ширалы, границы ея владения начинаются от самаго Сентажа и продолжаются по большой караванной дороге до реки Джергалик. Наглой сей народ заставляет меня описать поведение достойных их наставников, или выставить на вид имяна отличных сих грабителей: первый, главнейший из них, есть старший брат бывшего у нас депутата бий Аджибай, за ним следуют другия первостепенные роззорители торговли нашей, их же братья: бий Нуса, Мусагожа, Джанус и Кайчибек, жалованной от Российского правительства чином капитана, саблею и золотою медалью, а после всех них занимает место депутат наш, бий Алгазы. Разсматривая черты лица сего последнего, поступки и обхождение, безошибочно угадать можно, что он будет доброй совместник своих братьев и на поприще грабежа успеет приобресть хорошую похвалу. В одинаком с ним соучастии я считаю и родных их дядей биев Чийдера, Рысалу, Нуку, Худайменду и Яик-Амана; ибо они нимало не уступают им ни в грабеже, ни в барантах, особенно же последний есть наижесточайший разбойник. Он, как многие бии и почетные люди с клятвою уверяли, два раза убарантовывал лошадей из отряда бывшего там хорунжего Мокина || и имел намерение украсть у нас, но услыхавши, что его ищут для некоторых спросов по делу того Мокина, он неизвестно куда из своей волости скрылся.

Описание поведения бия Ульжебая и его подданных.

Волостию арыков, в которой почитается около 3/т. юрт, управляет бий Ульжебай. Я не могу достойно выхвалить сего родоначальника; он в роде бугинцев есть наилучший, как по поведению, так и по уму, который я понимаю в особенном только их народе. Добрыми качествами души и примерною строгостию в обращении с своими подчиненными он достиг такого от них уважения, что, проезжая от самаго Иртыша до сего владения, я нигде не видал столь глубокого почитания и к самым султанам главнейшим в орде и роде, какое оказывают они сему бию на всяком месте и во всяком деле. Из опыта узнал я хорошие и обстоятельные его суждения о делах и совершенно доброе понятие о России, о которой он говорил, как человек воспитанной под благотворным ея покровом и с клятвою утверждал приверженность свою к нам. Мой долг требует к чести сего родоначальника, сказать одно происшествие, в котором видно благоразумное обуздание людей, отважившихся на воровство. У Семиполатинского мещанина Петра Пиленкова, ушедшего за четыре дни до нашего прихода в Турпан с кораваном сей волости киргизами покрадено было четыре лошади. Ульжебай после ухода уже сего торговца || отыскал виновных и при бытности нашей, наказав их жестоко, отобрал украденных лошадей и оставил оных до прибытия Пиленкова.

Поведение бия Епалака и подчиненных его.

Волость Джеильдень, где считается до 2000 юрт, состоит в ведении бия Епалака. Сей родоначальник, кроткий в характере, добрый в душе и ласковой в обществе, при 70-летней своей старости крепко еще держит своих подчиненных. Чуждаясь вредных своих соотечественников, он имеет дружбу с одним только бием Ульжебаем, и от того они весьма много сходствуют в поступках и самом поведении. Подвластный им народ, быв строго преследуем за пороки и особенно за грабежи, давно оставил хищные свои набеги, одним словом, арыки и дженльдены при настоящем их правлении есть такой народ,

который, согласно клятве их родоначальников, кажется будет способствовать к расширению нашей торговли, если только правительство обратит на них внимание и найдет способ пресечь корень других хищных киргиз, о которых я в своем месте выведу свое заключение.

Поведение киргиз Кыдыковской волости.

Волость кыдыков, имеющая 3000 юрт, управляется бием Яикеем; она кочует около реки Джауку близь самой караванной дороги, идущей в Кошкар, Яркент, Аксу и Турпан. Не входя ни в какие посторонние изведания о образе жизни кадыков, надобно только взглянуть на их правителя и в нем по одним чертам лица его тотчас узнаем, что подчиненные его есть самые злейшие разбойники. На сем то самом месте караваны часто истребляются до основания; ибо киргизы Билековской волости, встретив их при выходе из Сентажа, провожают грабежами до кадыков, а кадыки, не выпуская уже за границы своего владения, доводят оные до последней крайности, одним словом проход из Сентажа до реки Джауку есть ничто иное, как вертеп разбойников.

Собрание старейшин черных киргиз.

Кончив обозрение озера Ис-Сыкул, я возвратился обратно в аулы бия Епалака, там, согласившись с ним, в сопровождании многих почетных биев и киргиз, мы отправились в аулы бия Улыжбая, где положено было сделать народное собрание для исполнения известнаго поручения, на каковой конец хорунжим Нюхаловым приглашены были все дети бия Ширалы с их дядьями и другие бии, кроме Яик-Амана.

В собрании том с достойною важностию отданы были письма и объявлены самые обстоятельства, для которых отряд был к ним послан. Все предложения наши были приняты обществом старейшин с знаками хорошего расположения в их пользу, почему и можно было ожидать тогда же согласия; но обстоятельство, которое ниже будет означено, останавливая их на пути желания, уклонило их на сей раз от решимости. Вот на чем несколько времени колебались их умы.

Посольство от Коханского владетеля.

Коханский владетель, изыскивая, как видно, случай расширить свои владения и дать некоторые способы в оборотах торговли своей, отправил от себя трех посланников: одного к нашему правительству, другого к султану Кулану, а третьего к правителям черных киргиз. Не говоря о первом из них, ибо правительство конечно имеет его ноту, но о двух последних, по изведываниям моим, узнал я, что они приезжали склонять означенных родоначальников войти в подданство Кохании, предполагая с тем вместе совокупными силами истребить саргазынских киргиз, кои слишком часто наносят опустошение своим соседям; но предложении сии остались без успеха по следующим причинам: Кулан, быв на тот раз занят делом с китайскими калмыками, которые взыскивали с него покраденных лошадей, приглашался также и к нашему отряду || для получения высочайших наград, а потому не имел времяни, или не смел сделать никаких заключений с посланниками, а бии черных киргиз, имея детей своих депутатами у нас и ожидая окончания баранты сарбагызов с юсунцами, решились до времяни остаться непреклонными вступать в подданство Кохании.

Исполнение старейшинами черных киргиз наших предложений.

Напоследок благоразумным внушением хорунжего Нюхалова о той сильной защите, какую приобретут они от могущества российского покровительства, бии Ульжебай и Епалак первые отторгнули всякую мысль о Кохании и примером доброго своего соревнования к славе Российской державы, увлекли с собою и всех прочих родоначальников, которые в исполнении требований наших дали подписки и благодарные письма к г. генерал-губернатору Западной Сибири. Бумаги сии, как официальные, правительство, конечно, получит, но мой долг и справедливость требует одобрить усердие сотенных атаманов Пантелеева, Загровского и Волкова, которые, зная издавна обыкновения киргизские, много способствовали хорунжему Нюхалову в соглашении сего дикого народа. Та же справедливость понуждает меня объяснить и то, что семиполатин-

ской мещанин Петр Пиленков, находясь по торговым делам в земле дикокаменных киргиз, соревнуя пользам государства, добрыми советами и кротким обхождением успел приобресть себе отличное уважение от тамошнего народа, по его только внушениям, как уверяют сами родоначальники, согласились они послать депутатами детей своих и вступить навсегда в подданство России. Они убедительно просили таковой поступок Пиленкова довесть до сведения правительства, отдавая такую же благодарность и тюменскому мещанину Назару Тупикову, которому поручали они детей своих для доставления в Омск и обратно в их кочевья, || и который при неимущественном своем состоянии, не щадил последней своей собственности к успокоению их во время передняго пути.

После того, как поручение наше счастливо кончилось, я между любопытством узнал, что от озера Ис-Сыкуль до города Турпана караваны ходят только семь дней, а потому, рассчитывая расстояние, я положил, что он отстоит менее 200 верст, промежуток времяни, которой надобно было дать для отдыха лошадям отряда, позволял мне удовлетворить желанию; а потому я с десятью козаками в сопровождании несколько киргиз на лошадях биев Ульжебана,* Епалака и других, кои с большою охотою оных мне дали, отправился по пути к Турпану.

Описание города Турпана.

7-го числа вечером мы достигли китайского караула, имянуемаго Шате, и недалеко от оного в горах остановились, и на другой день поутру при хорошей погоде с небольшой высоты я смотрел и самый город Турпан, со мною хотя не было зрительной трубки, но недальнее расстояние оного от моего места позволяло мне хорошо различить видимое: город лежит на возвышенном месте, в нем не видно больших сданий, и самый вид его не показывает никакой правильной фигуры.

Удовлетворив сим любопытство мое, я того же дня обратился в близь лежащие киргизские аулы, которые принадлежат волости, имянуемой Тынымсанты, управляемой бием Шопаком. Народ сей происходит тоже из роду бугинцов, но он кочует

---

* *Так в рукописи.*

отдельно. Киргизы сии, по уверению много бывших, имея кроткие нравы, ведут спокойную жизнь.

Продолжая обратний путь мой, я 10-го числа около половины дня прибыл к отряду || и вскоре после моего приезда мы приняли обратное направление к урочищу Каратал, быв провождаемы до реки Тюпа, бием Ульжебаем и его подчиненными киргизами, из коих один по приказанию своего родоначальника вместо вожака, довел нас до самой реки Или, где кочуют волости султана Кулана.

Переправившись через реку Тюп, хорунжий Нюхалов с отрядом принял направление влево — чрез ущель гор Кунгай-Алатау, называему Товолгаты, а я с 20-ю козаками взял марш вправо для узнания караванной дороги; следуя трактом караванов, я наипервее достиг гор Сентажа и остановился во оных для ночлега.

Описание гор Сентажа.

Горы Сентажа, где находятся четыре китайские караула, имеют название свое от двух разнородных причин: торговцы имянуют их Сын-тажем, что на русском слоге означает прорыв чрез горы; это название кажется справедливее другого: ибо тут действительно оканчивается последняя цепь гор Алатау, а далее простираются уже ровные места. Но следуя киргизскому баснословию, они в слове Сентаж принимают на себя событие. Сентаж в руском переводе есть миллион камней. Название сие, как уверяют киргизы, произошло от того, что бывший владетель Азии Чингис-Хан, намереваясь завоевать нынешние пограничные города Китая, на этом месте захотел исчислить свое войско и, как закон магометанской считать оное воспрещает, то Чингис-Хан приказал каждому всаднику взявши камень бросать в одну кучу, где и было насчитано целый миллион тех камней.

После ночлега нашего в горах Сентажа, мы около половины другого дня, появились || у самых китайских караулов, имянуемых Мерке, Чарын, Каркоры и Корджар, но не желая ими быть замечен, я старался сколь можно иметь от них скрытное направление, довольствуясь одним поверхностным взглядом разведанием, на коих и делаю мое о них заключение.

Китайские караулы.

Китайские караулы расположены квадратно; у одних только чиновников видны палатки, а прочие все помещаются в землянках квадратной же фигуры; на первых трех караулах главными начальниками есть Голдан; но на последнем управляет Анбан. Караул Мерке имеет от 50 до 80 человек простых китайцев; два другие, числом людей несколько его превышают, но при Анбане находится около 400 человек; караулы имеют свое название по местному положению; ибо первые два стоят при реках Мерке и Чарык, а последние находятся около гор Коркары и Конджар.

Влияние китайского правительства над киргизами.

В близи 2-го из сих караулов на противоположной стороне реки Чарык кочуют китайские калмыки. Сей народ, как уверяют соседственные киргизы, ведут спокойную жизнь; причины такового поведения калмыков, я полагаю те, что китайское правительство, строго обуздывая собственные их страсти, жестоко карает и нарушителей их спокойствия. Следующий случай докажет сию истинну. Кызыл-Бурыки, киргизы ведения султана Кулана, кочующие почти смежно с калмыками, украли у них 80 лошадей; Албан Конджарской послал к Кулану своего Галдая и 20 китайцев за возвращением убарантованных лошадей. Люди сии около 20 суток жили в аулах на собственном от султана продовольствии; они сполна получили лошадей, || но востребовали в добавок оного и самых виновных в баранте для предания их в руки правосудия; поелику народные сии грабители всегда предаются там смертной казни. Вот весь довод о важности китайского правительства в земле киргизской.

Обозревши местное положение караулов и узнавши все нужное для моих замечаний, я, следуя за отрядом 13 числа августа, соединился с ним при 3-й реке Мерке, ибо под названием сим их протекает там три, откуда идя тою же дорогою, которая вела нас в путь передней, я ничего более достойного замечания не видал, а потому обратной наш марш заключу тем, что в 25-е число того месяца мы благополучно возвратились на Каратал и успели принять участие в том отличном празднике, который дан был в честь народа киргизского.

Окончив замечании мои во время отсутствия от главного отряда, я приступаю теперь к исполнению данной мне инструкции, то есть: изложу изведании мои о путях караванных, которые состоят в том:

Все караваны, идущие из заграницы нашей в города Азии, по краю Сибири обитаемые и во владении китайском находящиеся, исключая города Чугучака, куда лежит особой тракт от Семиполатинска, должны непременно приходить на урочище Каратал, ибо место сие есть такой пункт, коего они никак миновать не могут; отсюда караваны следуют только до левого берегу реки Комсы, а там дорога, разделяясь на две части, разделяет и их в направлении по торговому промыслу, одна идет чрез горы Якши-Алтын-Емель, к реке Иле, а другая, пролегая к первому китайскому караулу, ведет в горы Кульджу; я начну описание сего последнего прохода, ибо он первый стоит пред глазами, а в свою очередь скажу уже и о прочих путях. ||

Караванный ход баранами в Кульджу от первого китайского караула, полагая в сутки 25 верст, считается 8 дней, но торговцы все вообще достигают туда не ранее 12 суток. Истинную причину таковой медленности полагать должно ту, что караваны, получая на каждом из китайских караулов новых провожатых, бывают за тем несколько часов задерживаемы на караулах.

Торговые сношения с городом Кульджою.

Кроме сей остановки караванов, которая впрочем не составляла бы никакой помехи, если бы торговый оборот в Кульдже имел цветущую отрасль, находятся другие такие препятствия, кои, нагло отторгая у торговцов часть их приобретения, отнимают последнее соревнование, производят сдесь и без того уже неприбыточную торговлю. Сей пункт ослабления происходит от киргизских султанов, которые, имея глубокое почитание к китайцам, основали на торговых сношениях виды своего корыстолюбия и обман для китайского правительства. Достоверное изведание покажет, как значителен торг Кульджинской и какое зло истребляет там прибытки торговых капиталов. Торг Кульджинской, имея в обороте только мену баранов на Дабы и не составляя никакой многосложной и завидной торговли, вмещает в себе следующие раззорительные неудобства: торговцы наши, не смея являться в Кульджу под собственными своими

названиями, принимают на себя подложное имя анджанов, т. е. подданных Ташкинии, сему подлогу способствуют киргизские султаны, они, удостоверяя своими письмами принадлежность караванов означенному владению, || с тем вместе из рабской покорности к китайскому правительству и для собственной своей корысти объявляют в письмах сих, что с караваном послан от них подарок, называемой по киргизски Тарту, за которой обыкновенно Кульджинской Джанжун дает в вознаграждение посылавшему подарок Канфу. Торговой народ, принимая письма от султанов, платит им за оные согласно их требованию подать и принимает на себя отдать Джанжуну Тарту.

Остановивши* таким образом некоторую часть прибыли в руках султанов, торговцы вступают в Кульджу и на первом шаге отдают письма и платят Дарчу; после сего им позволяется сдать баранов в казну; ибо никто из китайцев под опасением тяжкаго наказания не смеет у них покупать сего скота. Когда приставленные к приему чиновники сочтут баранов, тогда торговец получает по числу оных из казны Дабы; но он никак несмеет сортировать доброты сих последних потому, что и его скот принят был без разбору, сим оканчивается всякое торговое сношение в Кульдже. Впрочем, на сей дороге нет никаких трудных проходов и не было бы опасности, естьли бы часть Чапрастинской волости с кочующими в ней султанами Мамырханом и Тюлеком не делали иногда грабежей и насилия, чрез какие же имянно места проходит дорога, о том прилагаю описание под литерой А. **

Теперь обращаюсь к дороге, идущей на реку Илю, она пролегая чрез горы Якши-Алтын-Емель, доводит только до означенной || реки, а там после переправы тот же раз разделяется на две части, одна поворачивается вправо вниз по течению реки, ведет в Коханию, а другая, пролегая вверх, имеет направление к тем черным киргизам, у коих мы находились с депутатами. Поелику последняя из них уже известна из предыдущего описания, то я приложу только о ней маршрут под литерою В; а о дороге в Коханию излагаю следующее мое замечание:

---

* *Так в рукописи.*

** *Мы опускаем все описания дорог, данные автором рукописи под литерами A, B, C, D, E.*

Путь сей, пролегая по левому берегу реки Или, достигает черных нижних киргиз, имянуемых сарбагызами, он есть самый кратчайший из всех известных до ныне проходов в Коханию и лежит гораздо ближе прямой дороги, ведущей туда из Семипалатинска. На сей то путь торговцы наши давно устремляют свои взоры, потому что торг в Коханию, быв важнее кульджинского, познакомил бы их с прямою азиатскою в сдешнем краю торговлею; но они не пускаются тут по причине грабежей, причиняемых им сарбагызами. Жестокой сей народ, беспрестанно барантуя со своими соседями, наносит самые тяжкие удары караванам. На сей конец прилагая сдесь описание дороги под литерою С., я выставлю отличные в грабеже волости, как то: Салтинскую, Кущинскую, Сару и Саяковскую, которые управляются все бием Сарыбаем, одним из самых отважных барантовщиков киргизских. Хотя не знаю я народного счисления, в сих волостях, но полагаю, что они довольно сильны.

Нападение сарбагызов на дулитов.

Сарбагызы в непримиримой вражде с юсунцами, которая имеет своим началом то, что покойной султан Адиль-Аблайханов при жизни своей частыми набегами завладел землею лежащею близь самой Кохании, где с того времяни некоторая часть дулатов, состоявших в ведении Адиля, оставшись там кочевать, производят баранты у сарбагызов, которые в отмщение уже дулатам решились нанести им совершенное истребление, в сем замысле они собрались около 5000 человек, предводительствуемые бием Сарыбаем, вошли уже в волости дулатов и наверное успели бы совершить свое намерение, если бы два непредвиденные ими случая не испортили обдуманной план раззорения и не подвергли их самих пагубной неудаче. Бугинские черные киргизы, в которых сарбагызы были уверены, что они примут их сторону, против надежды их дали знать о предстоящей опасности дулатов. Султан Алий Адилев был самый ближайший к месту нападения и он первый получил сие несчастное известие. Он успел еще собрать для встречи около 2000 человек киргиз своего ведения, но люди сии при начальном вторжении сарбагызов, оставались без действия.

15 июня сего года сарбагызы, появившись близь аулов султана Алия, согласились, как после на опыте было узнано, сделать нападение вдруг на семи пунктах, т. е. на все семь волостей дулатов, что они на другой день весьма удачно исполнили. Жестокое или лучше сказать варварское их бичевание не разбирало ни пола ни возраста; они, грабя || аулы, безжалостно терзали своих соседей и окончив уже позорное сие побоище, под вечер упоенные кровию ближних, случайно сошлись две партии вместе и почитая друг друга за неприязненную сторону в ожесточенном исступлении начали междуусобную драку; а дулаты, пользуясь сим случаем, с мщением напали уже на обе сии толпы и разбив их, истребили после и другие отделения сарбагызских киргиз. Убитыми на месте почитается до 300 и в плен взято 1000 человек; сверх того досталось в руки дулатов 5000 лошадей и множество одежды. Пленный народ объявлен слугами султанов, а все прочее они при нас еще делили по своему обыкновению.

После дороги в Коханию, следуют пути в города Аксу, Турпан, Яркент и Кокшар; они проходят до самого Сентажа всеми теми урочищами, где проходил отряд наш, к черным киргизам. На пространстве оных кочуют подведомственные султану Кулану волости — Сыгыс-Сары, Алтбучуны, Алджаны, Кумгыр и Кызыл-Бурыки; но из всех сих волостей Алджаны и Кызыл-Бурыки в грабежах берут важное преимущество.

От гор Сентажа караваны, идущие в означенные города, проходят чрез землю дикокаменных киргиз, имянуемых бугинцами, которых поведение выше описано; у самого же почти Сентажа дорога в Турпан могла бы поворачивать налево, следуя около гор Теске Алатау, вела бы прямо в город самым || ближайшим и удобным местом, но как она идет там чрез пустую степь, куда часто черные киргизы стекаются для грабежей, то из опасения к сему караваны в Турпан идут по дороге в Аксу, Кошкар и Аркент.

От владения черных киргиз, или лучше сказать от озера Ис-Сыкуль дорога кошкарская и вместе Турпанская, пролегая левым берегом вверх по течению реки Джоуку, доходит только до гор Зауке-Дуа, а у подошвы оных разделяется опять на две части, | вправо идет в Кошкарию, а влево в город Турпан, о первой из них я прилагаю описание под литерою Д и объясняю, что на пространстве оной около долины Акссай, кочуют

бугинские киргизы, имянуемые по волостям колмаки, шопаки, абдаши и череки, народ жестокой для грабежей, а около горы Терек-Дуан — имеют кочевья чембогызские киргизы, менее опасные для караванов.

Дорога Кошкарская от первого китайского караула, называемого Сасык, кроме одного тяжкого по расстоянию для караванов перехода есть вообще удобная; от озера Ис-Сыкуль ход караванов баранами до Кашкару полагается не более 12 дней, но верховой ездой достигают туда на 4-й день; следовательно, он отстоит не далее 300 верст.

Выше сего я оставил дорогу Турпанскую у гор Зауке-Дуа, а потому оканчиваю оную сдесь тем, что все проходы от гор Зауке-Дуа до самой горы Бедаль-Дуан идут чрез горы Тескe-Алатау мимо кочевьев кадыков, киргиз ведения биев Гадаимета, Исенева, и Сар-Чора, которые в роде бугинцев есть отважнейшие разбойники; далее же от гор Бедаль-Дуана, они проходят только чрез два китайские караула Джийде и Шате, около которых до самого Турпана кочует волость Тысым-Салты, управляемая бием Бодпаем и Шопаком; народ сей волости весьма смирной. Ход караванов с баранами продолжаетея 7 дней, а верховой ездою приезжают туда в два или много три дни; следовательно, разстояние оного не составляет и 200 верст, маршрут же о сей дороге прилагается под литерою Е.

О дороге в город Аксу, я не могу ничего более сказать, как только то, что она идет чрез город Турпан, а других проходов нигде не имеет. Караваны из Турпана выходят туда в 2 дни, а верхом доезжают в одни сутки, а потому полагать должно, что расстояние между тех гор менее ста верст.

Последняя дорога караванов есть в Аркент; она на дороге в Турпан у 2-го китайского караула Шате поворачивается вправо и пролегая мимо Турпана, чрез 8 дней караваны приходят в Аркент, а потому наверное полагать можно, что город сей от караула отстоит не далее 400 верст. На пространстве том хотя кочуют киргизы, но они считаясь уже кошкарцами, управляются китайским Галдаем, а потому поведение их для торговцов должно быть безопасно.

Заключая сим изведании мои о путях караванных и изложив уже все неудобства, встречаемые на оном нашими торговцами, я согласно желанию правительства объяснил некоторую мысль о пресечении коренных врагов торговой нашей промы-

шленности, которая, || быв основана на верных доводах, о очевидной опасности караванов, кажется, будет сходствовать с тою целию, на коей принята система упрочить в сем крае торговый промысел.

Благотворное правительство наше, сколько мне известно из наставления, усугубляясь на сем пункте расширения торговых связей, имеет в виду устроить в сдешнем краю округ и предположение сие, конечно, приведено будет в исполнение. Но оно, как важнейший план в перевороте народа дикого и нимало не понимающего о благоустроенном правлении, не может еще принять вскоре своего начала; а между тем, караваны наши, стесняясь от корыстолюбивых султанов налогами и имея опасность от насилия и грабежей народа киргизского, должны по необходимости отложить до времяни свою торговлю и производить оную без всякого поощрения. Но до времяни совершенного учреждения округа, я полагаю иметь в Большой Орде безвыходно три наши отряда: один на урочище Каратале, другой у переправы на реке Иле, а третий в земле дикокаменных киргиз на средине между гор Сентажа и реки Джоуку.

Отряды сии, способствуя торговым расширениям и защищая караваны от грабежей, могли бы весьма много действовать на умы киргизского народа и искореняя постепенно дикие его склонности, споспешествовали бы цели будущего учреждения.

Подписал: Омского Гарнизонного полка лекарь Зиббершейн.

Верно: Управляющий отделением Пчельников.

С подлинным читал: Начальник стола Василий Рескин.

Пометы: к № 220. 1826 г.

ЛОЦИА. М. В. Д., Земск. отд., 8 делопр., № 100, 1824—26 гг., „Об отправлении в Киргизские степи отряда под начальством подполковника Шубина для усмирения, по просьбе султана Большой Орды Сюка-Аблай-Ханова, соседних с его волостью киргизов и для сопровождения во свояси бывших в Омске депутатов от закаменных киргизов, ищущих покровительства России". На 128 листах, лл. 74—96. Копия.

К ЛИКВИДАЦИИ ПОССЕССИОННЫХ ФАБРИК

Поссессионные фабрики — один из примеров „того самобытного явления в русской истории, которое состоит в применении крепостного труда к промышленности“.[1] В наиболее, так сказать, чистом виде самобытность эта нашла свое выражение в так наз. вотчинных мануфактурах, т. е. в тех случаях, когда крепостные дворян-помещиков обращались на „фабричную“ работу в хозяйстве своего же помещика. Но, пожалуй, наиболее яркую реализацию она получила в поссессионных фабриках, т. е. в тех случаях, когда право на применение принудительного труда в промышленности распространялось на тех, кто вообще не имел права владеть крепостными и пользоваться их трудом: здесь экономика ломала правовые рамки и наделяла купечество привилегией, которая считалась монополией феодального дворянства.

Поссессионное право, как известно, ведет свое начало от указа Петра I 18 января 1721 г., которым „купецким людям“ разрешено было покупать к фабрикам земли с крестьянами на праве условной собственности: крестьяне эти считались крепкими фабрике, но не купцу, могли быть использованы только для фабричной работы и отдельно от фабрики не могли быть проданы. Указ Петра обобщал и закреплял меры „поощрения“ купеческой мануфактуры, практиковавшиеся от случая к случаю и раньше, а в этом акте сказалась крупная победа купеческого капитала, который добился права на пользование зависимым трудом.

Однако, победа, одержанная купечеством, не оказалась достаточно прочной. Как известно, на протяжении века право купцов приобретать на поссессионных началах крестьян то ограничивалось (в 1752 г. ограничением покупки крестьян по определенному расчету душ на стан), то воспрещалось (1762 г.), то снова разрешалось (1798 г.) и снова запрещалось (1816 г.). Если в этой зигзагообразной политике сказывалась острая борьба за „рабов“

[1] Ленин, Соч., т. III, стр. 365.

между дворянством и купечеством, то в факте возобновления разрешения нельзя не видеть примирения с существованием поссессионных фабрик и некоторого отступления дворянства и правительства, возвращавших право на пользование крепостным трудом тем, кто к белой дворянской кости не имел никакого отношения.

Эта же зигзагообразная политика, на десятилетия запрещавшая купцам вновь приобретать к фабрикам крестьян, побудила купечество обратиться к вольнонаемному труду. Постепенно на ряду с поссессионными фабриками росло число фабрик „вольных", не связанных ограничительными нормами поссессионного права. В первые десятилетия XIX в. впервые намечается процесс машинизации производства — этим также пользуются вольные фабрики, приспособленные и приспособляющиеся к условиям рынка. И по мере того, как крепли ростки капиталистического производства в недрах феодализма, по мере того, как обострялись противоречия между ростом производительных сил на новой основе и производственными отношениями, построенными на старой, феодальной основе зависимости труда, — вступала в полосу кризиса и разложения поссессионная фабрика, как носительница обреченных на отмирание старых феодальных отношений. Привилегия, которой когда-то не без страстности добивалось купечество, стала для него тяжелой обузой.

Тяжесть поссессионного права сказывалась для фабрикантов, главным образом, с двух сторон — со стороны постановки самого производства и со стороны положения поссессионных работников.

Дело в том, что разрешение на покупку купцом крестьян в каждом случае обусловливалось обыкновенно тем, что такое разрешение давалось на постановку и ведение данного, определенно указанного, а не вообще любого производства; порядок этот поддерживался преимущественно тем, что самое разрешение чаще всего давалось для выполнения нужд и заказов казны (поэтому поссессионные фабрики часто были и „обязанными", т. е. обязанными поставлять всю или часть своей продукции казне). Если вначале от такого ограничения отдавало привилегией, так как фабрикант получал не только крепостных, но и казенные заказы, то с течением времени ничего заманчивого от такого порядка не оставалось. В то время, как „вольные" фабрики могли производить то, что находило лучший сбыт

на рынке, поссессионные фабриканты не имели права перейти на другое производство, хотя бы они работали с убытком.

Несуразность такого положения, казалось бы, не должна была возбуждать сомнений. Однако, феодальный порядок был еще крепок, и те, кто его представлял, могли отступить на вершок вместо того, чтобы делать шаги более решительные. Таким отступлением было воспринятое практикой, под давлением настояний фабрикантов, разрешение в отдельных случаях перехода на другое производство, но не иначе как с санкции Комитета министров. Само собою разумеется, что такой порядок разрешения предполагал исключительные случаи и, по своей сложности, не мог ничего изменить в общем положении поссессионных фабрик. И, действительно, случаи таких разрешений были редки. Один из документов, относящихся к декабрю 1818 г.,[1] упоминает о следующих разрешениях: в 1814 г. Белавиной обратить шелковую фабрику в полотняную, в 1816 г. Кирьякову ситцевую в шелковую, Суворову парусную в суконную и Москвиной часть рабочих обратить с шелковой на бумажную фабрику.[2] Просьб со стороны фабрикантов поступало, конечно, больше, и, несомненно, под влиянием их министр вн. дел Козодавлев рискнул давать эти разрешения сам, на что он формального права не имел. Под влиянием ходатайств фабрикантов, тот же Козодавлев решил сделать еще один шаг, достаточно, впрочем, робкий, к тому, чтобы облегчить переход поссессионных фабрик на новое производство. В 1819 г. он вошел в Государственный совет с представлением „о дозволении владельцам поссессионных фабрик вырабатывать на заведениях сих изделия и другого рода".[3] Речь шла, конечно, не о признании за фабрикантами свободного выбора производств, а лишь об упрощении процедуры, сопряженной с получением разрешений: Козодавлев проектировал, чтобы разрешение давалось не Комитетом министров, а самим министром. В представлении приводятся мотивы, которые побуждают фабрикантов просить о переходе на новое производство: „Причины, побуждавшие к сему поссессионных фабрикантов, — пишет Козодавлев, — были: или упадок цен на прежние изделия по коммерческим оборотам, отчего

[1] ЛОЦИА, Деп. мануф. и вн. торговли, I отд., I стол, 1818, д. № 45.

[2] Туган-Барановский („Русская фабрика", 3-е изд., стр. 126) приводит еще разрешения кн. Потемкину, кн. Юсупову и купцу Куманину.

[3] ЛОЦИА, Гос. сов., деп. гос. эк., 1819, д. № 35.

многие подобного рода заведения приходили в расстройство, или переход оных по каким-нибудь случаям в другие руки и к таким лицам, кои владеют фабриками другого рода, и следовательно не имеют нужных познаний в производстве на вновь приобретенных заведениях". Доводы — достаточно серьезные и убедительные. Но чтобы укрепить свою позицию Козодавлев пустился далее в казуистику, и, вопреки установившейся десятилетиями практике, доказывал Государственному совету, что, в сущности, действующий закон вовсе не предусматривает обязанности фабриканта вести раз навсегда определенное производство. По толкованию министра, закон, „не заключая сам по себе воспрещения занимать мастеровых, например, шелковой фабрики выработкою полотен, сукон и прочих изделий, сколько полезных, столько и необходимых, повелевает только не употреблять их в другие работы, то есть посторонние и к фабричному производству совсем не принадлежащие, как например, в собственные фабрикантов домашние услуги, на работы конюшенные, садовые, земляные и подобные, которые по существу своему не могут входить в состав фабричных заводских занятий".

Доводы эти не возымели, однако, своего действия. Не возымела его и развиваемая в дополнительном представлении Козодавлева мысль, что „промышленность народная вообще тогда токмо преуспевает, когда оная пользуется нужною для нее свободою и когда все то, что ее стесняет, будет устранено", — тем более, что под „свободою" разумелась связанность фабриканта разрешением министра вн. дел. Государственный совет решил, что старый порядок не оставляет желать ничего лучшего, и представление Козодавлева отклонил.

Положение оставалось бы таковым надолго, если бы не воздействовал другой фактор, более действительный, чем просьбы фабрикантов и доводы Козодавлева, — волнения рабочих поссессионных фабрик. Волнения эти стали бытовым явлением и вызывались, помимо общего протеста против крепостнических отношений, специфическими условиями существования поссессионных крестьян. Фактически они были крепостными фабриканта-купца, но формально были прикреплены к фабрике. Отдельно от последней фабрикант их продать не мог, не мог он и отпустить их на свободу, так как поссессионные считались „данными" фабриканту, казенными, распоряжаться судьбою

которых он права не имел. Все это приводило к порядку, для поссессионных крестьян нестерпимому. Фабрикант должен был содержать поссессионных, но, если дела фабрики шли скверно, это, прежде всего, отражалось на крестьянах: теми или иными мерами заработки их ухудшались, продовольствие сокращалось. А если фабрика приостанавливала работы, то положение поссессионных становилось и совсем безвыходным. Они роптали, обращались с просьбами по начальству, восставали. Фабриканты, с своей стороны, находились под постоянной угрозой этих волнений и под тягостной для них обязанностью использовать крепостной труд, при большей производительности и выгодности вольнонаемного труда, и тратить средства на содержание рабочей силы, им совершенно не нужной. Крепостнические отношения, можно сказать, трещали здесь по всем швам — их готовы были разорвать восстанием посессионные крестьяне и „всепокорнейшим" ходатайством фабриканты. Материальная база всех этих отношений прогнила до корней, но правовая оболочка прорыву поддавалась туго.

И здесь дело началось с робких шагов, рассчитанных на то, чтобы не расшатать старые устои. Законом 1824 г. Комитету министров было предоставлено по ходатайству фабрикантов разрешать увольнение крестьян в другие звания.[1] В 1831 г. Сенату по представлению министра финансов предоставлено было разрешать переход поссессионных в мещанство или купечество.[2] В 1835 г. разрешено было отпускать поссессионных по паспортам, но с тем, между прочим, чтобы от этого не уменьшалось действие фабрик.[3] Все эти меры нисколько не разрешали общего острого и для рабочих и для фабрикантов вопроса, так как касались отдельных рабочих. А что они, действительно, ничего не разрешили, показали и непрекращавшиеся волнения рабочих и ходатайства фабрикантов и многолетняя законодательная возня вокруг поссессионных фабрик.

Сдвиг сказался только в одном: после всех частичных мер ставился вопрос о поссессионных фабриках в целом — в смысле перехода фабрик на новое производство, в смысле отпуска на волю поссессионных и в смысле дальнейшего распоряжения землями и строениями, данными поссессионным фабрикантам.

[1] П. С. З., XXXIX, № 30161.
[2] П. С. З., VI (2-е собр.), № 4687.
[3] П. С. З., X (2-е собр.), № 7816.

В апреле 1836 г., после представления московского военного генерал-губернатора Николаю I, который повелел „привести дело сие неотлагательно к окончанию", министр финансов Канкрин вошел в Государственный совет с представлением „об устранении затруднений, в содержании поссессионных фабрик встречающихся".[1] Сущность министерского проекта сводилась к следующему. За фабрикантами признавалось право на „всякую перемену рода фабрикации", для чего требовалось разрешение местного гражданского губернатора. Фабрикантам предоставлялось также право без всякого разрешения „увольнять по их согласию посессионных фабричных людей" в мещане, с воспрещением увольнять тех, кто сами не могут себя пропитать. Последнее право имело, однако, в виду частичное увольнение поссессионных, так как для тех случаев, когда фабрикант объявит, что по расстройству дел он фабрики содержать не может, предусматривались меры другого порядка. Именно: если фабрика находилась в городе „без всякого угодья для хлебопашества", то поссессионные причислялись в мещане без всякого вознаграждения фабриканта от казны, если же дело шло о фабрике, расположенной в деревне, то поссессионные должны были обращаться в „новое сословие поссессионных хлебопашцев". Проект заключал в себе и Положение о поссессионных хлебопашцах, существенная часть которого заключается в том, что наделяя каждого хлебопашца землею в размере не менее 4 дес. на душу, построив для него дом, „приличный крестьянину", снабдив его лесом для огораживания двора и помещений для скота, фабрикант должен был заключить с хлебопашцем условие, какие повинности обязан он нести работою (не более трехдневной) и какой платить оброк. Таким образом, дело сводилось к тому, что создавалось „новое сословие" крепостных, правом владеть которым наделялись фабриканты: поссессионные превращались в крепостных, обязанных отбывать трехдневную барщину, платить оброк и выполнять вообще все, что предусматривалось „условием", этой своеобразной формой крепостнической зависимости. Поссессионное право Канкрин заменял крепостным.

Само собою разумеется, что этого рода новшество не ускользнуло от внимания Государственного совета. Он возражал против установления нового сословия поссессионных хлебопашцев,

[1] ЛОИА, Гос. сов., деп. гос. эк., 1836, д. № 101.

главным образом, на том основании, что в числе фабрикантов „состоят многие, кои на основании коренного закона не имеют по самому состоянию своему права владеть недвижимыми населенными имениями", и что, сверх того, „нет в виду уважения, по коему бы казенные фабричные крестьяне могли отданы быть в частное, хотя и в условное владение под новым наименованием поссессионных хлебопашцев". Отвергая радикальную, по мнению Канкрина, меру ликвидации поссессионных фабрик, Государственный совет в остальном отнесся к министерскому проекту одобрительно, предлагая, с своей стороны, признать, что в случае отказа фабриканта от содержания поссессионной фабрики, министр финансов делает распоряжение о причислении поссессионных к мещанам или об обращении их в казенные крестьяне с наделением их землей. Однако, в виду „особой важности" вопроса, требующей „всей осторожности", Государственный совет предложил Канкрину вновь войти в обсуждение вопроса и сделать новое представление.

Лучшим исходом Государственный совет считал, таким образом, замариновать вопрос. Не спешил и Канкрин с представлением нового проекта. Дело мариновалось бы и дольше, если бы положение с поссессионными фабриками не обострялось еще более, и фабриканты не обратились бы еще раз к министру финансов с запиской,[1] которая по резолюции Николая I была передана в Государственный совет. Нужно заметить, что фабриканты, из соображений, вероятно, больше дипломатических, вопроса во всей его широте не ставили: речь шла о том, чтобы отделаться от „неспособных" фабричных, и в этом смысле, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, фабриканты изъявляли готовность пойти на материальные „жертвы", достаточно, впрочем, выгодные для фабриканта: единовременной затратой 140 р. на душу можно было отделаться от „неспособного" фабричного на веки вечные, а под видом неспособных и от вполне способных к фабричной работе. Государственный совет,[2] не усмотрев „затруднений" к реализации проекта фабрикантов, запросил мнение Канкрина. Последний отнесся к записке более критически и отрицательно. Министр финансов указывал, что для удаления из фабрик вредных людей достаточно существующего закона, что разнообразие фабричных работ позволяет использовать всех работников, что

[1] См. ниже документ I.

[2] ЛОЦИА. Гос. сов., Деп. гос. эк., 1838 г., д. № 1 и 33.

земель не достает для переселения и казенных крестьян, что, наконец, такое переселение оказалось бы мерой „принуждающей иногда сих людей (т. е. посессионных) терпеть безмолвно притеснения хозяев". Государственный совет, однако, не во всем согласился с мнением Канкрина и признал возможным допустить предлагаемую фабрикантами меру „не в виде обязанности, а в виде частного разрешения по собственному желанию содержателей фабрик" и притом с тем, чтобы обращаемые в казенное ведомство имели в семье работника и увольнялись целым семейством.

Таким образом, Государственный совет нашел возможным пойти навстречу желаниям фабрикантов. Однако, он этим не ограничился и поставил коренной вопрос: „не должно ли положить конец учреждению у нас фабричных поссессий?" Не предрешая прямого ответа на этот вопрос, Государственный совет отвечал на него косвенно, приводя ряд соображений, по которым поставленный вопрос „возникает". Государственный совет указал, что причины, побудившие в свое время казну „жертвовать достоянием своим в пользу частных фабрикантов", „теперь уже решительно не существуют", что число вольных фабрик с каждым годом возрастает и „виды правительства должны уже обращаемы быть не столько на размножение заведений, сколько на совершенство и дешевизну их изделий", что „ныне, когда и в простом народе более распространился дух фабричной промышленности и число вольных рабочих и мастеровых людей быстро увеличивается, едва ли не удобнее и даже не выгоднее для фабрикантов иметь сих людей по найму, нежели содержать собственных и приписных на стеснительных условиях поссессионного права". Казалось бы, все это позволяет приступить к немедленной ликвидации фабричных поссессий, тем более, что вопрос о них ставился не впервые. Однако, Государственный совет ограничился тем, что снова предоставил министру финансов войти в Государственный совет с особым представлением.

Это мнение Государственного совета было утверждено Николаем I 18 апреля 1838 г., в результате чего последовало новое обсуждение вопроса Государственным советом и новое мнение его, утвержденное 18 июня 1840 г. и приводимое ниже полностью. Как не трудно убедиться при чтении этого документа, вопрос, поставленный в 1838 г. Государственным советом — „не должно ли положить конец учреждению у нас фабричных поссессий" — был снова благополучно обойден и

не получил разрешения, хотя, как мы видели, Государственный совет приводил достаточно серьезные мотивы в пользу ликвидации поссессий, — в этом отношении дело ограничилось тем, что Государственный совет еще раз воспроизвел эти мотивы. В самом деле, ведь, речь шла не об „учреждении новых поссессионных фабрик," чему „конец" уже был положен указом 1816 г., а о дальнейшем существовании уже существующих фабрик и самого поссессионного права. Но феодально-крепостническая власть пойти на это не решалась. Поссессионная фабрика — крепостная фабрика, плоть от плоти всего феодально-крепостнического порядка. Дать силою закона свободу десяткам тысяч крепостных рабов, занятых на этих фабриках, не значило ли разжечь волю к свободе и борьбу за нее в миллионных массах крестьянства? Признать отмену крепостного труда на фабрике не значило ли нанести удар по всему порядку феодальной зависимости? Лучше решать вопрос постепенно, частично, от случая к случаю, в тиши канцелярий, удовлетворяя домогательства фабрикантов и не подавая никаких надежд поссессионному крестьянству на близкую свободу. Вот почему Государственный совет в мнении своем 1840 г. ограничился тем, что оставил в силе указ 1816 г. — чего вовсе не требовалось, ибо его никто и не собирался отменять, — и признал лишь возможным „постепенно придти наконец к решительному уничтожению в государстве заведений поссессионных". Постепенность же свелась к тому, что поссессионные фабриканты получали право увольнять фабричных в свободное состояние по желанию их, фабрикантов, и на определенных условиях. Впрочем, Государственный совет такого права фабрикантам еще не давал, а высказался лишь за возможность издания такого закона. Предоставив министру финансов внести проект соответствующего закона, Государственный совет удовольствовался тем, что дал в своем мнении обстоятельный и поучительный трактат о фабричных поссессиях.[1]

---

[1] Туган-Барановский („Русская фабрика", 3-е изд., стр. 130) удивляется тому, что не нашел „закона" 18 июня 1840 г. ни в Своде Законов, ни в Полном Собрании Законов. Но мнение Государственного совета и не заключало в себе никакого положительного законодательного постановления. Решение Государственного совета сводилось к поручению министру финансов составить проект закона на указанных Советом основаниях, которые сами по себе силы закона еще не получали.

Законодательная же канитель в действительности продолжалась и после 1840 г. вплоть до того момента, когда под напором крестьянских восстаний рушился крепостной порядок и фабричные поссессии сами собою приказали долго жить...

Мнение Государственного совета 1840 г. имело, однако, практические последствия в том смысле, что ходатайства фабрикантов стали удовлетворяться на указанных в этом мнении основаниях. Облегченная этим ликвидация поссессионных фабрик растянулась все же на два десятка лет, так и не дождавшись обещанного Государственным советом закона. По данным Туган-Барановского, всего на таких новых основаниях свободу получили 15 тыс. душ мужского пола на 42 фабриках.[1] В действительности освобождено было больше, и еще больше упразднено было фабричных поселений. По официальным данным, с 1840 по 1860 г. упразднено 95 фабрик и уволено в свободное состояние 19 986 работников.[2] Ко времени крестьянской реформы действующих поссессионных предприятий (исключая горных) насчитывалось 44 при которых числилось 26 206 душ м. п.[3] Вопрос о судьбе последних разрешился в порядке общей крестьянской реформы, путем указа 18 марта 1861 г. об устройстве быта поссессионных крестьян.

Ниже воспроизводятся по копиям два документа: 1) записка поссессионных фабрикантов министру финансов от 27 мая 1837 г. и 2) утвержденное 18 июня 1840 г. мнение Государственного совета. Копии хранятся в ЛОЦИА, фонд Государственного совета, департ. госуд. экономии, 1838 г., д. № 1 и 33, 1840 г., д. № 58.

М. Б.

---

[1] „Русская фабрика", стр. 133.

[2] ЛОЦИА, Общ. канц. мин. фин., 1 разр., 2 отд., 1 ст., 1860 г., д. № 13/19, л. 167.

[3] ЛОЦИА, Гос. Сов., по отделению дел об устройстве сельского состояния, 1861, д. № 1.

1. 1837 г., 27 мая. Ходатайство московских фабрикантов об освобождении неспособных поссессионных фабричных работников

Записка о неспособных поссессионных фабричных.

Вашему сиятельству небезызвестно, что поссессионные фабрики, бывшие прежде рассадниками, в которых образовывались мастера для многих отраслей рукодельной промышленности, соделались в текущем столетии тягостными как для владельцев поссессионных фабрик, так и для фабричных производств вообще, изменившихся совершенно против прежнего улучшениями механики и химии. В то время, когда в России не было еще ни ремесл, ни искусств, один только навык в деле фабричном был уже достаточен для определения достоинства фабричного, и тогда поссессионныя мастеровые конечно имели преимущество перед вольными тем, что занимались исключительно мануфактурным делом и, оставаясь чуждыми грубым трудам хлебопашества и сельского хозяйства, были способнее вольных; но со времени водворения машин в области мануфактур и замены прежней ручной способности автоматным действием механики, требуется уже от хорошего мастерового не одной ловкости ручной, но и ловкости и способности умственной.

Обязанность владельцев поссессионных фабрик занимать исключительно фабричным делом всех приписных к их заведениям крестьян и без изъятия без различия способных от неспособных порождает ныне большие затруднения, и нередко случается, что фабрикант единственно для исполнения сей тягостной обязанности жертвует временем и материалом для занятия мастерового, неумеющего и неспособного, от какового пожертвования владельцы вольных фабрик освобождены, следовательно, не терпя этих убытков, пользуются большим против поссессионных фабрикантов преимуществом. Плохие мастеровые, удаляемые с вольных фабрик, составляют вечное бремя поссессионных заведений.

Поссессионные фабричные, обеспеченные по законоположению нашему, всем, их состоянию необходимым, умножаются с каждым годом и весьма заметно их нерадение к фабричному

делу, ибо, зная обязанность владельца доставлять им способы к пропитанию, не обучают даже и детей своих, а предоставляют эту обязанность фабриканту.

Продолжение свода законов постановления о фабричной, заводской и ремесленной промышленности, в статье 67 определено: „приписные и крепостные люди первых трех родов (с. 66), составляя собственность не содержателя, а того заведения, к которому они приписаны или куплены, остаются крепки оному и могут получить право на избрание другого рода жизни не иначе, как с дозволения владельца и мануфактурного начальства". Статья 74, примечание 1: „принадлежащие к поссессионным фабрикам крестьяне могут с согласия их владельца быть увольняемы для записки в купеческое или мещанское звание по представлению министра финансов в Правительствующий сенат".

Законы сии, дозволяющие фабричным переход в другое звание, определяют сей переход токмо по желанию самих фабричных, но сим правом могут пользоваться токмо те фабричные, кои или приобрели познания, нужные для фабрики, или приобрели капиталы каким бы то образом ни было; но те фабричные, которые не знают дела и нерадением служат тягостным затруднением для владельцев, оставаясь при фабрике, продолжают препятствовать самому улучшению фабричных производств. Сверх того эти же фабричные обыкновенно утруждают правительство жалобами на фабрикантов, следовательно, вдвойне обременительны: фабриканту, как люди не умеющие работать и нарушающие порядок, правительству ябедными своими происками. Хотя же и дозволено владельцам ссылать на поселение негодных и худого поведения, но есть фабричные поведения неукоризненного, но по неспособности своей заведениям тягостные, следовательно, они не заслуживают наказания, а остаются при фабрике в отягощение фабриканту. Об этих фабричных не положено никакой меры.

Так как фабричные по состоянию причисляются к казенным крестьянам, то мы полагали бы удобным и справедливым, еслиб правительство приняло следующую меру:

а) неспособных фабричных к уточненным фабричным работам определить на хлебопашество, но поелику при фабриках нет достаточного количества земли, то

б) с поссессионных фабрик, состоящих в Московской губернии, как многонаселенной и весьма малоземельной, по назначению самого фабриканта и с разрешения мануфактурного

департамента таковых неспособных фабричных целыми семействами переводить в экономическое ведомство в те губернии, где есть излишество в землях.

в) Фабриканты, в обеспечение их нового быта с своей стороны жертвуют:

1) выдают в распоряжение казенных палат на обзаведение в новом их быту по 50 р. на душу мужского пола и по 20 р. на душу женского пола наличными без различия возраста.

2) перевозку с места жительства на другое принимают на свой счет, и для этого на душу обоего пола выдают по 20 р.

3) принимают на свой счет платеж всех государственных повинностей до новой ревизии.

4) дома и все то имущество, которое нельзя перевесть, продают на месте с аукциона в пользу переселяемых.[а]

Эта мера, хотя и обременительна для фабриканта, но чрез удаление негодных даст возможность улучшить изделия, а фабричным укажет, что именоваться фабричным значит обучиться ремеслу действительнее и работу производить деятельнее.

Подлинное подписали:

Московский 2-й гильдии купец, почетный гражданин, мануфактур советник и кавалер Николай Назаров Рогожин.

Почетный гражданин, мануфактур советник и кавалер Павел Рогожин.

Почетный гражданин, московский 1-й гильдии купец Карп Ильин Доброхотов-Майской.

Почетный гражданин, московский 2-й гильдии купец Василий Ефремов Соколов.

Московский 2-й гильдии купец Алексей Михайлов Титов.

Московский 2-й гильдии купец Павел Иванов Колокольников.

Дворянин и временный московский купец Федор Понтилеев.

[а] Семейство из двух душ м. п. и двух ж. п. получает:

по 1 пункту	. . . . .	140 р.
„ 2 „	. . . . .	80 „
„ 4 „	. . . . . до	100 „
		320 р.
„ 3 „ повинностей простираться будет на 2 душ до 16 р. в год, а примерно в 15 лет	. . . . .	240 р.
Всего	. . . . .	560 р. асс.

Фабрикант жертвует на человека 140 р. — Прим. подлинника.

2. 1840 г. 18 июня. Постановление Государственного Совета о началах, на которых должен быть основан закон о постепенной ликвидации поссессионных фабрик.

Его императорское величество воспоследовавшее мнение в общем собрании Государственного совета по делу об изменениях по управлению поссессионными фабриками — высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить.

За председателя Государственного совета (подписал)

князь Голицын

18 июня 1840 г.

Мнение Государственного Совета

Выписка из журналов соединенных департаментов законов и экономии 16 февраля 22 марта и 10 апреля и общего собрания 13 мая 1840 г.

Государственный совет, в соединенных департаментах законов и экономии и в общем собрании, рассматривал представление министра финансов: 1) об изменениях по управлению поссессионными фабриками вообще, 2) по просьбе вышедших в дворянство братьев Гарднеров о дозволении им владеть на праве помещичьем поссессионною фарфоровою фабрикою с принадлежащими к ней крестьянами и 3) по просьбе гофмейстера князя Гагарина о подобном же дозволении на владение купленным им поссессионным имением.[1]

Государственный совет, приступая к разрешению дела сего в совокупном его составе и соображая с прежними, бывшими уже в Совете суждениями, признал нужным, по важности представляющихся в оном вопросов, снова рассмотреть: I. Существо действующих о поссессионных фабриках узаконений. II. Неудобства, встреченные по содержанию сих заведений и III. Меры к устранению оных.

I. Существо действующих узаконений

Узаконения о поссессионных заведениях обнимают: А. Свойство поссессий, Б. Права и обязанности поссессионного владения и В. Ответственность владельцев.

А. Свойство поссессий.

По законам нашим признаются состоящими на праве поссессионном те фабрики и заводы, к которым отведены от казны земли и угодья, либо приписаны мастеровые люди, или которым предоставлены фабричные строения, или же кои получили позволение на покупку крестьян, тогда как владелец фабрики, по званию своему, лично не имел права владеть крепостными людьми, равномерно те, кои учреждены на счет отпущенных из казны в безвозвратное пособие денежных сумм, наконец и те, кои быв учреждены казенным иждивением, отданы в содержание частным людям (ст. 6 Прод. Св. Пост. о Фабр. Завод. и ремесл. Пром., т. 11).

Из числа состоящих при поссессионных заведениях людей, одни приписались к ним добровольно, при действии дозволявших еще то прежних узаконений; другие приписаны по распоряжению правительства из казенных крестьян, или с заплатою от содержателей в казну известной суммы, или бесплатно; прочие — приобретены самими фабрикантами из крепостного владения на праве поссессионном.[а]

Из доставленных от министерства финансов сведений и из отзыва московского военного генерал-губернатора видно, что положение фабричных поссессий в настоящее время представляется в следующем виде:

I. Поссессионных заведений считается всего 141, они расположены более нежели в 80 городах и уездах и принадлежат частью дворянам, но главнейше купечеству и другим лицам недворянского звания.

II. Некоторые из сих заведений с давняго времени остаются в бездействии и даже самых фабричных зданий уже не существует.

III. Крестьян и мастеровых числится по 7 ревизии:[б] приписных от казны к 53 фабрикам 17 335 и купленных на поссессионном праве к 94 фабрикам 20 311 мужеского пола душ. Число их при каждой фабрике весьма различно: есть заведения, при

[а] Само собою разумеется, что купленные хотя и к поссессионным фабрикам, но на общем помещичьем праве, владельцами, сим правом пользовавшимися, в настоящие соображения не входят. — *Прим. подлинника.*

[б] Сведения о числе душ по 8 ревизии имеются в мин-ве финансов только по 9 губерниям. — *Прим. подлинника.*

которых состоит поссессионных людей не более двух душ, данных от казны, и не более четырех, купленных на поссессионном праве, тогда как при других числится первых — более 9 тысяч, а последних — до 1400 душ.

IV. Поссессионные люди либо водворены там же, где находятся самые фабрики, либо в большем или меньшем от них расстоянии, либо в других губерниях. Есть такие владельцы, кои имеют поссессионных людей, не имея вовсе фабрики: люди сии, не упражняясь в фабричном деле, занимаются или хлебопашеством или разными промыслами.

V. Земли отведены от казны и куплены к 49 фабрикам; но количество тех и других ясно не означено. Видно только, что данной от казны земли при некоторых фабриках состоит не более одной десятины, а есть такие заведения, которым предоставлено до нескольких тысяч десятин (высшее количество 54 тыс. дес.).

VI. Заводских строений и мельниц отдано от казны к 12-ти фабрикам.

Б. Права и обязанности поссессионного владения.

Первоначальное дозволение российскому купечеству приобретать к фабрикам и заводам деревни дано было еще в 1723 г., с целью распространения мануфактурной промышленности; но вместе с тем постановлены и такие условия, которые должны были устранить покушения со стороны фабрикантов пользоваться под видом содержания фабричного производства, правом, присвоенным исключительно дворянству.

На основании сих условий поссессионные люди не составляют собственности фабрикантов, но крепки самим только фабрикам, доколе последние существуют в настоящем действии. Люди сии хотя и могут быть продаваемы, но не иначе, как с разрешения мануфактурного начальства и только вместе с фабрикою, а не отдельно от оной, с обязанностью нового владельца содержать ее на том же порядке, на каком она состояла у прежняго. Их нельзя даже переводить с одной фабрики на другую или переселять в другие селения, ни употреблять в иные работы, кроме фабричных. Избрание другого рода жизни и переход в мещане и купечество разрешается поссессионным

людям по взаимному согласию владельца и мануфактуриого начальства; они могут также быть увольняемы по паспортам без ослабления лишь действия фабрики и с тем, чтобы оброк, который за сие должны платить увольняемые, был налагаем на них по взаимному их соглашению с владельцами и поступал в пользу мирского общества. Они ведаются судом и расправою в общих присутственных местах, и хотя владельцам предоставлено, наравне с помещиками, право удалять фабричных людей, чрез отсылку в Сибирь, но для сего требуются от тех владельцев доказательства в развратном сих людей поведении и предварительное заключение мануфактурного начальства.

Самые фабрики владельцы обязываются иметь в совершенной исправности, не уменьшая и не приводя в упадок их действия и выделывая те только изделия, для коих именно каждая фабрика учреждена (ст. 42, 46, 66—74, 172, 177 и 181 того же Свода).

В. Ответственность поссессионных владельцев.

Постановив означенные выше условия, закон определил и ответственность за их нарушение в следующих случаях: а) за содержание фабрики только для вида, дабы под сим предлогом владеть деревнями, б) за перекрепление купленных людей отдельно от фабрики и за перевод их на другие заводы или в другие селения, в) за пресечение действия фабрики от неисправности владельца, либо, когда фабрикант из купеческого звания или приобретший право потомственного дворянства, или же наследники его, имеющие таковое право, не пожелают более иметь фабричного заведения и г) за противозаконные притеснения фабричным людям, равно как и за употребление их на домашние услуги и на другие к фабричному делу непринадлежащие упражнения.

В первом случае — деревни отбираются в казну безвозмездно и при том взыскивается штраф; во втором — отбирается бесповоротно и самая фабрика, в третьем — как фабрика, так равно купленные к оной люди, деревни и земли поступают в казну, с платежем от оной по оценке, если только фабрикант, в течение шести месяцев, не найдет желающих купить фабрику с обязательством содержать оную по точной силе существующих правил; наконец в последнем слу-

чае — отбираются только люди, приписные от казны, за которых от фабриканта были заплачены ей деньги — с возвратом сих денег, приписные же без платы, и купленные самими фабрикантами, не имеющими впрочем права на владение деревнями, без всякого вознаграждения (ст. 170—174 того же Свода).

II. Неудобства действующих узаконений.

На основаниях, выше изложенных, поссессионные заведения действуют и доныне. Но по мере того, как распространялась у нас мануфактурная промышленность и размножавшиеся вольные фабрики вступали в соперничество с поссессионными, владельцы последних, более или менее ограниченные сими условиями в своих распоряжениях, не могли конечно не встретить разных неудобств по содержанию заведений на прежнем основании.

Главнейшими в числе сих неудобств надлежит признать:

1) Обязанность не уменьшать действия фабрик и не изменять рода изделий.

2) Воспрещение переводить поссессионных людей на другую фабрику и переселять их в другие селения.

3) Ограничение занятий одними лишь фабричными работами и неопределительность отношений поссессионных людей к фабрикантам.

4) Условие со стороны новых покупщиков содержать фабрику на том же основании и в том же виде, как находилась она у прежняго владельца.

5) Строгость узаконений на счет фабрикантов, пришедших в невозможность или нежелающих содержать фабрику.

6) Краткость определенного для продажи фабрики шестимесячного срока, препятствующая выгодному переходу заведения из одних рук в другие и пр.

III. Меры к устранению неудобств.

Для отвращения сих, встречаемых общими жалобами фабрикантов и признанных со стороны министерства финансов и московского военного генерал-губернатора неудобств и затруднений, в виду Государственного совета представляются разные предположения. Из них о д н и — разрешены уже Государственным советом, как частные меры, которые, по существу своему, не могли быть приняты общим правилом. Таковы: а) ходатай-

ство московских фабрикантов[2] о дозволении им обратить некоторых ненужных для фабрик людей в сословие государственных крестьян без всякого со стороны казны вознаграждения и с принятием на счет их, фабрикантов, в известной сумме издержек на переселение, и б) просьба матери малолетних дворян Лугининых о разрешении переселить поссессионных крестьян на другие земли, им же, Лугининым, принадлежащие. Некоторые из предположений получили лишь предварительное разрешение.[3] Сюда принадлежат средства, предложенные министром финансов для смягчения условий по содержанию поссессионных фабрик, и распорядок в отношении поссессий. Затем по последнему предмету, именно: о поссессионных людях имеются в виду как меры министром и московским военным генерал-губернатором предлагаемые, так и частные просьбы фабрикантов Гарднеров и гофмейстера князя Гагарина.

Но как все сии предметы, исходя из одного, так сказать, источника, имеют тесную между собою связь, то к разрешению их Государственный совет принял то же общее основание: что строгость поссессионных условий, столь необходимая в самом начале водворения у нас фабрик, когда в мануфактурном деле действовали одни лишь поссессионные заведения, — при настоящем направлении сей части, при успехах вспомогательных наук и при соперничестве вольных фабрик, не может не быть стеснительною для поссессионных владельцев и вредною для самого предмета. Отсюда необходимость облегчений.

На сем основании, приступив к окончательному разрешению дела, Государственный совет нашел, что в настоящем виде оного предлежат разрешению следующие вопросы, объемляющие три главных предмета: 1) смягчение условий по содержанию поссессионных фабрик, 2) распорядок в отношении поссессионных земель и угодий и 3) мероположение на счет поссессионных людей.

I) Удобно ли допустить предлагаемые министром финансов в пользу поссессионных фабрик облегчения, именно: отменить обязательную меру, в ст. 42 Свода Пост. о фабр. зав. и ремесл. промышл. содержащуюся, и смягчить строгость условия, в ст. 44 постановленного.

По силе сих узаконений владелец поссессионной фабрики должен выделывать те только изделия, для которых именно она

была учреждена и обязан содержать заведение в совершенной исправности так, чтобы действие его не уменьшалось и заведение не приходило в упадок.

Постановление сие, как и прежде Государственным советом замечено было, относится к той эпохе, когда правительство, избрав предметом особенного попечения известного рода фабрикацию, как напр. приготовление сукон для армии и флота, равентуха и пр., желало видеть успешное распространение и поддержание оной в государстве.[а] Но с того времени, в продолжении полувека, цель сия давно уже достигнута и количество фабрик простого сукна даже далеко превышает потребность. В изделиях другого рода к запрещению перемены оных едва ли не менее еще побудительных причин.

Из подобных же видов попечения правительство получило начало и условие о неуменьшении заводского действия, — условие, неопределительностию своею дающее впрочем повод к произвольным притязаниям, и, при настоящем ходе мануфактурной предприимчивости, также едва ли не совершенно бесполезное и вместе неудобоисполнимое. Большая или меньшая степень фабричной деятельности определяется не произволом и не законом, а обстоятельствами и степенью требований. Притом, нельзя здесь не повторить и того, что владельцу воспрещено употреблять поссессионных людей в иные работы; следовательно и с сей стороны нет побудительной причины к произвольному уменьшению действия фабрики.

Что принадлежит до приводимых московским военным генерал-губернатором затруднений,[4] то по мнению Государственного совета, едва ли есть прямое основание, по одним лишь опасениям на счет жалоб со стороны фабричных людей на недостаточность платы, оставлять фабрикантов в стеснительном положении, тем более, что в сем случае строгость постановления, как состоящего в явном противоречии с возможностью исполнения и с частными выгодами владельцев фабрик, никогда не достигала своей цели. Примеры показывают, что на многих фабриках производство уменьшилось, прежний род фабрикации заменен другим, и есть заведения, которые с давнего уже времени пришли в упадок; обстоятельства, воспрещенные законом, но тем не менее существующие, как последствия необ-

---

[а] Высочайший указ 9 ноября 1790 г. — *Прим. подлинника.*

ходимости, никакому закону недоступные и никакою внешнею силою неотвратимые. Впрочем доселе задельная поссессионным людям плата не была и определена законом, без сомнения по самой трудности сего дела, при чрезвычайной разнообразности мануфактурных изделий, фабричных работ и других условий.

По сим соображениям, Государственный совет, удерживая прежнее по предмету сему предварительное разрешение, положил: представляемую министром финансов облегчительную меру утвердить окончательно.

II) Принять ли предложенную министром мысль об исключении из числа поссессий и предоставлении в полную собственность владельцев всех тех заведений, которые получили пособия от казны деньгами, равно отводом земель и лесов, или предоставлением им казенных зданий, мельниц и других угодий, но при коих не состоят поссессионные люди.

По точному разуму узаконений, действию оных подлежат все вообще поссессионные заведения без различия, имеют ли они приписных от казны, либо купленных на поссессионном праве людей, или получили от казны только земли, строения и денежные пособия. Те и другие равно подлежат одинаковой обязанности и ответственности; но говоря собственно о заведениях последнего рода, нельзя не согласиться, что оставлять их долее в той же стеснительной зависимости потому только, что при них находится несколько десятин казенной земли, или дано им было фабричное строение, либо денежное пособие, значило бы конечно действовать в противоположность цели.

Мысль министра освободить сии заведения от такой зависимости, дабы облегчить свободное распоряжение фабриками и переход их из одних рук в другие — мысль, которую разделял и Государственный совет, не может не подлежать и ныне решительному утверждению.

Обращаясь же к способу приведения сей мысли в действие, Государственный совет находит, что если при одних фабриках вся поссессия ограничивается лишь несколькими десятинами земли, или данным от казны фабричным строением, то при других имеются быть может обширные пространства земли и леса, либо мельницы и прочие угодья, безвозмездное предоставление коих

в полную собственность владельцев составило бы для казны новое, важное пожертвование и, может статься, в некоторых случаях не соответствовало бы видам собственного ее хозяйства, особенно при предстоящем устройстве малоземельных казенных имений. При том же, после того, как фабриканты в течении целых десятилетий пользуются уже имуществами казны без всякого от них платежа, едва ли было бы справедливо отдать те имущества в вечную безусловную их собственность без всякого вознаграждения. Нельзя также не согласиться, что какое бы ни было принято правило, оно, как в отношении малых, так и для обширных поссессий, а равно без различия, состоят ли при них поссессионные люди, или нет, — должно быть одинаково, и правительство, постановляя меры на счет фабричных поссессий, не может не иметь в виду и поссессий собственно горных, коих стоимость простирается до нескольких миллионов рублей, хотя впрочем, в настоящем случае суждения Государственного совета ограничиваются одними лишь фабриками негорными.

Посему Государственный Совет признал, что в тех случаях, когда владельцы поссессионных фабрик, при коих не состоят поссессионные люди, пожелают освободиться от обязанности и условий, соединенных, по действующим законам, с поссессионным правом владения, ближайшею мерою было бы, исключив таковые фабрики из числа поссессионных, предоставить на волю владельцам данные им от казны поссессии, как то: земли, мельницы, строения и другие угодья — или приобресть в полную, безусловную, в отношении к фабрикам, собственность покупкою по частным сделкам с министерством финансов или взять их в оброчное содержание на продолжительные сроки.

Предмет уступки таковых поссессий и определение правил оброчного их содержания должны предоставлены быть обоюдному соглашению Министерств финансов и государственных имуществ.

III. Как поступать с поссессионными заведениями, при коих состоят поссессионные люди, в тех случаях, когда люди сии становятся бременем для фабриканта, к собственному разорению и ко вреду самого заведения, или когда владелец подвергается строгости правил за прекращение фабричного производства?

Случаи сии суть:

1) Когда мастеровые люди и поссессионные крестьяне, по неспособности их, не могут употреблены быть ни на какие фабричные работы.

2) Когда введением машин и новых способов фабрикации, либо переменою рода изделий, уменьшается потребность в прежнем числе рабочих рук.

3) Когда поссессионные заведения принуждены бывают ограничивать фабричное производство и содержать фабрику не в полном действии,

и 4) когда действие фабрики совершенно пресечется от обстоятельств, вовсе от фабриканта независящих, или когда владельцы, оставаясь ли в том же звании, либо приобретя право потомственного дворянства, а равно наследники их, имеющие таковое право, не пожелают более содержать поссессионного заведения.

Министр финансов полагал предоставить собственному усмотрению фабрикантов обращать поссессионных людей, свободных от залога, в мещане, с тем только, чтобы не были увольняемы такие, кои, по причине телесных недостатков или преклонности лет, не в состоянии сами себя пропитывать; в случае же невозможности содержать фабрику, или когда владелец, приобретя право потомственного дворянства, не пожелает более иметь оной, — фабрику, на какой бы земле она построена ни была, предоставить в безусловную собственность владельца, а поссессионных людей при фабриках в городах, без всяких для хлебопашества угодий — причислять в мещане; при фабриках же в селениях обращать в новое сословие поссессионных хлебопашцев, на основании особых правил, назначив владельцам за купленных на поссессионном праве людей и за приписных от казны с платою в вознаграждение по 125 руб. за ревизскую душу. Но буде владелец не может наделить крестьян определенною пропорциею земли и обзавести их, то перечислять их равномерно с вознаграждением владельца, в государственные крестьяне, с отобранием безвозмездно данных казною земель, и с удовлетворением владельца за земли, им купленные, по узаконенной оценке.

Московские фабриканты ходатайствовали, и им, в виде частного разрешения, дозволено: не нужных для фабрик их поссессионных людей уволить в государственные крестьяне,

с обращением на счет прежних владельцев, как платежа податей до новой ревизии, так и (в предложенном ими размере) издержек переселения, и с предоставлением в пользу переселяемых остающихся в прежнем месте их водворения домов и другого имущества.

Фабриканты Гарднеры, не прекращая действия фабричного заведения, а гофмейстер кн. Гагарин, не желая восстановлять уничтоженной поссессионной фабрики, просят: купленных к фабрикам на поссессионном праве людей утвердить за ними на праве помещичьем, к чему министр финансов не находил затруднения.

Наконец московский военный генерал-губернатор, признавая неудобным как увольнение поссессионных людей в мещане по усмотрению фабриканта, так и учреждение нового класса поссессионных хлебопашцев, признает, что во всех тех случаях, где поссессионная фабрика не может на прежнем основании продолжать своего действия, надлежало бы отделять от ней поссессионных людей, с предоставлением владельцу продолжать работы вольнонаемными и с постановлением определительных правил на счет вознаграждения владельца, назначения звания, в которое должны поступать поссессионные люди и пр.[5]

Из существа всех сих предположений возобновляется вопрос о том: нужно ли в настоящее время поддерживать те начала, на коих основаны узаконения о фабричных поссессиях и с какой именно точки надлежит смотреть на людей, приписанных к фабрикам от казны или купленных к ним на праве поссессионном?

К разрешению сего вопроса Государственный совет принял на вид прежние по предмету сему соображения, именно: а) что уважения, по коим казна жертвовала достоянием своим в пользу частных фабрикантов и допустила косвенное изъятие из коренного закона о праве владения крепостными людьми, теперь уже решительно не существуют; б) что число вольных фабрик и заводов с каждым годом возрастает, и виды правительства должны уже обращены быть не столько на размножение заведений, сколько на совершенство и дешевизну их изделий; в) что ныне, когда и в простом народе более распространился дух фабричной промышленности и число вольных рабочих и мастеровых людей быстро увеличивается, удобнее и даже едва ли не выгоднее для фабрикантов иметь сих людей по найму, нежели содержать собственных и приписных на стеснительных условиях поссес-

сионного права; г) что мануфактурная предприимчивость сильно развилась уже и в сословии дворянском, которому принадлежит знатная часть существующих фабрик и, наконец, д) что едва ли уместно поддержанием поссессий умножать неудобства и затруднения, которые доселе были предметом постоянных жалоб поссессионных владельцев и которых устранение столько озабочивает правительство.

Все сие привело Государственный совет к тому общему заключению, что в настоящее время не только надлежит оставить в своей силе частное, впрочем вошедшее уже в Свод Законов (ст. Прод. свода постановл. о фабр. завод. и ремесл. промышл.), распоряжение Правительствующего сената, последовавшее в 1816 г. по поводу представления Министерства внутренних дел о приостановлении выдачи привилегий на учреждение поссессионных фабрик впредь до издания о них новых правил, (которые, однако, доселе еще не изданы); но в мерах законодательных следует еще и держаться того правила, чтобы постепенно придти наконец к решительному уничтожению в государстве заведений поссессионных.

В сей мысли, переходя к условиям, на коих состоят при фабриках поссессионные люди, Государственный совет судил, что первое и важнейшее основание поссессий состоит в том, что люди, приписные и купленные к фабрикам на поссессионном праве, не составляют принадлежности владельца, из какого бы он ни был звания, и не крепки земле, но принадлежат лишь заведению, доколе оно существует, а с уничтожением его переходят в безусловное свободное состояние. Затем другое, последовательное условие заключается в том, что люди сии не могут и не должны быть употребляемы ни в какие иные работы, как только фабричные, и если допущено приобретение на поссессионном праве таких людей, кои поселены отдельно от фабрики в других уездах и даже в других губерниях и занимаются не фабричными работами, а исключительно земледелием либо промыслами то сие и составляет изъятие, как видно из представления министра финансов о поссессионных людях кн. Гагарина, или есть следствие послаблений местных начальств, вопреки строгости узаконений. Притом нельзя еще не заметить, что выше помянутые условия совершенно известны и самим поссессионным людям, как сие обнаруживается из домогательств их получить свободу от зависимости владельцев

по уничтожении фабричных заведений; примеры сему содержатся как в упомянутом представлении министра, так и в отзыве московского военного генерал-губернатора.

Отсюда следует:

Во 1-х, что люди, приобретенные к фабрикам, хотя и из крепостного состояния, но с упомянутым ограничением власти владельца, ни в каком случае не могут, а по политическим видам и не должны обращаемы быть в безусловное крепостное владение, хотя бы и лиц дворянского сословия. Они не должны быть и укреплены к земле в виде поссессионных хлебопашцев; тем менее могут поступать в собственность, хотя и условную, люди приписанные к фабрикам, как всегда принадлежавшие к свободному в государстве сословию.

Во 2-х, что по тем же видам, не следует воспрещать владельцам увольнять поссессионных людей в городское звание или сословие государственных крестьян, — переход, дозволенный уже и существующими законами. Замечания по сему предмету Московского военного генерал-губернатора отстраняются весьма правильными возражениями министра финансов.

В 3-х, что в случае уничтожения фабричного производства, по действию ли обстоятельств, от фабриканта независящих, или по одному нежеланию содержать фабрику, к какому бы сословию он ни принадлежал, нет уже надобности подвергать его строгости существующих правил, но напротив, надлежит содействовать возможными мерами к уничтожению таким образом поссессий, хотя бы обращение поссессионных людей в свободные состояния сопряжено было с неизбежными на первый раз пожертвованиями казны, которые впрочем возвратятся в последствии платежем оброка или увеличенным взносом податей.

В 4-х, что на счет фабричных строений, земель и других угодий, данных фабрикам от казны, надлежит руководствоваться правилом, выше сего, во II ст. постановляемым, а относительно сего же рода поссессий, самими фабрикантами приобретенных, сохранить им на них право собственности.

Сии главные начала, по мнению Государственного совета, могли бы приведены быть в действие на следующем основании:

1. Относительно фабрик, оставляемых в действии

Если фабрикант, имеющий при заведении своем поссессионных людей, приписанных ли к оному от казны, либо добровольно в прежнее время приписавшихся, или купленных им на поссессионном праве, пожелает, по собственным видам и расчетам, удалить таковых людей с фабрики, частию ли только, именно ему ненужных и излишних, либо всех вообще, с заменом оных вольнонаемными, либо купленными на крепостном помещичьем праве, когда фабрикант по состоянию своему имеет оное, то сие ему дозволить с тем:

а) Чтобы увольняемые были обращены в свободные сословия, с предоставлением им самим на волю: вступить в городское звание или в государственные крестьяне, независимо от того, состоит ли фабрика в городе, или находится в селении.

б) Чтобы при увольнении по частям не были раздробляемы семейства и в числе сих последних не находилось таких, в которых или вовсе нет работника, или хотя и есть, но немогущий по продолжительной болезни, телесным недостаткам или преклонности лет, доставить семейству пропитание. Изъятие из сего правила может допускаемо быть только в случае собственного согласия увольняемых.

в) Чтобы до новой ревизии казенные подати и повинности за увольняемых были вносимы самими фабрикантами, а остающееся на прежнем месте водворения их движимое имущество и домы, если оные построены собственными их средствами, предоставляемы были в их пользу.

г) Чтобы за увольняемых поссессионных людей, от казны приписанных к фабрике с платежем, а равно за купленных фабрикантом на поссессионном праве, производимо было из казны, в вознаграждение фабриканта по 36 р. сер. за ревизскую мужеского пола душу, если только сами увольняемые не заплатили ему за себя известной суммы, вследствие обоюдного согласия.

д) Чтобы о таковом увольнении фабрикант каждый раз доводил предварительно до сведения начальника губернии, для надлежащего с его стороны наблюдения и уведомления министерств: финансов, внутренних дел и государственных имуществ по принадлежности, от которых зависеть будет распорядиться как по предмету исключения увольняемых из поссессий

и приписки их к городам или причисления в сословие государственных крестьян, так и на счет самого переселения в казенные имения.

2. Относительно фабрик, прекращающих свое действие и уничтожаемых

Если фабрикант, к какому бы званию он ни принадлежал, по обстоятельствам придет в невозможность, или не пожелает продолжать более фабричного производства, то в сем случае поступать на следующем порядке:

а) Фабричные строения, земли, леса, мельницы и другие угодья, данные фабриканту от казны, отбираются у него безвозмездно; но те из сих поссессий, равно машины, инструменты и пр., кои приобретены собственным иждивением фабриканта, оставляются в свободном его распоряжении, с правом казны все те собственные его земли, на которых водворены поссессионные люди, приобресть покупкою по добровольной цене, а в случае несоразмерного требования владельца по узаконенной оценке. Но когда же и сия последняя признается для казны невыгодною, в таком случае люди переселяются на казенные земли, или дается желающим дозволение записаться в мещане, и затем земли и заведения на ней оставляются фабриканту, который и располагает ими на праве неограниченной собственности.

б) Поссессионные люди все без изъятия, водворены ли они при самой фабрике или отдельно от оной на особых землях, если они только к ней причислены, обращаются в свободные сословия на тех же основаниях, как выше постановляется о фабриках, остающихся в действии.

в) Как из дела видно, что в числе поссессионных людей находятся и такие, кои вовсе не занимаются фабричными работами, а упражняются в хлебопашестве и других промыслах, то с таковыми людьми, равно как и с теми, у владельцев коих фабрики более не существуют, ныне же поступить на основании предшедшего пункта (б).

Предположив по совокупному с министром финансов совещанию сии главные начала, Государственный совет положил: предоставить ему, министру финансов:

I. По сношению с министром государственных имуществ и управляющим министерством внутренних дел составить, на упо-

мянутых началах, проект полного закона, со включением в оный правил на счет отдачи казенных поссессионных земель, мельниц, строений и пр. в оброчное содержание, и внесть в Государственный совет для рассмотрения и поднесения на высочайшее утверждение.

И II. Согласно с изложенными здесь основаниями, разрешить окончательно ходатайство фабрикантов Гарднеров и гофмейстера кн. Гагарина.

Подлинное мнение подписано в журналах председательствовавшими и членами.

С подлинным сверил:

исправляющий должность государственного секретаря

статс секретарь Бахтин.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дед Гарднеров купил в 1766 г. у кн. Урусова сельцо Вербилово (Московск. губ.) без крестьян для устройства фарфоровой фабрики. В 1773 г. в зачет долга капитана Выродова Гарднер взял у него 15 душ м. п., купленных Выродовым у того же кн. Урусова, как потом выяснилось, на деньги Гарднера и для Гарднера же, который, не будучи дворянином, не имел права владеть крепостными. С течением времени внуки Гарднера, к которым по наследству перешла фабрика, стали дворянами и возбудили ходатайство о том, чтобы им было разрешено владеть крестьянами, считавшимися поссессионными, на праве дворянском, а не фабрикантском. В виду того, что закон не предусматривал, как следует поступить в данном случае, Канкрин внес дело бр. Гарднеров в Госуд. совет (ЛОЦИА, Госуд. сов., деп. г. э., 1828 г., д. № 192).

Кн. Гагарин приобрел с аукционного торга поссессионное имение мещ. Колосова, при котором раньше была шелковая фабрика и сахарный завод, вместе с 293 крестьянами. Так как предприятия давно были ликвидированы, то Гагарин ходатайствовал о разрешении владеть крестьянами на общем дворянском праве. Ходатайство это также было внесено Канкриным на разрешение Госуд. совета (ЛОЦИА, Госуд. сов., деп. г. э., 1840 г., д. № 58).

2. Т. е. ходатайство, изложенное в приведенной выше записке московских фабрикантов.

3. Под предположениями, получившими лишь предварительное разрешение, разумеваются здесь постановления, принятые Государственным советом в 1836 г. по проекту министра финансов Канкрина. Предположения эти, в существенном, сводились к следующему: 1) фабрикантам должно было быть позволено „переменять род фабрикации“, т. е. переходить на другое произ-

водство, с разрешения гражданского губернатора, 2) фабриканты должны были получить право увольнять поссессионных людей, свободных от залога, в мещане целыми семействами или раздробленно, 3) в случае невозможности „содержать фабрику в надлежащем действии" фабриканты должны были получить право на ликвидацию поссессионных предприятий, причем: а) предприятия со всеми строениями, землями и т. п., хотя бы полученными от казны, переходили в собственность фабриканта, б) поссессионные люди, причисленные к фабрике в городах „без всякого угодья для хлебопашества", должны были перечисляться в мещане, а живущие в деревнях должны были образовать особое „сословие" поссессионных хлебопашцев, т. е. остаться во всяком случае при хлебопашестве (Госуд. сов., деп. г. э., 1836 г., д. № 101). Как отмечено выше, во вступительных замечаниях, Государственный совет отверг мысль об образовании „сословия" поссессионных хлебопашцев, все же прочие предложения Канкрина одобрил, однако, лишь в качестве предварительных, подлежащих дальнейшей разработке и не получающих, до нового их рассмотрения Советом, силы закона.

4. Кн. Голицын, которому сообщено было постановление Государственного совета по первоначальному проекту Канкрина (1836 г.), в отзыве своем, присланном министру финансов, одобряя разрешение фабрикантам перехода на другое производство, опасался ряда осложнений при предоставлении им права назначать плату мастеровым по своему усмотрению. Если и раньше, указал Голицын, когда правительство составляло „положения для определения платы мастеровым, беспрестанно возникали жалобы и довольно сильные беспорядки", то при переходе на новые производства дело станет еще более трудным. „Ныне, — пишет Голицын, — при влиянии наук, особенно же химии и механики, самые технические способы часто изменяются, и то не редко весьма существенным образом, так что, положение, сделанное, например, для тканья на прежних станах с ручным перебором, уже вовсе не может быть приспособлено для тканья на новых станах с жакардовыми механическими приборами, хотя бы на оных работали одни и те же мастеровые". Вольнонаемный, если плата мала, отойдет к другому фабриканту, а поссессионные мастеровые, хотя бы они и полагали себя обиженными на счет платы, не могут оставить фабрик, к которым они крепки, почему они делаются недовольными своею участью и рождается в них склонность к ропоту, тем более, что они содержателей фабрик не почитают настоящими их хозяевами и привыкли себя называть казенными, отданными только временно купцам для производства работ на фабриках и то на известных условиях". По этим основаниям Голицын предлагал постановить, что при назначении платы поссессионным нужно исходить из средней платы, получаемой за те же работы вольнонаемными рабочими на соседних фабриках, чтобы этим избежать волнений, которые замечаются в тех случаях, когда поссессионные получают меньше вольнонаемных (ЛОЦИА, Госуд. сов., деп. г. э., 1840 г., № 58).

5. Кн. Голицын возражал против предоставления фабрикантам права увольнять поссессионных людей в то или иное состояние частями, указывая, что пользуясь этим правом, фабриканты будут увольнять малопригодных работников, но оставлять лучших мастеровых (колористов, машинистов и др)., которые, не получив свободы, станут работать хуже. По мнению Голицына, поссессионные фабрики не только для государственной пользы в настоящее

время не нужны, но напротив причиняют бесчисленные напрасные беспокойства начальству и весьма часто вред самим владельцам. А посему не найдет ли Государственный совет предпочтительнее во всех тех случаях, где поссессионная фабрика не может на прежнем законном основании продолжать существования своего, отделять уже от оной в с е х поссессионных людей, предоставляя владельцу продолжать работы по своему благоусмотрению вольнонаемными людьми, что во всех отношениях лучше" (то же дело). Канкрин отстаивал право фабриканта увольнять поссессионных и частично. На такую же точку зрения стал и Государственный совет, предоставляя фабриканту увольнять поссессионных „частью ли только, именно ему ненужных и излишних, либо всех вообще".

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СТАТЬИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО 1853 г. ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ

Работа над рукописным и корректурным наследием Н. Г. Чернышевского знакомит нас с теми исключительными способностями, какие он проявлял в умении обходить классовых врагов, в частности, око правительства в прессе — цензуру, говоря с этой целью в своих статьях эзоповским языком или прибегая к „боковым" выступлениям. То, что раньше было известно по отрывочным воспоминаниям и восполнялось домыслами, теперь может быть проиллюстрировано. Еще в начале своей литературной деятельности Чернышевский, не имея возможности опубликовать свои „Эстетические отношения искусства к действительности" в желательном для него виде, печатает их в измененной редакции, а затем сам пишет на это издание рецензию, в которой восполняет и уточняет самого себя, ставя точки над *i*. На корректуре статьи „Лессинг"он пишет: „Исправив, прислать мне два экземпляра, потому что я сам отнесу к цензору": как известно, этот путь часто избавлял статью от вторжения красных чернил. Заполучив в конце 1858 г. статью кн. П. Долгорукова „Проект выкупа помещичьих крестьян", Чернышевский, без ведома автора, пишет сопроводительную к ней заметку, чтобы обезвредить в глазах читателя этого врага крестьянских интересов.[1] Незадолго до расправы над ним, Чернышевский пытается выступить в „Свистке" на защиту студенчества, которое было подвергнуто классовой чистке путем крайнего ограничения числа лиц, освобождаемых от платы за право учения. В своей сатирической статье он приводит разоблачительное письмо студента, написанное им же самим.[2] По различным корректурам можно проследить, как зачеркнутые цен-

[1] С. Чернов. К истории борьбы Н. Г. Чернышевского за крестьянские интересы накануне „воли". Каторга и ссылка, 1928, № 7, стр. 12—42.

[2] В. Сушицкий. Из литературного наследства Чернышевского. Каторга и ссылка, 1933, № 10, стр. 85—116.

зором места он заменяет новыми, в которых часто под маской благонамеренности он проводит еще более „опасные“ мысли. На вопросы цензора на полях корректур он предпочитает не отвечать, а ту же мысль, но в другой форме, проводит в последней редакции в другом месте. Мы намеренно приводим примеры из различных областей литературно-публицистической деятельности Чернышевского, чтобы показать изощренность и многообразие его приемов.

Но не всегда Чернышевского ждала удача, не всегда ему удавалось обходить цензуру. Последняя не только запрещала статьи („Письма без адреса“) или отдельные в них места („История мальтусовой теоремы“ в примечаниях к Миллю), но и вносила в текст свои поправки, грубо извращая мысль автора (правка цензором Лажечниковым рецензии на „Собрание писем царя Алексея Михайловича“). Только в „Литературном наследии“ и „Избранных сочинениях“ мы начинаем знакомиться с подлинным Чернышевским, так как издание его сочинений 1906 г. было перепечаткой его произведений не по рукописям и корректурам, а по тексту „Современника“. Это затрудняло изучение сочинений Чернышевского, открывая широкое поле для догадок и противоречивых толкований.

Кроме того, в последние годы был опубликован ряд неизвестных текстов Чернышевского („Автобиография“, полностью „Дневник“, ряд литературных воспоминаний, примечания к переводу „Фауста“, предисловие к статье Долгорукова „Борьба римских пап с императорами“ и др.), открывающих возможность поставить науку о Чернышевском на более прочный фундамент. Этой же цели служит и наша публикация неизвестных статей Чернышевского: „О способах выкупа крепостных крестьян с землей“ и „Ответ В. А. Каракозовскому о способах выкупа крепостных крестьян с землей“.

Хранятся эти статьи в архиве Дома-музея Чернышевского в Саратове.[1] Обе они не уцелели полностью или не были автором закончены. Первую мы восстанавливаем по рукописи и кор-

[1] Первая статья: рукопись хранится под № 4208. Содержит листы: 1—3 (по 4 стр.), 4—5 (по 2 стр.), далее идет пропуск, 6 (4 стр.), 7—8 (по 2 стр.), 9 (4 стр.), 10 (2 стр.), всего 30 стр.; корректура № 4944; имеются еще две первых „формы“ корректуры (№№ 1845, 1850), но без исправлений. Вторая статья: рукопись № 4201. Содержит листы: 1—3 (по 4 стр.), 4—5 (по 2 стр.). Корректуры нет.

ректуре, вторую только по рукописи. Написаны они не рукой Чернышевского, а переписчика (этим почерком, вероятно, под диктовку написан ряд других статей Чернышевского, принадлежность которых ему неоспорима). Рукопись первой статьи сильно исправлена Чернышевским, пестрит его собственноручными крупными вставками, с большой правкой корректуры. Наконец, вторая часть второй статьи написана полностью рукой Чернышевского. Но еще более убеждают нас в принадлежности этих рукописей Чернышевскому их содержание и стиль. Собственноручная пометка Чернышевского на рукописи второй статьи, точно уясняющая время ее написания, говорит о том, что она предназначалась в пятую, т. е. в майскую книжку „Современника" 1858 г.

Текст, нами воспроизводимый, не подвергся в свое время окончательной правке Чернышевского, чем и объясняется литературная недоработанность некоторых его мест. Мы не вносим в текст никаких стилистических изменений, исправляя только явные в нем описки.

С большим подъемом, как бы заражаясь общим настроением, Чернышевский в февральской книжке „Современника" 1858 г., в статье „О новых условиях сельского быта", приветствует правительство, вступившее изданиями рескриптов на путь освобождения крестьян, в чем, по предположению Ю. М. Стеклова, у Чернышевского „лежал сознательный политический расчет — отрезать правительству пути к отступлению".[1]

В феврале Чернышевский откликается на свою же статью заметкой мнимого провинциала и ответом на нее. Но к тому времени правительство приняло ряд мер против печати и говорить далее об условиях и размерах выкупа было запрещено. Наступил вынужденный перерыв.

В шестом номере „Современника" открывается специальный отдел — „Устройство быта помещичьих крестьян", преимущественно заполняемый Чернышевским. Заговорить же на жгучую тему „специалист по крестьянским делам" смог только в ноябрьской книжке и то лишь по вопросу о выкупе усадебной земли (см. статью — „О необходимости держаться возможно умеренных цифр при определении величины выкупа усадеб").

[1] Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность, т. II, изд. 2-е, М., 1928, стр. 70—71.

И, наконец, когда цензура разрешила писать о выкупе, не ограничиваясь рамками одной усадьбы, Чернышевский в первой же книжке „Современника" 1859 года опубликовал свою знаменитую статью „Труден ли выкуп земли". Упомянутая выше попытка напечатать статью П. Долгорукова ядовитыми примечаниями уже была им сделана на пороге цензурного ослабления, но Чернышевский, как показывает наша публикация, пытался прорвать цензурную блокаду в весенне-летние месяцы вынужденного бездействия.

Из цензурных соображений Чернышевский пишет от имени разночинца из крестьян, некоего Каракозовского, облагодетельствованного и расположенного к помещикам, большинство из которых якобы всячески заботится о крестьянстве. Видя в статье А. И. Кошелева (напечатана в журнале „Сельское Благоустройство" 1858 г., № 1) попытку сохранить взаимные интересы освобождаемых и их бывших хозяев, он как бы с удовольствием на нее откликается. Таково благонамеренное начало статьи. Но в дальнейшем аргументация, примеры, ирония по адресу власть имущих, вся манера письма выдают Чернышевского с головой. „Вы считаете, что нельзя отмежевывать господскую усадьбу от крестьянской, правильней было бы сказать, что вам это не нравится, а это совсем другое дело; разве скот, идя по тропинке, ведет себя различно, смотря по тому, какое имя дается его хозяину гражданскими законами; тебе не нравится соседство, не требуй выселения, ибо ты не имеешь на это права, а заплати, взаимно договорившись, если выселение сулит тебе выгоды; сельская жизнь вредна для многих помещиков, а в городах они станут более деятельными и просвещенными. В вопросе о размерах надела самое главное — согласие и довольство крестьян". Именно к этому и ведет всю свою речь Чернышевский.

Вторая статья — ответ бухгалтера Зайчикова, иначе того же Чернышевского, Каракозовскому, т. е. самому себе.

Во второй статье alter ego Чернышевского пробирает Каракозовского за щедрость, проявленную им при определении сумм для выкупа крестьян с землею. В своей критике Каракозовского и контрподсчетах „бухгалтер" зорко стоит на страже интересов крестьянства.

Предложения Чернышевского, как известно, стояли в резком противоречии с планами крепостнической диктатуры. Реформа

1861 г. вылилась, по словам Ленина, в „жалкий компромисс интересов либералов (выкуп — та же покупка) и помещиков, компромисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их и выдающий головой помещикам".[1]

Публикуемые нами статьи Чернышевского расширяют материалы по истории его борьбы за американский путь развития. Необходимо передать всю землю в руки крестьянства, экспроприировать помещиков — вот окончательный тезис Чернышевского, борца за идею крестьянской революции в шестидесятые годы.

В. Сушицкий

[1] В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 179—180. „Что такое «друзья народа»".

О СПОСОБАХ ВЫКУПА КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН[1]

Ответы на некоторые из „Вопросов по сельскому благоустройству" г. Кошелева („Сельское Благоустройство" № 1)

Выслушивай обе стороны.[2]

Умолчать о своем происхождении не могу я уже и потому, что оно обнаруживается самою фамилиею моею: „Каракозовский" — окончание имени ясно говорит, что человек его носящий принадлежал некогда владельцу, от фамилии которого произведено его прозвание. Действительно я был крепостным человеком помещика С... губернии, Х... уезда, Владимира Порфирьевича г. Каракозова. Эта особенность происхождения моего вероятно пробуждает в читателе желание узнать некоторые подробности моей жизни, чтобы предугадать по ним чувства, долженствующие иметь влияние на образ моих понятий о предмете настоящей статьи. Я не намерен обременять читателя теми сведениями о моей личности, которые могут быть интересны разве для моих детей, а не для публики; но без всякой утайки расскажу то, что нужно знать обо мне читателю для составления точного понятия о моих чувствах по делу развязки прежних отношений между мужиком и помещиком.[3]

Отец мой был достаточным мужиком в деревне Каракозовке, в которой впрочем из двадцати[4] мужицких семей не было семьи беднее нашей: наши мужики все жили тогда и теперь живут очень достаточно, так что было бы грех им жаловаться на бога или на помещика. Дед и отец Владимира Порфирьевича, жившие в селе Кондоли в десяти верстах от нашей деревни, которая им принадлежала вместе с селом Кондолью и двумя другими деревнями, оставили по себе между мужиками самую благодарную память. Имея до трехсот душ[5] и живя очень скромно, большую часть своих доходов они употребляли на своих же крестьян. Нечего уже говорить о том, что при них не боялись

наши отцы и деды ни скотского падежа, ни неурожая: какую бы выгодную цену ни давали Ивану Порфирьевичу и Порфирию Ивановичу за хлеб в неурожайный год, у них поставлено было правилом ни зерна не продавать из заповедных скирдов, в которых лежал запас на прокормление всех крестьян на полтора года. Из этих скирдов хлеб выдавался только мужикам, когда по божьему гневу урожай был плох; на следующий год запас пополнялся из господского хлеба. „Своя рубашка к телу ближе, — говорили отец и дед Владимира Порфирьевича, — если себе хлеба не оставим вдоволь, какие же мы будем хозяева? А наше дело с мужицким делом все одно: мужик сыт, и помещик сыт, а мужика оставь впроголодь, и у самого скоро в кармане пусто будет. Не мужиков кормим — себя кормим". Если у мужика падала лошадь, он прямо шел на господский двор объявить о том,— такой уж порядок был заведен. „Ну, сколько же осталось у тебя коней?" — спрашивал помещик. — „Шесть, батюшка, — говорил мужик. — Ты мужик достаточный, сам исправишься как-нибудь", — отвечал помещик. Но не таково было решение, когда у мужика оставалось только три лошади: помещик почитал уже слабым тот крестьянский дом, в котором нет четырех лошадей, и находил нужным помогать такой семье исправиться. Лошадь немедленно давалась мужику от помещика. Об этом нечего говорить потому, что из соседних помещиков многие поступали почти так же, хотя едва ли у кого щедрота соединялась с такою чрезвычайной заботливостью, как у наших. Но были в их отношениях к мужикам черты более редкие. Поставка рекрутов производилась у нас по особенному порядку, вроде того, как у казаков: мир складывался по четыреста рублей (по тогдашнему, на ассигнации) на каждого рекрута; помещик прибавлял от себя вдвое; за 1200 рублей тогда (лет тридцать и больше) легко было найти охотника или из своих, а чаще из чужих. Таким образом, без доброй воли шли в солдаты только те, кого назначал мир за буйство или другие провинности, да и то не иначе, как с согласия семьи. Этим рекрутам давалось в руки двести рублей, а тысяча делилась пополам: 500 отдавалось семье, а другие 500 отдавались в ломбард на имя рекрута с выдачею ему по отставке; таким образом из наших служивых каждый при отставке получал более 1500 рублей, а с этими деньгами тогда в деревне можно было без нужды успокоить ему свою старость. Но рекрутов из наших поместий поступало мало, в два, в три

набора один; за[6] остальных очередных нанимались охотники из мещан города Х. Крестьянские свадьбы справлялись у нас почти что исключительно на счет помещика: он и на церковные расходы денег пожалует, он и телку или барана подарит, он и вина пришлет, он и молодым почти что все обзаведение подарит; мужику, когда женит сына, только и расходов было, что браги наварить. Расскажу еще один случай, как мы, то есть, наши отцы отстроились после пожара, которым бог посетил нашу Каракозовку в 1829 году. О том, что тогдашний помещик Порфирий Иванович на свой счет прикупил лесу, которого у нас не доставало, не стану говорить — это делают многие; но грех случился на святую перед самым временем пашни; до осени мужикам много отрываться от полевой работы было бы несподручно, а до ноября месяца без жилья оставаться тоже не годилось. Порфирий Иванович принанял людей и для вывозки леса на место и для срубки изб.

Таково было житье у нас при отце и деде нынешнего владельца, таковы воспоминания моего детства о помещиках. Порфирий Иванович умер (в 1833 году), когда мне было лет десять, и я помню хорошо, как ревела навзрыд вся деревня от старого до малого, когда он скончался. Помню как говорили тогда: „не нажить нам такого отца родного, каков был Порфирий Иванович. Нечего сказать, мало в нашей стороне таких господ, чтобы не были отцы мужику, ну, а такого благодетеля, как Порфирий Иванович, другого уж не найдешь. Каково-то под его сыном жить станем? Говорят, тоже добрый человек, но все же при нем лучше, чай, не будет, а дай только бог, чтобы хуже не было". Мужики обманулись в своих расчетах, и молитва их к богу осталась не услышана: не дал бог того, чтобы было только не хуже, а дал бог так, что стало лучше. Через две недели после похорон отца, Владимир Порфирьевич собрался в Петербург, где служил и откуда приезжал только по письму об опасной болезни отца. Перед отъездом, он созвал мир и объявил, что в деревне жить не будет, а управителя держать не хотел бы, потому спрашивает крестьян, не лучше ли им будет перейти с барщины на оброк. „Каков оброк наложишь, наш кормилец, — сказали мужики, — когда оброк в меру, известное дело по оброку жить вольготнее". — „А какой оброк по вашему был бы в меру?" — спросил он. — „Дело у нас небывалое, — сказали мужики, — дай нам время на неделю: в то воскресенье опять соберемся, порас-

судивши, да и скажем, как будет и нам не в тягость, да и тебе не в обиду". Через неделю мужики сказали, что могут платить по сорока рублей (на ассигнации) с тягла. „Не тяжело ли будет?" — спросил новый помещик. Крестьяне сказали, что не тяжело. „Вы мне поусердствовать хотите, а я вам хотел, — сказал Владимир Порфирьевич, — я думал положить рублей по тридцати; ну, разделим грех пополам и будет по тридцати пяти рублей, так и положим". Крестьяне разошлись совершенно изумленные. Такой оброк продолжался до 1841 года. В этом году наш край сильно страдал от неурожая и Владимир Порфирьевич сбавил оброк на 25 рублей ассигнациями, через два года, когда недостаток миновался, он написал, что надбавлять оброка не хочет, и мужики продолжали платить по 25 рублей ассигнациями с тягла. Такой образ действий невероятен, и стал понятен для меня только после разговоров с моим бывшим господиком в Петербурге. Наследовав от отца до 100 тысяч рублей серебром и женившись на дочери иностранного негоцианта с огромным приданым, Владимир Порфирьевич имеет огромные доходы от коммерческих и промышленных предприятий, в которых участвует. Получать с деревни вместо 1500 рублей только 1000[7] для него не составляет чувствительной разницы. „При сорока тысячах дохода, — говорил он мне, — я мог легко пожертвовать пятью стами рублями[8] для удовольствия облегчить моих крестьян. Я знаю, что мог бы иметь с деревень своих вдвое больше дохода, но все-таки этот доход составлял бы маловажную часть в моем бюджете. У каждого есть своя амбиция, для которой он не жалеет денег. Я мог бы тратить несколько тысяч в год на то, чтобы говорили о моих лошадях, но у меня другой point d'honneur и я не нахожу, чтобы мой образ действий заслуживал больше внимания, нежели рысаки барона Д., моего компаньона по одному из моих заводов. Вы не удивлялись бы мне, если бы я содержал в Петербурге какой-нибудь приют, или больницу; еще натуральнее то, что я предпочел жертвовать теми же самыми деньгами для облегчения судьбы не людей посторонних мне, а людей, с которыми связывают меня семейные воспоминания. Наконец, признаюсь просто в своей слабости: мне хочется, чтобы мужики, сравнивая меня с отцом, говорили: при нем нам не хуже, чем было при его отце". Имея только двух детей, которым оставит более миллиона рублей состояния в заводах и наличном капитале, Владимир Порфирьевич решил

даже, что и для них не будет, как для него нет особенной нужды в доходах с поместья. В один из своих приездов в деревню, именно в 1851 году, он объявил мужикам, что у него написана отпускная, которой могут они воспользоваться, когда им угодно. Мужики отвечали, что пока он жив, не хотят они быть вольными. „Как вы хотите,— сказал Владимир Порфирьевич,— очень чувствительно для меня такое доверие ко мне от вас. Но если вольной вы не берете, пока я жив, все равно вольная написана. Что написано пером — не вырубишь топором, от подписи своей отказаться мне не приходится, стало быть и оброк с вас брать себе не годится. А платить оброк вам следует, пока вы не взяли отпускной. Платите же оброк; только пойдет он теперь не на меня, а на пользу вам же. С нынешнего года пусть он поступает в мирской доход, и распоряжайтесь вы им, как хотите; а если хотите послушать моего совета, я вам присоветовал бы этими деньгами распоряжаться вот как". Он объяснил мужикам, что такое банк, что такое касса для взаимного вспоможения, и посоветовал им устроить у себя такие учреждения и также основать школу, наконец положить хорошее жалованье приходскому духовенству и назначить несколько сот рублей на воспитание даровитых молодых людей в гимназии, а потом в университете. Мир согласился, что лучше быть ничего не может. „Но,— прибавили мужики,— без тебя, батюшка, мы этого всего уладить не можем". — „Нет,— сказал он,— я над вами теперь не помещик и управлять вашими делами мне не приходится. А человека нужного вам вы наймите; в этом я могу быть вам полезен и, если хотите, приищу вам и пришлю из Петербурга, или из Москвы такого человека, который и школой у вас будет управлять, и деньги вам из одного ларца взаймы выдавать и на пособия из другого ларца деньги давать. Довольны вы им будете, держите его, не довольны — смените и поручите дело другому; это уж теперь будет в ваших руках". Крестьяне просили найти им человека. Владимир Порфирьевич уехал из деревни; через месяц приехал в его поместье молодой человек заведывать мирскими делами, но приехал он не из Москвы и не из Петербурга, а из Казани,— Владимиру Порфирьевичу случилось ехать в Петербург через Казань, и там Д. И. Мейер,[9] с которым Владимир Порфирьевич был приятель, рекомендовал ему своего бывшего слушателя, г-на Б. Под его управлением до сих пор все идет как нельзя лучше. Крестьяне села Кондоля

и принадлежащих к нему деревень живут ныне еще гораздо зажиточнее, нежели при покойном господине. Между ними нет богачей с десятками тысяч капитала, какие встречаются иногда в других селах; за то нет ни одной семьи недостаточной. У каждого есть самовар и что еще больше может характеризовать благосостояние мужиков, у каждого в скоромные дни щи непременно с мясом; мясо у них не праздничная, а повседневная пища.

Таковы общие впечатления, под влиянием которых развились мои мнения. Всеобщее довольство, всеобщая глубокая признательность и привязанность к владельцам, — вот чувства, которыми были проникнуты все люди, меня окружавшие до самого моего отъезда из деревни. Много раз после того я бывал на родине и каждый раз выносил с собой самые кроткие и отрадные впечатления. Но надобно объяснить, по какому случаю и какими средствами я покинул деревню, — это покажет читателям, каковы были личные мои отношения к помещичьей власти. В 1838 году Владимир Порфирьевич с семейством приехал на лето в свое поместье. Подле нашей деревни лежит великолепное озеро, и семья помещика часто приезжала из Кондоли в нашу деревню кататься на лодках по этому озеру. Несколько раз мне привелось быть в числе гребцов. Мне было тогда лет пятнадцать. Я как-то сошелся с Петрушею, старшим сыном помещика. При наших играх и разговорах, в то время как пили чай и отдыхали на одном из островков, или на берегу, Петруша заметил, что я не только умею читать, но и довольно бойко пишу, что я знаю арифметику и священную историю и, кроме того, успел прочесть несколько книг, бывших у нашего священника и, между прочим, лучше самого Петруши знаю Куликовскую битву, падение Новгорода, взятие Казани, смерть Димитрия царевича: между прочими книгами у нашего священника была история Карамзина и я прочел ее раза четыре от доски до доски. Петруша рассказал об этом своим родным, и господа захотели всмотреться поближе в такой феномен, каким показался им я по рассказам Петруши. Узнав, что во мне есть сильная любовь к чтению и охота учиться, Варвара Андреевна (имя г-жи Каракозовой) сказала мужу, что они должны бы для меня что-нибудь сделать. Этими словами была решена моя участь. Владимир Порфирьевич призвал моего отца и спросил, хочет ли он, чтобы я учился. Отец отвечал обыкновенною поговоркою,

что „ученье свет, а неученье тьма". Тогда меня послали в город Х., в уездное училище, причем Владимир Порфирьевич отпустил меня на волю, но прибавил, что заботиться обо мне не перестанет, если только я буду того заслуживать. Меня приняли во 2-й класс; через два года, окончив курс, я перешел во 2-й класс С-ской гимназии. В городе Х., который всего только в 30 верстах от нашей деревни, отец мог содержать меня. В уездном городе квартира нанималась мне за 80 копеек ассигн. в месяц, провизию доставлял хозяйке отец свою, я ходил в армяке из домашнего сукна. Но содержать меня в губернском городе, где жизнь гораздо дороже, содержать в гимназии, где нужно носить мундир из сукна хотя и самого простого, но все-таки слишком дорогого по крестьянским деньгам, где каждый год нужны новые довольно дорогие книги, — это было уже не под силу отцу. Мне помогал Владимир Порфирьевич до шестого класса, когда я нашел себе уроки. Когда я из С-ской гимназии отправился в К. университет, он также прислал мне денег и на дорогу и на обмундирование и содержал меня почти целый год, пока нашлись у меня уроки и в К.

Читатель видит теперь, многим ли я обязан Владимиру Порфирьевичу и могло ли во мне родиться к нему какое-нибудь чувство, кроме полнейшей благодарности. На третий год по поступлении в университет, я мог последовать мнению Владимира Порфирьевича, что уже не годится моим родным оставаться крепостными крестьянами, когда у них сын и брат — чиновник. Он с самого начала говорил мне, что отпускает нашу семью без выкупа, но думает, что следует повременить выходом ее из нашей деревни до той поры, пока будут у меня деньги для покупки моему отцу участка земли. „Из своей дачи я не могу отрезать ему участка, — говорил он, — потому что эта земля не моя, а мирская. Мирское получает человек даром от мира; но если он хочет иметь отдельную собственность, он должен сам приобресть ее". По окончании третьего года моей студенческой жизни, приехав в деревню на каникулы, я привез с собой сто рублей серебром и мы с отцом купили у нашего соседа, помещика М., 15 десятин земли. За уплату недоставших денег поручился наш священник, и к следующему рождеству (1849 г.) я мог выплатить всю сумму. В июне этого года мой отец получил отпускную и приписался к званию свободных хлебопашцев.[10] Этим кончается та часть моей истории, которую надобно знать

читателю, чтобы судить о моих чувствах, относительно сословия, к которому принадлежит В. П. Каракозов, и в котором находится много людей, похожих на него. Благосостояние моей семьи, ее освобождение без всякого выкупа, мое воспитание, — всем этим я обязан благородному человеку, властью которого облагодетельствован я со всею своею семьей, и которого благословляют все наши поселяне.

Не знаю, справедливо ли мне кажется, но мне кажется, что история подобная моей может служить некоторым ручательством за отсутствие односторонних пристрастий во взгляде на задачу безобидной для обеих сторон развязки крепостных отношений. По своему происхождению принадлежу я к крепостным крестьянам. Но всем тем, чем я дорожу теперь, я обязан помещичьей власти. Мои родные и товарищи моего детства, приязнию которых я горжусь и до ныне, — из сословия крепостных крестьян. Мой второй отец и многие из знакомых и друзей, приобретенных мною со времени моей университетской жизни — из сословия помещиков. Я равно желаю добра и тем и другим.

Теперь читатель знает, как думать о чувствах, руководивших моими посильными ответами на вопросы, предлагаемые г. Кошелевым.

Отношения[11] между помещиками и крестьянами представляются мне в том самом виде, как я и мои близкие чувствовали влияние этих отношений к жизни, как я наблюдал их во всем нашем округе, как я находил их почти во всех других областях Великороссии, где мне удалось бывать во время моих странствований. Я далек от такого идеализма, чтобы предполагать во всех поместьях Х. точно то же самое, что в нашей Каракозовке. Дивный порядок, у нас владычествовавший, происходил от редких достоинств людей, его устроивших; я знаю, что такие высокие добродетели довольно редки на земле. Но я полагаю, а читатель согласится со мною, что по редким случаям чрезвычайного, почти идеального развития качеств можно судить о характере быта, в котором развились эти случаи. Я нахожу, что помещики, подобные нашим, могли являться только потому, что вообще отношения помещиков с крестьянами благоприятствовали явлению подобных личностей; я думаю, что герои как Регул и Гораций Коклес между римлянами были воспитаны только общим патриотизмом и общею храбростью римлян, что в трусливом обществе такие люди были бы невозможны; я ут-

верждаю, что такие помещики как наши могли являться только потому, что вообще наши помещики — хороши с своими крестьянами и добры к ним. Изумительно превосходного всегда и везде не много; но где есть превосходное, там много хорошего и мало дурного. Чувства, влитые в меня опытом собственных отношений к помещичьей власти и убеждения, внушенные наблюдением над жизнью других, заставляют меня так думать.

Сообразно такому взгляду на отношения между помещиками и крестьянами я понимаю и решение дела об отмене крепостного права. Как вообще помещики до сих пор устраивали свои дела с крестьянами в духе взаимного доброжелательства, так должно быть проведено и это дело. Взаимное доверие и приязнь — вот основания, принимаемые мною. Кроткое, снисходительное уважение каждой из двух сторон к выгодам другой, уверенность найти и в ней такую же взаимность в этих чувствах, — таков характер решения, которое признается у меня единственным практичным не только потому, что при таком духе дела легче всего решить вопрос, но и потому, что в настоящих чувствах помещиков к крестьянам и крестьян к помещикам нет никаких других элементов кроме благоприятных такому ходу дела, — обе стороны вообще говоря проникнуты взаимною приязнью, стало быть не только благоразумие, но и самая природа их чувств ведет себя в этом деле путем дружелюбного согласия и полного доверия друг к другу. На этом духе взаимного благорасположения между помещиками и крестьянами основана главная идея моей статьи, а из него вытекают как существенные черты, так и все подробности моих ответов на вопросы возбужденные этим делом.

Путеводною нитью для изложения моих понятий об отмене крепостного права я избираю „Вопросы по сельскому благоустройству", предложенные г. Кошелевым в том же духе взаимного благорасположения помещиков и крестьян и в тех же видах упрочения настоящей их приязни справедливым для обеих сторон и выгодным для обеих сторон кротким решением дела. Вопросы эти разделяются на пять отделов: 1) о крестьянских усадьбах; 2) о наделе крестьян землею; 3) о крестьянских повинностях в отношении к помещику; 4) о крестьянских повинностях в отношении к правительству; 5) о крестьянских обществах и мирском устройстве; вне этих рубрик поставлены еще некоторые отдельные вопросы, служащие дополнением к предыдущим.

Таким образом, г. Кошелев своими вопросами обнял все дело до мельчайших подробностей с замечательною полнотою. Если бы подробно отвечать на каждый вопрос, пришлось бы написать не одну статью, а длинный ряд статей.[12] Я хочу изложить свои понятия в таком объеме, чтобы можно было разом обозреть всю целость их; оттого по необходимости[13] я буду рассматривать далеко не все, а только некоторые из этих вопросов, именно те, которые имеют наибольшую важность; остальные легко решаются на основании изложенных главных начал.[14]

Первый отдел вопроса г. Кошелева относится к усадьбам и на первый из этих вопросов — „Что разуметь под крестьянскою усадьбою?“ — совершенно удовлетворительный ответ дан уже самим г. Кошелевым в его статье „О крестьянских усадьбах“, которая помещена в „Сельском Благоустройстве“ прямо вслед за вопросами. Я позволяю себе выписать прекрасные слова г. Кошелева вполне:

„Что разуметь под крестьянскою усадьбою? Доселе этот вопрос едва ли кем предлагался, и тем еще менее возбуждал он какое-либо разногласие. Дело казалось ясным, и все под крестьянскими усадьбами, под крестьянскою оседлостью понимали все то, что заключается в селе или деревне и обнесено городьбою, или обрыто канавою, а именно: крестьянские строения, гумна, овощники, конопляники, сады, хмельники и выгон. В ином селении недоставало одной из этих принадлежностей, в другом — даже двух, трех; но никому не приходило в голову исключать что-либо из существующей мирской усадьбы и уверять, что или конопляник, или выгон есть часть полевой земли. Теперь, напротив того, не раз приходится слышать подобные утверждения и опровергать доводы, представляемые в пользу таких мнений. Нам кажется, что под крестьянскими усадьбами должно разуметь все то, что на деле (de facto), по местному пониманию, составляет крестьянскую оседлость. Если руководствоваться этим правилом, то споров быть не может, и дело решается просто и скоро. Если же допустить от него отступления, то легко натолкнуться на неустранимые затруднения. С крестьянскою оседлостью срослась вся крестьянская жизнь;[15] изменение в первой повлечет за собою изменение и в последней. Еще можно крестьян по нужде переселить; но и на новом месте необходимо дать им все то, к чему они привыкли; иначе они, в устройстве своей жизни будут

как бы сбиты с толку. Теперь еще не предполагается отдать им в собственность за выкуп полевые и луговые их угодья; следует, по крайней мере, оставить за поселянами усадьбы, по народному пониманию во всей их цельности и неприкосновенности. Мы не стали бы более и говорить о сем предмете, еслиб не встречали людей, упорно оспаривающих принадлежность выгона к крестьянской оседлости. Спрашиваю: есть ли возможность для русского поселянина существовать без выгона? Знаю, что в других землях нет выгонов, но там скот держат на стойле и к тому же поселяне большею частью живут особняками; в России же мне не случалось видеть деревень без выгона более или менее обширного, который или находится посреди самого поселка, или непосредственно к нему прилегает. (В примечании г. Кошелев прибавляет: „Бывают деревни с крайне малым выгоном, внутри поселка находящимся, и вместе с тем с обширным отдельным выгоном, соединенным с крестьянскими усадьбами посредством прогона. Тут дело другое: сколько ни нужен для поселян такой выгон, но он, очевидно, принадлежит к полевой земле.) Скажу более: при всяком крестьянском хуторе — т. е., там, где один зажиточный крестьянин живет на своем участке, уже есть непременно выгон. Тут ходит телок крестьянина, тут щиплет траву его лошадь, выпряженная в обеденное время; тут также, по пригоне стада, остается скот до возвращения хозяина или хозяйки с работы. Без выгона наш крестьянин может менее обойтись, чем без сеней в своей избе, и выключать из усадебной земли эту необходимую к ней принадлежность можно только или по незнанию нашего крестьянского быта, или из желания предоставить помещикам право на каждом шагу стеснять крестьян и заводить с ними тяжбы.

„Размеры крестьянских усадьб в различных местностях весьма различны: в иных деревнях усадебной земли бывает менее полудесятины, в других даже более десятины на тягло. Трудно и по одной губернии определить норму усадебного надела: но можно, думаю, даже необходимо назначить, чего меньше не должны быть усадьбы, потому что некоторые села и деревни у нас крайне тесно поселены и нужно дать им возможность несколько пораспространиться. К тому же такая прирезка и не затруднительна: легко присоединить к поселку для выгона сколько придется из подсельной пахотной земли; крестьяне будут тем очень довольны, а для помещика нет в том большого

убытка. Основываясь на сведениях, собранных мною по разным местностям, я думаю, что меньший размер (minimum) усадьбы мог бы быть назначен по полудесятине на тягло. Но вообще следует строго придерживаться правила: оставлять усадьбы в тех размерах, и по возможности на тех местах, как они теперь существуют, и изменять их только в крайних случаях" („Сельское Благоустройство" № 1, стр. 8—10).[16]

Эти справедливые слова требуют только одной заметки, относящейся к фразе о деревнях с двойным выгоном: „крайне малым" внутри поселка и обширным отдельным, соединенным с крестьянскими полями. Как бы ни назывался последний выгон, но он точно такой же выгон, как и первый, и точно также необходим поселянам по совершенной недостаточности одного первого, потому эти два куска земли, имеющие одинаковое назначение в хозяйстве, должны подлежать одинаковому решению: куда идет первый, туда должен идти и второй.

Второй вопрос состоит в том, как поступают в случае, если нет возможности отмежевать господскую усадьбу от крестьянской. Слово отмежевать обыкновенно принимается просто в значении: „разделить границы проведением межи". В этом смысле каждые два участка земли могут быть размежеваны: нет такой земли, которая не допускала бы проведение межи. И так мы не можем представить себе такого случая, в котором по справедливости не могли бы быть отмежеваны крестьянские усадьбы от господской. У них есть свои границы; поставьте по этим границам межевые знаки и размежевание совершено. Но очевидно вопрос предлагается не в смысле возможности размежевания, а в смысле желания размежевывающихся людей оставить границы в прежнем виде, т. е. вместо физической возможности надобно понимать просто желание, личный расчет или каприз того или другого из лиц, участвующих в деле. Когда перемены производятся одними моими желаниями, не будет конца переменам, и мы понимаем, что в этом случае очень часто будут произноситься слова: „это невозможно", а под этими словами будет скрываться не больше как такой смысл: „мне это не нравится".

Переменится ли топографический характер земель от изменения сословных отношений между людьми? Вырастут ли новые холмы, изменится ли направление долин, высохнут ли речки оттого, что помещик станет называться землевладельцем, а

крепостные крестьяне государственными или вольными? Мы не понимаем, почему для людей одного наименования было бы, например, возможно, положим, гонять скот на водопой по известной дороге, а для людей другого наименования — это невозможно? Разве корова или лошадь, идя по тропинке, ведет себя различно, смотря по тому, какое имя дается ее хозяину гражданскими законами? лошадь государственного крестьянина, или вольного хлебопашца так и наровит забежать в овес, если дорога, по которой ходит она на водопой, ведет мимо поля, засеянного овсом; но точно таким же дурным поползновением одарена лошадь или корова крепостного крестьянина. Конечно следует назвать неудобством, когда мужицкий скот ходит на водопой, или на пастбища мимо господских полей или огородов, но если это неудобство не считали необходимым устранить прежде, то не видно необходимости, по которой неизбежно бы прекращать его непременно в одну и ту же минуту с переименованием владельцев скота из одного состояния в другое. Одно из двух: или перенесение усадеб и участков для избежания близких соприкосновений между землями дело легкое, и в таком случае нечего хлопотать о нем, оно сделается само собой без всяких забот; или это дело многосложное и соединенное с трудностями, и в таком случае нет разумных оснований усложнять и замедлять великое дело освобождения крестьян присоединением к нему этой посторонней задачи, имеющей только второстепенное значение по сравнению с великою реформою сословных отношений; чересполосность дач не имеет никакой внутренней связи с освобождением крестьян; ее уничтожение, конечно, дело полезное, но неблагоразумно хвататься разом за все полезные дела, какие могут представиться нашей мысли: прежде сделаем одно, а потом поочередно будем исполнять и другие задачи, какие покажутся нам нужными. Разделение вопросов — легчайший путь к их разрешению и в науке и в жизни; если же начать смешивать и спутывать различные вопросы, это ведет только к затруднениям. Прежде всего освободим крепостных крестьян, а потом можно будет заняться и чересполосностью. По всей вероятности, общество, литература и ученые люди тогда и не найдут надобности во всеуслышание толковать об уничтожении чересполосицы между господскими и крестьянскими усадьбами и полями: там, где от нее не чувствуется неудобств, она может себе оста-

ваться, а там, где возникают от нее неудобства, позаботятся об ее уничтожении местные жители, которые тогда будут иметь совершенный простор для всяких полюбовных сделок. У крестьян (бывших крепостных) какого-нибудь села Ивановки какой-нибудь огород выходит углом к выгону г. Иванова, их бывшего помещика, от этого бывает в огороде потрава: над чем тут ломать голову всем грамотным и безграмотным людям целой российской империи? Это будет тогда дело жителей села Ивановки и больше никого — они или продадут участок, лежащий неудобно для них, или прикупят к нему смежный участок; или произведут обмен участков для уничтожения неудобной чересполосицы. Это будет их частным делом, разумеется тогда, когда они получат право покупать, продавать и меняться, как самостоятельные люди.[17] Доставить им это право, — вот эту задачу должен решить закон, должно решить целое общество и правительственная власть; а как они будут пользоваться этим правом для устранения мелких личных своих неудобств, — это дело уже собственного их благоразумия.

Освобождение крепостных крестьян — одно дело, уничтожение чересполосицы — другое дело. Совершим первое, и потом второе совершится само собою.

Но есть люди, думающие, что дело освобождения крестьян надобно усложнить, присоединив к нему и изменение разграничения между усадьбами и полями господскими и крестьянскими; мы сказали, что не видим ни надобности, ни логики в таком спутывании разных дел; но те, которые думают усложнить вопрос об уничтожении крепостного права, присоединив к нему вопрос об уничтожении чересполосицы, последний вопрос хотят решать в смысле перенесения крестьянских усадьб и полей. Такое решение предполагается третьим вопросом г. Кошелева:

Если необходимо перенести крестьянские усадьбы, то на чей счет это сделать?

Дело идет об усадьбах, потому будем говорить об усадьбах. Перенесение усадьбы, т. е. места жительства, есть переселение. Из людей свободных состояний никому не воспрещается [переселяться] куда ему угодно; потому помещик ныне имеет, а крепостной крестьянин, когда освободится будет иметь полное право куда ему угодно переселяться, т. е. переносить свою усадьбу. Но право делать по доброй воле известную вещь с тем вместе есть право не делать ее, если нет на то добровольного

желания, потому никто по закону не может быть принуждаем к переселению, если пользуется гражданскими правами; принужденное переселение совершаться может по закону только над человеком, лишающимся гражданских прав; гражданских прав человек лишается по закону только за преступление; потому переселение без доброй воли есть один из видов уголовного наказания; этому виду наказания подлежат люди за преступления очень тяжелые, именно за такие, которые подвергают преступника наказанию розгами от 40 до 100 ударов. Кроме преступников, закон никого не подвергает принужденному переселению.

Мы уже говорили, что выражение „необходимость" совершенно неуместно употребляется вместо выражения: „удобство" теми, которые говорят о перенесении усадьб; необходимости переносить их быть не может, но действительно могут быть случаи, в которых перенесение может быть для кого-нибудь удобно или выгодно. Если переселения будет требовать выгода самого переселяющегося, предоставим ему самому увидеть выгоду в переселении, не будем изменять великому принципу всякого законодательства, говорящему, что заботиться о личных выгодах и удобствах своих каждый обязан сам. Государство и правительство не обязаны хлопотать о том, чтобы я держал ложку в правой руке, а не в левой, носил сапоги на ногах, а не на руках, потому что это для меня удобнее: оно предоставляет мне самому понимать, какою рукою подносить[18] мне ложку в рот, как обуваться в сапоги, как соблюдать свои выгоды, каким ремеслом заниматься и где жить. Оно справедливо уверено, что человек свои выгоды и удобства чувствует хорошо сам. По этому принципу закон решает и случай переселения: если мне выгодно переселиться, я сам и без всякого принуждения переселюсь; а с другой стороны, если я добровольно переселяюсь, значит, я меняю менее удобное или менее выгодное. На [чей] счет должно делаться то дело, которое предпринимается мною для моей выгоды или удобства? Разумеется, на мой счет. Г. Сидоров прежде жил в Твери, лежащей на верховье Волги; ему вздумалось (показалось удобно или выгодно) переехать в Астрахань, лежащую в низовьях Волги на 3000 верст вниз по течению: на чей счет он переселился и кто был обязан вознаграждать его за издержки переселения? Переселился он на свой счет и вознаграждать его никто не был обязан: вознаграждением

очень достаточным послужили ему те удобства, которые влекли его в Астрахань. По переселению г. Сидорова за тысячу верст с верховьев на низовья Волги легко судить о переселении г. Карпова или просто Карпова, переселяющегося за двадцать верст с верховья речки Безимянки на ее низовье, или за пятнадцать сажень с одного берега речки Быстрой, на другой ее берег, также для собственных удобств или выгод.

Другое дело, если человек соглашается переселиться для удобства или выгоды другого; например, подле дома г. Ануфриева в 12-й линии Васильевского острова (в Петербурге) был дом г. Пантелеева. Г. Онуфриеву показалось выгодным приобресть под свой дом дворик г. Пантелеева. Он заплатил Пантелееву сумму, взять которую за свой дом показалось выгодным г. Пантелееву и тогда г. Пантелеев переселился из соседства г. Онуфриева в 18-ю линию Васильевского острова, где купил себе новый дом. Случаются и другие примеры. В доме г. Онуфриева жили: в квартире № 24 г. Борисов, отставной штабс-ротмистр, большой любитель соловьев и канареек, а бок о бок с ним, в квартире № 25, некто Пафнутьев, мещанин, занимавшийся резьбой на дереве; г. Борисов не чувствовал никакого неудобства в этом соседстве; но вдруг Пафнутьеву вздумалось присоединить к резьбе и столярную работу; в его квартире, прежде совершенно тихой, начался стук; стук этот мешал г. Борисову наслаждаться пением своих соловьев и канареек; соседство стало для него неудобно. В голове г. Борисова родился вопрос: как бы ему избавиться от соседства, ставшего неприятным. Он пошел к хозяину дома и попросил его согнать с квартиры Пафнутьева. Хозяин дома отвечал просто и ясно: „если я по неудовольствию одного жильца стану сгонять других, довольны ли будут жильцы моими вмешательствами в их домашние дела? Жилец платит мне деньги, не делает ничего неприятного мне,— по совести могу ли я обижать такого жильца в угоду другому?“ Г. Борисов вернулся на квартиру свою огорченный и раздосадованный. В это время случилось мне зайти к нему. Он излился передо мною жалобами и бранью на хозяина дома. Вышедши из терпения от нелепых упреков хозяину, в этом деле совершенно правому и при том известному в свете за честного и благонамеренного человека, я нашелся вынужденным прервать едкую речь г. Борисова следующим замечанием: „пожалуйста, молчите; во-первых, хозяин дома совершенно прав, и вы только стыдите

себя вашей неумеренностью в желаниях и пошлым эгоизмом, с которым браните человека только за то, что он не захотел в угожденье вам поступить несправедливо; во-вторых, не забывайте, что г. Онуфриев хозяин дома и, если до него дойдет ваша брань, он рассердившись может согнать вас самих с квартиры". Последний аргумент подействовал на г. Борисова, он приутих и раздраженный вид Юпитера изменился у него на позу мокрой курицы. „Что же мне делать,— произнес он унылым тоном, — я не могу слышать теперь, как поют мои канарейки". „Какая мудреная задача в самом деле! — сказал я, — позовите вашего Алешу". Призвали девятилетнего Алешу. Я рассказал ему в чем дело. „Как же теперь быть твоему папаше?" — прибавил я в заключение. „Папаша, если вам тут не хорошо жить, пойдемте искать другую квартиру", — сказал Алеша. „Мне кажется, что Алеша понимает дело правильным образом", заметил я. — „Но я так привык к этой квартире, мне не хочется выезжать с нее", — прохныкал г. Борисов. — „В таком случае вы можете отправиться к столяру Пафнутьеву и предложить ему вознаграждение, если он согласится уехать из вашего соседства. Но знаете ли он человек ремесленный, ему подниматься с места тяжело, — сколько возов, леса, сколько станков ему перевозить! Ему нельзя будет взять с вас дешево за переезд. А вам, чтобы перенестись с квартиры на квартиру, стоит только взять в одну руку клетку с соловьями, а в другую клетку с канарейками. По моему вам легче переменить квартиру, нежели Пафнутьеву. А впрочем, если эта квартира вам так мила, не жалейте денег и Пафнутьев с радостью переселится, если только получит вознаграждение, какого потребует". Не знаю, чем кончилась эта история: но верно то, что если съехал с квартиры Пафнутьев, то не иначе, как получив от г. Борисова такое вознаграждение, какое захотел взять, а если переехал с квартиры г. Борисов, то не получил от Пафнутьева ровно никакого вознаграждения.

Из этого анекдота видно, что если я нахожу удобным для себя, чтобы переселился кто-нибудь из моего соседства, то я должен заплатить ему сколько он потребует; если же я сам переселяюсь оттого, что нахожу чье-нибудь соседство неудобным для себя, то за свое переселение я не должен получить никакого вознаграждения. Он переселяется, чтобы избавить меня от неудобства, то есть я получаю от этого удобство; я

переселяюсь, чтобы избавиться от неудобства, то есть ищу себе удобства; за удобство платит тот, кто получает его.

Все эти случаи мы рассказали в предположении, что переселение кому-нибудь понадобится; но мы никак не думаем, чтобы встретилось при освобождении крестьян слишком много таких случаев, в которых переселение было бы действительно очень нужно. Вероятно, так думает и г. Кошелев, — это можно вывесть из следующих его слов:[19] „Конечно, во многих имениях помещикам удобно будет остаться на своих местах и сохранить крестьянам их вековые усадьбы; но представится много и таких случаев, когда это счастливое разрешение задачи будет невозможно и когда необходимо будет или тем или другим выселиться. Такие случаи редко встретятся в больших имениях, очень редко в оброчных деревнях; но они могут часто представляться по имениям незначительным, и тем чаще, чем имения мельче".[20]

„Часто" — это значит все-таки не „большею частью", „часто" случается то, что случается далеко не каждый день. Справедливо говорит г. Кошелев, что в этих случаях, когда переселение необходимо, оно должно совершаться по добровольному соглашению, „которое одно может устранить затруднения, иначе почти ничем не устранимые".[21] Справедливо говорит он также, что если помещик выселяется из такого села, где у него кроме дома нет других заведений, то за переселение не следует ему вознаграждения; справедливо также говорит он, что если выселяются крестьяне, то не иначе, как по добровольному соглашению; нам казалось бы только, что понятием о добровольном соглашении устраняется назначение цены вознаграждения общею мерою для целой губернии; нет, пусть цена определится добровольным согласием в каждом отдельном случае. При этом, очевидно, предполагается у г. Кошелева, что помещик переселяется по собственному желанию, для собственного удобства, а мужики по желанию помещика; но могут быть и обратные случаи, когда желание переселиться самим или склонить помещика к переселению будет со стороны крестьян; в таком случае очевидно роли изменяются. Для совершенной ясности мы выразили бы правила, указываемые г. Кошелевым, в следующей форме: 1-е, переселение совершается не иначе, как с согласия выселяющейся стороны; ни одна из двух сторон не имеет права требовать от другой переселения, она может только склонять ее к тому посредством предоставления ей вознаграждения; 2-е,

тот помещик или крестьянин, который переселяется для собственного удобства, не получает вознаграждения за переселение; 3-е, тот помещик, который соглашается переселиться по просьбе крестьян, или те крестьяне, которые соглашаются переселиться по просьбе помещика, получают вознаграждение от той стороны, которая склоняет к переселению; 4-е, размер вознаграждения за переселение в каждом данном случае определяется торгом, или, так сказать, коммерческою сделкою, при которой, по общему коммерческому основанию, величина суммы зависит только от взаимного согласия двух торгующихся сторон; 5-е, переселение есть факт совершенно независимый от уничтожения крепостного права; он, как по самой идее, так и на деле, является уже только последствием этого уничтожения, а потому и вопрос о нем в каждом селе начинается тогда, когда уже решен вопрос об освобождении и следующим за него вознаграждении помещика; одно дело после другого может быть решено спустя целый год, или пять минут, но непременно должно быть решено после, а не прежде, потому что, являясь договорным делом, оно для своего совершения предполагает независимость друг от друга обеих договаривающихся сторон.

К этим правилам мы присоединим одно замечание, касающееся отношений переселения отдельных лиц к государственным выгодам. Переселение бывает выгодно для национального труда, когда совершается вследствие материальной выгодности, а не по прихоти или капризу. Если деревня перенесется с места, где нет хорошей воды на такое место, где есть хорошая вода, это выгодно для государства; но таких случаев нельзя ждать при переселении крестьянских жилищ вследствие освобождения: вообще говоря, крестьяне останутся в пределах той же дачи и вообще говоря, в этой даче самое удобное для поселения место бывает то, на котором уже стоит деревня; следовательно, переселение крестьян в наибольшей части случаев будет растратою труда и времени на заменение более удобного менее удобным, т. е. будет делом невыгодным для национального труда. (Просим читателя не забывать, что мы говорим только о переселении, как о последствии отмены крепостных отношений. В этом деле оно имеет совершенно особенный экономический характер, представляется исключением из общего понятия о переселениях, потому что совершается не вследствие экономических соображений, а по изменению юридических отношений.)

И так национальная выгода требует, чтобы размер этого невыгодного передвижения был возможно наименьший. Такая цель совершенно достигается предоставлением его исключительно добровольному согласию переселяющихся. Переселение, как мы видели, предполагается нужным только как средство для избежания неприятных столкновений. Наилучшее средство предотвратить неприятные столкновения между людьми есть предоставить независимость обеим сторонам одной от другой, тогда каждая из них приобретая содействие или уступчивость другой только собственным содействием ей, естественно проникается дружелюбными расположениями, а при взаимном доброжелательстве очень мало представляется поводов к неудовольствиям.

Переселение крестьян по поводу уничтожения крепостного права представляется вообще делом невыгодным для государства. Совершенно другой характер имеет переселение помещика. Землепашец, переселяясь, только сносит свою усадьбу с одного места сельской дачи на другое и обыкновенно должен будет переносить ее с более удобного на менее удобное. Но когда барин, живший в деревне, переменяет место своего жительства, есть сто шансов против одного, что он переселится в город. Полезные для государства последствия переселения в город, можно сказать, неисчислимы. Недостаточное развитие городов — одна из главнейших причин слабого развития у нас всех высших сторон жизни и даже самой торговли с промышленностью, даже земледелие будет подвигаться вперед только соразмерно развитию городов. Переселение многих помещиков из дерев[ень] в города, подняв и оживив города, поднимет земледелие, промышленность и торговлю, будет содействовать развитию нашей общественной жизни и образованности. В выгодах государства надобно желать этого переселения; того же надобно желать и в выгодах самих помещиков. Можно спорить о том, где простолюдин образованнее и нравственнее в городе или в селе, но вредное влияние сельской жизни на некоторых помещиков бесспорно. В городах они сделаются деятельнее и просвещеннее. Если переселение крестьян будет зависеть от добровольного согласия самих крестьян, в селах останутся те помещики, которым действительно надобно по делам жить в деревне, которые старательно занимаются сельским хозяйством или имеют промышленные заведения. Напротив, те,

которые живут в деревне без всякого особенного дела, найдут удобным для себя переселиться в города, что будет выгодней для них самих в нравственном, умственном, а потом и в материальном отношениях.

За вопросом о том, на чей счет следует производить переселение вообще, следуют у г. Кошелева вопросы: какие пособия или облегчения необходимы по этому делу помещикам, имеющим менее 21 души и помещикам, имеющим от 21 до 100 душ. Совершенно одобряя дух, внушивший эти вопросы, т. е. признание принципа, по которому человек небогатый, не имеющий силы без затруднений обернуться в деле, легком для человека богатого, должен получить пособие и облегчение, мы с радостью увидели бы помещиков двух названных г. Кошелевым разрядов, получившими все возможные вспоможения не только по частному вопросу о переселении, но и вообще по всему делу уничтожения обязательного труда. Само собой разумеется, впрочем, что эти облегчения должны вытекать из общих источников, а не в частности из особенных условий, которые возлагались бы именно только на их крестьян. С сохранением этого правила мы готовы признать справедливыми всякие меры в преимущественную пользу помещиков двух названных разрядов перед остальными помещиками. В том плане, который излагается у нас ниже, объяснены преимущественные выгоды, которые мы находили бы удобным дать им. Но если другой кто-нибудь придумает еще выгоднейшие меры в их пользу, согласные с справедливостью, мы готовы поддерживать все такие меры, вполне сочувствуя выгодам означенных двух разрядов помещиков.

Должны ли крестьянские усадьбы после выкупа оставаться мирскою собственностью или частною собственностью каждого семейства, и какие должны быть права на усадьбы мира и отдельных крестьянских семейств? — спрашивает далее г. Кошелев. Этот предмет едва ли не самый многосложный во всем крестьянском вопросе, хотя занимает в нем не очень видное место и ни мало не касается отношений помещиков к крестьянам, относясь только к отношениям одних крестьян между собою. Его нужно рассматривать отдельно и подробно. Нам казалось бы, что основанием тут должно быть поставлено различение между жилищем, т. е. избою или домом с двором в теснейшем смысле слова и другими принадлежностями усадьбы.

Двор без всяких неудобств для общины мог бы быть частной собственностью; крестьянин мог бы продать его кому угодно, не стесняя никого из земледельцев того села, но другие принадлежности усадьбы, именно гумно и конопляник, относящиеся уже специально к земледельческому быту, он мог бы продать только земледельцу, приписанному к той общине или даже и это право могло бы быть подчинено различным условиям. Таким образом мещанин, занимающийся мастерством, или торговец мог бы свободно селиться в деревне, купив у крестьянина дом или часть дворового места для постройки дома; но участие в поземельных сельскохозяйственных принадлежностях дачи земледельческой общины имели бы постоянно только земледельцы этой общины. Село через это оживилось бы присутствием торговых и промышленных элементов и самая ценность дворов и изб поднялась бы, но неотъемлемость сельскохозяйственных принадлежностей у крестьян сохранилась бы.

Это дело имеет важность для крестьян совершенно независимо от вопроса об уничтожении крепостного права; оно принадлежит не к отношениям помещика с крестьянами, а равно касается и государственных и удельных и всяких других крестьян. Так или иначе устроятся крестьяне, помещику не будет от того ни выгоды, ни убытка. Другое дело следующий вопрос.

Как ценить крестьянские усадьбы? Как поступать в тех местах, где усадьба составляет главную и значительную ценность имения? Г. Кошелев в своей статье об усадьбах совершенно справедливо замечает, что это вопрос самый существенный и самый трудный. „Оценка вообще вещь не легкая, — говорит он, — но особенно трудно ценить то, что отдельно не существует, что в понятиях наших всегда соединено с чем-то другим и что не составляет предмета продажи и купли. В понятиях как помещичьих, так и крестьянских, усадьбы с прочими угодьями составляют одно целое. Разъединить их в представлении, на плане, в описании — весьма возможно; но оценить их порознь, есть дело не только трудное, но в некоторых случаях едва ли возможное“.[22] Основываясь на этом чувстве русских людей, не понимающих земледельца не владеющего землею, не понимающих земледельческой усадьбы без пашни и лугов, мы думаем, что выкуп с землею легче, нежели выкуп без земли и что оценивать крестьянские усадьбы вместе

с полевыми землями, находящимися во владении у крестьян, легче, нежели оценивать их без земли. Закон, данный высочайшими рескриптами, постановляет только наименьший предел того, что должно быть дано крестьянам при освобождении; он говорит только, что без усадьбы освободить крестьян не позволяется; но следует ли присоединить к усадьбе также все полевые и другие земли, находящиеся во владении крестьян — это оставляется законом на обсуждение общества. Мы решительно думаем, что усадьба без полевой земли не должна существовать потому, что неразрывная связь усадьбы и земли требуется и государственною пользою и национальным убеждением. Потому оставляем без ответа вопрос об отдельной оценке усадьбы, как вопрос неприложимый к нашей жизни, и переходим ко второй части вопроса г. Кошелева, именно к вопросам надела крестьян землею.

Первый вопрос г. Кошелева состоит в том, какое количество земли можно считать достаточным, по выражению высочайших рескриптов, для обеспечения быта крестьян и для выполнения ими обязанностей перед правительством и помещиком. Ответ может быть двоякого характера: теоретического или практического, т. е. может быть выводим из отвлеченных соображений, или состоять только в принятии на бумаге факта, всеми признаваемого в жизни. Вступать на теоретический путь, пускаться в соображение о том, какое количество земли *может* быть достаточным для достижения указанной высочайшими рескриптами цели, мы не советовали бы, потому что дорожим выгодами помещиков и желали бы такого устройства поземельных отношений, при котором осталась бы у помещиков наивозможно большая пропорция земли. Слово „может“ — слово вероломное; за него можно взяться с целью сократить количество земли, отводимой крестьянам, но что если оно неожиданно приведет к результату совершенно противному; мы поясним это примером хотя бы такого рода.[23]

Я живу на квартире с одним хорошим знакомым; вдвоем мы занимаем три комнаты и находим, что помещение для нас достаточно; но если вы спросите меня, какое помещение *может* считаться достаточным для одинокого человека, каков я или мой товарищ по квартире, я по совести должен буду отвечать, что порядочную жизнь невозможно вести одинокому человеку, занимая меньше, как три комнаты одному. Необходимо человеку иметь

кабинет для занятий, необходимо иметь спальную и необходимо иметь хотя небольшую, но ничем не занятую комнату для приема посторонних людей. Каждый должен будет согласиться со мною: в самом деле, очень неудобно не иметь отдельной комнаты для занятий, очень неудобно не иметь спальной, отдельной от кабинета и т. д. Результаты вопроса о том, какое помещение может считаться достаточным, результаты этого вопроса для моих квартирных отношений с моим товарищем, как видим, не совсем удобны.

Потому станем решать вопрос о наделении землею просто на основании фактов общественного сознания, а не на основании теоретических рассуждений, следствия которых были бы менее выгодны для лиц, выгодами которых я, как сказал, дорожу. В таком случае ответ бесспорен:

Достаточным для обеспечения быта крестьян и для выполнения ими обязанностей перед правительством и помещиком полагается такое количество земли, какое в обыкновенном житейском языке в данной местности считается достаточным.

Ответ, как видим, похож на знаменитую формулу Фихте: А = А, я есмь я, земля есть земля, достаточное количество земли есть достаточное количество земли. Он ясен, точен и бесспорен; сомнений и произвола он не допускает. И так, предположим, что в известной местности те из крепостных крестьян считаются достаточно наделенными землею, которые имеют по три десятины в поле на тягло; в этой местности существует, положим, три имения, каждое во 100 тягол; земли принадлежит к одному три тысячи десятин, к другому две, к третьему полторы. Во всех трех достаточный надел крестьян землею одинаков, именно девятьсот десятин пахотной земли, кроме луговой, лесной и т. д. Затем в каждом из трех имений остается больше или меньше земли, в которой нет необходимости крестьянам для обеспечения своего быта и для выполнения своих обязанностей перед правительством и помещиком.

Надел крестьян землею должен быть в каждой местности таков, какой по общему мнению земледельцев считается достаточным наделом. Таков практический житейский ответ на первый вопрос. Второй вопрос также легко решается с тем же общественным сознанием.

„Можно ли при определении количества[24] земли, достаточного для обеспечения быта крестьян и т. д., принять в соображе-

ние местные промыслы, коими крестьяне ныне дополняют недостаток или непроизводительность земли?“ [25]

Самый вопрос уже говорит, что такой надел недостаточен в некоторых случаях. Если земля не обеспечивает быта крестьян потому, что она не производительна, мало способна к земледелию, увеличение пропорции крестьянской земли мало послужит к улучшению их быта; но в таких местах землею мало дорожат помещики и мало хлопочут о ней крестьяне; стало-быть тут не следует ожидать особенных споров о пропорции земли; сколько захотят взять крестьяне, столько и согласится дать им без большого убытка для себя помещик; сколько захочет оставить себе помещик, столько и согласятся оставить ему без большого убытка для себя крестьяне. Совершенно иное дело в тех поместьях, где земля хороша, но крестьянам отдана слишком малая часть ее. Если тут крестьяне ищут себе подмоги в промыслах, они делают это не от физической необходимости, положенной природою, а от случайностей, которые как вносятся, так и устраняются человеческою волею. Цель для этой воли указана высочайшими рескриптами: в тех поместьях, где дача заключает в себе довольно земли для достаточного надела крестьян, но где еще не произведен достаточный надел, он должен быть произведен.

Из всего сказанного следует, что норма нами принимаемая за основание успешности каждого гражданского дела, именно: довольство известною мерою тех людей, в пользу которых она производится, — эта норма служит наилучшим средством при решении вопроса о наделении крестьян землею:

Такой надел земли, которым вообще довольны крестьяне в известной местности, есть именно тот надел, о котором говорят высочайшие рескрипты.

В некоторых местностях, где земля слишком дурна, крестьяне могут желать малого надела; таким селам не нужно навязывать лишней земли против того, сколько они хотят взять.

В других местностях, где земля хороша, бывают села, в которых крестьянам отдана слишком малая часть дачи; тут нужно наделить их достаточнее прежнего, когда они сознают, что прежний надел был недостаточен. После этого почти не нужно отвечать на третий и четвертый вопросы:

„Возможно ли установить для каждой местности нормальный надел землею?“ — „Не лучше ли удержать нынешний тягловый надел?“ [26]

Для каждой местности должно установить нормальный надел, меньше которого не может быть дано крестьянам, если они сами не пожелают взять меньше.[27] Если настоящий тягловый размер в известном виде не многим ниже этого нормального надела, или выше его, этот нынешний надел будет удержан; если же он много ниже нормы, он должен быть увеличен.

И так мы принимаем три основания для надела крестьян. Самым основ ым служит согласие и довольство крестьян; затем имеет силу нормальный размер надела: если крестьяне не хотят взять меньше, то им не дано будет меньше нормального надела; после этих двух оснований имеет силу третье: если нынешний надел не ниже нормального надела и если крестьяне не хотят сами взять меньше, нежели владели, сохраняется нынешний надел.

Из этих оснований видим, что во многих случаях дело будет решаться фактическим положением вещей в настоящее время, во многих других случаях — общественным сознанием, выражающимся в желании крестьян, и затем часто по обоюдному соглашению помещика с крестьянами; последнее будет иметь место в тех селах, где крестьяне до сих пор находились в хорошем состоянии и где потому они и помещик были взаимно довольны друг другом и одинаково довольны настоящим распределением господской и крестьянской земли. Совершенно ошибаются те люди, которые воображают будто последних случаев не очень много: напротив, чрезвычайно многие помещики считаются у крестьян хорошими и добрыми помещиками и пользуются их любовью. Едва ли не должно сказать, что в большей части великорусских губерний большинство помещиков и крепостных крестьян находится в подобных приязненных отношениях; по крайней мере так мы знаем о губерниях, в которых бывали.

Но исключительно предоставить установление надела крестьян во всех случаях обоюдному соглашению помещика с крестьянами (вопрос 5-й) было бы неудобно, потому что обоюдное соглашение иначе свободная переторжка есть принадлежность только тех дел, в которых и та, и другая из договаривающихся сторон имеет одинаковую возможность не заключать договора, если он ей кажется невыгодным и бросать

начатое дело без решения. По вопросу же о наделении крестьян землею ни помещик, ни крестьянин не имеют возможности такого произвола оставлять дело нерешенным. По необходимости они должны кончить его, следовательно, не имеют произвольности в своих действиях. При таком условии договор не может быть законною формою, а закон должен постановить какую-нибудь норму; договор же может участвовать в решении дела только фактически, а не юридически.

Выше, говоря о размежевании усадьб, мы выразили мнение, что уничтожение чересполосности и освобождение крепостных крестьян совершенно различные дела, из которых последнее не должно быть запутываемо через смешение с первым.[28] Сообразно этому надобно отвечать и на (6-й) вопрос г. Кошелева о полевых землях:

„Как отделить землю крестьян от господской там, где она еще не отделена к одному месту и где узнать дачи или недостаток водопоев, или разнокачественность почвы, или иные причины тому препятствуют?“ [29]

Фактически крестьянская земля отделена от господской везде, кроме тех многоземельных областей, в которых нет постоянного места запашки, а постоянно поднимаются под пашню или новины или земли остававшиеся в залежи. Но в таких местах разделение земель не представляет никаких трудностей: нужно только отвесть крестьянам такое число десятин, чтобы они могли при прежней системе залежей иметь тот размер полей, какой нужен для обеспечения их быта. Во всех других областях, где нива имеет постоянное место, крестьянские земли фактически отделены от господских. Границы этого разделения могут быть не совсем удобны, но если до сих пор помещик и крестьяне не предпринимали ничего для отстранения этого неудобства, то нет разумного основания, чтобы они непременно затрудняли себя хлопотами об этом именно в ту минуту, когда у них и без того на руках гораздо важнейшее дело — решение дела об отмене обязательного труда: если терпели неудобство в продолжение десятков или сотен лет, когда была совершенная свобода заняться его устранением, то можно потерпеть этими хлопотами еще год или два, когда время и мысли заняты другим, гораздо важнейшим делом. Сначала кончим это важнейшее дело — отмену крепостного права, а потом, когда будет свободное время заняться другими делами, займемся уничтоже-

нием чересполосицы, если по разделу, при котором совершена отмена крепостного права, окажется чересполосица и если от этой чересполосицы будут чувствоваться неудобства. Далеко не [во] всех селах она окажется, и далеко не во всех тех селах, где окажется, будут от нее чувствоваться неудобства; потому и вопрос об этих неудобствах будет не общим государственным вопросом, даже не губернским, даже не уездным, а чисто частным вопросом того или другого села в отдельности, и будет решаться в этом самом селе, так что и слух о нем, не только забота о нем, не перейдет за пределы села.

При таком ответе на вопрос о разделе, излишне отвечать[30] на седьмой, восьмой, девятый и десятый вопросы, основанные на предположении, что уничтожение чересполосности будет производиться одновременно и в связи с отменою крепостного права. Если помещики в продолжение десятков и сотен лет не думали размежевываться с своими соседями-помещиками, то, повторяем, нет необходимости предполагать, что они не могут прожить год или два в чересполосице с крестьянами.

В заключении той части вопросов, которая относится к наделу крестьян землею, поставлен наконец коренной вопрос всей реформы, производимой благодетельною волею государя императора, — вопрос о предоставлении полевой земли и других угодий в собственность крестьян. Этот вопрос выражен г. Кошелевым в двух пунктах:

11) Не будет ли выгоднее и удобнее присоединить к усадьбам и полевую землю крестьян? 12) Нет ли средств к предоставлению всей крестьянской земли или части оной в собственность крестьян, с удовлетворением помещиков за землю, которой они лишатся?[31]

Нет никакого сомнения в том, что присоединить к усадьбам полевую землю крестьян выгодно и удобно, как для государства и для крестьян, так и для самих помещиков; надобно прибавить, что та же выгода государства, крестьян и помещиков требует присоединить к усадьбам и к земле все те угодья, которые необходимы для земледельческой жизни, именно: луга, леса и прочая, в той пропорции, в какой необходимы они для осуществления цели, указанной в высочайших рескриптах, именно: для обеспечения быта крестьян и для выполнения ими обязанностей перед правительством и помещиками. Замечаемое в некоторых колебание по этому вопросу происходит никак не

от недостатка уверенности в пользе и гуманности такого решения, но единственно от предположения, что выкуп крестьян с землею и угодьями потребует таких громадных сумм, уплата которых была бы затруднительна. Это предположение может проистекать только от неясного понимания отношений различного рода существующих имуществ к производительным силам нации и к средствам уплаты, возникающим для нее из этих сил; оно поддерживается недостаточным знакомством с могуществом пособия, оказываемого финансовым операциям системою кредита и банков; оно может держаться в мыслях человека только до той поры, как он ясно поймет средства нации для выкупа и характер действия, придаваемого этим средствам финансовою наукою.

Нет такой ценности, существующей в данное время в известном государстве, которая не могла бы легко и скоро быть куплена теми ценностями, какие постоянно создаются трудом и жизнью нации. В политической экономии эта аксиома подтверждается следующим образом.

Все те имущества и ценности, которые завещены известному поколению нации предками, далеко не равняются по своей стоимости той массе ценностей, которая производится трудом этого поколения в течение немногих лет. Если бы всю Францию или Англию со всеми теми богатствами, какие находятся в ее пределах, оценить так, как оценивается поместье, или дом, то стоимость всей этой земли со всеми ее имуществами и ценностями, с нивами и лесами, строениями и капиталами, далеко не равнялась бы той массе ценностей, какая будет вновь произведена.[32]

ПИСЬМО К В. А. КАРАКОЗОВСКОМУ О СПОСОБАХ ВЫКУПА КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН С ЗЕМЛЕЮ [33]

„Ты хочешь, любезный друг, чтобы я своими бухгалтерскими приемами помог тебе представить в точнейшем виде планы, которые ты имеешь в виду; ты просишь меня составить сметы по тем основаниям, какие ты нашел справедливыми и удобными для выкупа крестьян с землею. Исполняю твое желание и радуюсь, что мои занятия по банкирским делам оказываются пригодными теперь не для одних выгод фирмы, в которой я служу, но получают применения и к общественным делам. С удовольствием составляю требуемые тобою сметы по данным тобою основаниям, но с тем условием позволяю тебе пользоваться ими, чтобы ты вместе с выводами из расчетов, составленных мною по твоим основаниям, сообщил публике и мои замечания против оснований расчета, тобою принимаемых. Ты не хотел согласиться со мною — быть может, в публике найдутся люди менее тебя расточительные на трудовые деньги поселянина.

Ты принял оценку выкупа, по моему мнению, слишком высокую; ты принял и заем для немедленной уплаты слишком большой; наконец, ты положил на этот заем слишком высокий процент. Те, которые, подобно мне, каждый день сидят над коммерческими расчетами, поймут, как сильно ты ошибался, думая, что не важны какие-нибудь лишние пять рублей выкупа на душу, какой-нибудь рубль лишней выдачи посредством займа, какие-нибудь две десятые доли процента на этот заем. Мы, купцы, знаем, что значит каждая лишняя копейка, — она тянет за собою рубли и тысячи рублей. Сколько случаев бывало на моих глазах, когда от одной копейки в цене покупаемого или продаваемого хлеба зависели десятки тысяч рублей выгоды или убытка! Расскажу один случай, памятный в нашей конторе. У нас было две тысячи берковцев сала, купленного по 42 руб. 20 коп.; на другой день после покупки нам дали по

42 р. 50 к., мы продали и остались в барышах; у другой фирмы было три тысячи берковцев, купленных по 42 р. 45 к., ей также предлагали продать за одну цену с нами, но, очевидно, прибыль от такой продажи не стоила хлопот и продажа не состоялась. На другой и третий день цены стояли прежние, с четвертого стали падать и через месяц стояли уже на 3 р. 50 к. (за пуд) и повышение не предвиделось. Таким образом, фирма, удержавшая сало, понесла потери более 20 000 рублей сер. и вся эта потеря вышла из-за двадцати пяти копеек. Повторяю тебе, в коммерческом расчете важна каждая копейка, нельзя одного гроша передать лишнего, не потеряв убытку на десятки тысяч. Потому-то я и не согласен на лишнюю передачу рублей, на которую ты так не расчетлив.

Начнем с твоей оценки выкупа. Ты кладешь выкупную плату средним числом за душу по 80 рублей. Я не занимался русскою статистикою настолько, чтобы мочь проверить в настоящую минуту те факты, из которых ты выводишь среднюю величину дохода с тягла; но полагаю, что ты ценишь этот доход слишком высоко, считая его в 20 р. сер.; я знаю, что во многих поместьях получается гораздо больше, но дело в том, что доход с поместья далеко не весь получается от тех предметов, которые подлежали крепостному праву. Вычти весь доход с фабрик, заводов, овчарен, мельниц и других промышленных заведений, принадлежащих помещикам. Все эти заведения остаются у помещиков, стало-быть не входят в цену крепостного отношения, ныне выкупаемого. Вычти также все другие отрасли дохода, получаемого помещиком [по] мимо крепостного права, вычти сверх того проценты с оборотного капитала, употребляемого помещиком на самое земледелие, как-то: семян, земледельческих орудий господского хозяйства и пр., и ты увидишь, что в имении, состоящем на запашке, едва ли останется и 15 руб. с тягла дохода от чисто крепостных отношений, подлежащих выкупу. Среднюю цену оброка также нельзя положить более 15 рублей с тягла, — я знаю, что во многих местах берут больше, но таких мест не много; я знаю, что и в других местах встречаются поместья, платящие оброк более высокий, но тогда все кругом говорят, что оброк этот слишком высок; злоупотребление не есть правило; притом же ты сам говоришь, что помещиков, злоупотребляющих своею властью, у нас очень немного, стало быть и злоупотребления их властью так редки, что не имеют влияния

на среднюю величину оброка, а сколько есть обширных местностей, в которых величина дохода с тягла несравненно менее? Знаешь ли ты, что, например, в Витебской губернии получается много, много 10 р. сер. с тягла, да нет, и того не получается. И так я полагаю, что ты сильно ошибся, приняв доход более 15 р. с тягла. Но повторяю, что не имею теперь времени подробно доказать тебе это, — справки потребовали бы довольно много времени, а ты меня завалил работой; потому пусть будет пока по твоему, принимаю 20 рублей дохода с тягла, хоть и думаю, что этот доход преувеличен тобой. Пусть будет, говорю я, 20 рублей с тягла. Но сколько тягол принимаешь ты в ста душах?

„Положим число тягол на половину против числа душ, говоришь ты, — будет с души по 10 р. дохода". Где ты нашел именье, в котором на сто душ было бы 50 тягол. В оброчных имениях полагают 45, в состоящих на запашке и того меньше, так что чуть ли не много будет считать и по 40 тягол; во многих имениях считается тягол только третья часть со всего числа душ, но положим 40 тягол. Ты сам говорил мне, что оброчных имений вдвое, а может быть и втрое меньше, нежели издельных; будем считать хоть вдвое; что выходит? На двести душ издельных считай сто душ оброчных; в оброчных[34] ста душах 45 тягол в издельных двухстах душах 80 тягол, всего 125 тягол в трехстах душах; в общем числе приходится на сто душ менее, нежели 42 тягла. Будем считать 42 тягла. С каждого ты сам положил дохода по 20 рублей (что, повторяю, по моему слишком много); по твоему собственному счету должно выходить со ста душ (42 тягла) всего только 840 рублей дохода, или по 8 рублей 40 коп. с души, а ты считаешь со ста душ 1000 рублей и с души по 10 рублей. Зачем же ты накинул 1 рубль 60 коп. лишних?

Иду дальше. Как теперь считать ценность души со всеми угодьями, принадлежащими к поместью, т. е. как с теми, которые выкуплены, так с теми, которые должны остаться у помещика? Ты полагаешь 130 руб., а сам говоришь, что поместье дает у хорошего помещика 8% продажной цены. Зачем же ты переводишь доход с поместья в капитал по расчету дохода менее 8%? По твоему собственному счету дохода в 10 рублей с души должна выходить ценность души со всеми господскими и крестьянскими угодьями всего только 125 рублей; зачем же ты накинул 5 рублей? А по моему расчету, без твоей непра-

вильной надбавки 1 руб. 60 к. в доход с души, выходит еще меньше. Я тебя уличил, что по твоему собственному счету 20 рублей дохода с тягла, следует считать с души не 10 рублей, а 8 р. 40 к. дохода. Я перевожу этот доход в капитал по расчету 8% и выходит ценность души со всеми угодьями господскими и крестьянскими 105 рублей.

Видишь ли, мой друг, как тянет за собой лишняя копейка, лишний рубль? В одном месте, при своей смете, накинул ты 1 р. 60 к., в другом месте накинул выше основательной капитализации какую-нибудь четверть процента и оказалось, что погрешил ты против правды очень много, наложил ты на крестьянскую душу лишних 25 рублей.

Этим не кончены мои тебе упреки за расточительность на трудовые деньги. „Ценность имения слагается в настоящее время, говоришь ты, из двух элементов: один из них — ценность земли, другой — ценность обязательного труда". Полагая, что земля, отходящая к крестьянам, должна быть выкуплена по своей полной ценности, а обязательный труд — на половину своей ценности, ты находишь, что сумма выкупа должна составлять не более 60% всей цены имения в его настоящем размере. Сначала я принимаю это отношение, по моему мнению, слишком высокое, и тут опять уличаю тебя в ошибке при переложении счета с процентов на сумму. Ты сам определил ценность души в 130 рублей; 60% с этой суммы составляют только 78 рублей, зачем же ты положил ценность выкупа в 80 рублей? Опять ты преувеличил мужицкую уплату на 2 рубля.

Но ты знаешь теперь, что подобными ошибками в предшествовавших выкладках ты вывел слишком высокую цену для всего имения; я доказал тебе, что вместо 130 рублей, вся ценность поместья простирается по цифрам, которые тобою самим даны мне, только до 105 рублей. С этой последней суммы, которая и есть точная сумма, по твоим собственным основаниям, 60% составляют только 63 рубля, — вот истинная величина выкупа, по твоим собственным основаниям. Ты обременил выкуп мужика лишними 17 рублями, — тяжелый грех сделал ты по неосмотрительной своей расточительности на трудовые деньги мужика.

Я сказал, что проверяю только твои выкладки, не имея времени проверять самых оснований, взятых тобою для этих выкладок. Счастье твое, что у меня нет времени для проверки твоих

оснований; к чему привела бы она, ты можешь судить по одному случаю, в котором я имею перед глазами данные, из которых выведены твои основания. На грех себе ты внес в данную мне записку те соображения, по которым ты полагаешь величину выкупа в 60% всей ценности поместья. Ты говоришь, что в издельных имениях цена земли составляет около четырех пятых частей всей ценности имения, то есть 80%, а остальная, пятая часть ценности, т. е. 20%, состоит в обязательном труде. Не думаю, чтобы на деле было так: ты слишком малую часть положил на долю дохода, доставляемого не землею, а обязательным трудом. Спроси любого русского статистика, он скажет тебе, что ценность обязательного труда нельзя считать в издельном имении меньше, как в третью часть всей ценности именья. Но положим на него только ту долю, которую кладешь ты: я хочу поймать тебя на другой погрешности, еще более осязательной. Из 80%, заключающихся в ценности земли, говоришь ты, 50% надобно считать на крестьянскую землю, а 30% на господскую. Боишься ли ты бога? Я знаю, что во многих поместьях крестьянские поля имеют размер несколько больше господских, например, на себя мужик получает по две десятины в поле, а на помещика обрабатывает по полуторы десятины; но и тут отношение не как 5:3, а только 4:3, и по этому отношению на крестьянскую землю приходится из 80% только 45.7, а не 50; на господскую же остается не 30, а целых 34.3. Но ты сам знаешь, что далеко не во всех издельных имениях крестьянские поля настолько больше господских, а во многих поместьях даже и вовсе не больше их. В этом один твой грех, другой в том, что ты забыл о лугах, лесах и рыбных ловлях: во всех этих угодьях на долю мужика отдается гораздо меньше, нежели оставляет за собою помещик. Из лесов крестьянину дается только на домашний обиход, а излишний лес помещик продает исключительно в свою пользу; наконец, если в поместье есть значительные рыбные ловли, помещик отдает их в откуп также исключительно в свою пользу; если бы ты не упустил из виду этих угодий, если бы не ослепила тебя одна пахотная земля, а принял бы ты в соображение все сорты поземельных угодий, принятое тобою отношение между господскою и крестьянскою землею, вышло бы вовсе не то, какое ты положил: оказалось бы, что пространство и ценность поземельной собственности, оставленной помещиками в своем исключительном пользовании,

гораздо больше, нежели предоставлено в пользование крестьянам. Я сказал, что у меня нет времени для наведения справок, но одна справка достается мне без больших хлопот, и я тебя уличу ею. Из двенадцати уездов Киевской губернии у г. Фундуклея[35] показано точное отношение господской и крестьянской земли в одиннадцати уездах, именно, во всех уездах кроме Чигиринского, о котором не было собрано точных сведений. Всего в одиннадцати уездах пахотной земли под господскими полями 749 021 десятина, под крестьянскими 861 759 десятин, — крестьянам, как видишь, отвели помещики несколько больше, нежели оставили под своею запашкою, но разница эта вовсе не так велика, как ты принимал, положив отношение 5 : 3, ты считал, стало-быть, на сто десятин господской земли 166.66 крестьянской; а на самом деле, даже и под запашкою приходится только 115 десятин. В других же угодьях уже и совершенно не то, что предполагается твоим основанием выкладки. Например, сенокосной земли помещики предоставили крестьянам 187 366 десятин, а в своем исключительном пользовании оставили 260 124 десятины; таким образом, на 100 десятин господских лугов приходится только 72 десятины крестьянских. Разница в этом одном уже слишком покроет противную разницу в запашке: у крестьян пахотной земли на 112 тысяч десятин больше, нежели у помещиков; за то у помещиков на 73 тысячи десятин больше лугов, нежели у крестьян, а десятина луга гораздо дороже десятины пахотной земли. Стало-быть, если приложить к пахотной земле луга, то окажется по этим двум статьям вместе, что ценность земли, отведенной крестьянам, никак не больше ценности земли, оставленной помещиком в своем исключительном пользовании. А если ты не упустишь из виду леса и другие угодья, то окажется, что у помещиков в исключительном пользовании остается ныне гораздо больше земли, нежели сколько предоставлено ими крестьянам, и долг крестьян несравненно меньше того, как можно было бы предположить, не справившись с положительными данными. Как ты думаешь, например, каково это отношение в одиннадцати уездах Киевской губернии, о которых я представляю тебе точные цифры. Всего в этих одиннадцати уездах принадлежит к поместьям крепостным 3 149 611 десятин, из них предоставлено в пользование крестьянам под усадьбы, под пашню, под сенокос и пр. 11 194 381 десятина; остается в исключительном пользо-

вании у помещиков под помещичьими усадьбами, пашнями, сенокосами и другими угодьями, приносящими доход исключительно помещику, 11 955 230 десятин. Краснеешь ли ты теперь за свою погрешность? Чувствуешь ли, как она огромна и безбожна? Ты полагал, что из 80% в пользование мужику отдано 50%, а вот оказывается по одиннадцати уездам Киевской губернии, что мужику отдано 30.33%, а у помещика осталось 49.67%, т. е. почти как раз наоборот против того, что ты полагал. Ты скажешь, что в других губерниях, быть может, предоставлено мужику больше, нежели в Киевской. Быть может, а может и не быть; я тебе представил цифры, так не отвечай же ты мне пустым словом „может быть", — ведь я на него могу отвечать тебе таким же „может быть", именно так: таково отношение в Киевской губернии, где барщина вообще гораздо меньше, нежели в великороссийских губерниях, а в великороссийских губерниях, так как барщина там больше, то и часть земли, остающаяся в исключительном пользовании помещика, может быть еще больше, нежели в Киевской губернии. Согласись, что в моем „может быть" больше вероятности, нежели в твоем: мое основано на размере барщины, а твое ровно ни на чем не основано.

Посмотри же, в какой погрешности я тебя уличил: ты положил, что за выкуп крестьянской земли приходится 50% всей ценности поместья в издельных поместьях и 10% за выкуп обязательного труда, всего по твоему 60%. А я тебе доказал, что за выкуп земли причитается всего 30%, стало-быть и весь выкуп в издельных поместьях составляет только 40%. Какова твоя щедрость на трудовые деньги мужика? На целую половину ты наложил на него лишнего выкупа в издельных имениях. Побойся бога, мой милый, постыдись людей.

Хотел бы я точно так же переговорить с тобой и об оброчных имениях; и тут я утешил бы тебя не хуже того, как утешил разбором твоего выкупа в издельных имениях; но, повторяю, нет у меня времени для приискания справок: ты завалил меня работою, потому до поры до времени оставляю неприкосновенной принятую тобой пропорцию выкупа для оброчных имений: пусть будет выкуп их в 60% против всей ценности поместья. Довольно мне и представленных уже мной улик в твоих погрешностях; ты увидишь из расчета, прилагаемого мною к тем выкладкам, которые я произвел по твоему поручению, что единственно твоя неосмотрительная расточительность на рубли и

копейки, в которой я уличил тебя, заставила тебя желать прямого содействия от общества мужикам в деле выкупа. Если бы ты строго держался принятых тобою оснований для выкупа, то оказалось бы совершенно достаточным для быстрого выкупа всех крепостных крестьян с землею и угодьями такая добавочная подать на них, которую ты сам признаешь необременительной. Именно без всякого обмена выкупных облигаций на долги в кредитные учреждения, то есть, как ты называешь по первому способу выкупа, полный выкуп совершился бы: при подати в 3 р. 50 к. с души в девятнадцать лет с половиною, а при подати в 4 рубля с души — в шестнадцать лет с четвертью. По второму же твоему способу, т. е. с принятием облигаций в уплату долгов по кредитным учреждениям, выкуп всех облигаций и всего долга потребовал бы при подати в 3 р. 50 коп. с души только одиннадцать лет с четвертью, а при подати в 4 рубля с души — всего только девяти лет с половиною.

Из этого ты увидишь, что только нерасчетливость в рублях и копейках приводила тебя к мысли желать прямого пособия от общества мужикам в деле выкупа: ты справедливо говорил мне, что всякое имущество, как бы ни казалось [оно] огромно, легко и быстро выкупается или покупается трудом того сословия, которому оно нужно, лишь бы только ценность этого имущества не преувеличивалась неправильною оценкою. Ты не поостерегся ошибок, казавшихся тебе мало[ва]жными и только от того ценность имущества возросла, в твоем слишком щедром расчете, до размеров, несколько затруднивших тебя. Исправь свои недосмотры по моим замечаниям, и ты увидишь, что крепостные крестьяне со всеми своими угодьями могут выкупиться гораздо быстрее и легче, нежели ты предполагал, и убедишься, что обществу не будет никакой надобности делать пожертвования для облегчения им выкупа: выкуп, повторяю, очень легок для них самих без всякого пособия, лишь бы оценка была правильная.

Впрочем, не думай, чтобы ту оценку, которую произвожу я по твоим же основаниям, только поправляя твои недосмотры, мог я по совести назвать уже достаточно правильной. Выкуп по ней уже довольно легок для мужика, но я нахожу ее все еще очень много преувеличенной против истинной меры: основания, которые ты берешь для оценки, кажутся умеренны по сравнению с основаниями, какие принимаются у других, писавших о вели-

чине выкупа еще неосмотрительнее, чем писал ты; по сравнению с людьми гораздо более тебя расточительными на трудовые деньги мужика, ты представляешься справедливым к той и другой стороне, к помещикам и к мужикам; но от истинного беспристрастия ты все еще далек: к стороне помещиков ты склоняешься гораздо более, нежели на сторону мужиков.

Трудно было и ожидать от тебя чего-нибудь иного: ты издавно живешь исключительно в кругу людей образованных; в этом кругу очень много помещиков, можно сказать, что они составляют в нем большинство; но мужика нет в этом кругу ни одного; почти нет даже и таких людей, как ты, т. е. сколько-нибудь близких к мужику по своим родным воспоминаниям. Из тысяч людей образованного общества всего бывает два-три одинаковых с тобою по родственным связям; да и те сроднились с классом, их принявшим и отстали от класса, из которого вышли.

Я должен сделать тебе еще замечание о немедленной уплате и процентах долга, заключаемого с целью произвесть ее. Ты говоришь, что немедленная уплата выкупа необходима для мелкопоместных владельцев, которые затруднились бы ожиданием тиража. Это правда, но так как по займу для немедленной выдачи выкупа платится более высокий процент, нежели по облигациям, то не надобно забывать цели, с которою производится эта выдача и не следует увеличивать ее размеров выше необходимости. Большие владельцы непременно пользуются значительным кредитом, потому для них легко обождать тиража шесть или семь лет, а может быть и меньше. Мне кажется, что немедленная уплата всего выкупа или части его необходима только для помещиков, имеющих менее 500 душ; потому в своих выкладках, служащих дополнением к произведенным по твоему поручению, я для них оставляю такую уплату в пропорции принимаемой тобою, или еще высшей; для помещиков, имеющих от 500 до 1000 душ, немедленную выдачу я кладу только исключением на частные случаи в пользу лиц, по своим особенным обстоятельствам действительно нуждающихся в немедленном получении выкупных денег; что же касается больших владельцев, имеющих свыше 1000 душ, их значительный кредит ставит их в возможность оказать услугу обществу, дожидаясь полной уплаты выкупа посредством тиража.

Этим значительно уменьшается размер долга, делаемого для немедленной уплаты, а чрез то облегчается как уплата процен-

тов, так и самое заключение долга. О процентах долга я также должен заметить, что ты также принимаешь их слишком высокими. Ты не довольно постигаешь всю огромность лишних расходов, которые влечет за собою незначительная повидимому разность в одной или двух десятых частях процента.[36] Ты положил заем по 4.8%, между тем как облигации нашего $4^1/_2$%-ного долга стоят на Лондонской бирже al pari. Повышение в 0.3 процента, принимаемое тобою, слишком высоко. 4.6 процента на сто дают для $4^1/_2$ процентного займа курс 97.83. Два процента, составляющие разность этого курса наших $4^1/_2$-ных облигаций al pari, послужат уже слишком достаточным привлечением для негоциации такого займа, какой предполагается у тебя, то есть займа со скорым выкупом. Итак я полагаю, что довольно положить на иностранный заем по 4.6% вместо 4.8%, которые считаешь ты. Сверх того я думаю, что по крайней мере третья часть займа, нужного для немедленной уплаты выкупа, может быть реализирована привлечением капиталов нашего внутреннего рынка, для которых и 4% будут выгодным помещением, когда они помещаются так обильно в кредитные учреждения за 3%. Таким образом, в сложности внешний и внутренний долг будет обходиться не выше 4.4 процентов.

Замечу еще: ты очень односторонен в своем предположении об источнике доходов, из которого предполагаешь уплатить выкуп. Ты говоришь только об оброке или подати освобождаемых крестьян, иначе сказать, о поземельном налоге только на одну половину земель, находящихся при крепостных имениях, именно, землю, отходящую к крестьянам; между тем, поземельному налогу в равной степени может и вероятно будет подлежать также и другая половина этих земель, остающаяся за наделом крестьян у помещиков. Этот источник дохода, очень обильный, ты опускаешь из виду; если бы ты принял его в соображение, ты нашел бы возможность выкупу совершаться гораздо быстрее и легче. Предположив, что этот забытый тобою источник даст только одну половину того, что дадут крестьянские земли, — мы останемся далеко ниже истины, потому что земли, долженствующие давать этот забытый тобою доход, превосходят крестьянские земли и пространством и ценностью. Но даже и по этой слишком умеренной раскладке, выкуп облегчится и ускорится чрезвычайно значительно, именно в следующей пропорции:

При налоге на крестьянские земли, равняющемся подати в 3 р. 50 коп. на душу, остальная половина бывших крепостных земель даст по крайней мере 18 550 000 рублей в год, а всего с податью от крестьян (37 450 000) — 56 миллионов в год, и для уплаты процентов и погашения на каждую четверть года будет приходиться 16 000 000.

При такой уплате, полный выкуп всего долга и всех облигаций совершится по твоей оценке (80 р. выкупа за душу):

по первому способу (без всякого пособия со стороны общества мужикам) в $22\frac{1}{2}$ года. У тебя этот способ признавался совершенно не возможным;

по второму способу (с обменом облигаций на долги в кредитные учреждения в 15 лет). У тебя этот способ признавался неудобным, хотя и возможным, растягивая выкуп на 28 лет. Теперь он оказывается удобным.

При налоге в 4 рубля по первому способу в $17\frac{3}{4}$ лет. У тебя этот способ признавался невозможным.

По второму способу в $12\frac{1}{4}$ лет. У тебя этот способ растягивал выкуп на $22\frac{1}{4}$ года.

Столь же чувствительно облегчение для помещиков и для мужиков и при тех размерах выкупа, которые нахожу я более близкими к истинной ценности выкупаемых имуществ. При 63 р. выкупа на душу, по первому способу выкуп производится: при 3 р. 50 к. подати в $15\frac{3}{4}$ лет.

По прежней выкладке с односторонним налогом он требовал $27\frac{1}{2}$ лет и оказывался неудобным. Теперь он не только удобен, но и легок.

По второму способу в 10 лет. С односторонним налогом он требовал 17 лет.

При подати в 4 рубля. По первому способу в 13 лет. С односторонним налогом он требовал 23 лет.

По второму способу в $8\frac{1}{2}$ лет. С односторонним налогом он требовал 14 лет.

Наконец, при выкупе по 49 р. 25 коп. с души, выкуп производится:

при налоге в 3 р. 50 коп., по первому способу $11\frac{1}{2}$ лет. С односторонним налогом он требовал $19\frac{1}{2}$ лет.

По второму способу в $7\frac{1}{2}$ лет. С односторонним налогом он требовал $11\frac{1}{2}$ лет.

При подати в 4 р., по первому способу в $9^{3}/_{4}$ лет. С односторонним налогом он требовал $14^{1}/_{4}$ лет.

По второму способу только 6 лет. С односторонним налогом он требовал $9^{1}/_{2}$ лет.

Какой из этих способов, представляющихся легкими и совершенно удобными при последнем выкупе, наиболее близком к истине надобно положить наиболее легким для общества, для помещиков и для мужиков, я предоставляю судить другим. Мое дело — предложить выкладку, исполняя чужое поручение по данным основаниям, — много, много, если я найду у себя время и способность проверить эти данные. Судить о том, какие из вычисленных мною удобных способов допускаются финансами общества — этой смелости я не беру на себя: пусть рассудят другие, более меня сведущие.

Я сказал все, что умел сказать для облегчения важного дела, занимающего ныне всех русских, и мне остается только приложить к этим замечаниям выкладки, сделанные мною, как для исполнения твоей просьбы, так и для исправления твоих погрешностей. Не подосадуй на меня, любезный друг, за то, что я выставил наружу твои погрешности, — ты сам знаешь, что в важных делах, если сделал ошибку, то не надобно медлить ее исправлением.

Твой А. Зайчиков.

Сметы

составленные к статье г. Каракозовского бухгалтером г. Зайчиковым.

I

Предварительные понятия о сильном влиянии даже малых изменений в капитале, проценте и уплате на продолжительность платежа и величину суммы, выплачиваемой до полного погашения капитала.[87]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Заглавие в рукописи сделано рукой Чернышевского.

[2] В рукописи Чернышевским написан эпиграф: „Audiatur et altera pars", который его же рукой заменен переводом: „Выслушивай обе стороны".

[3] В рукописи: „по делу об отношениях мужика и помещика". Нами печатается с изменениями, внесенными Чернышевским в корректуру.

[4] В рукописи слова: „из двухсот" заменены словами: „из пятидесяти", что, в свою очередь, заменено Чернышевским в корректуре словами: „из двадцати".

[5] В рукописи слова: „до двух тысяч душ" заменены словами: „до тысячи душ", что, в свою очередь, заменено Чернышевским в корректуре словами: „до трехсот душ".

[6] В рукописи: „поступало мало: с 2000 душ человека три, много четыре в набор, за". Нами печатается с изменениями, внесенными Чернышевским в корректуру.

[7] В рукописи слова: „вместо 15 тысяч только 10 тысяч" заменены словами: „вместо 10 тысяч только 7 тысяч", что, в свою очередь, в корректуре заменено словами: „вместо 1500 только 1000".

[8] В рукописи слова: „пожертвовать четырьмя или пятью тысячами" заменены словами: „пожертвовать тремя тысячами", что, в свою очередь, в корректуре Чернышевским заменено словами: „пожертвовать пятью стами рублями".

[9] Мейер, Д. И. (1819—1856), юрист, либеральный профессор Казанского, затем Петербургского университета.

[10] Это предложение вписано в рукопись рукой Чернышевского.

[11] Отрывок со слов: „Отношения между помещиками" до слов „оттого, по необходимости я буду" — вставка, сделанная Чернышевским на полях корректуры. Эта вставка как бы заменила следующие слова, зачеркнутые в рукописи: „Г. Кошелев — помещик, я — крестьянин, я — благорасположен к помещикам, и потому не будет странно".

[12] См. и ср. программную статью — „Вопросы по сельскому благоустройству" в № 1 (янв.) за 1858 г. в журнале „Сельское Благоустройство" (стр. 2—6).

[13] Здесь кончается вставка. См. прим. № 11.

[14] Слова: „Остальные легко... главных начал" — вставка, сделанная Чернышевским в корректуре.

[15] Словами „вся крестьянская жизнь" кончается первая „форма" (восьмистраничный лист или половина первого печатного листа, принятого в „Современнике") корректуры, исправленной Чернышевским. Это последняя редакция статьи. Ее мы и брали для публикуемого нами текста. Далее идут

две „формы", оставшиеся без правки. Дальнейшее восстановление статьи нами производится по этим „формам" корректуры и рукописи.

16 Далее в рукописи Чернышевским зачеркнуты следующие слова: „Второй вопрос состоит в том, как поступать в случае, если нет возможности отмежевать господскую усадьбу от крестьянской? Этот вопрос может иметь два смысла: 1) слово «отмежевать» принято здесь быть может в значении разделить отдаленностью..."

Страница, на которой написан этот зачеркнутый отрывок, осталась наполовину недописанной. На верху следующего листка рукой Чернышевского написано: „продолжение статьи о Кошелеве".

17 Первоначально в рукописи была дана такая редакция: „Это дело жителей села Ивановки и больше никого, — будет их частным делом, разумеется, когда они получат от закона право самостоятельно распоряжаться собою и своими землями; доставить им..." Эта редакция в рукописи была заменена Чернышевским новой, которую мы и приводим („Это будет... как самостоятельные люди").

18 Дальнейшая часть текста статьи нами публикуется только по исправленной корректурной „форме", так как соответствующего листка рукописи не сохранилось.

19 „О крестьянских усадьбах", стр. 10—11 („Сельское Благоустройство", № 1, за 1858 г.).

20 Далее текст восстанавливается по корректурной „форме" и рукописи. Наверху листка рукою Чернышевского написано: „Продолжение ответов на вопросы Кошелева".

21 Та же статья, стр. 11.

22 Та же статья, стр. 13.

23 Далее в рукописи идет следующий отрывок, зачеркнутый Чернышевским: „У меня есть слуга, получающий восемь рублей жалованья в месяц. Как видно он с ч и т а е т это жалованье достаточным для себя, потому, что живет у меня; но если мы с ним начнем рассчитывать, какое жалованье может он считать достаточным для себя, я останусь в убытке. Восемь рублей серебром в месяц! Разве может быть достаточно этих денег для человека, у которого трое маленьких детей. Признаюсь я не понимаю, как м о ж е т мой слуга изворачиваться этими деньгами, а если его спросить об этом, он и подавно скажет, что восемь целковых в Петербурге на четверых мало. Потому то, как человек, понимающий свои выгоды, я не завожу с моим слугою речь о том, м о ж е т ли..."

24 Первоначально: „можно ли принять при наделении крестьян землею в соображение местные промыслы..." Начало этого предложения в рукописи было Чернышевским исправлено. В тексте мы и даем окончательную редакцию.

25 „Вопросы по сельскому благоустройству", стр. 3.

26 Та же статья, стр. 3.

27 Это предложение является вставкой, сделанной в рукописи рукой Чернышевского.

28 Далее идет отрывок („сообразно этому надобно... излишне отвечать"), вставленный в рукописи рукой Чернышевского.

29 „Вопросы по сельскому благоустройству", стр. 3.

30 Этими словами кончается отрывок. См. прим. № 24.

31 „Вопросы по сельскому благоустройству", стр. 3.

[32] На этом рукопись и корректура обрываются.

[33] Текст публикуется нами по рукописи, написанной рукой неизвестного нам переписчика, а в заключительной части рукой Чернышевского. Исправления сделаны рукой Чернышевского (мелкие из них не оговариваются). Им же на полях рукописи сделана надпись: „«Совр.», № V, корпусом". Корректура нам неизвестна.

[34] Слова: „На двести душ изделных считай сто душ оброчных; в оброчных" — вставлены Чернышевским в рукопись.

[35] И. И. Фундуклей — „Статистическое описание Киевской губернии". 3 чч., СПб., 1852.

[36] Далее в рукописи начинается текст, написанный рукой Чернышевского.

[37] На этом рукопись обрывается.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	3
Г. Бибиков. Новые данные о восстании Болотникова	5
Н. Чаев. Из истории крестьянской борьбы за землю в вотчинах Антониева-Сийского монастыря в XVII в.	25
А. Васильев. Документ о восстании 1650 г. в Пскове	67
К. Сербина. Несколько новых документов из истории восстания С. Разина	73
У. Шустер. Из истории восстания 1863 г. на Литве	85
М. П. Алексеев. Неизвестное описание путешествия в Сибирь иностранца в XVII в.	97
Н. Степанов. Материалы к истории холопства в Восточной Сибири в XVII в.	195
Б. Кочаков. Из истории народов Западной Сибири во 2-й половине XVIII в.	211
М. П. Вяткин. Путевые записки лекаря Зибберштейна	223
М. Б. К ликвидации поссессионных фабрик	259
В. Сушицкий. Неопубликованные статьи Н. Г. Чернышевского 1858 г. по крестьянскому вопросу	291

2015061536